

А. ВЕРБИЦКАЯ.

ВАВОЧКА.

РОМАНЪ.

А. Вербицкая.

ВАВОЧКА.

РОМАНЪ

въ трехъ частяхъ.

(„Жизнь“ 1898 г.)

Изданіе пятое.

Тридцатая тысяча.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., с. д.

Москва—1917.

I.

Андрей Васильевичъ Тихменевъ появился въ домѣ Ясневыхъ, когда Вавочкѣ было девять лѣтъ. Она живо помнитъ, какой онъ былъ хорошенькій студентъ, съ маленькой темной бородкой, такой тихонькій, ласковый; какъ онъ часто краснѣлъ, причемъ его пушистыя щеки напоминали дѣвушку. Мать Вавочки—Александра Львовна Яснева—давала уроки музыки сестрамъ Тихменева, и въ его семьѣ ее очень любили. Потомъ барышни, кончивъ гимназію, уѣхали съ матерью въ имѣнье, на югъ, а Андрей Васильевичъ остался, сдѣлался докторомъ, краснѣть пересталъ, но ходилъ къ нимъ все чаще, потомъ каждый день, и былъ все такой же тихій и ласковый.

Теперь Вавочкѣ девятнадцать лѣтъ. Она очень хорошенькая, высокая, стройная и худенькая, какъ статуя Діаны въ Эрмитажѣ, съ огромными, наивными глазами и чуднымъ цвѣтомъ лица. Удивительно хороши и ея волосы, пепельные, вьющіеся, словно посыпанные золотой пылью. На солнцѣ эта маленькая головка какъ бы горитъ въ ореолѣ высоко взбитыхъ кудрей. Знаменитый парикмахеръ Москвы, причесывая какъ-то на балъ Вавочку, сказалъ ей: «Чтобъ подобрать такую же искусственную косу, надо заплатить не одну сотню рублей. Ваши волосы рѣдкость.»

Александрѣ Львовнѣ сорокъ лѣтъ, но никто не дастъ ей больше тридцати. Она ростомъ гораздо ниже дочери, стройна, съ пышнымъ бюстомъ и тонкой таліей. У нея типъ венеціанки: горячіе, черные глаза, съ тяжелыми вѣками, матовый цвѣтъ лица, напоминающій желтизну дорогой слоновой кости, и густая, черная коса, съ тиціановскимъ краснымъ отблескомъ на солнцѣ. Когда онѣ идутъ рядомъ съ Вавочкой, всѣ принимаютъ ихъ за сестеръ. Многіе находятъ, что Александра Львовна и сейчасъ красивѣе дочери той зрѣлой, роскошной красотой, которая будитъ желанія.

Отца Вавочка совсѣмъ не помнитъ и знаетъ его только по портрету, который раньше висѣлъ въ спальнѣ у матери, а потомъ, давно уже, перенесенъ въ столовую. Вавочка очень похожа на него. Онъ былъ замѣчательно красивымъ офицеромъ и рано умеръ отъ чахотки. Мать была замужемъ ровно пять лѣтъ и

схоронила еще двухъ дѣтей, погибшихъ отъ туберкулеза мозга. За этихъ двухъ, оплаканныхъ и до сихъ поръ не вполнѣ забытыхъ сердцемъ матери, Александра Львовна еще страстнѣе привязалась къ своему единственному ребенку, чудомъ уцѣлѣвшему отъ рокового наслѣдственнаго недуга. Но дѣвочка была хрупка, и мать дрожала за ея жизнь.

Когда Вавочкѣ было десять лѣтъ, она чуть не умерла отъ дифтерита. Александра Львовна была близка къ безумію. Тихменевъ самоотверженно ухаживалъ за ребенкомъ. Дѣвочку спасли, но изстрадавшаяся мать съ тѣхъ поръ не знала покоя. Ей все казалось, что судьба унесетъ у нея и это послѣднее сокровище, и чувство къ дочери обратилось у нея въ какую-то болѣзненную страсть. Она ни въ чемъ не умѣла отказать ребенку. Иногда Тихменевъ осторожно намекалъ:—«Вы ей портите характеръ такимъ безразсуднымъ баловствомъ. Изъ нея выйдетъ эгоистка.» Александра Львовна соглашалась. Но стоило большимъ глазамъ Вавочки, голубымъ, какъ васильки, наполниться слезами и съ укоромъ взглянуть на мать, какъ та была уже опять вся куплена и уступала безъ оглядки.

— Я малодушна, безхарактерна, глупа, что хотите,—говорила она Тихменеву.—Но не могу я видѣть этихъ слезъ. Вы вспомните только ночи, когда она умирала... И почемъ я знаю? Можетъ быть, нынче, завтра ея уже не будетъ у меня. Какой-нибудь круппъ, сотрясеніе мозга... Ахъ, нѣтъ!.. Когда у васъ будутъ свои дѣти, вы меня поймете... Когда я подумаю только, что она умретъ внезапно, а я наканунѣ отказала ей, быть можетъ, въ пустякѣ... и заставила плакать... Ахъ, не будемъ объ этомъ говорить!

И Тихменевъ цѣловалъ ручки своей ненаглядной Саши и умолялъ ее успокоиться. Въ этомъ беззавѣтномъ чувствѣ къ дочери Тихменевъ видѣлъ ключъ къ пониманію этой всегда сдержанной, суровой съ виду, а въ сущности страстной души. Впрочемъ, онъ самъ любилъ Вавочку и баловалъ ее дорогими игрушками, конфетами, фруктами.

— Вы мнѣ ее въ конецъ испортите,—грустно говорила Яснева.

— Она такая прелесть!.. Зачѣмъ она не моя!—восклицалъ онъ съ затаеннымъ чувствомъ ревности къ прошлому любимой женщины.

И Вавочка тоже любила сидѣть на колѣняхъ доктора, слушать сказки, жаться личикомъ къ его груди, чувствовать, какъ его борода щекочетъ ей вѣки.

По двѣнадцатому году Вавочка поступила въ гимназію. Подготовили ее сообща мать и Тихменевъ. Дѣвочка была тупа, училась плохо, но, вѣдь, это такая скука—учиться! Мать огорчалась.

И въ кого она такая? Ни самолюбія, ни любознательности... Лѣнь и равнодушіе къ всему.

— Она еще дитя,—заступался Тихменевъ,—она слишкомъ тянется и потому развивается медленно... Потерпите.

Вавочка, съ своей стороны, раздражалась требовательностью матери и чувствовала къ ней все большую холодность. Конечно, она—дитя, и ей хочется веселиться.

И чѣмъ дальше, тѣмъ шло хуже. Вавочка оставалась въ классахъ. И талантовъ у нея не было. Скоро пришлось бросить и музыку, которая для дочки и матери всегда кончалась слезами.

— Это удивительно!—возмущалась Яснева наединѣ съ своимъ другомъ.—Я въ четырнадцать лѣтъ не только нашихъ классиковъ изучила, я знала Шатобріана, Гете, Шиллера и Гюго. А когда въ шестнадцать лѣтъ кончила курсъ, то уже ни копейки не стоила роднымъ. Да я не одна... Весь классъ у насъ былъ такой. А Вава? Дай Богъ, чтобъ она кончила курсъ къ двадцати! Но что у нея за душой,—ничего не знаю...

Тихменевъ чувствовалъ, что она права. И для него внутренній міръ дѣвочки оставался загадкой. Еслибъ еще она была сорванцомъ и шалуньей! Еслибъ подмѣтить въ ней избытокъ силъ, насмѣшливый умъ!.. Но дѣвочка росла скрытной, молчаливой, инертной. Это былъ маленькій звѣрокъ, любившій ѣсть, спать и грѣться у огня.

Вавочка была неряшлива. На ней все «горѣло», а къ иголкѣ у нея замѣчалось какое-то органическое отвращеніе. Она готова была идти въ гимназію съ рванымъ локтемъ или сидѣть при Тихменевѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Щепетильная мать преслѣдовала ее за этотъ недостатокъ.—«Вавочка, опять у тебя ногти грязные?»—слышалось каждый день.

— Ахъ, мамочка! Какъ это надоѣло!—И Вавочка прятала подъ столъ красныя ручки въ чернильныхъ пятнахъ.

Однако зоркій глазъ матери подмѣтилъ въ дѣвочкѣ рано просыпавшуюся хотя еще безсознательную чувственность. Вавочка сама искала случая сѣсть на колѣни къ Тихменеву, и Яснева готова была дать руку на отсѣченіе, что Тихменевъ съ удовольствіемъ цѣлуетъ свѣжія блѣдно-розовыя щечки дѣвочки. Она высказалась грубо, почти враждебно. Онъ сконфузился.—«Какой вздоръ!.. Она еще—дитя.»

— Не забудьте, что ей четырнадцать лѣтъ. Это опасный возрастъ. И, ради Бога... не мучьте меня.

Онъ взялъ ея руку и тихо притянулъ къ себѣ.

— Сознайся, Саша, ты ревнуешь?

Она вспыхнула.—Кого? Ее... или (она разсмѣялась сухимъ, короткимъ смѣхомъ)... или тебя?

— Обоихъ,—пошутилъ онъ съ грустью.

— Да... Мнѣ больно видѣть ваши ласки. Ко мнѣ, замѣть, она никогда не ласкается. Она меня не любитъ.

Вавочка подслушала весь этотъ разговоръ, это «*ты*» и задумалась... Она припомнила болтовню подругъ. Такъ вотъ что!.. Какъ же она раньше не замѣчала? Теперь ей доставляло удовольствіе жаться къ Тихменеву, который конфузился и не зналъ, какого тона держаться съ дѣвочкой. А Вавочка, дѣлая невинные глаза, исподтишка слѣдила, какъ мѣняется при этомъ лицо матери.

Но шли годы, и сила привычки дѣлала свое. Тихменевъ въ глазахъ Вавочки терялъ не только свою привлекательность, но даже полъ. Молодъ онъ или старъ, красивъ или нѣтъ, она никогда объ этомъ не думала. Она считала, что онъ, какъ мать и Анисья, и созданъ былъ только для того, чтобъ баловать ее и заботиться о ней. Изъ «дяди Андрюши» онъ, по требованію матери, давно сдѣлался «Андреемъ Васильевичемъ», и хотя онъ продолжалъ говорить ей *ты*, но прежней интимности и въ поминѣ не было.

Вавочка къ двадцатому году кончила курсъ съ грѣхомъ пополамъ. Въ умственномъ отношеніи она осталась той же «дитей», которое ничѣмъ не интересовалось. Сочиненія, какъ и задачи, давались ей туго. Она ничего рѣшительно не читала, кромѣ того, что задавалъ учитель русскаго языка, напримѣръ, *Записки охотника*, *Антона Горемыку*... Это былъ урокъ, неизбѣжная барщина, а не наслажденіе. По доброй волѣ Вавочка насилу одолѣла *Повѣсти Бѣлкина* и *Вечера на хуторѣ близь Диканьки*. Ей мать читала вслухъ, но черезъ полчаса вниманіе Вавочки утомлялось. Она блѣднѣла, зѣвала, распускала губы (по выраженію Ясневой)... Приходилось бросать. Дѣвочку тянуло изъ дома въ гости, на улицу. Въ то же время она не была исключеніемъ въ своемъ классѣ; большинство училось такъ, черезъ пятое въ десятое. Гимназія эта считалась аристократической, и ученицы были, по большей части, изъ буржуазныхъ семей: дочери докторовъ, адвокатовъ, дворянъ, богатыхъ купцовъ, рѣдко учителей. Изъ духовенства тамъ учились немногія. Изъ мѣщанъ того меньше. И колоритъ этой среды лежалъ на всемъ, проникая во всѣ отношенія ученицъ между собой—и начальства къ дѣтямъ. Учителя приходили въ отчаяніе отъ равнодушія и вялости дѣвочекъ. Строгость не помогала, да и не была уже въ ходу. Начальство твердило съ утра до вечера: «Мягче, пожалуйста мягче... Бѣдныхъ дѣтей надо щадить...» Александра Львовна съ изумленіемъ слѣдила за возраставшимъ уменьшеніемъ учебной программы. За какія-нибудь десять лѣтъ отъ нея не осталось и половины. И все чаще раздавались негодующіе голоса противъ естественныхъ на-

укъ. На что онѣ, въ сущности, нужны дѣвицѣ? Особливо ботаника... Оплодотвореніе, пестики, тычинки... Фи! Неизящно и даже неприлично для дѣвицъ. Ничего этого имъ не надо знать, онѣ должны быть женственны! То ли дѣло рукодѣліе, вышиваніе, рисунки по фарфору... А какіе цвѣты онѣ учатся дѣлать изъ шелка и бумаги! Многія достигаютъ виртуозности... Потомъ музыка, уроки пѣнія... Танцы... Ахъ, теперь такіе чудные танцы! Впереди драматическіе курсы... Вотъ что необходимо поощрять.

Онѣ росли такія нѣжныя. То голова болитъ, то зубы; то устали, наканунѣ танцуя въ клубѣ; то засидѣлись въ гостяхъ, и уроковъ готовить было некогда. Когда ихъ вызывали, онѣ отказывались отвѣчать, ссылаясь на нездоровье, просили времени на поправку. Имъ давали недѣлю. Но тутъ, какъ нарочно, свадьба подруги, свои именины, рожденіе сестры, чей-нибудь бенефисъ... О, ужасъ! Раздраженный учитель ставитъ единицу. Онъ ничего не хочетъ принять въ разсчетъ. Бѣдныя дѣти плачутъ, многія до истерики. Испуганныя классныя дамы бѣгутъ за валеріановыми каплями, расточаютъ утѣшенія. Ахъ, этотъ Семеновъ! До чего онъ желченъ! Онъ совсѣмъ не понимаетъ потребностей дѣтей.

Родители огорчены. Они ѣдутъ за объясненіями, вызываютъ инспектора, начальницу. «Такъ нельзя... Мы живемъ въ вѣкъ гуманности. Какія-нибудь шестнадцать лѣтъ... Развѣ можно требовать?» Начальство старается успокоить матерей. Желчному учителю дѣлаютъ выговоръ. О, конечно, въ деликатной формѣ! Онъ горячится, доказывая свою правоту. Десять лѣтъ назадъ такія выходки ученицъ были немыслимы. Нужна нравственная дисциплина. Онѣ не учатся, онѣ словно одолженіе дѣлаютъ, отвѣчая уроки. Ихъ надо воспитать съ идеей о долгѣ, объ обязанности...

— Э, Петръ Ивановичъ! Время иное,—слышится отвѣтъ.— Всюду послабленіе! Намъ отставать нельзя.

— О, да! Время иное,—иронизируютъ учительницы, собираясь покурить въ перемѣну часовъ.—Прежде кончали въ шестнадцать лѣтъ, теперь къ двадцати дай Богъ!.. А сочиненія? А отвѣты? Изъ-за каждой шестерки на экзаменѣ—исторія и объясненія съ начальствомъ. Ихъ надо щадить и переводить, во что бы то ни стало, если не хочешь непріятностей и открытой борьбы... Руки опускаются...

Жалуются и классныя дамы, конечно, втихомолку. Дѣвочки дерзки, своевольны и чѣмъ старше, тѣмъ хуже... О дисциплинѣ нѣтъ понятія. Учитель кричитъ, сердится, требуя вниманія. Ему въ отвѣтъ смѣются. Ахъ, все бы это еще ничего, еслибъ только онѣ были добрѣе! Но онѣ безпощадны. Бывало, какая связь возникала между классомъ и учителями, а еще болѣе классной дамой

послѣ семи лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ! Какія создавались прочныя привязанности въ стѣнахъ школы! Какія съ обѣихъ сторонъ сохранялись свѣтлыя воспоминанія! Дни послѣднихъ экзаменовъ, дни выпуска бывали полны волненія, горячаго горя, искреннихъ слезъ... Не разъ слезы стояли и въ глазахъ учителей, этихъ самыхъ желчныхъ и негуманныхъ людей, усталыхъ и раздраженныхъ. Теперь только слышишь: «Ахъ, противная гимназія! Ахъ, скорѣе бы конецъ!..» Привязанностей нѣтъ ни къ кому. И горе тѣмъ, кто боленъ, некрасивъ, бѣденъ, смѣшонъ! Ихъ вышутятъ безъ пощады, заклеймятъ презрѣніемъ. Уваженіе имъ неизвѣстно. Строгихъ боятся и ругаютъ за глаза; надъ слабыми и добрыми смѣются въ лицо.

При каждой гимназіи существуетъ общество, платящее изъ своихъ взносовъ за бѣдныхъ ученицъ условленную за обученіе плату. Но средствъ мало, надо организовать концерты, спектакли, вечера.—«Дѣти,—говоритъ начальница за нѣсколько дней до концерта,—среди васъ есть бѣдныя, которымъ нечѣмъ платить за себя. Ихъ исключатъ, если не будетъ денегъ. Помогите... Если каждая изъ васъ дастъ хоть по полтиннику, доброе дѣло будетъ сдѣлано.»

Но эти слова не проникаютъ въ дѣтскія души. Барышни бросаютъ рубли фотографу, на лакомства, на всякія удовольствія, но внести полтинникъ для бѣдныхъ ученицъ,—нѣтъ... Если дается балъ, онѣ идутъ танцовать. Но спектакль, или концертъ въ пользу бѣдныхъ—это скучно... Конечно, онѣ имѣютъ поддержку въ семьѣ. Онѣ безпрестанно слышатъ, что и такъ слишкомъ много развелось этихъ образованныхъ. Если нѣтъ средствъ, учись ремеслу, не садись не въ свои сани.

Да, ихъ чувствительность щадятъ. Дѣтямъ вредны тяжелыя впечатлѣнія. Молодость надо встрѣчать съ свѣтлой душой, съ неомраченнымъ горизонтомъ. Прочь все, что можетъ заронить сомнѣнія, отравить душу тоской! Картины чужого горя, слезъ, нужды... Придетъ и ихъ часъ когда-нибудь, узнаютъ все. А дастъ Богъ, и не узнаютъ. И до сѣдыхъ волосъ проживутъ безмятежно, какъ дѣти.

Въ одной изъ гимназій инспекторъ, въ сущности, очень добрый и порядочный человѣкъ, былъ настолько послѣдователенъ, что строго слѣдилъ даже за текстомъ пѣсенъ въ хоровомъ классѣ. Онъ вычеркнулъ изъ репертуара сказку *Контскаго*, гдѣ говорится о мужичкѣ-бѣднячкѣ, котораго «потискиваетъ нужда», и о богатеѣ-кащеѣ, который спитъ на сундукѣ, поминутно просыпаясь въ страхѣ за свои деньги. «Да, вѣдь, ее въ городскихъ школахъ поютъ,—удивилась учительница.—Она въ сборникѣ дѣтскихъ пѣсенъ *Рожнова* числится.»

— Что намъ до того, почтеннѣйшая Ольга Петровна? Намъ школы не указъ. Здѣсь дѣйствуютъ на нервы ребенка. Къ чему отравлять дѣтскія души картинами нужды и горя? А главное, это сопоставленіе богача съ бѣднякомъ... Зловредно такъ возбуждать противъ богатыхъ. Это уже, извините меня, соціализмомъ пахнетъ...

Мудрено ли, что «дѣтямъ» жизнь казалась вѣчнымъ праздникомъ, и что страсть къ зрѣлищамъ и удовольствіямъ росла въ нихъ съ годами? Александра Львовна на своей Вавочкѣ слѣдила за этимъ новымъ вѣяніемъ и упорно боролась съ нимъ. Но передъ школой и вліяніемъ среды она оказывалась безсильной.

— Нечего тебѣ за ними тянуться,—твердила она дочери, когда та плакала, что у нея старое пальто, а у Зои Прокофьевой и Маріанны Долговой каждый годъ новое.—Тѣ богачки, а я на твое воспитаніе каждый грошъ сама зарабатывать должна. Выростешь ты, также будешь уроки давать, а не танцовать напролетъ цѣлыя ночи, какъ Зоя.

— Вотъ еще!—огрызалась Вавочка.—Уроки давать!.. Я замужъ выйду...

Объ этомъ онѣ тамъ мечтали чуть ли не съ десяти лѣтъ. И чѣмъ бѣднѣе онѣ были, тѣмъ ярче и назойливѣе были ихъ мечты. Трудиться, зарабатывать—жалкая участь тѣхъ, кто не сумѣлъ пристроиться! Школа ихъ научила, что равенства нѣтъ и быть не можетъ; что бѣдноты надо стыдиться, какъ позорнаго клейма отверженника, а что богатству и имени всюду почетъ. Изъ двухъ конкурентокъ на золотую медаль она доставалась богатой, у которой есть связи, а не бѣдной стипендіаткѣ, за которую платило *Общество*. Бѣдняки всегда виноваты. Иначе и не можетъ быть.

— Мамочка, пусти меня къ Зоѣ. Она именинница... У нея нынче балъ,—просилась шестнадцатилѣтняя Вавочка.

— Балъ? Да что съ тобой, Вавочка? Кто же ѣздитъ по баламъ, не кончивъ курса?

— Всѣ... всѣ... У насъ Долговы каждую субботу въ докторскомъ клубѣ танцуютъ съ большими... съ офицерами...

— Ну, тамъ онѣ какъ хотятъ, а ты прежде кончи. Ты и безъ баловъ еле переползаешь изъ класса въ классъ. Да и въ чемъ тебѣ ѣхать? У меня нѣтъ средствъ тебя наряжать.

У Вавочки, дѣйствительно, ничего не было, кромѣ ея гимназическаго платья. Она плакала навзрыдъ, но на этотъ разъ мать осталась непреклонной. Годъ спустя, впрочемъ, по настоянію Тихменева, она, сшивъ дочери скромное, но миленькое платьице, повезла ее на вечеринку къ Зоѣ Прокофьевой. Но чопорная купеческая семья была ей такъ антипатична, что она рѣзко заяви-

ла:—«Никогда больше туда не поѣду. И тебя не пущу. Это не компанія тебѣ... Тѣмъ болѣе, что m-me Прокофьева визита мнѣ не отдала. И нечего на поклонъ къ нимъ ѣздить!»

А Вавочка, несмотря на искреннее горе, благодарила судьбу, что Зоѣ не приходитъ въ голову ее навѣстить. Гдѣ принять ее? Въ этой крохотной столовой? Или въ ея собственной комнатѣ, такой убогой, безъ мягкой мебели, безъ туалетнаго стола? Къ ней ходили только такія же бѣдныя: Маня Зимина да дочь учительницы пѣнія, Надя Корнева, которую на Рождество и Пасху отпускали изъ института къ матери.

Вавочка рано узнала цѣну своей красотѣ. Какъ-то разъ начальница устроила концертъ. Она выбирала для хора хорошенькихъ, полненькихъ, хотя и безголосыхъ ученицъ, и ставила ихъ въ первые ряды, и требовала, чтобъ онѣ всѣ пришли въ свѣтлыхъ платьяхъ, «всѣ»... А настоящихъ пѣвицъ съ хорошимъ слухомъ и голосомъ она забраковывала и, не стѣсняясь, кричала, что у Головиной бѣльмо на глазу, и она не поставитъ ее впередъ.

— Это моя лучшая ученица,—спорила учительница пѣнія.— А у Ясневой нѣтъ ни слуха, ни голоса... Почему она впереди? Это уже не хоръ выходитъ, а какая-то выставка.—Но эти протесты пропали даромъ.—«Она красавица,—твердила начальница,—а это главное.»—И Вавочку поставили въ первый рядъ.

Александра Львовна, уступая ея слезамъ, сшила ей тогда первое бѣлое платье. Тѣ же, кто, по недостатку средствъ, не могли сшить такого же, все-таки предпочли сказаться больными, лишь бы ихъ не считали бѣдными.

И вотъ, наконецъ, насталъ этотъ волшебный день выпуска!

Вавочка стоитъ въ залѣ гимназіи, въ группѣ подругъ, передъ священникомъ, который послѣ молебна говоритъ имъ напутственное слово. Она не слушаетъ. Она чувствуетъ на себѣ взгляды мужчинъ, этой черной толпы родственниковъ; взгляды, полные давно знакомаго ей выраженія восторга. Даже въ глазахъ пожилого красноносаго діакона и корректнаго рыжебородаго причетника она читаетъ одно и то же желаніе: расцѣловать ее. Ей смѣшно и пріятно. Она такъ прекрасна въ своемъ бѣломъ платьѣ! И всѣ кругомъ, въ бѣломъ, такія миленькія, чистыя, невинныя... Глазъ отдыхаетъ на этихъ румяныхъ щечкахъ, рядомъ съ сѣрыми увядшими лицами классныхъ дамъ и учительницъ. Священникъ кончилъ слово, инспекторъ начинаетъ свою рѣчь, прокашлявшись и дождавшись, пока «выпускныя» приложились къ кресту. «Какъ скучно! Когда же конецъ?» думаетъ Вавочка и разсѣянно разглядываетъ фасонъ бѣлаго шелковаго платья на Зоѣ. А эта Клавдинька! Какая она мастерица чесаться по модѣ съ такими жидкими волосенками... Надо у нея поучиться.

Инспекторъ кончилъ. Его рѣчь имѣла тотъ же смыслъ, что и напутствіе священника и прощальная бесѣда начальницы еще накануне. Точно всѣ сговорились... Курсы, трудъ, самостоятельность, ахъ!.. Это безспорно хорошо. Но еще лучше—бракъ. Быть женой, матерью—вотъ высшее счастье для женщины. Воспитаніе своихъ дѣтей—вотъ самая почетная дѣятельность... Выходите замужъ!.. «О да! Постараемся...» говорятъ смѣющіеся глаза Мани.

Награды, медали, похвальные листы, евангеліе въ синихъ переплетахъ—все это роздано. Актъ конченъ. «Поздравляемъ васъ! Будьте счастливы!..» говоритъ доброе начальство. Подъ звуки *Боже, Царя храни* шумный вздохъ облегченія проносится по залу. Толпа сзади колыхнулась и надвинулась впередъ, поглотивъ бѣлую группу. Какой чудный моментъ! Гулъ голосовъ выростаетъ разомъ. Звучатъ поцѣлуи, раскрываются объятія, отовсюду привѣтствія, веселыя восклицанія, молодой смѣхъ. Бѣлыя дѣвушки гордо улыбаются и смотрятъ поверхъ головъ вчерашнихъ учительницъ и классныхъ дамъ, словно не замѣчая ихъ горькихъ, либо жалкихъ улыбокъ. Старое сметается съ дороги легко и свободно, какъ ненужный хламъ... Ахъ, скорѣй бы новыя лица, новыя впечатлѣнія!.. Жизнь принадлежитъ имъ, смѣлымъ, здоровымъ, не знающимъ сомнѣній!

Александра Львовна съ трудомъ протискивается въ толпѣ къ дочери. Ея бѣлая фигурка переходитъ изъ объятій въ объятія. «Вавочка!» говоритъ Александра Львовна. «Поздравляю тебя!.. Будь счастлива, милая Вавочка!» Слезы дрожатъ на ея длинныхъ рѣсницахъ. Она отворачивается, вынимаетъ платокъ и растерянно пробуетъ улыбнуться. Ей вдругъ стало такъ жутко... Вѣдь, дѣтству Вавочки конецъ. Это было счастливое дѣтство. А впереди жизнь. Безпощадная, суровая... Что-то она ей дастъ? И она клянется въ душѣ сдѣлать все, все для ея счастья... принести ей въ жертву всѣ свои силы, чего бы ей это ни стоило!

Вавочкѣ неловко и досадно. О чемъ тутъ плакать? Ну, конечно, она будетъ счастлива... Иначе и быть не можетъ.

II.

Трудно было себѣ представить отношенія лучше тѣхъ, какія связывали Тихменева съ Ясневой за эти десять лѣтъ. Тихменевъ выросъ среди женщинъ, и воспитаніе это оставило неизгладимый слѣдъ на его мягкой натурѣ. Съ его потребностью любить онъ подчинился быстро энергичной Александрѣ Львовнѣ, которая складомъ души больше его походила на мужчину. Она сумѣла заботливостью и лаской замѣнить ему семью, безъ которой онъ скучалъ, кончивъ курсъ. И этотъ именно материнскій оттѣнокъ въ чувствѣ Ясневой всего болѣе привязалъ къ ней ея любовника.

Часто съ умиленіемъ онъ вспоминалъ, какъ въ первые безумно-счастливые дни ихъ сближенія онъ вышелъ разъ, рано утромъ (по условію), встрѣтить Ясневу по дорогѣ на урокъ. Она ждала его въ этотъ день обѣдать. Они встрѣтились въ глухомъ переулкѣ, гдѣ тянулись одни пустыри да заборы. Онъ съ восторгомъ, полный страсти, заглянулъ въ ея глаза. А она поднялась на цыпочки, чтобъ достать до его лица и, между его пылкими поцѣлуями, озабоченно спросила:—«Ты что больше любишь? Гуся или поросенка?» Онъ расхохотался отъ души, но былъ тронутъ. Вся она сказалась тутъ съ ея женственной заботой.

Съ перваго года онъ началъ столоваться у нея и съ ней же проводилъ всѣ свободные вечера. Они читали вмѣстѣ, нерѣдко за спорами досиживали до разсвѣта. Во всемъ, что не касалось спеціальности Тихменева, Яснева была начитаннѣе его. Недаромъ она была на курсахъ Герье и никогда не переставала интересоваться наукой и литературой. Въ послѣдніе годы оба они пристрастились къ шахматамъ.

Тихменевъ былъ лѣнивъ, не имѣлъ честолюбія и, какъ человѣкъ обезпеченный, не гнался за практикой. Подъ вліяніемъ Ясневой онъ написалъ свою диссертацію, давшую ему степень доктора медицины. Александра Львовна пробудила въ немъ также охоту заняться разработкой вопроса, интересовавшаго медицинскій міръ лѣтъ семь назадъ. Тихменевъ издалъ двѣ брошюры, которыя были перепечатаны въ медицинскихъ нѣмецкихъ журналахъ и сразу дали ему имя. Ему не было тридцати лѣтъ, когда въ обществѣ невропатологовъ на него указывали, какъ на восходящее свѣтило. Съ каждымъ годомъ практика его росла, но онъ ею тяготился. Александра Львовна за него была честолюбива, за него волновалась, огорчалась и торжествовала. «Я—твоя креатура», смѣялся онъ. Ей онъ и посвятилъ свои работы, и онѣ, изящно переплетенныя, красовались на почетномъ мѣстѣ, на ея письменномъ столѣ. Она отлично сознавала, что онъ съ его лѣнью, попавшись въ руки другой женщинѣ, несмотря на свою талантливость, никогда не выдѣлился бы изъ толпы. И своимъ вліяніемъ на него она гордилась.

Она ревниво слѣдила за его жизнью какъ внѣшней, такъ и внутренней, хотя отъ себя даже старалась скрыть эту ревность. Товарищи за глаза смѣялись, что Тихменевъ—подъ башмакомъ у бабы, и не имѣли съ нимъ близкихъ сношеній. Раньше, бывало, Тихменевъ за обѣдомъ осторожно намекнетъ, что его ждутъ вечеромъ. Его однокурсникъ—именинникъ, но онъ не засидится. Выпивка и винтъ его не прельщаютъ...

Она даже въ лицѣ измѣнится. Тамъ будутъ женщины... Онъ выпьетъ. У него нѣтъ характера.

— Ступайте, конечно,—сквозь зубы отвѣтитъ она. Но въ лицѣ ея столько мученія, столько недовѣрія въ бѣгломъ взглядѣ, который она бросаетъ на него украдкой, что охота идти исчезаетъ.—«Я не пойду, Саша,—вечеромъ говоритъ онъ, цѣлуя нѣжно ея руки.—Будемъ лучше читать, или поѣдемъ въ театръ.»

Но она споритъ, она играетъ въ великодушіе. Неужели онъ думаетъ, что она хочетъ его стѣснять?.. И слезы дрожатъ въ ея нервномъ голосѣ.

Ахъ, ничего онъ не думаетъ! Просто, ему всюду скучно безъ нея... И, оба счастливые, они ѣдутъ въ театръ.

Товарищи махнули на него рукой, но онъ и не желалъ лучшаго и былъ доволенъ своей судьбой. По мѣрѣ того, какъ угасала его страсть, эта мучившая его прежде жажда физической любви, въ его душѣ росла привязанность, вся сотканная изъ благодарности, привычки, изъ потребности любить самому нѣжно и быть любимымъ глубоко и вѣрно... Наконецъ у него съ Сашей было столько общихъ интересовъ, что никогда не думалъ онъ о пресыщеніи и безъ тревоги глядѣлъ впередъ.

Оригинальны были ихъ отношенія и въ другомъ. Случалось, что во время безработицы или болѣзни Вавочки Александра Львовна брала взаймы деньги у Тихменева, но затѣмъ расплачивалась аккуратно, какъ съ чужимъ. Ни разу не взяла она отъ него подарка мало-мальски цѣннаго. Даже въ такихъ мелочахъ, какъ извозчики, ужинъ въ ресторанѣ, билеты въ театръ, она платила половину. «Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь», смѣялась она. Сначала Тихменевъ восторгался этой гордостью, этой выдержкой. Затѣмъ онъ началъ раздражаться, находя, что это «мелочи»... Но Яснева не сдавалась. Его, какъ человѣка, избалованнаго съ дѣтства достаткомъ, возмущала часто и бережливость ея. Она это стала замѣчать въ послѣдніе годы, и это ее стѣсняло.

Почему они не женились? А!.. На это у нея были свои причины. Не разъ, особенно въ первые годы связи, онъ умолялъ ее объ этомъ; она отказывала мягко, но упорно. Она на восемь лѣтъ старше его. Когда она состарится, онъ будетъ еще въ цвѣтѣ силъ... Ахъ, нѣтъ! Этимъ шутить нельзя. Придетъ день, когда онъ полюбитъ другую и пожалѣетъ, что связалъ себя со старой женщиной. Нѣтъ!.. Она никогда не согласится стоять на его дорогѣ.

Это благородство уничтожало Тихменева. Изъ-за любви къ Сашѣ онъ охладѣлъ къ матери и сестрамъ, осуждавшимъ его связь, и онъ зналъ, что Ясневой это извѣстно.

— Къ чему огорчать твою мать?—сказала она ему разъ, увидавъ его разстроенное лицо, по прочтеніи письма изъ деревни.— Напиши ей, что я тебѣ будущности не испорчу...

Онъ былъ созданъ для семейной жизни, Яснева сознавала это съ болью. Она не могла видѣть безъ волненія, какъ онъ любовался чужими дѣтьми. «Этого счастья я ему никогда не дамъ», съ тоской думала она. И часто, когда онъ видѣлъ свою бодрую Сашу затуманенною, съ мрачнымъ взоромъ, устремленнымъ вдаль, онъ догадывался, что̀ заставляло ее страдать. Онъ нѣжно клалъ ея голову на свое плечо и, гладя ея лицо, шепталъ:—«Никогда, Саша, никого не буду я любить, кромѣ тебя...»

Вѣрила она ему, или нѣтъ? Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что вѣрила. И, чтобъ не мучить ее, онъ готовъ былъ всегда солгать, скрыть свое новое знакомство, появленіе интересной больной. Никогда онъ не сознался бы своей ревнивой Сашѣ въ смутныхъ грезахъ, которыя будило въ немъ встрѣтившееся на улицѣ красивое лицо дѣвушки; не сознался бы и въ мимолетныхъ желаніяхъ и вспышкахъ чувственнаго любопытства по отношенію къ другимъ женщинамъ... Вѣдь дальше желанія онъ не шелъ...

Когда Вавочка кончила курсъ, Яснева сняла дачу въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Въ этой мѣстности она жила шестое лѣто, и тамъ же у Тихменева была своя хорошенькая небольшая дачка. Жили они, конечно, врозь, но Тихменевъ столовался у Ясневой и, кромѣ пріемныхъ часовъ въ Москвѣ, проводилъ у нея цѣлые дни. Съ вѣковымъ чудеснымъ паркомъ у нихъ было связано столько отрадныхъ воспоминаній, что они спѣшили къ нему, какъ къ другу, старому и испытанному. На прогулку съ собой они сначала брали Вавочку. Но дѣвушка была глубоко равнодушна къ красотамъ природы, а исканіе ландышей, грибовъ и ягодъ только раздражало ее. Она не любила движенія безъ цѣли, уставала и скучала всѣми этими «идилліями».—«Что же тебѣ нужно?»—удивлялась мать, сама любившая природу страстно.—«Пустите меня къ Зоѣ»,—слышался постоянный припѣвъ.

Прокофьевы жили въ Петровскомъ паркѣ. Вавочку такъ и тянуло туда, а мать ея не имѣла теперь предлога отказывать ей въ этомъ, въ сущности, невинномъ удовольствіи.

Разъ какъ-то, послѣ обѣда, когда у Ясневыхъ на террасѣ пили чай, а хозяйка сидѣла за шахматнымъ столомъ, обдумывая мудреный ходъ, калитка скрипнула, и въ садикъ вошла высокая, смуглая дѣвушка.

— Зоя, милая!—крикнула Вавочка и кинулась навстрѣчу.

Зоя поздоровалась съ Ясневой, крѣпко пожала руку представленнаго ей Тихменева и такъ смѣло взглянула ему въ глаза, что онъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость и боязливо покосился на Александру Львовну.

Такъ и есть!.. Она зорко глядѣла на него. Онъ благоразум-

но опустилъ глаза на шахматную доску и не подымалъ ихъ вплоть до ухода гостьи.

Выпивъ чашку чая, Зоя объявила, что ей некогда, ее ждутъ тутъ недалеко знакомые... Завтра же она проситъ къ себѣ Вавочку на цѣлый день. Домой ее проводятъ.

— Кто это?—въ палисадникѣ спросила она, понизивъ голосъ и глазами указывая на Тихменева.—Вотъ прелесть!

— Да неужели прелесть?—удивилась Вавочка.

— Гдѣ же у тебя глаза? Что онъ, давно у васъ? Ухаживаетъ за тобой?

Вавочка расхохоталась.—Я его съ дѣтства знаю...

— Онъ—родственникъ вашъ? Пожалуйста, приведи его къ намъ завтра.

— Да онъ не пойдетъ никуда.

— Ха-ха!.. Бука развѣ?—Зоя нарочно смѣялась громко, задорно и съ нервными нотками. Тихменевъ чувствовалъ этотъ призывъ, но, наученный опытомъ прошлаго, не подымалъ глазъ.

— Это твой кузенъ?

— Н-нѣтъ...

— Женихъ твой?

Вавочка расхохоталась презрительно и звонко.

— Да для кого же онъ ходитъ?

— Они съ мамой друзья... ужъ давно.

— А-га!—Зоя прикусила губу. Въ этомъ короткомъ восклицанiи было, однако, столько значенiя, что Вавочка невольно опустила рѣсницы. Но Зоя ее оборвала.

— Пожалуйста, не строй такую глупую физiономiю! Ты знаешь мои взгляды?.. Я стою выше всѣхъ этихъ мелочей.

— Ахъ, да я нисколько...—храбрилась Вавочка, которая ужасно боялась казаться Зоѣ смѣшной и отсталой.

Дѣвушки вышли за калитку.

— Твоя мать совершенно права... Стыдиться, прятаться—все это провинцiализмъ... Тѣмъ болѣе, что она еще такъ хороша.

— Брови Вавочки приподнялись.—Мама хороша?

— Еще бы! Она почти красавица... Только знаешь?

И смѣлые глаза Зои сощурились и остановились на фигурѣ Тихменева съ страннымъ выраженiемъ.

— Что?—встрепенулась Вавочка, которую присутствiе Зои всегда электризовало.

— На твоемъ мѣстѣ я попробовала бы его отбить.

— От-бить?

— Ну да... Это заманчиво. И онъ навѣрное любитъ женщинъ.

— Почему ты это думаешь?—разсѣянно спросила Вавочка,

любуясь краснымъ шелковымъ зонтикомъ подруги: «Рублей шестнадцать стоитъ навѣрное... Счастливица!»

— Ахъ, знаю!—разсмѣялась Зоя.—У меня на это чутье... По одному тому, какъ онъ взглянулъ мнѣ въ глаза, когда насъ знакомили... Ну, Вава, если будешь зѣвать, я сама займусь флиртомъ съ твоимъ... родственникомъ... Вообще, милая, ты глупа.

— Чѣ-ѣмъ?—обиженно протянула Вавочка, шагая рядомъ съ подругой по пыльной дорогѣ и разглядывая искоса новый фасонъ кофточки на Зоѣ.

— Будь я такъ хороша, какъ ты... о, Господи! Чего бы я только не натворила!.. А у тебя вся жизнь между пальцевъ пройдетъ... Тебѣ сколько лѣтъ?

— Скоро двадцать,—уныло созналась Вавочка.

— Вотъ видишь! А ты еще ни разу влюблена не была... Да у тебя совсѣмъ нѣтъ настоящихъ поклонниковъ.

— Будутъ тутъ поклонники, когда на помочахъ водятъ,—вдругъ заворчала Вавочка. Она разглядѣла на Зоѣ черные шелковые чулки съ красными стрѣлками, и ей стало такъ обидно за собственную бѣдность, что она сдѣлала надъ собой огромное усиліе, чтобъ не расплакаться.

— Э, все это вздоръ! Ты не маленькая... Думаешь ты, и меня не водили бы на помочахъ, еслибъ я не выказала характера? Ахъ, Вава! Флиртъ, флиртъ! Для меня безъ него нѣтъ жизни!.. Головы только не надо терять... Впрочемъ, ты этого не поймешь... Ты рыба....

Разставаясь у калитки парка, Зоя опять заиграла своими сѣрыми глазами.—Попробуй силы, Вавочка... Берегись, жизнь пройдетъ зря...

— Вотъ еще!.. Чтобы ссориться съ мамой?

— Что-жъ?.. Ты будешь права... Каждый за себя...

Эти слова запали въ душу Вавочкѣ. На дачѣ было такъ нестерпимо-скучно! Жизнь совсѣмъ не давала тѣхъ сильныхъ ощущеній, о которыхъ твердила Зоя. Отчего же не пококетничать? Немножечко, тихонько, такъ, чтобъ мать не видала... Онъ ее боится, а она, вѣдь, ревнивая. Вавочкѣ вдругъ съ странной яркостью вспомнился вечеръ десять лѣтъ назадъ, это *ты*, подслушанное ею и давшее ей ключъ къ разгадкѣ отношеній между матерью и ея другомъ, весь тотъ разговоръ... О, да! Теперь не дочь будетъ она ревновать, не ея ласку, отданную чужому... Но выйти замужъ за него—фи!.. Какія-нибудь десять тысячъ въ годъ, когда ей нужны блескъ, роскошь, такая дача, какъ у Прокофьевыхъ, туалеты, какъ у Зои...

И скука дѣлала свое. Вавочка подтянулась при Тихменевѣ,

стала слѣдить за своимъ туалетомъ. Она съ удивленіемъ замѣтила, что Тихменевъ, дѣйствительно, красивъ и одѣвается прекрасно. Сколько ему лѣтъ?

Она спросила его объ этомъ разъ, безъ матери. Онъ, смѣясь, отвѣтилъ:—Тридцать два года, Вавочка. Вѣдь я—старикъ?

И при этомъ посмотрѣлъ на нее такъ странно... Или это ей показалось?

Вообще, ей что-то начало казаться необычайное... Или же она просто не замѣчала этого раньше? Она часто ловила на себѣ взглядъ Тихменева, долгій, загадочный, горячій... Подъ этимъ взглядомъ она начинала розовѣть, подтягивалась вся сразу.

Часто, когда мать выходила изъ комнаты, онъ заговаривалъ, шутилъ, бралъ ея руку.

— Какая ты стала хорошенькая!—сказалъ онъ ей разъ.

«Должно быть, Зоя не ошиблась. И онъ, правда, бѣдовый», подумала Вавочка. И въ ней заговорило давно забытое любопытство.

Разъ, въ чудесный іюльскій вечеръ, Вавочка облокотилась на террасу и задумчиво стала смотрѣть въ поле, золотившееся въ лучахъ заката. Мать вышла зачѣмъ-то, и Вавочка, не оглядываясь, почувствовала, что Тихменевъ глядитъ на нее. «Сейчасъ подойдетъ», подумала она. И онъ, дѣйствительно, подошелъ, влекомый неудержимымъ порывомъ. Онъ облокотился на балюстраду, но глядѣлъ не въ поле, а въ лицо Вавочки, которое при этомъ освѣщеніи было такъ прекрасно, такъ нѣжно, розовато-бѣлое, какъ лепестокъ чайной розы. Онъ глядѣлъ въ ея зрачки, гдѣ ярко отражался огнистый закатъ.

— О чемъ ты задумалась?—спросилъ онъ тихо-тихо.

Она заговорила съ тоской о томъ, что жизнь уходитъ и такъ безцвѣтно... Вѣдь ей скоро двадцать лѣтъ. Всѣ веселятся, выѣзжаютъ... «Я знаю, мы бѣдны, мама трудится... Я ничего не прошу,—трогательно прозвенѣлъ ея голосокъ.—Но мнѣ такъ скучно, ужасно скучно!.. И неужели дальше будетъ все то же?»

Онъ тихо взялъ ея теплую ручку и тоже сталъ глядѣть въ залитую солнцемъ даль.

Странно!.. Онъ чувствовалъ себя потрясеннымъ, взволнованнымъ глубоко... Отчего эти дѣтскія рѣчи нашли отзвукъ въ его душѣ? Онѣ какъ бы проникли въ самые тайники его сердца и разбудили тѣ смутныя грезы, тѣ слабыя, но жуткія желанія, что спали подъ спудомъ и которыя онъ боялся расшевелить... Неужели онъ самъ еще такъ молодъ? Неужели это избытокъ силъ? Вѣдь ему за тридцать лѣтъ... Да, жизнь уходитъ, вся сотканная изъ такихъ тихихъ радостей, такая сѣренькая, одноцвѣтная... Гдѣ блескъ? Краски?.. Гдѣ волненія? Страсть?.. Исчезли... давно...

Молча, потрясенный взрывомъ проснувшихся силъ, онъ простоялъ такъ плечомъ къ плечу съ Вавочкой и все глядѣлъ въ даль.

Послышались шаги. Они оба, не сговариваясь, отшагнулись другъ отъ друга, какъ сообщники.

Яснева сразу замѣтила смущенное лицо Тихменева, его новое выраженіе. Все дрогнуло въ ней. Она подозрительно оглянулась на дочь. Вавочка съ тѣмъ же грустнымъ личикомъ спустилась въ садъ. Александра Львовна сѣла за столъ и съ нѣмымъ вопросомъ глядѣла на Тихменева. Посмотрѣлъ и онъ на нее.

«Какъ онѣ непохожи!» думалъ онъ. «Но почему это она такъ поблѣднѣла?»

— Она тебѣ говорила что-то?—прошептала, наконецъ, Александра Львовна.

Тихменевъ съ жаромъ началъ объяснять, что дѣвочку жаль. Жизнь ея безцвѣтна, ей надо развлекаться... И развѣ нѣтъ дешевыхъ удовольствій? Она такъ трогательно говоритъ, что ей «ужасно скучно...» У него сердце сжалось за бѣдняжку. Въ самомъ дѣлѣ... Не обидно ли съ такой красотой жить въ тѣсной рамкѣ?

— Что за особенная красота? Пожалуйста, не вздумайте ей вбивать это въ голову! Она и такъ пуста не по лѣтамъ... И что за «несправедливость судьбы» быть бѣднымъ? Въ чемъ тутъ несчастье? Какъ-будто другія не умѣли быть счастливыми въ трудѣ и въ нуждѣ даже? Какіе странные взгляды!

Тихменевъ понялъ по этому враждебному новому тону, что сдѣлалъ ошибку.—Видишь ли, Саша,—мягко началъ онъ,—ты меня не поняла...—И онъ продолжалъ уже осторожнѣе свою защиту молодости и ея правъ на счастье. Александра Львовна слушала съ горькой складкой у губъ.

Она не даромъ вздрогнула, увидавъ его лицо. Его новый жаркій тонъ, эти плохо скрытыя нотки сожалѣнія къ Вавочкѣ и укора... Кому? Ей, работавшей, какъ батракъ, всю жизнь на эту дѣвочку.... Бываютъ такія минуты въ жизни... Разомъ какъ-то—положимъ, на одинъ мигъ—но мелькнетъ предъ нами будущее, какъ далекій сонъ, какъ неясное предчувствіе... Это впечатлѣніе забывается. Его такъ хочется забыть...

Проходятъ годы... И вотъ наступаетъ Неизбѣжное. Воспоминаніе объ этой минутѣ ясновидѣнія ярко встаетъ въ душѣ, и мы говоримъ съ отчаяніемъ: «Ахъ, мы этого ждали давно!»

III.

На другое утро, зайдя выпить кофе, Тихменевъ предложилъ ѣхать втроемъ въ загородный садъ «Фантазію». Лицо Вавочки вспыхнуло отъ удовольствія. Александра Львовна согласилась

такъ быстро, что даже удивила Тихменева, который приготовилъ нѣсколько доводовъ за эту поѣздку. Онъ зналъ взгляды Саши. Жить на дачѣ съ такимъ паркомъ подъ рукой, это уже источникъ неисчерпаемыхъ удовольствій. Какъ-то дико ѣхать въ загородный садъ, глотать пыль и слушать пошлую музыку, когда въ палисадникѣ пахнетъ розами, а въ полѣ и паркѣ—такая дивная тишина!

«Почему же она такъ быстро согласилась?»

Онъ вспомнилъ ея лицо во время вчерашняго разговора и вдругъ почувствовалъ, что ему какъ-то жутко.

Они поѣхали. Погода выдалась чудесная. Пришлось взять двухъ извозчиковъ. Вышло такъ, что, садясь въ пролетку, Вавочка обернулась къ Тихменеву, который готовился подсадить Ясневу.

— Вы развѣ не со мною?—наивно спросила дѣвушка.

Онъ молчалъ въ нерѣшимости.

— Садитесь,—сквозь зубы, не глядя на него, сказала Яснева, дѣлая шагъ назадъ, чтобы дать ему дорогу.

Она ѣхала за ними по пыльному шоссе, машинально разглядывая дачи, мелькавшія изъ-за деревьевъ, отъ пыли ставшихъ сѣрыми и жалкими, и думала: Какъ онъ это сказалъ? «Съ ея красотой»... Значитъ, онъ давно замѣтилъ ея красоту? И молчалъ... А развѣ она была хуже дочери?... И ей подобало трудиться и терпѣть лишенія... А для Вавочки это несправедливо и жестоко?

Она чувствовала невыносимую тяжесть на душѣ. Надо шутить, дѣлать веселое лицо. Нельзя показать, что ей жутко, больно... Да... больно такъ, что хочется крикнуть! Нельзя дать имъ догадаться... Но ни говорить, ни улыбаться она не могла себя принудить. Это было выше ея силъ.

Когда они брали билеты у кассы, Тихменевъ спросилъ ее:

— Отчего у васъ такое лицо? Вы больны?

Она такъ и впилась взоромъ въ его черты, ловя въ нихъ то дивное выраженіе нѣжности, какое она привыкла видѣть при первой тѣни, омрачавшей ея лицо. Да, эта нѣжность была и сейчасъ, ошибиться было невозможно. Но (ей вдругъ стало холодно)... она подмѣтила въ его улыбкѣ что-то виноватое, растерянное... Развѣ онъ въ чемъ-нибудь уже провинился передъ нею?

— У меня мигрень, не обращайте вниманія,—отвѣтила она, отворачиваясь.—Поручаю вамъ Вавочку, развлеките ее...

О!... Онъ добросовѣстно исполнилъ возложенныя на него обязанности... Онъ самъ словно помолодѣлъ на десять лѣтъ въ обществѣ своей юной дамы. И, надо сознаться, Вавочка была обворожительна. Въ своей простенькой соломенной шляпкѣ съ розами, въ розовой кофточкѣ и скромной накидкѣ она давала настроеніе весенняго дня, и всѣ оглядывались на нее съ улыбкой восхищенія.

Это былъ ея первый выѣздъ за городъ. Все ее удивляло, все вызывало легкіе восторженные крики... Странно волновала Тихменева эта душевная молодость... Какъ онъ завидовалъ этой новизнѣ «всѣхъ впечатлѣній бытія»!.. И какимъ старымъ-старымъ почувствовалъ онъ себя рядомъ съ этой дѣвочкой черезъ какіе-нибудь полчаса нервнаго возбужденія!

Въ театрѣ, гдѣ шла оперетка, они всѣ сидѣли рядомъ, а въ антрактахъ Александра Львовна, отговариваясь усталостью, опускалась на скамью. Они же вдвоемъ бродили въ толпѣ или бѣжали къ эстрадамъ послушать куплетиста, хоръ пѣвицъ, или посмотрѣть головоломныя штуки гимнастовъ. Вавочка была такъ жадна къ впечатлѣніямъ, что совсѣмъ затормошила своего кавалера. И ему почему-то было очень досадно, что она не обращаетъ на него никакого вниманія. Онъ нѣсколько разъ ловилъ себя на томъ, что крѣпко прижималъ локтемъ руку дѣвушки и тискалъ нервно ея пальцы. Но ни одного хотя бы еле-уловимаго движенія въ отвѣтъ.

— Вавочка,—взмолился онъ,—да ты хоть бы разъ улыбнулась мнѣ!

— Ахъ, милый Андрей Васильевичъ!.. Если бы вы знали, какъ мнѣ весело!

— Это я такъ сдѣлалъ, Вавочка... Ты меня должна за это полюбить...

Онъ самъ не узнавалъ своего голоса. «Что за гнусность такая!.. Неужели я способенъ строить куры этому ребенку?»

— Я и такъ васъ люблю... дядя Андрюша,—безпечно засмѣялась Вавочка.

«Люблю»... сказанное такимъ тономъ... Какая насмѣшка! Ему вспомнилось невольно это слово въ устахъ женщины, любившей его столько лѣтъ... И онъ почувствовалъ раскаяніе... Она сидитъ тамъ, одинокая и навѣрное-навѣрное страдающая отъ его равнодушія (какъ онъ самъ сейчасъ страдаетъ отъ равнодушія этой бѣлокурой дѣвочки, всплыла было мысль, но онъ прогналъ ее съ досадой). Мигрень—вздоръ... Но тогда что же? Неужели ревнуетъ?.. Онъ вспомнилъ опять, какое у нея было лицо вчера. «Стало быть, она меня, *меня* ревнуетъ, а не чувство дочери, какъ тогда, въ дѣтствѣ Вавы... А можетъ, и тогда было другое? Но, вѣдь, это же безуміе, бредъ»...

«А кто знаетъ?» шепталъ голосъ въ тайникѣ его *я*. «Развѣ не ты дорóгой любовался кожей Вавочки, ея чувственнымъ ртомъ, ея свѣжестью? Не ты ли сейчасъ прижималъ ея руку и съ трепетомъ ждалъ отвѣта? Не у тебя ли дрогнулъ голосъ, когда ты просилъ *полюбить тебя*?»—«Ну да, да... Всѣ мы—звѣри», сознал-

ся онъ себѣ. «На всѣхъ надо узду... И она права, если ревнуетъ»... И ему стало больно за свою Сашу, за эту красивую женщину, которую онъ недавно еще любилъ такой всепоглощающей страстью. Ему еще больнѣе стало за себя возлѣ этой равнодушной дѣвочки. И вдругъ ему стало скучно съ Вавочкой и потянуло къ Александрѣ Львовнѣ.

А она сидѣла въ полумракѣ одна и, прижмуривъ тяжелыя вѣки, думала... «Вотъ-вотъ онъ, кошмаръ всей моей жизни... Бѣлокурый, розовый кошмаръ, сверкающій молодостью и улыбками...» Сколько разъ за эти десять лѣтъ она думала о томъ, какъ она состарится, и Тихменевъ начнетъ мечтать о другой! Она представляла себѣ такъ часто эту соперницу, непремѣнно высокую, непремѣнно бѣлокурую, какъ Вавочка... и равнодушную... О, да! *Такъ* любить его уже никто не будетъ. Роли перемѣнятся... Ахъ, не дочери она испугалась! Не можетъ Вавочка, ея возлюбленная дѣвочка, разбить сердце матери. Но недалека та минута, когда явится настоящая соперница, юная, торжествующая, безпощадная... И съ веселымъ смѣхомъ, шутя, разобьетъ ея жизнь...

Тихменевъ вернулся, полный нѣжности. Онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ пристально глядятъ мужчины на изящное лицо Ясневой. Эти чужія желанія зажгли въ его крови угасшую искру страсти.

Онъ предложилъ поужинать. Сидя за отдѣльнымъ столикомъ со своими дамами и потягивая вино, онъ жаловался Александрѣ Львовнѣ на Вавочку. Она просто затормошила его. Нѣтъ... Видно, онъ для нея старъ. Надо ей найти болѣе подходящаго кавалера.

Вавочка, какъ истая лакомка, вся ушла въ смакованіе какого-то диковиннаго сотэ изъ рябчика и обращала на Тихменева еще меньше вниманія, чѣмъ прежде. А Яснева словно оттаяла, видя загорѣвшіеся глаза Тихменева, чувствуя его пожатіе украдкой отъ дочери. Камень, не дававшій ей дышать свободно, словно скатывался съ груди. Кошмаръ исчезалъ.

На обратномъ пути Тихменевъ взялъ коляску. Александра Львовна поняла его побужденіе и совсѣмъ успокоилась.

Ночь была теплая, лунная. Удивительная ночь! Яснева, всегда сдержанная, на этотъ разъ не могла, да и не хотѣла скрывать своего восторга.

— Какое сказочное освѣщеніе! Сколько поэзіи!.. Вавочка, взгляни направо!

Но Вавочка была невмѣняема. Она дремала.

Взявшись крѣпко за руки и глядя близко въ глаза другъ другу, они ѣхали молча, полные глубокой, словно воспрянувшей любви и... глубокой печали.

Анисья ждала ихъ съ самоваромъ. Тихменевъ попросилъ стаканъ чаю. Вавочка побѣжала наверхъ.

— Разскажи,—просила Сонька, которая не спала, поджидая ихъ возвращенія.

— Отстань! Отстань!.. Завтра...

Вавочка замахала руками, сорвала съ себя платье и бросила его на полъ. Черезъ минуту она уже спала. Она любила спать.

Сонька была тринадцатилѣтняя золотушная дѣвочка, съ хроническимъ насморкомъ и тупымъ взглядомъ косящихъ глазъ. Она жила на полномъ пансіонѣ у Ясневой, которая билась изъ всѣхъ силъ, чтобы подготовить ее въ институтъ. Отцу—крупному заводчику, холостяку и жуиру—подраставшая дочь мѣшала. Она и тутъ всѣмъ мѣшала. Порочная, лѣнивая, жадная на ѣду и хитрая, она крала сахаръ и варенье изъ буфета, подслушивала у дверей и была мученьемъ не для одной Ясневой. Дѣвочкѣ доставляло удовольствіе дѣлать всѣмъ непріятное.

А на террасѣ было такъ хорошо. Самоваръ тихо брюзжалъ, кончая свою пѣсенку. Ночныя бабочки, задѣвая по лицу Тихменева бархатными крылышками, летѣли на огонь лампы и бились въ кругу свѣта, трепеща отъ наслажденія. Табакъ на грядкахъ смѣло поднялъ свои бѣлыя головки, словно слушалъ, что говоритъ ночь, и, не скупясь, лилъ въ неподвижный воздухъ волны одуряющаго аромата. Далеко въ серебряномъ полѣ кричалъ коростель, и было что-то трогательное и безконечно грустное въ его унылой ноткѣ. Лѣсъ чернѣлъ, полный тайны, полный сказки... А откуда-то, съ дальней дачи, неслась пѣсня подъ гитару, то замирая, то вспыхивая. Пѣсня тоски и страсти.

Яснева и Тихменевъ подали другъ другу руки и молча поднялись, словно сговорясь. Онъ взялъ шляпу и трость, она накинула на плечи платокъ, разбудила Анисью и велѣла убирать со стола и запереть террасу. Они пошли по бѣлѣющей въ лучахъ луны дорогѣ, мимо серебряной травы и цвѣтовъ, туда, гдѣ стоялъ черный лѣсъ, полный тайны и сказки...

Сверху, изъ оконъ мезонина, Сонька глядѣла имъ вслѣдъ своими косыми глазами.

Уже свѣтало, холодная луна ушла за лѣсъ, и туманъ шатался надъ полемъ, когда Александра Львовна подошла къ калиткѣ своей дачи. Тихменевъ на прощаніе заглянулъ ей еще разъ въ глаза и горячо поцѣловалъ розовую ладонь ея руки.

Все спало кругомъ, даже собаки не заворчали на ихъ шаги. Исчезли и сторожа со своими колотушками. Только на скрипъ калитки Сонька сползла съ постели и слѣдила косыми глазами за этимъ нѣмымъ и жаркимъ прощаньемъ.

IV.

Александра Львовна долго потомъ вспоминала эту упоительную ночь. Давно-давно она не видала Тихменева такимъ влюбленнымъ, нетерпѣливымъ, страстнымъ. За послѣдніе годы она такъ привыкла къ его ровной и глубокой нѣжности, что теперь ее поразила эта странная нервность. И чѣмъ больше она думала объ этомъ, тѣмъ сильнѣе росла тревога въ ея душѣ.

Тихменевъ, дѣйствительно, съ того вечера сталъ неузнаваемъ. Часы нервной веселости смѣнялись у него днями апатіи и хандры, этихъ ненавистныхъ и непонятныхъ для энергичной Ясневой настроеній. Тщетно пробовала она разбудить въ Тихменевѣ интересъ къ начатой серьезной работѣ. Онъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ возражалъ ей, что усталъ, что слишкомъ долго жилъ кабинетной жизнью, и что пора ему встряхнуться... Вообще его кротость исчезла, онъ становился раздражительнымъ.

«Начинается», поняла Александра Львовна съ болью и ужасомъ. «И неужели онъ совсѣмъ уходитъ отъ меня?»

Она удвоила заботы и ласки. Но Тихменевъ ускользалъ отъ нея постоянно. То засидится въ Москвѣ, то уйдетъ одинъ бродить въ паркъ. И все молчитъ-молчитъ... За этотъ мѣсяцъ Яснева осунулась и постарѣла. Никогда она не была кокеткой, но тутъ невольно, изучая передъ зеркаломъ слѣды тревоги и печали на своемъ лицѣ, она говорила себѣ, что дурнѣть теперь нельзя, нельзя... Это будетъ хуже всего!

Въ такомъ настроеніи она даже радовалась переѣзду въ Москву. Обыкновенно же она покидала дачу съ тоской. Вавочка была въ восторгѣ. Ей давно опротивѣлъ паркъ, ихъ семейныя прогулки, все это чинное Разумовское, гдѣ въ десять часовъ дачники тушили огонь, гдѣ не было баловъ и развлеченій. Тихменевъ замѣтно оживился.—«Пора намъ съ вами пуститься въ свѣтъ»,—шутилъ онъ и предложилъ Ясневой цѣлый рядъ сезонныхъ удовольствій и на первомъ планѣ театръ.

— Я разорюсь,—протестовала Александра Львовна. Но Тихменевъ настаивалъ, Вавочка умоляла. Яснева условилась, чтобъ мѣста брались дешевыя. Скрѣпя сердце, она выходила изъ бюджета.

Впрочемъ съ перваго же мѣсяца она поняла, что придется взять еще частный урокъ рублей на сорокъ, чтобъ свести концы съ концами. Двухъ шерстяныхъ платьевъ для Вавочки было недостаточно... «Они всѣмъ примелькались»... А когда дѣвочка возобновила сношенія съ домомъ Зои Прокофьевой, то у нея оказался свой «милліонъ терзаній».

Зоя праздновала въ сентябрѣ день рожденія. Предполагался

на этотъ разъ не вечеръ съ танцами, какъ было всѣ эти годы, а настоящій *балъ*... Это сообщила Маня Зимина и при словѣ *балъ* сдѣлала серьезные и круглые глаза. Вавочка всплеснула руками, порабощенная этой картиной. Два дня она мучилась, поджидая отъ Зои приглашенія.

— Мама, мнѣ надо свѣтлое платье,—взволнованно сообщила, наконецъ, Вавочка.

У Александры Львовны были небольшія сбереженія, которыя она копила годами, какъ только заплатила долги. Теперь пришлось ихъ затронуть. Но она дѣлала закупки съ радостью. Безъ свѣтлаго платья дѣвушкѣ нельзя быть. Конечно, можно было ѣхать и въ бѣломъ кашемировомъ, сшитомъ только въ маѣ, на выпускъ изъ гимназіи, но Вавочка и слышать о немъ не хотѣла. Она его уже лѣтомъ надѣвала раза два въ гости, къ Зоѣ, и на актѣ въ немъ была; всѣ его видѣли, да и фасонъ рукавовъ теперь не тотъ. «Нѣтъ... Нѣтъ... Пожалуйста, голубое... И побогаче...»

«Какая она будетъ прелесть!» думала Яснева съ счастливой улыбкой, выбирая нѣжную шерстяную ткань. Ей предлагали полушелковыя новыя матеріи, но она знала ихъ непрочность... «А такую можно выкрасить въ темный цвѣтъ на будущій годъ».

Она нашла дочь въ столовой. Вавочка весело щебетала съ Тихменевымъ. Улыбаясь, Яснева глядѣла, какъ Вавочка нетерпѣливо кинулась развязывать покупки.

Вдругъ личико ея вытянулось.—Какъ! Опять шерстяное?

— А ты чего же ждала, голубчикъ?—сконфуженно спросила мать, передъ зеркаломъ снимавшая шляпу.

— Я думала, шелкъ... или газъ... Я думала... Да вѣдь я буду хуже всѣхъ. А вѣдь это будетъ *балъ*... настоящій...

— Повѣрь, Вавочка, что ты и въ шерстяномъ всѣхъ за поясъ заткнешь,—вмѣшался Тихменевъ.

Она сверкнула на него глазами и, поблѣднѣвъ, вышла изъ комнаты. Нѣтъ!.. Они оба, очевидно, ничего не понимаютъ... Они думаютъ, что *балъ*—это вздоръ!

Закусивъ губы, Яснева глядѣла ей вслѣдъ. А Тихменевъ, схвативъ кочергу, усердно мѣшалъ въ печкѣ, чтобъ спрятать свое сконфуженное лицо. Ни слова они не сказали объ этомъ, но были задумчивы весь вечеръ. Вавочка дулась.

На другой день Тихменевъ привезъ ей восхитительный шарфъ изъ голубого газа, послѣднее слово моды. Вавочка такъ обомлѣла отъ счастья, что тутъ же кинулась на грудь къ Тихменеву и поцѣловала его въ губы.

Александра Львовна вошла въ комнату какъ разъ въ ту минуту, когда Вавочка вылетала, не слыша подъ собою ногъ, вся закутанная въ голубой газъ.

— Что это значитъ?.. И что у васъ за лицо?

— Пустяки... Хотѣлъ утѣшить дѣвочку...

— Вы меня разоряете,—сердито сказала она и достала кошелекъ.—Сколько вы заплатили за эту глупость?

Онъ испуганно схватилъ ея руку.—Что вы? Что вы, мой другъ?

— Вы развѣ не знаете мои взгляды?.. Развѣ когда-нибудь...

— Оставьте, пожалуйста! Это наши съ Вавочкой дѣла... Она—не маленькая... У нея могутъ быть свои взгляды.

Ея глаза сверкнули.—Ахъ, вотъ что! Пусть она уже не маленькая въ вашихъ глазахъ! Тѣмъ менѣе оправданій. И пока она у меня въ домѣ... Да, наконецъ, на какомъ основаніи ей брать отъ васъ подарки? Сегодня вы, завтра другой...

Она разсердилась не на шутку. Но и Вавочка шарфа не уступала.—Если у меня его отымутъ,—заявила она,—то... то я цѣлый годъ не выйду изъ своей комнаты!

Это бы все ничего, но она при этомъ заплакала, и Александра Львовна молча покорилась. Тихменевъ, котораго утомили эти передряги, морщась, замѣтилъ:

— И охота это тебѣ, Саша?.. Отравлять жизнь изъ-за мелочей...

— Въ этихъ мелочахъ цѣлое міросозерцаніе,—горько отвѣтила Яснева.—Впрочемъ, Андрей Васильевичъ, мы съ вами перестаемъ понимать другъ друга.

За три дня до вечера портниха принесла платье.
Вавочка взглянула на подкладку и измѣнилась въ лицѣ.

— Какъ? Оно не на шелку?

— Нѣтъ, дѣточка... На саржѣ.

— Господи!.. Да кто же шьетъ теперь на саржѣ? Да у насъ въ гимназіи даже классныя дамы... А у Зои-то всѣ домашнія платья на шелку...

— За Зоей тысячъ сто приданаго, голубушка, а за тобой ни гроша,—отвѣчала Яснева съ блѣдной улыбкой.

Улыбалась и портниха.

Вавочка одѣвалась, сдерживая слезы. Но когда портниха ушла, эти слезы полились по лицу ея, крупныя и свѣтлыя, какъ капли перваго лѣтняго дождя. Яснева такъ и вскинулась.

— Вавочка, ангелъ мой... Стоитъ ли плакать? Такія мелочи... Что же мнѣ дѣлать, когда мнѣ негдѣ взять?

— Онѣ... онѣ... всѣ... въ шел-ко-выхъ бу-дутъ...—всхлипывала Вавочка въ неподдѣльномъ отчаяніи.

— Вавочка, да у меня-то... у самой, ты знаешь... въ жизнь не было шелковыхъ юбокъ... И мнѣ хотѣлось танцовать и нравиться... но я... я только работала... Вава, пожалѣй меня, не разрывай мнѣ сердца...

— На... надо мной... бу-дутъ смѣяться... Теперь то... только у гор... горничныхъ...

— Боже мой!—простонала Яснева, ломая пальцы.

Тихменевъ вошелъ незамѣтно. Его лицо хмурилось.

— Александра Львовна, не убивайтесь... Я знаю средство успокоить Ваву. Купите ей шелковыя перчатки до локтя.

Вавочка вскочила съ сверкающими на рѣсницахъ слезинками.

— Отъ Cornier, мамочка, милая... Непремѣнно отъ Cornier... Тамъ Зоя беретъ для баловъ.

Къ вечеру она уже успокоилась, но Александра Львовна долго плакала, запершись въ своей спальнѣ. Ее пугала въ дочери эта черта во всемъ подражать Зоѣ, тянуться за нею.

— Это еще съ полгоря,—сказала она Тихменеву.—А вотъ какъ она, глядя на богатыхъ подругъ и ихъ жениховъ, скажетъ: замужъ хочу!.. Тогда что? Вѣдь она безприданница. Кому нужны такія въ нашъ практическій вѣкъ?

Тихменеву почему-то удивительно не понравилась эта тема.

— Ахъ, Саша!.. И вѣчно ты преувеличиваешь... Кажется, она и не думаетъ о женихахъ... Она еще совсѣмъ ребенокъ.

V.

Наступилъ, наконецъ, давно желанный день бала. Вавочка, къ удивленію Анисьи, даже не обѣдала и съ четырехъ часовъ заперлась, чтобъ завиться, вымыть шею, вычистить ногти... И все-таки она прокопалась до восьми. Щеки ея пылали, пульсъ бился лихорадочно. Въ своемъ голубомъ платьѣ, окутанная какъ лазоревымъ облакомъ газомъ своего шарфа, она была восхитительна...

Александра Львовна забыла и ревность и осторожность. Полная материнской гордости, она втолкнула Вавочку въ столовую гдѣ сидѣлъ Тихменевъ. Онъ вернулся съ практики, чтобъ, по обыкновенію, коротать вечеръ съ своимъ другомъ.

— Андрей Васильевичъ! Видали вы такихъ... сильфидъ?

Что-то холодное обвилось вокругъ сердца Тихменева, когда онъ хмуро взглянулъ на эту сверкающую красоту... Не то зависть, не то злоба, не то рвущая боль и тоска.

Въ передней рѣзко звякнулъ колокольчикъ.

— Это за мной Манька,—заволновалась Вавочка.

— Фу ты!.. Ну ты!—невольно сказала Маня, изъ передней разглядѣвъ голубую сильфиду.

Яснева очень недолюбливала эту подругу своей дочери, но за это восклицаніе готова была ее поцѣловать.

Маня Зимина (ее всѣ звали Манькой) была шатенка лѣтъ двадцати, плечистая, но стройная, съ чудеснымъ румянцемъ на

длинномъ и широкомъ лицѣ и съ превосходной косой. Она была некрасива. За ея большой ротъ съ крупными бѣлыми зубами, вѣчно сверкавшими въ усмѣшкѣ, Зоя еще въ гимназіи мѣтко прозвала Зимину «щукой». Такъ за ней это прозвище и осталось. Маня знала, что некрасива, но ничуть этимъ не огорчалась. Въ ея глазахъ красота была далеко не единственнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, борьбѣ неумолимой и хищной, какъ она понимала жизнь.—«Зато у меня все свое,—говорила она весело.—И волосы, и зубы, и румянецъ, и бюстъ... А многія ли изъ васъ, миленькія, могутъ это сказать про себя?»

Какъ это ни странно, она была права. Многія изъ ея подругъ румянились дома даже, не говоря уже о выѣздахъ, чернили брови, носили фальшивыя косы. Страсть къ притираніямъ была преобладающей маніей среди молодежи, и изъ ихъ кружка одна только Вавочка не употребляла другихъ косметиковъ, кромѣ пудры. Мать, подмѣтившая эту слабость, бранила ее даже и за это невинное удовольствіе, увѣренная, что она портитъ себѣ кожу. Были такія любительницы, что даже на балы въ гимназію не стѣснялись являться подрисованными. А наивная начальница, видя эти знакомыя и въ то же время какъ бы чужія лица, говорила:—«Ахъ, какія онѣ всѣ хорошенькія! Я ихъ просто не узнаю... Это вы, Михайлова? Неужели это туалетъ такъ мѣняетъ?»

Маня обладала однимъ рѣдкимъ качествомъ. У нея былъ темпераментъ, былъ огонекъ, который она вносила даже въ игры и танцы. При этомъ она была всегда весела, остроумна, смѣла и не обидчива. И успѣхъ у мужчинъ имѣла большой.

Мать ея была попадьей, болѣзненной, забитой вдовой, обремененной большой семьею, и голову потеряла отъ вѣчныхъ заботъ. Маня говорила съ нею свысока и съ дѣтства пользовалась неограниченной свободой. Училась она, конечно, плохо. Некогда ей было учиться.

— Матушка,—говорила ей мать съ мученіемъ въ кроткомъ взорѣ,—не прошу ни наградъ, ни медалей, только кончи... Какъ-нибудь, да кончи...

— Вотъ выдумали!—огрызалась Маня.—Идіотка я, что ли, чтобъ не кончить курса?—И, дѣйствительно, благодаря прекраснымъ способностямъ, она сдавала экзамены шутя.

Кончивъ курсъ, Маня не интересовалась ни литературой, ни наукой, ни политикой. Зато она читала уличную газету, съ упоеніемъ слѣдила за пошлыми отдѣлами *Мелочей* и разными «Дневниками», за скандалами, шантажемъ и сплетней. Улица была ея сферой, дома же она показывалась, какъ рѣдкій гость. Она проводила дни и ночи, бѣгая по городу, и недѣлями гостила у друзей... Гдѣ

у нея только не было знакомыхъ? Среди артистовъ и въ консерваторіи, въ университетѣ, въ филармоніи, у Мюра-Мерилизъ, въ кассахъ театровъ, даже въ полиціи. У нея были карточки знаменитостей съ ихъ автографами. Она всѣхъ ихъ называла по именамъ, съ апломбомъ разсказывала черты изъ ихъ частной жизни, свои съ ними бесѣды, какъ будто всѣ эти извѣстности доводились ей кумовьями. Она родилась репортеромъ уличнаго листка и, будь она мужчиной, ея хлѣбъ былъ бы обезпеченъ. Баттистини, Режанъ, Тина ди-Лоренцо, Росси, Кокленъ,—она протиралась всюду, рекомендовалась, какъ курсистка, и отъ всѣхъ получала портреты.

— Знаешь?—сказала она Зоѣ какъ-то разъ.—Хочу на фельдшерскіе курсы поступить.

— Неужто не надоѣло учиться? Зачѣмъ это тебѣ?

— А какъ же? Это даетъ извѣстный... престижъ, что ли? Курсистка... Вѣдь недурно звучитъ. А?.. А то, вѣдь, я больше вродѣ... какъ бы самозванка со всѣми этими господами... Только нахальствомъ и беру.

Но для этого нужно было работать. Маня поговорила, да на томъ и кончила.

Въ ней кипѣла какая-то ненасытная жажда удовольствій, зрѣлищъ и новыхъ впечатлѣній. Чтобы видѣть интересную процессію, похороны, свадьбу, смотръ войскъ, открытіе памятника, иллюминацію, освященіе новаго храма, безразлично, она не стѣснялась ни препятствіями, ни разстояніемъ. И благодаря тому, что у нея всюду были знакомые, она все видѣла и все знала. Она считала за point d'honneur быть на первомъ представленіи оперы, оперетки и пьесы, на бенефисахъ, протискаться (конечно, задаромъ) въ «артистическую», въ концертъ знаменитости, не пропустить перваго дня дешевки, протереться чуть ли не къ алтарю въ храмѣ Христа-Спасителя въ особо торжественные дни. И для нея, вообще, не было ничего невозможнаго.

Ей также ничего не стоило простоять шесть часовъ подрядъ, а иногда и всю ночь, въ хвостѣ у кассы театра, дожидаясь очереди. Не то, чтобъ она не могла инымъ путемъ раздобыть билеты, но ей это нравилось. Она приносила съ собой бутерброды съ колбасой или горячіе пирожки въ муфтѣ, быстро знакомилась со студентами, угощала ихъ. Почти всегда богатыя подруги поручали ей достать ложу, и она за это получала перчатки, духи, конфеты. Кто былъ побѣднѣе и черезъ нее раздобывался билетомъ на галерку, тотъ угощалъ ее шоколадомъ въ кофейной, даже стаканомъ кваса въ буфетѣ театра за гривенникъ... Она не брезгала ничѣмъ, но и даромъ ничего не дѣлала.

Своихъ денегъ у нея не было, развѣ перехватитъ когда у ма-

тери или у брата-студента, жившаго уроками. Но это ее не стѣсняло. Она безъ церемоніи брала взаймы у знакомыхъ, даже у молодыхъ людей, и забывала отдавать. Она позволяла имъ возить ее въ театръ а потомъ въ ресторанъ ужинать. Поѣсть она любила и не стѣснялась выборомъ кушаній и винъ. Если она была на улицѣ съ мужчиной или подругой, она брала извозчика, затѣмъ сходила съ него первая и, не оборачиваясь, шла въ домъ или магазинъ, предоставляя платить за себя.

Одѣвалась она довольно плохо, однако ее это не стѣсняло: она стояла выше этихъ мелочей. Нельзя сказать, чтобъ она не была завистлива, но богатой Зоѣ она охотно прощала ея роскошь; бѣдной же Вавочкѣ не спускала ни одной обновы и всегда старалась уязвить ее фразой вродѣ: всѣхъ нищихъ не перещеголяешь!.. Она великодушно носила кофточки съ плеча Зои и другихъ богатенькихъ подругъ; выпрашивала у нихъ, что ей нравилось; на отказъ не сердилась; принимала отъ Зои подарки вродѣ чулокъ, купленныхъ на дешевкѣ, или надѣванныхъ раза два перчатокъ.

Любили ли ее ея безчисленныя пріятельницы? Наврядъ ли, какъ и она ихъ не любила. Но она отлично умѣла ладить со всѣми. Умѣла тонко польстить, мѣтко сострить, и языка ея боялись, тѣмъ болѣе, что Маня слыла за ходячую газету. Но ей всюду были рады, потому что она вносила съ собой оживленіе и характеръ имѣла превосходный. Больше всѣхъ ее цѣнила Зоя Прокофьева, которой было часто скучно въ ея богатомъ домѣ, несмотря на вѣчно царившій тамъ базаръ. А Маня не знала скуки и страстно любила жизнь. Зоя возила ее всюду съ собой: и въ театръ, и на гулянье, и даже къ учителю танцевъ, и платила за нее, что для разсчетливой Зои было уже много.

Танцовали онѣ всѣ—въ ихъ кружкѣ—превосходно. Не знать моднаго танца равнялось позору. Поэтому всѣ новинки—чардашъ, краковякъ, лезгинка, гейша и т. д.—разучивались ими съ удивительнымъ терпѣніемъ и мастерствомъ. А такъ какъ не у всѣхъ были средства платить за уроки, а Маня получала науку изъ первыхъ рукъ, отъ танцовальной знаменитости, то къ ней обращались ея подруги, и она за выучку брала съ нихъ, что можно. Были и такія, какъ Вавочка, что платили коробкой рисовой пудры въ двугривенный. Маня, какъ Осипъ въ *Ревизорѣ*, не брезгала ничѣмъ.

Прокофьевы зимой жили на Пречистенскомъ бульварѣ, въ роскошномъ новомъ домѣ. Между складомъ жизни дѣда и отца Прокофьева и train de vie, который вели родители Зои, было такъ же мало общаго, какъ между этимъ палаццо и старымъ домомъ въ Таганкѣ, со складами и подвалами, гдѣ когда-то въ девять ча-

совъ запирались ворота и спускались цѣпные псы. Теперь этотъ домъ сдавался подъ квартиры.

Глядя на папá-Прокофьева, этого изящнаго барина, одѣтаго со вкусомъ, играющаго по большой въ клубѣ, занимающаго кресло перваго ряда въ Художественномъ театрѣ и балетѣ и говорящаго мягкимъ баскомъ по-французски и англійски, съ недурнымъ для русскаго акцентомъ, никто не повѣрилъ бы, что милліоны Прокофьевыхъ нажиты въ Ножовой линіи суровымъ старикомъ въ овчинномъ полушубкѣ и рукавицахъ, который зазывалъ покупателей въ холодную лавку, гдѣ зимой и лѣтомъ ходилъ сквознякъ; между тѣмъ какъ сынокъ, окончивъ курсъ въ коммерческомъ, въ Лондонѣ изучалъ тайны фабричнаго искусства и наслаждался жизнью «во всю».

Мать Зои, томная и тонная купчиха, воспитавшаяся въ свѣтскомъ пансіонѣ и давно презрѣвшая трагиціи Таганки, проводила полжизни за-границей, въ Парижѣ и на курортахъ, гдѣ поражала всѣхъ туалетами, и была помѣшана на аристократизмѣ. Папá-Прокофьевъ—бонвиванъ и меценатъ—открыто содержалъ танцовщицу, весь досугъ проводилъ въ ея уборной и за кулисами вообще. Дома же онъ былъ рѣдкимъ гостемъ. Maman-Прокофьева за-границей славилась своими похожденіями, а въ Москвѣ жила поочередно со всѣми знаменитостями, не исключая атлетовъ; и по тому, кѣмъ она была окружена,—писателями, артистами, художниками или музыкантами,—можно было угадать, кѣмъ она въ данную минуту увлечена. Зоя знала наперечетъ имена любовниковъ своей матери. Съ перваго дня выпуска Зои изъ гимназіи Серафима Антоновна взяла съ нею тонъ старшей сестры. У Зои была въ домѣ своя половина, свои *дни* и свои гости. Карманными деньгами ее тоже не стѣсняли. Кромѣ того, она безконтрольно распоряжалась процентами съ капитала, завѣщаннаго ей суровымъ дѣдушкой, который безумно любилъ единственную внучку и баловалъ ее безмѣрно.

Въ домѣ Прокофьевыхъ всегда была «толкучка», по удачному выраженію папá... За столъ никогда не садилось менѣе двадцати человѣкъ; молодежь преобладала. Здѣсь были подающіе надежду художники, начинающіе поэты и пѣвцы, репортеры съ двусмысленной репутаціей, адвокаты,—все больше мужчины. Дамъ хозяйка не любила... Зачастую кто-нибудь изъ этихъ молодыхъ людей, знакомый съ Прокофьевыми не болѣе недѣли, приводилъ своихъ пріятелей на томъ основаніи, что имъ негдѣ обѣдать. Пріятели являлись, какъ въ трактиръ, небрежно представлялись хозяйкѣ, ѣли, напивались и уходили, смѣясь надъ молодившейся барынькой и даже не интересуясь хозяиномъ дома.

Впрочемъ, у папа-Прокофьева было правило—ничему не удивляться. Видя полный столъ гостей, незнакомыхъ ему лицъ, глядѣвшихъ на него равнодушно и не думавшихъ ему представляться, онъ дѣлалъ невозмутимую физіономію, послѣ обѣда почтительно цѣловалъ руку жены и исчезалъ въ клубъ или за кулисы. Иногда по дорогѣ его перехватывала жена, очень дорожившая популярностью меценатки.

— Селиванъ Прокофьичъ,—говорила она умирающимъ голосомъ (она никогда не могла простить мужу его вульгарнаго имени, напоминавшаго о Ножовой линіи),—вотъ этотъ начинающій художникъ... Позвольте васъ представить другъ другу... Это большой талантъ, и ему надо помочь...

Будущая знаменитость, потряхивая волосами, нагло глядѣла на богача и начинала что-то говорить о трудности пробиться, о равнодушіи общества, о своей картинѣ.

— Я заѣду взглянуть,—мягко увѣрялъ меценатъ, не желая прятать скептической усмѣшки, которой дышало его красивое лицо.—Позвольте адресъ вашей мастерской.

Онъ записывалъ въ своей элегантной книжечкѣ, трясъ потную руку взъерошенной знаменитости... «Я знаю, что ты меня презираешь,—говорили улыбавшіеся глаза Прокофьева.—Но чувствуешь ли ты, какъ я надъ тобой смѣюсь?»

На другой день онъ неукоснительно отправлялъ кого-нибудь изъ своихъ приказчиковъ купить картину за треть цѣны. Затѣмъ, даже не интересуясь взглянуть на покупку, не ожидая встрѣтить ничего талантливаго, уважая только то, что удостоилось выставки, газетнаго отзыва, рекламы, онъ забывалъ объ участи этой картины, какъ не помнилъ о десяткахъ подобныхъ пріобрѣтеній. У него, дѣйствительно, былъ художественный вкусъ, но денегъ онъ не любилъ бросать зря, картинныхъ галлерей не заводилъ, а предпочиталъ заплатить десять тысячъ за удовольствіе быть въ уборной премированной красавицы, поступившей къ Омону, или въ бенефисъ заслуженной артистки дать пятьсотъ рублей за ложу, назначенную въ пятьдесятъ.

M-me Прокофьева плавала мельче мужа. Она охотно платила сто рублей въ пользу студентовъ за свое кресло, въ концертѣ, зная, что будетъ напечатана благодарность въ газетахъ. Въ пользу же гимназій женскихъ, гдѣ бѣдствовало такъ много дѣвочекъ, не имѣвшихъ средствъ платить за ученіе, m-me Прокофьева съ спокойной совѣстью давала три рубля, а если можно было этого избѣжать, она охотно высылала сказать, что ея нѣтъ дома. Зато прежніе друзья ея—театральныя знаменитости—въ бенефисъ получали цѣнные подарки.

Зоя ни на кого не тратилась, она любила деньги и была скуповата еще съ дѣтства. Всѣ они—мужъ, жена и дочь—глубоко презирали другъ друга, а еще болѣе презирали человѣчество, увѣренные, что всѣхъ можно купить, дѣло лишь въ цѣнѣ.

Какъ-то разъ, годъ назадъ, когда въ ихъ домѣ совсѣмъ уже по-домашнему водворилась толпа растрепанныхъ геніевъ и голодныхъ знаменитостей, Прокофьевъ сказалъ женѣ:

— Сима, что за охота кормить эту шушеру?.. Назначь для нихъ хоть какой-нибудь опредѣленный день или часъ... Вѣдь принять никого нельзя.—А самъ подумалъ: «Видно, матушка, что ты старишься. Уровень вкуса и требованій понизился, гоняешься за безусой молодежью.»

— Это будущая слава Россіи,—величественно изрекла Серафима Антоновна.

— Отъ нихъ матушка,—passez-moi le mot,—пòтомъ воняетъ...

— Ахъ, Селиванъ Прокофьичъ! Вы ужасны съ вашимъ цинизмомъ! Если-бъ въ васъ была хоть капля таланта вотъ этого Мыльникова... или ученость Ситникова?.. Ну, да гдѣ же вамъ порядочныхъ людей цѣнить, когда вы отъ Омона не выходите! Вотъ если-бъ за кулисами...

— А серебро ваше цѣло?—неожиданно перебилъ ее мужъ.

— Quelle idée!.. А почему-жъ бы нѣтъ?

— Нѣтъ, я только такъ... а не мѣшало бы провѣрить.

Серафима Антоновна въ негодованіи передернула плечами.

Но, черезъ часъ по отъѣздѣ мужа, она произвела самую тщательную ревизію серебра. Ее въ этомъ убѣдила Зоя, которая слышала этотъ разговоръ и, втайнѣ ожидая всего, очень интересовалась результатомъ ревизіи. Прислугу, которая жила у нихъ лѣтъ пятнадцать, трудно было бы заподозрѣть, тѣмъ болѣе, что, по купеческому обычаю, она уже много лѣтъ недополучала жалованья, храня выданную записную книжку пуще глаза, но зачастую не зная, чтò вписано въ эту книгу рукой хозяина.

Серебро оказалось цѣло. Серафима Антоновна шумно вздохнула. Зоя улыбалась загадочно.

Вечеромъ меценатка съ торжествомъ кинула въ лицо мужу упрекъ въ цинизмѣ. На губахъ Прокофьева заиграла улыбка.

— Провѣрили-таки?

— Единственно съ тѣмъ, чтобы васъ пристыдить...

Онъ замахалъ руками.—Вѣрю, вѣрю... и беру слова назадъ. Коли ложки цѣлы, стало быть, ваши таланты—люди порядочные...

— Странно было думать иначе,—ядовито подхватила Серафима Антоновна и добавила сквозь зубы:—Какіе, однако, неизгладимые слѣды оставила въ вашей душѣ Ножовая линія!

Прокофьевъ заторопился уйти. Кажется, единственно къ чему онъ въ жизни относился неравнодушно (не считая, конечно, его денежныхъ дѣлъ), это къ намекамъ о Ножовой линіи.

Но зоркій глазъ хозяина черезъ недѣлю уже подмѣтилъ, что серебро исчезло изъ обихода и замѣнилось издѣліями Fraget.

— Вотъ за это хвалю,—посмѣялся онъ въ кругу своихъ.— Оно, конечно, слава Россіи — славой, а убытки — убытками... Этакъ-то поспокойнѣе будетъ...

VI.

— А извозчика привели?—еще въ дверяхъ спросила Маня.

— Поспѣется,—проворчала Анисья, запирая за гостьей парадную. Она тоже не любила Маню. Въ качествѣ старой, преданной слуги, она, вообще, позволяла себѣ выражать свои мнѣнія, зная, какъ цѣнитъ ее благодарная хозяйка, прожившая съ нею цѣлыхъ десять лѣтъ душа въ душу. Анисья была вдовая, бездѣтная, и всѣ привязанности ея были въ этой семьѣ.

Наконецъ, Вавочку одѣли, закутали въ десять платковъ, оставивъ наружу одни глаза, и подруги поѣхали.

— Кто же васъ проводитъ?—крикнула имъ съ крыльца Александра Львовна.—Ради Бога, однѣ не возвращайтесь!

— Будьте покойны! Провожатыхъ будетъ много,—успокоительнымъ тономъ отвѣтила Маня. Не успѣла пролетка отъѣхать, какъ она суховато и рѣзко, по обыкновенію, спросила подругу:

— Ты что везешь Зоѣ?

Вавочка покраснѣла подъ своими платками.—А развѣ надо везти?.. Я.. я объ этомъ не подумала...

— Еще бы!.. Гдѣ тебѣ о комъ-нибудь, кромѣ себя, подумать?—объявила Маня. Она все еще не могла «переварить» голубого платья подруги. (Сама она ѣхала въ выпускномъ, которое изъ crême успѣло превратиться въ сѣрое.)

— Порядочная ты свинья, Вавочка!.. Какъ это у людей ѣсть-пить и не подарить ничего ко дню рожденія?.. Небось, сама всегда ждешь подарковъ?

— Ахъ, Манька!.. Какъ же теперь быть?

— Вотъ что сдѣлай... Какъ войдешь, поздравишь Зою, такъ полѣзь въ карманъ и ахни... «Что такое?»—«Вообрази, Зоя, забыла на туалетѣ духи, которые тебѣ везла... Извини, душка, надняхъ занесу. Считай ихъ за мной»...—И скажи это такъ, чтобъ всѣ слышали. Я поддержу, что видѣла ихъ сама... И завтра же подари духи!

— Духи?.. Какіе же?

— Ну, конечно, Violette-reine... Pinaud... Два съ полтиной флаконъ стоитъ... Нельзя же дешевле дарить.

— А ты что же везешь?—робко спросила уничтоженная Вавочка.

— Салфетку чайную своей работы,—съ апломбомъ отвѣтила Маня.

«Вретъ, вретъ... Какая ея работа, когда она цѣлый день гоняетъ? Она и шить-то не умѣетъ», думала Вавочка, негодуя. «За полтинникъ купила въ пассажѣ готовую. А мнѣ, подлая, такой дорогой подарокъ навязываетъ... Лучше-бъ я себѣ такіе духи купила!» Но она не смѣла протестовать и только растерянно поморгала.

Зоя встрѣтила ихъ на освѣщенной лѣстницѣ. Она была очень эффектна въ своемъ золотистомъ газовомъ платьѣ, съ яркимъ макомъ въ черной косѣ. Маня поздравила именинницу и съ достоинствомъ поднесла ей свой грошовый подарокъ.

— Мерси,—усмѣхнулась Зоя уголкомъ губъ и холодно приняла поцѣлуй. Маня обернулась къ Вавочкѣ.

— А ты что же? Вынимай духи-то!

У Вавочки лицо пошло пятнами отъ волненія. Она опустила руку въ карманъ и ахнула совершенно естественно.

— Неужто забыла, рохля?—вдохновенно продолжала Маня свою импровизацію.—Ну, ладно, занесешь завтра... Чудесные духи, Зоя! Твои любимые... Я знаю, ты хотѣла на-дняхъ купить...

— Какая ты милая!—покраснѣвъ отъ удовольствія, сказала Зоя Вавочкѣ и поцѣловала ее съ замѣтной нѣжностью.

Въ гостиной одинъ изъ столовъ былъ загроможденъ подношеніями. Чего-чего здѣсь не было! Бонбоньерки, фрукты въ изящныхъ корзинахъ, футляры съ золотыми и серебряными вещами, корзины цвѣтовъ, сафьянный ящичекъ для перчатокъ, духи въ граненыхъ флаконахъ, трехрублевыя конфеты въ коробкахъ отъ *Fley*, кофейный серебряный сервизъ въ дубовомъ ящикѣ... Всего не перечесть! Гости окружали столъ и разглядывали съ завистью подарки. И все же Зоя на всякаго входящаго бросала быстрый взглядъ и въ душѣ презирала того, кто являлся съ пустыми руками.

Народу было много. Преобладала молодежь. Статскихъ было меньше, чѣмъ военныхъ, а барышень больше всего, какъ и всюду. Въ одномъ углу огромнаго зала пристроился оркестръ военной музыки. У Вавочки сердце замирало отъ ожиданія.

Оффиціанты въ бѣлыхъ перчаткахъ разносили чай, печенье, конфеты и фрукты. Маня и Вавочка ѣли за обѣ щеки, усѣвшись въ уголку. Въ сосѣднихъ комнатахъ разставляли столы, и сановные старички съ пышными барынями усаживались за карты.

Два раза мимо Вавочки проплыла m-me Прокофьева въ плюшевомъ платьѣ оливковаго цвѣта, залитая брилліантами, подъ руку съ извѣстнымъ артистомъ, немолодымъ, но съ интереснымъ бритымъ лицомъ, съ котораго не сходила тонкая усмѣшка.

— Почему не начинаютъ танцовать? — волновалась Вавочка.—Скоро десять часовъ.

— Молчи и ѣшь!—скомандовала Маня.—Еще натанцуемся... Торту хочешь?

— Боюсь... Я уже три куска съѣла.

— Глупости! Еще ѣшь... Я велю подать. Не каждый день такъ ѣсть приходится.

И онѣ все ѣли. Къ десяти часамъ Вавочка поблѣднѣла и отодвинула тарелку. А Маня продолжала пожирать фрукты. Двѣ груши-дюшесъ она незамѣтно опустила въ карманъ, куда свободно помѣстилась бы бутылка.

Съѣздъ гостей длился до десяти. Наконецъ кончился. А Зоя все еще не удалялась отъ двери и выказывала невольно нервную тревогу. Хозяйка показалась съ своимъ кавалеромъ въ дверяхъ гостиной и обмѣнялась съ дочерью значительнымъ взглядомъ.

— Кого вы ждете?—услыхала Вавочка голосъ артиста.—Молодежь скучаетъ...

— Мы ждемъ Мальцева. Я не начну безъ него... Вы знаете, онъ принятъ у княгини Г***, какъ свой человѣкъ... Онъ—родственникъ графини К***... Онъ обѣщалъ дирижировать.

— А кто эта хорошенькая?—Артистъ дерзко сощурился на Вавочку. M-me Прокофьева обернулась и милостиво потрепала Вавочку по плечу.

— Nous allons commencer,—разсѣянно кинула она ей и Манѣ.—Patience, mes chéries!

— Если-бъ ты знала, сколько она въ него просадила!—шептала Маня, провожая глазами эту парочку.—А онъ-то ее, дуру, обманываетъ! И тебя не пропустилъ...

Къ нимъ подходилъ высокій, худой гимназистъ, лѣтъ восемнадцати, брюнетъ, съ правильными чертами уже испитаго лица, съ дерзкимъ взглядомъ темныхъ глазъ, окаймленныхъ синевою, и съ легкой тѣнью надъ верхней губой. Онъ развязно взялъ стулъ, сѣлъ и началъ глядѣть на Вавочку.

— Чортъ побралъ бы этого Мальцева съ его дендизмомъ! Одиннадцатый часъ... А еще говорятъ: семеро одного не ждутъ... Если онъ еще полчаса не пріѣдетъ, буду дирижировать я. Меня хозяйка сейчасъ просила.

— И еще подождемъ,—задорно возразила Маня, которая вела съ этимъ мальчикомъ «тридцатилѣтнюю войну»...

— Меня зовутъ Колей,—обратился гимназистъ къ Вавочкѣ.— А васъ какъ?

— Я—Варвара Николаевна Яснева...

— Такъ это вы—Вавочка? А, чортъ!.. Вы гораздо красивѣе, чѣмъ о васъ говорили...

— Какъ вы смѣете?—обидѣлась было Вавочка, но Маня подъ столомъ такъ больно наступила ей на ногу, что она прикусила языкъ.

— Ахъ, вы... Принцесса на горошинѣ!—весело разсмѣялся гимназистъ.—Какая вы еще наивная! Подождите, мы васъ эмансипируемъ... Вы чардашъ съ кѣмъ танцуете?

— Ни съ кѣмъ еще,—надменно щурясь, отвѣтила Вавочка. Она мечтала объ офицерахъ, оживленно хохотавшихъ около группы барышенъ. На что ей этотъ Коля или вотъ тѣ кадеты, что въ десятый разъ шмыгали мимо, таращa на нее влюбленные глаза?

— Ну, ладно же! Не обѣщайте никому,—спокойно заявилъ гимназистъ.—Я танцую съ вами. И мазурку тоже... Ужъ очень вы хорошенькая... Всѣхъ здѣсь лучше... Честное слово, я думалъ, вы хуже...

Вавочка открыла было ротъ, но Маня опять придавила ей ногу. Коля отошелъ къ оркестру, натягивая на ходу перчатки.

— Ну, не дура ли ты?—зашипѣла Маня, дѣлая злые глаза.— Ты знаешь, кто это былъ?

— Ну, Коля какой-то... гимназистишка...

— «Ну, Коля какой-то...»—передразнила Маня.—Слышала, небось, что если Мальцевъ не пріѣдетъ, его попросятъ дирижировать?.. Мало здѣсь изъ Охотничьяго клуба танцоровъ и офицеровъ всякихъ? Сообрази... А просятъ Колю...

— Почему же?—Вавочка растерянно заморгала.

— А потому что онъ дирижируетъ, какъ никто... Мертваго подыметъ на ноги,—это разъ... Танцуетъ упоительно,—это два... Въ Москвѣ нарасхватъ,—это три... А почему?.. Потому что онъ— знаменитость... Онъ и есть Селезневъ.

— Кто?..

— Знаменитость, говорю... О немъ всѣ газеты кричали...

— Что ты врешь? Гимназистъ—знаменитость...

У Мани стали круглые глаза.—Да гдѣ ты живешь, что ничего не знаешь?.. Вѣдь онъ взялъ въ прошломъ году первый призъ на конькахъ, а лѣтомъ на гонкахъ обогналъ лучшаго московскаго велосипедиста. Ты гордиться должна, что съ нимъ танцуешь... Я его сама терпѣть не могу за дерзости, а рада, если пригласитъ... Посмотри, какъ его окружили!

Дѣйствительно, Колѣ не дали дойти къ оркестру. Пять барышенъ вертѣлось около него.

— Это онѣ просятъ, чтобъ онъ «осчастливилъ» ихъ... Послѣ Коли дамы почти не сидятъ. И тебя, помяни мое слово, на части рвать будутъ. Гляди... гляди... Клавдинька такъ передъ нимъ и таетъ...

«Господи!» ахала наивная Вавочка.

Коля, правда, былъ ярымъ спортсменомъ. Ловкій, сильный, мускулистый, отважный, какъ древній грекъ, онъ проводилъ лѣто на водѣ или на велосипедѣ, а зиму на конькахъ и лыжахъ. Онъ мечталъ о яхтъ-клубѣ, бредилъ циклодромомъ, читалъ *Циклиста* и не пропускалъ ни одного концерта цыганъ, пѣнію которыхъ подражалъ въ совершенствѣ. Сынъ небогатой тульской помѣщицы, онъ бралъ у вдовы-матери пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и всегда былъ въ долгу. Учился онъ неважно, стараясь лишь не оставаться въ классахъ, и велъ совершенно свѣтскій образъ жизни. Онъ былъ дерзокъ и грубъ, особенно съ барышнями, которыхъ презиралъ. Нравилась ему только Зоя, для которой онъ тоже былъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ гостей.

— За что ты такъ балуешь этого молокососа?—разъ со злостью спросила Маня...

— Не я одна балую, всѣ,—оправдывалась Зоя.—Въ немъ есть это... je ne sais quoi... О, увидишь, изъ него современемъ выйдетъ такой донъ-жуанъ, что нашего Мальцева за поясъ заткнетъ! Я инстинктомъ, понимаешь ли, чувствую, что онъ страшно безнравственный. И меня это къ нему влечетъ... Ха-ха! Вѣдь я сама такая же. И ненавижу добродѣтель...

— Скоро ужъ онъ намъ всѣмъ *ты* говорить начнетъ.

— Ну, такъ что-жъ?—поддразнивала Зоя.—Кто мы съ тобой, chère amie? Такъ... люди толпы... А онъ — извѣстность... О немъ въ *Новостяхъ Дня* писали.

Зоя, дѣйствительно, болѣе чѣмъ хотѣла бы въ этомъ сознаться, преклонялась передъ рекламой и мнѣніемъ толпы. Бравируя съ виду своей самостоятельностью и презирая въ душѣ людей, она никогда не переступала той черты, за которой ждали ее клевета или ропотъ неодобренія. Она была истая «мѣщанка», дитя своей среды.

Въ залѣ вдругъ поднялось движеніе. Зоя и хозяйка разомъ двинулись ко входу.

— Вотъ и Мальцевъ,—сказала Маня.—Сейчасъ начнется балъ.

Мальцевъ, почтительно склонясь и цѣлуя руку Зои, подносилъ ей восхитительный букетъ. Стоилъ онъ, конечно, недорого въ такое время, и всѣ это понимали. Но букетъ былъ замѣчателенъ подборомъ цвѣтовъ и сочетаніемъ красокъ. Это былъ верхъ искусства и вкуса, и всего удивительнѣе было то, что онъ какъ нельзя лучше гармонировалъ съ туалетомъ Зои.

— Каковъ букетъ!—шептала Маня Вавочкѣ.—Онъ, знаешь, черезъ меня добылъ образчикъ ея новаго платья и самъ заказалъ подъ цвѣтъ букетъ къ этому дню... Вотъ это вниманіе!

Очевидно Прокофьевы это поняли и оцѣнили. Букетъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и новорожденная не разставалась съ нимъ весь вечеръ. И странно! Добродушная Вавочка ничему такъ не позавидовала, какъ этимъ чуднымъ цвѣтамъ.

— А какъ тебѣ нравится Мальцевъ?—спросила Маня, которая нарочно подъ руку съ Вавочкой прошла два раза мимо него, пока онъ, скаля хищные зубы, говорилъ что-то по-французски хозяйкѣ, млѣвшей отъ его парижскаго акцента.

— Совсѣмъ не нравится... Онъ даже противный...

Вавочка видѣла его въ первый разъ.

— Фу, какая ты... нелѣпая! Онъ противенъ?.. Такое изящество!

— А зубы какъ у волка... И потомъ, какія у него бедра широкія! Точно женщина... Фи!

— Ты ничего не понимаешь!—отрѣзала Маня.

Мальцевъ услыхалъ ея возгласы и обернулся.

— Bonsoir,—сказалъ онъ, дружески протягивая руку и ласково щуря глаза.—Вы, надѣюсь, оставили для меня нѣсколько танцевъ?

Вавочка посмотрѣла на Маню и не узнала ее,—такая она стала вдругъ хорошенькая отъ счастья, озарившаго ея лицо.

Мальцевъ взглянулъ на Вавочку. Глаза его расширились на мгновеніе, потемнѣли; ноздри и усы дрогнули... Онъ склонился передъ нею съ такимъ глубокимъ поклономъ, словно передъ нимъ была принцесса крови. Онъ отдавалъ этимъ дань ея красотѣ... Вавочка такъ растерялась, что сдѣлала ему реверансъ, словно передъ нею очутился попечитель или директоръ гимназіи. Маня, все такъ же сіяя, представила ихъ другъ другу. Мальцевъ попросилъ у Вавочки первый туръ лезгинки.

— Ну, что скажешь?—торжествуя, обернулась къ ней Маня, когда онъ отошелъ и, обнявъ талію Зои, махнулъ оркестру платкомъ. Вавочка молчала, вся купленная этимъ очаровательнымъ поклономъ, этой любезностью.

Балъ начался. Всѣ съ секунду слѣдили глазами за Мальцевымъ и его дамой, которые вальсировали съ удивительной граціей; потомъ звуки музыки, жажда движенія и веселья, какъ электрическій токъ, пробѣжали въ толпѣ. Пары закружились. Коля нашелъ Вавочку, и съ этой минуты вечеръ обратился для нея въ какой-то волшебный сонъ.

Передъ ужиномъ была мазурка. Вавочка совсѣмъ сробѣла передъ своимъ гимназистомъ, который танцовалъ, какъ полякъ.

— Ну, кто такъ руку держитъ?—муштровалъ онъ ее.—Дѣлайте шагъ больше... скользите... Зачѣмъ вы топчетесь на мѣстѣ? Кому нужны ваши па? Эхъ, черепаха вы этакая! Жизни больше!.. Огня!

И Вавочка чуть не плакала, забывъ возмущаться; видя, что онъ лучшій танцоръ во всемъ залѣ.

Дамы подбѣгали къ нему, выбирая въ фигурахъ. Онъ шелъ только съ хорошенькими и хорошо танцующими. Остальнымъ отказывалъ грубо, развалясь на стулѣ, вытянувъ свои длинныя, мускулистыя ноги и обмахиваясь шелковымъ, надушеннымъ платкомъ. Вавочка положительно начинала его бояться.

Когда къ нему подлетѣла Маня, прося пройтись съ нею *en promenade*, онъ обернулся къ Вавочкѣ.

— Вотъ, взгляните на нее... Совсѣмъ «Рожеръ Бэконъ» (на ихъ жаргонѣ это означало *рожа*), а когда танцуетъ—красавица... И не терпимъ мы другъ друга, а въ мазуркѣ я въ нее влюбленъ. Словно она въ Варшавѣ родилась... А вотъ вы и хорошенькая, а затанцуете—богадѣлка...

Любопытнѣе всего было то, что онъ, говоря такъ о Манѣ, даже не понижалъ тона, а она ничуть не обижалась его критикой.

Это была фигура, дающая танцорамъ возможность вполнѣ высказать свое мастерство,—когда длинной шеренгой выстраиваются кавалеры отдѣльно отъ дамъ, и среди этой живой колоннады одна пара мчится *en promenade*. Вавочка встала, чтобъ посмотрѣть.

Когда Маня съ Колей проносились черезъ залъ, имъ единодушно зааплодировали и крикнули *bis*. Они усмѣхнулись и понеслись опять, вызывая общій восторгъ. Маня вносила столько огня, удали и ловкости въ этотъ чудный танецъ, непремѣнно требующій темперамента, что не одно мужское сердце забилось сильнѣе въ эту минуту, и многимъ она показалась соблазнительной и даже красивой. У Мальцева глаза горѣли, какъ у волка, когда онъ провожалъ ее долгимъ взглядомъ.

— Молодецъ, Манька!—сказалъ Коля, сажая ее на мѣсто.

— Болванъ, Колька!—отвѣтила она ему въ тонъ.

Жаргонъ у нихъ тутъ царилъ, вообще, необычайный, и Вавочка никакъ не могла примириться съ его своеобразностью.

Мальцевъ танцовалъ мазурку съ Зоей, но безпрестанно выбиралъ Маню и еще одну толстую барышню съ лицомъ, напоминавшимъ сырую телятину и какъ бы совсѣмъ лишеннымъ эпидермы. Она была изъ таганскихъ купчихъ, старовѣрка, хотя и обучалась въ гимназіи. Говорили, что за нею дадутъ милліонъ

приданаго, и что Мальцевъ назначаетъ ей свиданія на музыкѣ, въ Новыхъ рядахъ. Ясно было, какъ день, что она влюблена въ него. Она слѣдила за нимъ влажными глазами, шумно вздыхала и украдкой стряхивала пудру, которая сыпалась съ ея лица на голубой шелкъ платья. Мальцевъ во весь вечеръ только съ этими тремя дамами и танцовалъ, удостоивъ Вавочку послѣ лезгинки однимъ только чардашомъ. Но она и такъ не садилась, и надо сознаться, что она была больше во вкусѣ гимназистовъ и кадетъ, чѣмъ взрослыхъ. Подъ конецъ она всѣхъ ихъ—этихъ мальчишекъ—спутала: лица, фамиліи, разговоры (кромѣ Коли, конечно)... Въ результатѣ получилось впечатлѣніе чего-то влюбленнаго, стремительнаго, неотвязнаго и нелѣпаго.

За ужиномъ Вавочка очутилась между Маней и Колей. Вся молодежь сидѣла въ отдѣльной столовой, черезъ комнату отъ «старшихъ», и это только способствовало оживленію. Кавалеры пили сами и усердно потчевали дамъ. Маня и Вавочка ѣли такъ старательно, словно имъ предстоялъ сорокадневный постъ Таннера. Онѣ перепробовали, шутя и смѣясь, всѣ вина на столѣ. Въ результатѣ оказалось, что обѣ онѣ навеселѣ. Вавочка хохотала безъ умолку и безъ причины. Маня во хмелю стала буйной.

— Знаешь, съ кѣмъ чокается Зоя?—шепнула она Вавочкѣ.

— Ну?.. Офицеръ вижу... маленькій...

— Это ея пассія!

— Неужели?.. Да, вѣдь, онъ не танцовалъ... Они весь вечеръ врозь...

— А вотъ за ужиномъ рядомъ... Э! У Зои есть своя тактика. А танцовать? Фи!.. Для «нихъ» это очень мелко... *Они* въ академію готовятся. Насъ всѣхъ презираютъ... Вообще, птица не ко двору намъ. И бываютъ *они* здѣсь рѣдко, словно милость оказываютъ...—У Мани были при этомъ злое лицо и злой тонъ.

— Гдѣ же они тогда видятся?—удивилась Вавочка.

— Много будешь знать, скоро состаришься...

И она отвернулась къ своему сосѣду. Это былъ Мальцевъ.

Если-бъ Вавочка могла наблюдать, она замѣтила бы странную интимность ихъ отношеній. Они подъ столомъ пожимали другъ другу руки; Маня, смѣясь, почти ложилась на плечо Мальцеву. Все время они шептались, но раза два у нихъ довольно громко сорвалось *ты*.

— Этакіе счастливцы!—съ завистью сказалъ Коля.—Вотъ кто времени-то не тратитъ пó-пусту... Эхъ, Вавочка! Ужасно жаль, что съ такой мордочкой вы такая глупенькая...

Она и на это хохотала, запрокидывая головку.

— Какая, однако, хорошенькая эта Вавочка!—донеслось до

нея потомъ сквозь туманъ. Кто это говоритъ? Кажется, Мальцевъ... А, впрочемъ, ей было все равно...

Къ концу ужина она почувствовала, что ей тошно. Помертвѣвшая, съ холоднымъ потомъ на лбу, она дотащилась до уборной. Кто довелъ ее, она не помнитъ. Впрочемъ, она была тамъ не одна. Многіе ветераны валялись на диванахъ и, блуждая взорами, отпивались сельтерской водой.

Зоя вошла и посовѣтовала подругамъ снять корсеты. Эта мѣра, дѣйствительно, сразу принесла облегченіе. И черезъ какихъ-нибудь полчаса барышни съ томными взглядами и матовой блѣдностью чела возвратились въ гостиную.

Многіе разъѣхались, хозяева исчезли, молодежь осталась почти одна. Въ залѣ оркестра уже не было, свѣчи догорали, и воздухъ былъ опять чистый.

— Господа,—предложила Зоя,—перейдемъ въ залу и давайте играть въ фанты!

Вино всѣмъ отуманило головы и развязало языки. Оживленіе вспыхнуло съ еще большей силой. Вавочка помнила, что въ фантахъ цѣловались что-то очень часто, и выходило у нихъ все это очень просто. Она вынесла такое впечатлѣніе, что и играютъ-то они всѣ ради поцѣлуевъ.

Кадеты продолжали ее преслѣдовать и въ играхъ. Она проиграла что-то кому-то, и вдругъ вихрастый, неуклюжій кадетъ такъ стремительно кинулся цѣловать Вавочку, что чуть не сшибъ ее съ ногъ. «Фу, дуракъ!..» брезгливо подумала она, вытирая мокрую щеку.

— Отъ удовольствія слюни пустилъ,—замѣтилъ презрительно Коля. Кадетъ стоялъ уничтоженный, красный, но втайнѣ счастливый. Онъ зналъ, что ему многіе завидуютъ.

Потомъ Вавочка опять проиграла. Коля сильно сжалъ ея руки и, наклонясь, поцѣловалъ прямо въ губы.

— Какъ вы смѣете?—разсердилась было Вавочка и даже ногой топнула. Коля засмѣялся, засмѣялись и всѣ кругомъ.

Маня дернула Вавочку за рукавъ. Глаза у нея были злые и совсѣмъ круглые.—Какая ты дура!—зашипѣла она ей на ухо.—Чего ты ерепенишься?.. Это игра такая... И не забывай, пожалуйста, что тебя цѣлуетъ не кто-нибудь... а Коля Селезневъ...

— А все-таки въ губы—это гадость,—вслухъ подумала Вавочка и съ отвращеніемъ вытерла ротъ платкомъ.

Маня махнула на нее рукой: дескать, невмѣняема!

— И глупенькая же эта Вавочка!—съ сожалѣніемъ сказалъ Коля ей въ лицо. Но отъ вина, жары и усталости она такъ разомлѣла, что опять отвѣтила смѣхомъ.

Потомъ Зоя, сидя на стулѣ посреди зала, гдѣ постепенно догорали свѣчи, пѣла по-цыгански и очень мило. Коля съ гитарой въ рукахъ, передергивая страстно плечами, аккомпанировалъ Зоѣ и, какъ истый цыганъ, вертѣлся передъ нею и лѣзъ ей, что называется, въ глаза.

— Коля, спойте вы!—крикнуло разомъ нѣсколько голосовъ. Многіе изъ молодежи стали передъ нимъ въ шутку на колѣни. Но онъ отказался пѣть. Зато онъ проплясалъ подъ звуки какой-то русской пѣсни, исполненной другимъ гимназистомъ на рояли, такой удивительный танецъ и при этомъ ногами выкидывалъ такія головоломныя па, такія колѣнца и штучки, что стекла задрожали отъ восторженныхъ аплодисментовъ.

— Талантливый мальчикъ,—язвила Маня.—Безъ хлѣба не останется. Не попадетъ къ Омону—въ балаганахъ будетъ работать.

— Это удивительно!—восторгалась Зоя.—Въ немъ каждая жилка говоритъ... Точно родился цыганомъ!

Но Вавочку все это не занимало, и она чуть не заснула, сидя въ уголку.

Она очнулась отъ горячаго поцѣлуя. Надъ нею склонился Коля. Его дерзкіе глаза продолжали цѣловать ее.

— Агу!.. Дѣточка... баиньки!—смѣялся онъ.

Она оглянулась. Развѣ опять играютъ въ фанты?.. Или это ей сейчасъ приснилось?

Мальцевъ, узнавъ, что проводить ее некому, предложилъ довезти ее и Маню въ своей каретѣ, которую нанялъ на всю ночь, словно онъ заранѣе предвидѣлъ такой случай.

Конецъ вечера, прощанье, разъѣздъ,—все это исчезло изъ памяти Вавочки. Смутно помнитъ она только, что въ передней ее окружила цѣлая толпа кадетъ. Опять заметались передъ нею безусыя лица, вытаращенные глаза... что-то неуклюжее, нелѣпое и старательное... Человѣкъ десять наперерывъ лѣзли ее одѣвать, хватали чужія вещи, рвали платки, ловили ее за ноги, чтобъ надѣть калоши; наконецъ, надѣли чужія, какія-то лодки аршинныя... Впопыхахъ, надѣвая на нее пальто, чуть не вывихнули ей руку. И, всю въ чужихъ платкахъ и плэдахъ, побѣдоносно донесли ее и положили въ карету.

Она очнулась опять, когда карета, мягко покачиваясь, слегка подпрыгивала на резиновыхъ шинахъ по мостовой. Фонари бросали трепетный отблескъ на лицо Мани, сидѣвшей рядомъ, на бархатный воротникъ мужского пальто.

Кажется, Мальцевъ беретъ ея руку и говоритъ что-то, скаля бѣлые зубы. Раздается взрывъ смѣха. Маня подвизгиваетъ отъ удовольствія... Но Вавочка закрываетъ глаза и опять, убаюкан-

ная ѣздой, отдается сладкой дремѣ. Въ тѣсномъ ящикѣ кареты она смутно слышитъ шопотъ, тихій смѣхъ, потомъ звукъ поцѣлуевъ... Кто это цѣлуетъ? Ахъ, пусть!.. Не все ли равно?

Толчокъ. Раскрывъ глаза на одно мгновеніе, Вавочка видитъ, что надъ нею склонилось широкое лицо Мани, и она глядитъ такъ пытливо.—Кажется, она спитъ...—говоритъ Маня кому-то.

Вавочка чувствуетъ, что Маня опять наклоняется къ ней и цѣлуетъ ее... У Мани выросли усы. Они щекочутъ шейку и щечку Вавочки... Это ничуть не странно... Это только смѣшно... Ха-ха!.. Какъ щекотно!.. И какіе у нея колючіе усы! Она смѣется. Открыть глаза лѣнь...

Александра Львовна въ тревогѣ не ложилась до разсвѣта, поджидая дочь. Маня увѣряла, что ихъ проводятъ... Она ихъ ждала въ два, ну въ три, наконецъ... Теперь пять, шестой утра. Не случилось ли чего?.. И какъ она не догадалась часа въ два послать за нею Тихменева?—Слава Богу!—крикнула она, бросаясь на звонокъ въ переднюю.

Мальцевъ, представляясь растерянной Александрѣ Львовнѣ (Какая она, однако, красивая!..) и сдавая ей съ рукъ на руки тяжелый мѣшокъ съ заспаннымъ лицомъ, вмѣсто прежней Вавочки, извинялся, что въ такое позднее, или, вѣрнѣй, раннее время онъ рискнулъ войти въ чужой домъ.

«Отъ него виномъ пахнетъ!..»

— Неужели вы одни въ каретѣ?—сорвалось у Ясневой съ такимъ отчаяніемъ, что усы Мальцева дрогнули отъ улыбки.

— Въ каретѣ Марія Никаноровна Зимина, которую я провожаю до дому...

— Благодарю васъ,—лепетала Александра Львовна, запирая парадную.

Она тронула мѣшокъ, безжизненно опустившійся на единственный стулъ въ передней.—Вавочка, иди же спать!

«Что это?.. Она въ чужихъ платкахъ... И... Боже! Что это у нея за шлюпки вмѣсто калошъ?»

— Ахъ, отстань, Манька!—бормотала Вавочка, отмахиваясь.— Ха-ха!.. Отъ твоихъ усовъ щекотно...

— Вавочка!?

— А я щекотки боюсь... Ха-ха-ха!

«Господи!.. Да никакъ и она... пьяна?!» съ ужасомъ шептала Яснева, волоча, какъ кулекъ, за собою въ спальню разомлѣвшую дочку.

VII.

— Мамочка, милая... Дай мнѣ два съ полтиной! Я должна Зоѣ духи отнести,—сказала Вавочка на другой день послѣ бала.—Я ничего не подарила ей. Это неловко.

— Но къ чему такіе дорогіе? Возьми въ рубль отъ Лозе...

— Фи, мама!.. Въ рубль! Кто же теперь такими душится? И потомъ я обѣщала непремѣнно *Violette-reine*...

Вавочка, говоря такъ, совершенно забывала, что сама всегда покупаетъ флакончики по тридцати копеекъ, изъ тѣхъ, что продаются на пробу. Зато она умѣла удивительно хорошо угадывать «психологически-выгодные моменты» для своихъ ходатайствъ передъ разсчетливой матерью. Во-первыхъ, здѣсь былъ Тихменевъ, а при немъ Александра Львовна всегда стѣснялась отказывать. Во-вторыхъ, за завтракомъ мать очень сурово упрекала Вавочку за этотъ «безобразный балъ» и грозила не пускать ее больше. И Вавочка разревѣлась, какъ маленькая. Поэтому Александра Львовна, безъ дальнѣйшихъ споровъ, слегка покраснѣвъ, отсчитала нужную сумму. На слѣдующее утро, въ воскресенье, Вавочка уже совсѣмъ собралась идти къ Зоѣ, какъ вдругъ задѣла рукавомъ пальто по комоду и уронила флаконъ. Чудный ароматъ фіалокъ наполнилъ ея комнату. Вавочка ахнула, выхватила грязный носовой платокъ и тщательно стала вытирать имъ на полу; потомъ бросила и кинулась за чистымъ платкомъ, все также растерянно и жалостно охая. Наконецъ любовно подобрала осколки съ драгоцѣнной жидкостью и чуть не плакала отъ огорченія, что духи пролились на полъ, а не на ея платье.

— Мама, дай еще два съ полтиной,—сказала она, входя къ матери.—Я разбила нечаянно флаконъ.

Александра Львовна руками всплеснула.

— Ахъ, Вавочка! Это безсовѣстно... Да откуда же я ихъ возьму? Ты спроси, есть ли они у меня?

— Да, вѣдь, я нечаянно,—обидѣлась Вавочка, не любившая упрековъ.

— Еще бы ты нарочно! Этого недоставало... Пойми, что у меня до жалованья всего пять рублей въ домѣ осталось. Ты думаешь, мнѣ деньги дешево достаются?

Губы дѣвушки задрожали, но она смолчала и убѣжала къ себѣ.

Вавочка два дня дулась на мать. Александра Львовна выдерживала характеръ.

Тихменевъ пріѣхалъ къ обѣду. Александры Львовны дома еще не было. Не было и Соньки, которую Яснева осенью вернула отцу. Къ экзамену она не приготовилась, а своимъ шпіонствомъ надоѣла Ясневой до-нельзя.

Вавочка была увѣрена, что Тихменевъ заѣдетъ на полчаса раньше прихода матери. Онъ часто дѣлалъ такъ въ послѣднія двѣ недѣли, и дѣвушка догадывалась зачѣмъ... Она вышла въ столовую грустная, убитая. На разспросы Тихменева отвѣчала откровенно. Ея положеніе безвыходно...

Онъ засмѣялся трагизму ея тона, но она подняла на него полный упрека взглядъ... Да, ему легко смѣяться. Но безъ этого флакона ей нельзя идти къ Зоѣ. А у нея нѣтъ больше радостей жизни, кромѣ дома Прокофьевыхъ. Не надо ей ни оперы, ни театра... Всюду скука. Только у Зои—жизнь настоящая. И если она теперь лишится этого общества, то...

— Что же?—усмѣхнулся Тихменевъ.

— Лучше-бъ мнѣ не родиться!—вырвалось у Вавочки съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

— Милая ты моя дѣвочка!—нѣжно прошепталъ Тихменевъ. По старой и забытой привычкѣ, безсознательно онъ привлекъ къ себѣ на грудь эту тоненькую фигурку и погладилъ пушистую голову дѣвушки.

— Мы это устроимъ, Вава... Я тебѣ завтра привезу духи.

Онъ тихонько коснулся губами этихъ золотистыхъ волосъ и вдругъ почувствовалъ легкую внутреннюю дрожь.

Она сдѣлала видъ, что не замѣтила этой робкой ласки. Ей тоже стало какъ-то странно и неожиданно пріятно... «Чѣмъ это такъ хорошо отъ него пахнетъ?..» думала она, лежа головой на груди Тихменева и вдыхая смѣшанный ароматъ духовъ и сигаръ, которымъ пропахъ его пиджакъ.

— Милый Андрей Васильичъ... Вы такой добрый... Только знаете что? Не говорите мамѣ о духахъ. Она разсердится...

Ей послышался звукъ въ передней, и она осторожно потянула свою руку. Онъ не пустилъ. Почему? Онъ самъ не могъ бы объяснить, онъ не сознавалъ... Хотѣлось продлить эту близость...

Вавочка быстро подняла голову, взглянула жадно въ его лицо... И не узнала его... Глаза изъ синихъ стали черными; красивыя, длинныя ноздри вздрагивали; на бѣломъ широкомъ лбу вздулась жилка... «Какой онъ, правда, красивый!.. Ахъ, онъ сейчасъ поцѣлуетъ меня!..»

Но онъ разжалъ руки и отошелъ къ окну. Ему было жутко... А она говорила яснымъ голоскомъ и съ такимъ яснымъ лицомъ:

— Знаете что? Приходите завтра въ пассажъ. Я тамъ всегда гуляю. Въ три часа... въ Александровскій пассажъ... Мы вмѣстѣ купимъ, и никто даже не узнаетъ, что мы встрѣчались! Ахъ, какъ это весело!—крикнула она, хлопнула въ ладоши и завертѣлась по комнатѣ.—Ну, а за духи я васъ потомъ поцѣлую!

Въ передней послышался легкій шорохъ, но у Вавочки былъ тонкій слухъ. Она кинулась навстрѣчу матери.

— Мамочка!.. Почему ты съ чернаго хода?

«Она подозрѣваетъ что-то», думалъ Тихменевъ о Ясневой. «Что-жъ? Она права... Мнѣ нельзя вѣрить...»

— А не все равно, откуда я пройду?.. Чтобъ не отрывать Анисью отъ плиты,—словно оправдывалась Яснева, раздѣваясь въ передней и радуясь, что тамъ темно.

— А ты одна?—притворно-равнодушно освѣдомилась она, нагибаясь, чтобъ снять калоши. «Отчего Вавочка такая веселая нынче и ласковая?..»

— Нѣтъ, это я тутъ, Александра Львовна... Мы такъ весело болтали...—Фигура Тихменева красиво выдѣлилась въ свѣтлой рамкѣ двери.—Позвольте, я вамъ помогу...

Онъ нагнулся къ ея ногамъ. Яснева отшатнулась, словно онъ поднесъ къ ней раскаленное желѣзо. «Я такъ и знала!.. Опять раньше пришелъ!»

— Не трудитесь... Я сама...—Еле уловимая нотка враждебности сверкнула въ ея тонѣ. Но онъ эту нотку поймалъ.

Вечеромъ, въ первый разъ за эти десять лѣтъ, они не знали, о чемъ говорить, и это было мучительно. Къ счастью, нашлась новая книжка журнала.

— Будемъ читать?—спросилъ онъ кротко.

— Читайте,—сквозь зубы процѣдила она и наклонилась надъ своей работой. Она шила дочери бѣлье.

Онъ зналъ у нея эту манеру говорить, когда она оскорблена и ждетъ извиненій. Но онъ не будетъ оправдываться. Онъ зналъ, что глубоко неправъ передъ этой женщиной, допуская манящую игру съ Вавочкой; *зналъ, что потомъ будетъ еще больше виноватъ...* Но, какъ морфоманъ, онъ не могъ отказаться отъ этого дурмана. И это сознаніе порождало въ немъ душевную усталость. «Пусть догадывается и презираетъ!.. Пусть!»

На прощанье онъ поцѣловалъ безстрастную ручку.

Идя подъ окнами, онъ взглянулъ вверхъ. Она стояла всегда тамъ, и они обмѣнивались послѣднимъ поклономъ. Такъ и есть!.. У окна не было на этотъ разъ никого.

«Завтра два свиданія», думалъ Тихменевъ съ отвращеніемъ къ самому себѣ. «Въ три часа съ дочкой, въ шесть съ мамашей...»

Онъ представилъ себѣ завтрашній вечеръ. Онъ будетъ оправдываться, лгать... Вѣдь она всѣ объясненія отложила на завтра... А она будетъ молча слушать и презирать, какъ всегда, въ дни ея ревности... «Но не могу же я ей сознаться, что я уже отравленъ!» съ отчаяніемъ почти крикнулъ Тихменевъ.

Два раза въ недѣлю Александра Львовна встрѣчалась съ Тихменевымъ на его квартирѣ. Конечно, объ этомъ никто не зналъ. Яснева имѣла въ другіе дни вечерніе частные уроки, и скрыть эти свиданія было легко. Сначала они видѣлись ежедневно, затѣмъ все рѣже. «Такъ надо для подрастающей Вавочки», говорили они,

но обманывались. Просто время брало свое. Когда же Вавочка кончила курсъ и расходы увеличились, Александра Львовна могла располагать только двумя вечерами въ недѣлю. Тихменевъ, съ своей стороны, очень дорожилъ этими часами полной откровенности, когда они сидѣли обнявшись, говоря другъ другу *ты*, часто молча, только наслаждаясь близостью другъ друга.

Нерѣдко Александра Львовна вздрагивала, словно выходила изъ забытья. Изъ темной двери спальни на нее съ сверкающей улыбкой глядѣло личико ея розоваго и бѣлокураго кошмара, его будущей жены... Она войдетъ хозяйкой въ эту холостую квартиру, будетъ нѣжиться на этомъ самомъ диванѣ... Ихъ дѣти будутъ топтать эти ковры, будутъ ломать эти красивыя бездѣлушки на письменномъ столѣ, которыя она дарила ему...

И портрета ея на столѣ уже не будетъ...

Онъ со свойственной ему чуткостью угадывалъ ея мысли. Молча прижималъ онъ ея голову къ своей груди. Его нѣжныя руки закрывали ея мрачные глаза. И бывали такіе счастливые дни, что въ ревнивую душу ея сходило спокойствіе.

Въ эту ночь Александра Львовна почти не спала.

Она еще не видѣла соперницы, но всѣми нервами она чувствовала охлажденіе Тихменева. Повторялось настроеніе, впервые явившееся на дачѣ. Неужели наступила минута, когда ея общества ему мало? И надо уступать его другимъ? Уступать молодости? Когда-то она говорила ему, что не станетъ на его дорогѣ въ роковую минуту... «Хоть годъ, да мой!..» А вотъ прошли десять лѣтъ, а она не можетъ помириться съ мыслью объ измѣнѣ, объ утратѣ.

Она встала желтая, старая, съ мѣшками около глазъ. «А, вѣдь, я старюсь!..» горько подумала она. «Хорошо, что мы увидимся не при дневномъ свѣтѣ!»

Съ болью взглянула она на ослѣпительно-свѣжее личико Вавочки. Въ первый разъ какое-то тяжелое и жгучее чувство зависти и злобы противъ этой дѣвочки закралось въ ея душу. Это было, положимъ, всего одно мгновеніе, но Яснева уже испугалась и раскаялась. Особенно нѣжно поцѣловала она дочь на прощанье.

Одѣваясь утромъ на урокъ, Александра Львовна внимательно оглядѣла свое платье. Рукава уже вышли изъ моды; на локтяхъ швы лоснились; юбка, два раза выстиранная, уже утратила фасонъ. Этому платью четыре года. Надо шить новое, а хорошее черное пустить въ ходъ. «Да, я распустилась, я слишкомъ мало слѣжу за модой, мужчины этого не прощаютъ... Или ужъ я такъ много брала на себя, разсчитывая на его вѣрность?»

«Я старюсь», съ тоской думала она, шагая въ октябрьскомъ туманѣ, подъ дождемъ, по скользкой, обледенѣлой мостовой. Ей

вспомнилась вся ея жизнь съ шестнадцатаго года. Сначала гувернантство, трудъ неблагодарный и безпросвѣтный; затѣмъ курсы, любовь, замужество. Это была свѣтлая полоса. Но скоро жизнь опять потемнѣла и надолго. Не нужда была страшна, изъ которой Ясневы не выходили, а мучили болѣзни и смерть дѣтей. Беременная до послѣдняго дня Александра Львовна ходила на уроки, гнулась надъ перепиской. Родивъ, сама кормила, сама готовила, стирала бѣлье; прислуги держать было не на что. Схоронивъ дѣтей, она опять искала уроковъ, и все это впроголодь, дѣлая концы по десяти верстъ въ день. А потомъ чахотка мужа, доктора, безсонныя ночи, безпросвѣтное горе... И нужда, эта вѣрная подруга... Умеръ мужъ, пришлось войти въ долги, чтобъ схоронить, заплатить докторамъ. Ахъ, мало было радостей въ прошломъ!.. А первые четыре года послѣ его смерти, когда она билась, чтобъ выпутаться изъ долговъ? И теперь вспомнить жутко.

Только къ тридцати годамъ стала она на ноги, пристроилась къ гимназіямъ; нашлись еще хорошіе уроки, деньги шли къ деньгамъ. Расплатилась съ долгами и даже скопила про черный день. А тамъ пришло и счастье...

Только за тридцать лѣтъ Александра Львовна нашла возможность, послѣ долгаго перерыва, снова наполнить жизнь духовными интересами, которыхъ она не знала съ самыхъ курсовъ. Съ увлеченіемъ она взялась за работу въ воскресной школѣ; записалась членомъ молодого благотворительнаго «Общества», посвятившаго себя заботамъ о курсисткахъ. И скоро выдвинулась тамъ, какъ энергичная работница, дежуря въ дешевыхъ столовыхъ, обходя квартиры курсистокъ, принимая ихъ прошенія о пособіи, вникая всѣмъ сердцемъ въ ихъ нужды... И курсистки шли къ ней съ довѣріемъ. Александра Львовна привлекла въ это «Общество» и Тихменева, и заставляла его щедро жертвовать на нужды молодежи. Теперь опять почему-то жизнь стала тускнѣть. Только и думы, чтобъ свести концы съ концами, чтобъ заработать побольше. Дочь—взрослая... И вотъ она, ея вѣрная батрачка, крѣпостная ея, шагаетъ по мокрымъ панелямъ, спѣша на урокъ. И будетъ такъ шагать, пока не свалится...

Э, вздоръ!.. Такимъ и болѣть нельзя, некогда! Ихъ доля—черная работа. А Вавочки пришли на готовое и на готовомъ проживутъ до сѣдыхъ волосъ, вѣчныя содержанки, съ плечъ матерей переходящія на плечи мужа, затѣмъ на плечи собственныхъ дѣтей. Онѣ не заморятъ себя на работѣ, не состарятся такъ рано. И жизнь пройдутъ съ ясной душой, съ яснымъ челомъ, на которомъ заботы и страсти не проведутъ морщинъ.

Сходя съ тротуара на мостовую, Александра Львовна оступи-

лась и попала въ воду. Она даже покраснѣла отъ досады. Не только башмакъ былъ мокръ, отсырѣлъ и чулокъ. Но не простуды она боялась: она, вѣдь, закаленная... Ей вспомнилось, что въ послѣдній разъ, когда она уходила отъ Тихменева, онъ замѣтилъ эту трещину на ботикѣ. «Ты развѣ не боишься простудиться, Саша? Ай-ай!.. Такая изящная женщина, и вдругъ рваная обувь?.. Вѣдь ты на-дняхъ покупала ботики?»

— Это я для Вавочки.

— Теперь себѣ купи... Купишь?—приставалъ Тихменевъ.

И опять не купила. Ботики стоютъ три рубля съ полтиной, и если ихъ истратить, то до жалованья не останется въ домѣ ни гроша. Но объ этомъ она смолчала. Все равно, онъ не пойметъ ее, онъ—удачникъ, никогда не вникавшій въ ея жизнь, полную лишеній. Онъ назоветъ это «мелочностью». А она ненавидитъ это обидное слово. Оно заставляетъ ее страдать.

«Надо нынче раздѣться такъ, чтобъ онъ не видалъ мокрой обуви. Хорошо еще, что онъ не замѣтилъ, какъ стерлась муфта!..» А шубка ея? Кто теперь носитъ такіе рукава? Ей опять вспомнилась Вавочка въ новомъ пальто, въ новомъ бархатномъ беретѣ... Александра Львовна хорошо знаетъ, чего стóитъ все это «изящество». Но всего обиднѣе для нея эта необходимость стѣсняться Тихменева, подтягиваться для него. Давно ли она казалась ему идеаломъ женственности, образцомъ вкуса? И онъ не замѣчалъ, глядя въ ея глаза, какъ она одѣта. И чѣмъ она была проще одѣта, тѣмъ казалась лучше... Прошли эти дни, прошли...

А въ это самое время Вавочка, розовая и нарядная, съ вьющимися даже на сырости золотыми волосами, которые пышными прядами выбивались изъ-подъ чернаго бархатнаго берета, гуляла подъ руку съ Зоей и Маней по узкому, запруженному праздной толпой проходу пассажа.

Здѣсь были всѣ бульвардьеры, фланеры, всѣ «пшюты» Москвы, въ модныхъ шинеляхъ и цилиндрахъ. Дождь загналъ ихъ съ улицъ подъ стеклянный сводъ галлереи. Изящные офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ и важные, скучающіе студенты въ щегольскихъ пальто, съ ярко-синими околышами на прусскихъ, куцыхъ фуражкахъ, стояли здѣсь группами. Тутъ же сновали какія-то отвратительныя восточныя рожи, въ грязноватыхъ бекешахъ. Мужчины жадными глазами барышниковъ осматривали женщинъ. А онѣ шли мимо, однѣ нарядныя, раскрашенныя подъ вуалетками, бросая вкось вызывающіе взгляды, подметая шлейфами платьевъ или полами модныхъ ротондъ мокрыя плиты, скользкія отъ таявшаго снѣга и грязи. Другія, какъ Маня и Вавочка, одѣтыя скромно, но показывающіяся съ безпечнымъ смѣхомъ этой плотоядной

толпѣ свою свѣжесть, неподдѣльный румянецъ, свои собственные зубы, всѣ сокровища своей юности.

Ахъ, какъ любила Вавочка эту прогулку подъ перекрестнымъ огнемъ мужскихъ взглядовъ, такъ пріятно подымавшую нервы! Этотъ шопотъ одобренія, когда она проходила, эти банальные комплименты, эти дерзкіе взгляды!.. Мальцевъ бывалъ тамъ почти ежедневно, и Зоя съ Маней, волнуясь, ждали, когда онъ ихъ замѣтитъ и подойдетъ. Мальцевъ тонко умѣлъ льстить обѣимъ дѣвушкамъ, ни одной не отдавая явнаго предпочтенія, и этимъ только разжигалъ любопытство подругъ и дразнилъ ихъ самолюбіе.

О томъ, что случилось въ памятную ночь, послѣ бала Прокофьевыхъ, Маня не разсказала бы никому. Точно также и Мальцевъ счелъ бы непорядочнымъ проболтаться кому-нибудь о томъ, что Зимина ходитъ къ нему въ гостиницу «Парижъ», гдѣ онъ жилъ. Съ виду они были только добрыми пріятелями. «Она некрасива, но безспорно пикантна», думалъ Мальцевъ о Манѣ, а Зою держалъ, что называется, въ резервѣ на тотъ случай, если родители милліонерши-невѣсты, съ лицомъ, напоминавшимъ по цвѣту сырую телятину, откажутъ ему въ ея рукѣ, узнавъ о долгахъ жениха. Относительно Прокофьевыхъ Мальцевъ ничего не боялся. Въ ихъ домѣ онъ былъ самымъ желаннымъ гостемъ. Молодой, некрасивый, но безспорно изящный, съ развитой нижней челюстью, широкой, чувственной улыбкой и крупными, бѣлыми зубами, онъ производилъ впечатлѣніе хищника и наглеца; но манеры его были безукоризненны. Родомъ изъ хорошей дворянской фамиліи, онъ числился на службѣ при одной изъ тѣхъ казенныхъ канцелярій, которыя, кажется, затѣмъ только и существуютъ, чтобы платить жалованье недорослямъ дворянскаго рода. Онъ доживалъ теперь послѣднія крохи проиграннаго материнскаго капитала. Онъ былъ неглупъ, находчивъ, дерзокъ, гдѣ можно, и, являясь однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей золотой молодежи, онъ пользовался большимъ вѣсомъ въ своемъ кружкѣ *petits crevés*... Успѣхъ у женщинъ онъ имѣлъ огромный, начиная съ лучшихъ салоновъ Москвы, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ равный, и кончая кулисами загородныхъ театровъ и «полусвѣтомъ». Поэтому меньше, какъ за сто тысячъ, «продешевить» себя онъ не хотѣлъ.

Свѣтскій тактъ Мальцева, не измѣнявшій ему ни при какихъ условіяхъ, удивительно импонировалъ Таганкѣ, въ лицѣ Прокофьевыхъ и ихъ *habitués*... «Замѣчательно корректенъ», съ восторгомъ говорилъ о немъ *papa*-Прокофьевъ, самъ бредившій этой корректностью. Подражая Мальцеву (какъ и многіе изъ свѣтской молодежи) въ покроѣ платья, цвѣтѣ жилетовъ и выборѣ галстуховъ, Прокофьевъ втайнѣ мечталъ назвать зятемъ

этого блестящаго дэнди... «Интересно только, во что мнѣ это влетитъ?» соображалъ *papa*-Прокофьевъ, стороной наводя справки о долгахъ Мальцева. Но поторговаться все-таки надѣялся.

Вавочку Мальцевъ пока еще не намѣтилъ. Часъ ея не насталъ.

Въ этотъ разъ она покинула подругъ въ самый разгаръ смѣха и веселья и, какъ змѣйка, скользнула въ боковой проходъ.

Александровскій пассажъ былъ почти пустъ. Не успѣла показаться тонкая фигура дѣвушки, какъ Тихменевъ поднялся ей навстрѣчу со скамьи, на которой ждалъ уже съ полчаса.

Съ разсвѣтомъ всѣ его колебанія и мученія исчезли. Въ сущности, что онъ дѣлалъ дурного? Эта прогулка такъ невинна, и не будь Саша ревнива, онъ не скрылъ бы отъ нея этой встрѣчи. Увидавъ Вавочку, онъ почувствовалъ себя молодымъ, полнымъ жизнерадости и нервной силы. Какъ давно не переживалъ онъ этихъ минутъ!.. Милая дѣвочка, спасибо тебѣ!

Взявшись подъ руку, сіяя, какъ «молодые», они шли впередъ.

Вавочка любила пассажъ не только за толпу, восторгавшуюся ея красотой. Она часами любовалась переливами бархата и атласа въ витринахъ, выставкой шляпъ, лентъ, перчатокъ и кружевъ, блескомъ бриллiантовъ и изящными вещицами à la Toilette. Она вздыхала отъ наслажденія, мысленно примѣряя все это на себя. Когда же придетъ ея женихъ, богатый, какъ сказочный принцъ?.. У витрины съ бриллiантами она сказала:

— Глядите, Андрей Васильичъ, какое прелестное кольцо!

Онъ тотчасъ же отворилъ дверь магазина.

— Куда вы?—испугалась Вавочка.

Онъ купилъ кольцо, не торгуясь. Оно стоило дорого, съ нимъ не было этой суммы. Онъ далъ задатокъ и сказалъ, что зайдетъ за нимъ завтра.

— Андрей Васильичъ,—лепетала Вавочка, которая то краснѣла, то блѣднѣла во время этихъ переговоровъ,—этого нельзя, мама узнаетъ...

«Мама»... На Тихменева точно плеснули холодной водой. Но онъ уже катился внизъ и остановиться не могъ.

— Вавочка, скоро твое рожденье, кажется?

— Да... и именины...

— Ну, вотъ я тогда надѣну это кольцо на твой пальчикъ...

— Но мама меня съѣстъ... Это такъ дорого...

— Я ей скажу половинную цѣну,—прошепталъ Тихменевъ. «А Саша въ бриллiантахъ толка не знаетъ»...

Вавочка не спросила себя даже, чѣмъ объяснить эту странную щедрость Тихменева? Къ добротѣ «дяди Андрюши» она привыкла съ дѣтства. Выйдя изъ магазина, она подъ собой не слыша-

ла ногъ. «Манька-то, Манька... Вѣдь она треснетъ отъ зависти... Я ей скажу настоящую цѣну, даже привру, пусть злится!..» думала Вавочка, ликуя. «А Зоя? Эта сама пойметъ, чего стоитъ. Вотъ удивится-то! Онѣ всѣ смѣялись надо мною, что у меня нѣтъ поклонника...» Забывъ всякую осторожность, Вавочка потащила Тихменева на свою «выставку». Она вела его за собой, какъ тріумфаторъ свой трофей, бросая кругомъ вызывающіе взоры.

У Зои глаза потемнѣли, когда она увидала счастливое лицо Тихменева, а Маня, раскрывъ широкій ротъ, только тогда нашла способность соображать и отвѣчать Мальцеву, когда эта парочка скрылась, повернувъ на Кузнецкій мостъ.

«Какая, однако, хорошенькая эта Вавочка!» вторично подумалъ Мальцевъ. И вдругъ онъ почувствовалъ тревогу и странную грусть. Всѣ замѣтили его внезапную разсѣянность.

Домой еще не хотѣлось. Совсѣмъ стемнѣло. Пассажъ вспыхнулъ электрическими огнями, по Кузнецкому мосту сіяли окна магазиновъ. На Вавочку сумерки всегда дѣйствовали возбуждающе. Ей захотѣлось сдѣлать что-то особенное.

— Хочешь, Вава, шоколаду?—предложилъ Тихменевъ, когда они шли мимо кондитерской.

— Конечно, хочу...

Они вошли. Въ маленькой комнатѣ, за магазиномъ, не было ни души. Разстегнувъ шубку и сидя въ бархатномъ креслѣ, Вавочка пила шоколадъ и весело щебетала. О чемъ? Тихменевъ даже не слушалъ. Ему доставляло странное наслажденіе глядѣть, какъ Вавочка, дуя на блюдце, по-дѣтски оттопыриваетъ губки, какъ она вкусно облизывается... Вотъ она безпечно тряхнула кудряшками... Жестъ, знакомый ему такъ давно-давно... И когда она успѣла вырасти?

Ему вспомнилось, какъ лѣтъ восемь назадъ, она бѣгала навстрѣчу матери, которая изъ Москвы возвращалась на дачу. «Мамочка... мамочка»... лепетала она съ какой-то холодной словно радостью, подставляя имъ обоимъ свое личико для поцѣлуя. И какъ смѣло мелькали эти длинныя, въ черныхъ чулкахъ, худыя ножки, за которыя онъ называлъ ее *паучкомъ*... «Какъ я теперь расцѣловалъ бы это личико, эти ножки, длинныя и навѣрное такія же худенькія!» Онъ вздрогнулъ, поймавъ себя на этихъ мысляхъ. «Да что же это? Съ ума, что ли, я схожу? Влюбленъ я, что ли?» Ему стало жутко. И неужели это прежняя Вава,—вотъ эта обольстительная дѣвушка, длинноногая и стройная, какъ богиня?.. «Да, женщина должна быть высокая и бѣлокурая... Это былъ идеалъ грековъ, а кто лучше ихъ понималъ красоту?» спрашивалъ онъ себя, какъ бы оспаривая кого-то, какъ бы рѣшая какой-то давно назрѣвающій вопросъ.

«А все виновата Саша», думалъ Тихменевъ, съ упорствомъ человѣка, желающаго себя обѣлить. «Изъ ревности. (Она давно ревновала, словно предчувствовала... Что предчувствовала?—ловилъ онъ себя, вздрагивая.—Э, вздоръ!..) Изъ ревности она устранила милую прежнюю близость между мной и Вавой, запретила объятія, родственные поцѣлуи... Я не замѣчалъ, какъ она росла и выросла. Саша первая натолкнула меня на эти мысли... «Съ взрослой дѣвушкой нельзя цѣловаться, какъ съ маленькой»... Правда, правда... Но вся бѣда въ томъ, что я отвыкъ отъ Вавочки, и теперь меня тянетъ, неудержимо тянетъ цѣловать ее».

Вавочка съѣла всѣ бисквиты. Кончивъ свою чашку, принялась за его шоколадъ, видя, что онъ не пьетъ. Потомъ облизала снаружи и внутри ложку и блаженно вздохнула полной грудью. Тихменевъ глядѣлъ на ея бѣлую шейку, казавшуюся еще бѣлѣе отъ чернаго барашка на воротникѣ, и чувствовалъ, какъ просыпается въ немъ страсть. «Неужели?..» ловилъ онъ себя, гналъ эти дразнящія мысли, и опять ему было жутко.

Когда они вышли изъ кондитерской, ихъ со всѣхъ сторонъ обняла мгла надвигавшихся сумерекъ. Тихменевъ, не торгуясь по обыкновенію, взялъ съ угла лихача и повезъ Вавочку домой.

— Сдѣлайте, что я васъ попрошу,—вдругъ вкрадчиво заговорила Вавочка, оборачиваясь къ Тихменеву всѣмъ корпусомъ.

— Ну?

— Когда установится санный путь, прокатите меня за городъ!

— Хорошо,—глухо отвѣтилъ онъ, стараясь не глядѣть на нее. Въ душѣ его росла тревога. «Это будетъ ужасное несчастіе»... вдругъ отчетливо подумалъ онъ.

— На углу переулка мы слѣземъ,—предусмотрительно заявила Вавочка,—и я одна пройду впередъ... А то Анисья увидитъ.

«О, да и шельма же выйдетъ изъ нея!» невольно подумалъ Тихменевъ. «И ничего-таки общаго съ матерью». Ему вспомнилась его чистая, неподкупная Саша, и сердце болѣзненно заныло.

Они вошли въ домъ, связанные цѣлой сѣтью мелкихъ обмановъ.

За обѣдомъ Тихменевъ былъ невеселъ. Все возбужденіе его исчезло. Остались глухая тревога да растущая тоска. Съ Александрой Львовной онъ былъ необычайно нѣженъ и внимателенъ. «Навѣрное виноватъ», думала она, ничуть не смягчаясь.

Когда Вавочка вышла изъ столовой, Тихменевъ шепнулъ:

— Саша, поѣдемъ скорѣе ко мнѣ...

Она вздрогнула подъ его взглядомъ. Вспомнилось прошлое. Вотъ такъ онъ смотрѣлъ на нее когда-то... давно-давно...

— А чай какъ же?—хмурясь и не сдаваясь, спросила она.

Она не любила, чтобъ ключи оставались въ домѣ. Вавочка уничтожала тогда все сладкое въ буфетѣ.

— Ахъ, ради Бога!.. Хоть на нынче забудь о всѣхъ этихъ мелочахъ!—горячо сорвалось у него. Она молча пошла одѣваться.

— Вавочка, я спѣшу на урокъ,—сказала она, выходя,—пейте чай безъ меня.

Тихменевъ усадилъ ее на извозчика и обнялъ за талію. Ни разу еще въ этомъ банальномъ пріемѣ онъ не давалъ ей чувствовать простой вѣжливости. Даже въ эти мелочи онъ умѣлъ вносить столько нѣжности и вниманія... На этотъ разъ онъ крѣпче прижалъ къ себѣ станъ Александры Львовны, и она вдругъ почувствовала, что ея злоба таетъ.

Она вспоминала. Она любила прежде эти минуты ожиданія, когда они мчались въ санкахъ, пожимая другъ другу руки и молча глядя въ глаза... Нынче онъ такой же, какъ и въ первые годы... «Почему?»... всплывало мучительное подозрѣніе.

Въ условные дни Тихменевъ всегда отпускалъ въ трактиръ своего стараго слугу Степана. Ключъ отъ квартиры у него былъ съ собой. Не успѣли они войти въ темную переднюю, какъ онъ обнялъ ея плечи, готовый разрыдаться отъ тоски и раскаянія.

— Саша!.. Родная моя!—съ отчаяніемъ сказалъ онъ.

Вся злоба ея исчезла мгновенно. Въ ней проснулось то высокое, могучее чувство, сильнѣе страсти, сильнѣе чувственности, когда любимый человѣкъ становится жалокъ и дорогъ, какъ больное дитя. И ничего-таки для него не жаль, ничего... Если-бъ пришли и сказали: «Для его счастья, для его жизни надо отдать его другой женщинѣ»,—въ такія минуты она отдала бы его безъ колебаній, безъ проклятій... Быть можетъ, умерла бы сама отъ этого. Но ненависть не проснулась бы въ ея душѣ.

Крѣпко обняла она его темную голову и прижала къ груди.

И долго они сидѣли молча, полные глубокой любви и глубокой печали... О чемъ? Было ли это сожалѣніе о прошломъ? Предчувствіе ли грядущаго?.. Кто скажетъ?

И опять исчезли ихъ страхи, и имъ обоимъ было хорошо. Не хотѣлось говорить, объяснять, обѣщать и требовать... Къ чему? Въ такія минуты слова ничтожны.

VIII.

Тихменевъ пересталъ заходить къ Ясневымъ на полчаса раньше прихода Александры Львовны и даже опаздывалъ къ обѣду. Онъ гордился этой побѣдой надъ собой. Ловя себя на рѣдкихъ, но яркихъ мечтахъ объ этой «дѣвчонкѣ», онъ усмѣхался горько и желчно. Вавочка какъ будто даже вниманія не обратила на пове-

деніе Тихменева, хотя догадывалась, что онъ намѣренно избѣгаетъ ее... Ну, и пусть! Она была къ нему совершенно равнодушна.

Выдвигалась новая забота. Зима установилась. Маня, Зоя, Мальцевъ, гимназистъ Коля и еще двое студентовъ сговорились ежедневно ходить на катокъ. Маня въ упоеніи разсказывала Вавочкѣ, какія необыкновенныя ощущенія даетъ этотъ спортъ.

— Понимаешь? Музыка, электрическое освѣщеніе, кругомъ толпа... И смѣхъ, и флиртъ. Коля на льду красивъ до умопомраченія. За нимъ такъ и ходятъ толпами. И Мальцевъ недуренъ... Онъ танцуетъ вальсъ...

— На льду?—благоговѣйно удивилась Вавочка.

— Ну, конечно... Онъ меня выучилъ бѣгать съ двухъ разъ.

— Счастливица!

— Ха!.. Ха! Какое, подумаешь, недоступное счастье! Скажи матери, чтобъ купила тебѣ коньки, ботинки высокія на мѣху и сезонный билетъ. А Мальцевъ тебя выучитъ... Только смотри, дорогіе коньки... Дешевыхъ покупать не стоитъ.

— А Зоя?—задыхаясь отъ волненія, спросила Вавочка.

— Зоя еще въ прошломъ году выучилась. Она на льду, какъ у себя, на паркетѣ...

Вавочка послѣ обѣда такъ нѣжно поцѣловала мать, такъ мягко ласкалась къ ней, чисто по-кошачьи, пушистой головкой прижимаясь къ ея груди, что Яснева скоро догадалась.

— Ну, говори прямо, чего тебѣ нужно?—усмѣхнулась она, вся разомлѣвъ отъ этой рѣдкой ласки.

— Коньки, мамочка. Только хорошіе,—прошептала Вавочка.— И сезонный билетъ... И, милая, милая мамочка... высокія ботинки на мѣху... Безъ нихъ нельзя кататься!

Жизнь Вавочки теперь вошла въ опредѣленныя рамки. Она вставала въ одиннадцать, не спѣша, одѣвалась и завтракала. Въ часъ шла за Зоей или Маней и до трехъ бродила по пассажу или въ Верхнихъ рядахъ, когда тамъ играла музыка. Послѣ обѣда она мчалась на катокъ, а вечерами, если не была въ театрѣ, то шла въ гости. Дома она, безъ матери, любила поваляться на диванѣ. Часто она сидѣла у огня топившейся печки. О чемъ думала она часами? Ахъ!.. Она такъ любила помечтать о будущемъ, когда будетъ богата, какія платья сошьетъ, какого цвѣта у нея будетъ будуаръ, какимъ плюшемъ лучше обить раму зеркала на туалетѣ. Александра Львовна сердилась:

— Что за разгильдяйство такое, Вавочка? Въ твои годы валяться... Ты почитала бы... Сколько у насъ интересныхъ книгъ!

— Ахъ, мамочка! Мнѣ не хочется читать... Ну, не все ли тебѣ равно? Вѣдь я же не скучаю...

На катке Вавочка оказалась далеко не блестящей ученицей, но Мальцевъ не терялъ терпѣнія. Маня, отчаянная, какъ и во всемъ, вкладывала въ этотъ спортъ искру своего темперамента и была положительно красива, когда съ разгорѣвшимися щеками мчалась по льду, ловко раскачиваясь и продѣлывая самыя изумительныя па. Вавочка же была косолапа, неловка, притомъ трусиха. Она горбилась, ахала, терялась, была смѣшна. Но Мальцеву она нравилась съ каждымъ днемъ сильнѣе. Какъ истый донъжуанъ, добившись полнаго успѣха у Мани, онъ уже искалъ новизны впечатлѣній. Больше всего его разжигала холодность Вавочки. Когда, подъ предлогомъ обученія или помощи, онъ сжималъ ея талію, а она, занятая опасностью, не только не кокетничала, но даже не замѣчала его близости, онъ думалъ: «Ахъ, рыбка!.. Она еще не проснулась...»

Мальцевъ, не взирая на внѣшній лоскъ, былъ какъ-то вкрадчиво нахаленъ съ женщинами, и онѣ скоро привыкали къ нему. Вавочка быстро перестала стѣсняться, но и къ Мальцеву она была такъ же равнодушна, какъ и къ другимъ мужчинамъ. Она, дѣйствительно, еще спала.

Маня и Зоя, оскорбленныя этимъ новымъ увлеченіемъ Мальцева, стали выказывать Вавочкѣ замѣтную холодность. Дѣвушка огорчилась и начала заискивать въ подругахъ. Но Зоя враждебно отвергла ея подходы. Вавочка озлилась. Вѣдь, въ сущности, Мальцевъ былъ ей почему-то всегда глубоко антипатиченъ. Теперь же, въ пику подругамъ, она рѣшилась совсѣмъ отбить у нихъ кавалера. Все это ее, однако, такъ разстроило, что она дней пять не ходила въ пассажъ и на катокъ, желая всѣхъ ихъ наказать своимъ отсутствіемъ и позлить своего новаго поклонника. Тутъ, въ одиночествѣ, она вспомнила о Тихменевѣ.

— Вы хотѣли меня прокатить... Теперь чудный санный путь,— заговорила она нѣжнымъ голоскомъ.

— Просись у матери,—сухо отвѣтилъ онъ. Онъ чуть не сказалъ ей *вы*. Въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ Вавочку за то, что она къ нему такъ глубоко равнодушна. «И чего я искалъ въ ней?» спрашивалъ онъ себя. «Она глупа, она не умѣетъ любить, она—ничтожество, а я—негодяй...»

Вавочкѣ не хотѣлось проситься у матери, но Тихменевъ былъ непреклоненъ. Пришлось уступить.

Александра Львовна при такой неожиданной просьбѣ нахмурилась и подозрительно взглянула на Тихменева. Но у него было такое недовольное и скучающее лицо, что она согласилась.

И вотъ съ того дня Тихменевъ опять отравился. Его чувство было похоже на запой. Онъ мечталъ о дѣвушкѣ днемъ и ночью,

представляя ее себѣ, вмѣсто Александры Львовны, на свиданіи въ своей квартирѣ, на этой широкой тахтѣ. Онъ видѣлъ передъ собой на пестрыхъ подушкахъ это полудѣтское личико и сгоралъ отъ страсти. «Нельзя такъ думать, нельзя», говорилъ онъ себѣ съ дрожью, но думать не переставалъ. Въ первый разъ эта мечта мелькнула, яркая, какъ молнія, и такая же мгновенная. Она ожгла его и погасла... Но эта грѣховная греза вернулась опять уже при Александрѣ Львовнѣ, когда та сидѣла на его тахтѣ. И на другой день, съ сумерками, уже прокралась въ его кабинетъ и притаилась гдѣ-то въ складкахъ портьеръ, въ углахъ, гдѣ словно шептались тѣни. И стоило ему только закрыть глаза, чтобы эта мечта вышла изъ мрака, гдѣ она таилась, и овладѣла его душой.

Талмудъ говоритъ: «Злое влеченіе приходитъ сперва, какъ странникъ, затѣмъ, какъ гость и, наконецъ, какъ хозяинъ». Тихменевъ зналъ это по себѣ. Вавочка въ его мечтахъ—юная, ясная, равнодушная—входила, какъ хозяйка, въ его домъ и въ его душу, ставя въ ней все вверхъ дномъ, разрушая прошлое съ безпечнымъ смѣхомъ.

«Нельзя такъ думать, нельзя...» съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ и гналъ образъ Вавочки. Но эти усилія и запреты напоминали извѣстный анекдотъ объ алхимикѣ, искавшемъ способъ дѣлать золото. «Твой опытъ удастся», посовѣтовалъ ему кто-то, «не думай только о бѣломъ медвѣдѣ»... И этого было довольно, чтобы бѣлый медвѣдь, о которомъ онъ раньше не помышлялъ, не выходилъ у него изъ головы. «Да неужели же я влюбленъ?..» съ ужасомъ спрашивалъ себя Тихменевъ. «Но, вѣдь, я такъ же нѣжно люблю Сашу, какъ прежде, какъ прошлый годъ... Неужели можно любить двухъ?»

Вавочка потащила Тихменева на катокъ. Она торжествовала, замѣтивъ ревность Мальцева, злобу Мани и любопытство Зои. Зоя первая подошла къ Вавочкѣ, была съ нею чрезвычайно любезна и кокетничала съ Тихменевымъ. Маня про себя удивлялась, во-первыхъ, тому, что находятъ эти мужчины въ Вавочкѣ? Только рожица смазливая, но глупа, какъ пробка. А, главное, рыба (и она съ презрѣніемъ дѣлала нелестные для мужчинъ выводы). Вовторыхъ, она не могла понять, чего зѣваетъ эта дура и не женитъ на себѣ такого красавчика? Все-таки онъ—докторъ. Зажила бы она барыней, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ матери.

Но чего Вавочка не замѣтила по своей простотѣ, это ревности Тихменева. Онъ же, увидавъ Мальцева, Колю, ихъ безцеремонное обращеніе съ Вавочкой, которое говорило о давнемъ знакомствѣ и какихъ-то общихъ, чуждыхъ ему интересахъ,

вдругъ понялъ ясно и безповоротно, что онъ слѣпо влюбленъ въ Вавочку и что ревнуетъ ее безумно. Страсть такъ захватила его, что онъ даже не испугался, сознавъ ее, и не торговался съ своей совѣстью. До этой минуты онъ никогда не думалъ, что Вавочка вызываетъ въ другихъ мужчинахъ такія же чувственныя желанія. Онъ не думалъ, что она можетъ увлечься, выйти замужъ, принадлежать другому. По странной какой-то непослѣдовательности, мечтая объ этой дѣвочкѣ самъ, онъ продолжалъ считать ее полуребенкомъ.

Когда Вавочка, сдѣлавъ съ Мальцевымъ два тура, взявшись за руки, остановилась, наконецъ, передъ Тихменевымъ, красная и возбужденная отъ бѣга, онъ грубо дернулъ ее за рукавъ.

— Пора домой! Становится холодно.—Онъ самъ не узналъ своего рѣзкаго, хриплаго голоса.

Она вырвала руку.—Это потому, что вы сидите... Ступайте домой! А мнѣ тепло... Вѣдь я бѣгаю...—И пустилась дальше.

Онъ понялъ, что смѣшонъ, что дѣлаетъ глупости. Но онъ не ушелъ и продолжалъ терзаться.

Всю дорогу назадъ онъ озлобленный молчалъ, а дома напустился на Александру Львовну.

— Развѣ можно давать такую волю дѣвчонкѣ? Какъ можно довѣрять этой компаніи? Эта Манька... Какой-то нахалъ Мальцевъ, этотъ невозможный гимназистъ... Что за тонъ у нихъ! Какой жаргонъ! Что за неприличное обращеніе!.. Или не пускайте вашу дочь совсѣмъ, или пусть идетъ со мною!—объявилъ онъ почти грубо.

Вавочка слышала послѣднія фразы, войдя обѣдать въ столовую. Она стала возражать и спорить.

— Никакого неприличія нѣтъ. Всѣ они прекрасные люди...

— Тебѣ нравится, что они хватаютъ тебя за талію?—злобно засмѣялся Тихменевъ. Вавочка совсѣмъ озлилась и заплакала.

— Какой вздоръ! Развѣ иначе можно выучиться бѣгать на льду? Ахъ, мама, не слушай его! Все онъ вретъ.

— Молчи! — прикрикнула Александра Львовна съ несвойственной ей строгостью. Она испугалась не на шутку. Могло ли ей придти все это въ голову? Она вспомнила собственную юность, товарищескія отношенія со студентами, общность интересовъ и стремленій, полное довѣріе и уваженіе съ обѣихъ сторонъ и веселье... такое молодое, здоровое, невинное веселье!.. Она заявила дочери, что безъ Тихменева не будетъ пускать ее на катокъ. Вавочка подулась немножко, но скоро успокоилась. Въ сущности, она ничего не теряла. Тихменевъ усердно занимался новымъ спортомъ и черезъ недѣлю бѣгалъ очень недурно. А главное,

Вавочкѣ доставляло огромное удовольствіе видѣть ревность Мальцева и разжигать ее. Пусть онъ ей самъ непріятенъ, противенъ!.. Но его вниманіе льститъ. Нервы Вавочки, вообще, притуплялись быстро и требовали постояннаго возбужденія.

Въ проигрышѣ осталась одна Александра Львовна. Вечерами теперь она рѣже видѣла Тихменева, но она начинала смиряться. Либо запереть Вавочку дома (а развѣ это возможно?)—либо довѣрить ее Тихменеву. Все-таки она сильно страдала, худѣла, желтѣла замѣтно, не спала ночей. Ревность грызла ее. И даже не къ Вавочкѣ, а къ другимъ дѣвушкамъ, къ этой Зоѣ, ко всей этой юности и свѣжести, которыя окружали Тихменева. И она была права. Его эта юность опьяняла. Онъ вдругъ почувствовалъ, что и въ немъ кипитъ жажда веселья, новыхъ впечатлѣній; что жизнь безъ этого становится прѣсна.

Зоя пригласила его бывать, и онъ охотно согласился, подъ предлогомъ присмотра за Вавочкой. Зоя нравилась Тихменеву. Ея сѣрые, смѣлые глаза, выразительное лицо, ея свободное обращеніе, манера пѣть, подражая цыганамъ, эта немолчно кипѣвшая въ ней жажда сильныхъ ощущеній, все это дѣйствовало на нервы Тихменева. Когда онъ замѣтилъ, что съ удовольствіемъ ищетъ ея общества, ему стало досадно на себя. «Должно быть, я вправду бабникъ», съ горечью подумалъ онъ, «и узнаю объ этомъ только теперь, когда поздно...»

Что поздно? Онъ старался не договаривать даже самому себѣ.

IX.

Вавочка въ началѣ декабря была именинница. Какъ дитя, ожидающее игрушекъ, она съ трепетомъ ждала этого дня, чтобы получить подарки.

— Мамочка, ты мнѣ, пожалуйста, что купила, подъ подушку положи,—волновалась она вечеромъ,—или на стулъ, у постели...

Это такъ напомнило Александрѣ Львовнѣ дѣтство дочери, что она чуть не со слезами умиленія страстно осыпала все личико дѣвушки поцѣлуями.

— Хорошо, моя радость, не забуду. Только, вѣдь, ты поминутно просыпаться будешь?

— Нѣтъ, мамочка... Ну, а если-бъ даже такъ? Пускай! Именинница бываешь разъ въ годъ.

Когда она вышла, Яснева съ счастливымъ, взволнованнымъ лицомъ склонилась надъ работой. Тихменевъ, только что любовавшійся дѣвушкой и думавшій, что въ этой именно дѣтской наивности кроется главная прелесть Вавочки, теперь съ глубо-

кимъ чувствомъ нѣжности и печали глядѣлъ на мать. И что-то смутное щемило ему душу.

— Какая она прелесть!.. Не правда ли?—прошептала Александра Львовна, сіяя влажными глазами.

— Ахъ, Саша!.. Вотъ ты прелесть... Если-бъ ты сейчасъ видѣла себя, какое у тебя трогательное личико!

Наканунѣ они вмѣстѣ ходили въ пассажъ покупать подарки. Александра Львовна знала, что Вавочкѣ хочется имѣть горжетку изъ перьевъ, и уже присмотрѣла хорошенькую, рублей въ восемь. Но Тихменевъ забраковалъ ея выборъ и, приложивъ сорокъ рублей своихъ, купилъ прекрасное страусовое боа.

— Мнѣ совѣстно,—шептала Александра Львовна. Она не подозрѣвала о настоящей цѣнѣ этого подарка, такъ какъ сама она такихъ вещей никогда не носила.

— Не лицемѣрьте,—хохоталъ Тихменевъ.—Сознайтесь, что вы довольны.

Когда Вавочка заснула, мать осторожно вошла въ ея комнату, поставила у постели высокій картонъ съ обновкой и вышла на цыпочкахъ.

— А подъ подушку что?—усмѣхнулся Тихменевъ.

— Ничего... Будетъ съ нея!—А у самой по глазамъ видно было, что эта мысль уже была у нея и сверлитъ потихоньку.

Тихменевъ вышелъ въ переднюю и вернулся съ коробкой.

— Что это еще?

— Каштаны въ сахарѣ... Она ихъ любитъ.

— Какой ты милый!—воскликнула Александра Львовна и горячо обняла своего друга.

Вавочка еще ночью, проснувшись, разглядѣла обновку, поѣла каштановъ и заснула съ спокойнымъ духомъ. Утромъ она проспала. Мать, уходя на уроки, приняла ея сонный поцѣлуй.

Тихменевъ пріѣхалъ къ двѣнадцати. Она встрѣтила его, закутавшись кокетливо въ черное пушистое боа, изъ котораго эффектно выступала ея золотая головка. Онъ вынулъ брилліантовое кольцо и надѣлъ на ея палецъ. Вавочка смотрѣла на драгоцѣнный камень, не отрываясь, нѣжно, съ благоговѣніемъ, гипнотизированная его блескомъ.

Тихменева еще съ полдороги къ дому била лихорадка въ ожиданіи этой минуты.—Вавочка, помнишь?—началъ онъ, и голосъ его прерывался отъ волненія.—За кольцо... ты говорила, что поцѣлуешь...—И онъ протянулъ къ ней руки.

— Ахъ, да!—Она безстрастно дала себя обнять и подставила розовыя губки. Тихменевъ на мгновеніе потерялъ голову.

Въ передней дрогнулъ звонокъ.

— Пустите... Это Зоя,—полузадушеннымъ звукомъ сказала Вавочка, равнодушно освобождаясь изъ объятій доктора.

Она побѣжала въ переднюю. Отчаянная страсть этого поцѣлуя даже не достигла ея сознанія. Ей теперь было не до любви.

Пришли наканунѣ приглашенныя Вавочкой на чашку шоколада—Зоя, Маня и Надя Корнева, худенькая, безцвѣтная фигурка, съ скучающимъ, надменнымъ, словно увядшимъ личикомъ. Онѣ вошли съ шумомъ и смѣхомъ. Цѣлуя именинницу, каждая поднесла подарки. Зоя—пару черныхъ шелковыхъ чулокъ съ красными стрѣлками; Надя—серебряную рублевую брошку «Варя» и Маня—пузырекъ духовъ въ тридцать копеекъ. Вавочка ахала и растроганно благодарила за память. Больше всего ее порадовало замѣчаніе Зои:—Твое боа, кажется, лучше, чѣмъ у меня.

Тихменеву сперва было досадно за прерванное приходомъ молодежи tête-à-tête. Но Зоя скоро, по обыкновенію, наэлектризовала его своимъ кокетствомъ. Приказавъ Анисьѣ торопиться съ пирогомъ, онъ тихонько уѣхалъ.

Надя, брезгливо морщась, разсказывала, какая у нихъ дома безпросвѣтная скука. Отецъ опять запилъ, того и гляди, уроковъ лишатъ. Мать возвращается изъ гимназіи такая раздражительная, плачетъ!.. «Устала, говоритъ, уроки давать. Помогай мнѣ, говоритъ. Я спала и видѣла, когда ты курсъ кончишь. Недаромъ ты въ институтѣ первой по музыкѣ шла...» Боже мой! Развѣ объ этомъ она мечтала, кончая ученье? Это ли жизнь, о какой она грезила? Есть ли смыслъ быть талантливой, чтобъ, въ концѣ-концовъ, стать чернорабочей, какъ ея мать, жалкой ремесленницей?.. Давать какіе-то грошовые уроки, подготовлять въ гимназію тупицъ-сестеръ? Чего стоитъ такая жизнь?

— То-есть ни чертá!—сочувственно подхватила Маня.

— Что-жъ ты намѣрена дѣлать?—снисходительно освѣдомилась Зоя.

Положивъ локти на столъ и приблизивъ лица, онѣ всѣ съ наслажденіемъ щелкали сѣмечки, которыми всегда были полны карманы Мани и Вавочки.

— Хочу учиться пѣнію въ консерваторіи.

— Ого-го!—крикнула Маня.—Это тысячу рублей стоитъ въ пять лѣтъ... Гдѣ ты эти деньги возьмешь?

— Вздоръ!.. Меня сдѣлаютъ стипендіаткой.

— Ну, это еще на водѣ вилами писано...

— Пѣ-ні-ю?—протянула Вавочка.—Да, вѣдь, у тебя голоса нѣтъ.

Надя разсердилась не на шутку. Много онѣ понимаютъ!.. Да, у нея голосъ невеликъ... Но развѣ въ силѣ дѣло? Главное—талантъ.

Черезъ полчаса вернулся Тихменевъ, нагруженный фруктами, конфетами и печеньемъ.

— Кушайте, пожалуйста, пока хозяйка не вернулась,—шутилъ онъ.—Она у насъ строгая, излишествъ не любитъ...

— Онъ восхитителенъ,—говорила тихонько Зоя Вавочкѣ.—И если ты въ него не влюбилась до сихъ поръ, то ты прямо глупа...

Но, опять-таки, Вавочкѣ было не до любви. Тихменевъ засталъ ее съ пылавшими щеками, съ улыбкой тріумфатора. Кольцо произвело огромный эффектъ. Маня, увидавъ его, подавилась каштаномъ. Затѣмъ, выпивъ цѣлый стаканъ холодной воды, она потребовала, чтобы кольцо было снято. Еще настоящее ли оно?

— Ты съ ума сошла?—вспыхнула Вавочка и назвала цѣну, слегка округливъ ее. Но Маня, поджавъ губы, долго смотрѣла бриллiантъ на свѣтъ, вертѣла его въ рукахъ, и, наконецъ, блѣдная, вернула его Вавочкѣ.

— Да, настоящій, но этихъ денегъ онъ не стоитъ. Съ васъ содрали лишнее.

— Ну, что ты понимаешь?—расхохоталась Вавочка.

Зоя дипломатично молчала. Ей было досадно, что Тихменевъ увлеченъ этой дѣвчонкой.

Надя презрительно щурилась на оттопыренный пальчикъ Вавочки, который теперь почему-то такъ назойливо лѣзъ всѣмъ въ глаза. Когда она кончитъ консерваторію и удивитъ міръ своимъ голосомъ, у нея будетъ бриллiантовъ на полмилліона.

Послѣ пирога и шоколада всѣ пошли на катокъ, до обѣда. Время провели весело. Разставаясь, Зоя сказала имениннцѣ:

— Готовь туалетъ, Вавочка! Предупреждаю заранѣе. На второй день праздника я опять даю балъ.

Всю дорогу обратно Вавочка не замѣчала Тихменева. «Новое платье... Газовое непремѣнно. И какого цвѣта? Розовое или сиреневое? Но отнюдь не кремъ и не голубое!»

Она такъ была поглощена этой мыслью, такъ разсѣянна, что Александра Львовна, вернувшись къ обѣду, огорчилась. Когда же она увидала кольцо, щеки ея залились румянцемъ, и расширились зрачки темныхъ глазъ. За эти десять лѣтъ Тихменевъ, кромѣ цвѣтовъ или книгъ, ничего не поднесъ ей мало-мальски цѣннаго; не смѣлъ поднести, зная ея взгляды.

— Вы съ ума сошли, Андрей Васильичъ! Положительно вы тронулись... Дарить дѣвчонкѣ бриллiанты?

Вавочка кинулась къ матери на шею.

— Мамочка, милая... У меня, вѣдь, нѣтъ ни одного украшенія!

Голосъ ея такъ трогательно дрогнулъ. Тихменевъ и не пробовалъ спорить. Онъ былъ такъ тихъ, такъ ласковъ, что, посердившись и побѣгавъ по комнатѣ, Яснева махнула рукой.

— Но помни, Вава... Чтобъ съ нынѣшняго дня ни одного подарка! Ни отъ кого... Ни отъ него, ни отъ другихъ. Дай честное слово! И вы тоже, Андрей Васильичъ... Я не хочу страдать отъ этихъ... глупостей...

Этотъ разговоръ немного омрачилъ настроеніе у всѣхъ.

Вечеромъ поѣхали въ оперетку. Вавочка сама пожелала этого, такъ какъ не любила ни оперы, ни драмы. Но и въ ложѣ втроемъ, въ этой семейной обстановкѣ ей было скучно. Она разсѣянно смотрѣла на сцену, мало смѣялась и была задумчива.

— Что съ тобой?—удивлялась мать. Ей этотъ день стоилъ дорого, и хотѣлось бы, чтобъ такой цѣной было куплено полное удовольствіе ея дѣвочки.

Вавочка все любовалась игрой камня при блескѣ люстръ и снимала перчатку. Въ уборной, спѣша снять и другую, она взглянула съ досадой на побурѣвшіе отъ пота пальцы. Мать сама чистила эти перчатки, и онѣ такъ противно пахли бензиномъ. Выходя, она потихоньку разорвала ихъ. Теперь поневолѣ купятъ новыя. Что можетъ быть хуже этихъ чищеныхъ перчатокъ?

Александра Львовна съ тревогой думала о наступавшихъ праздникахъ. Она только что потеряла выгодный урокъ, такъ какъ ученица ея заболѣла дифтеритомъ. А свѣтская жизнь Вавочки стоила недешево. Каждый выѣздъ къ Прокофьевымъ требовалъ новыхъ затратъ: то лопнутъ башмаки, то понадобятся новые чулки, тонкій носовой платокъ: Вавочка была неряха и постоянно теряла ихъ. Больше всего изводили Ясневу перчатки. Всѣ эти мелочи были необходимы, но стоили дорого. Къ празднику расходы предвидѣлись еще серьезнѣе.

Наканунѣ именинъ Вавочки Александра Львовна, на улицѣ, встрѣтила отца Соньки, жизнерадостнаго фабриканта.

— Мамочка моя,—завопилъ онъ зычнымъ голосомъ, хватая Ясневу за муфту,—заставьте за себя Бога молить! Благодѣтельница! Возьмите Соньку... Сладу съ дѣвкой нѣтъ.

Она долго отказывалась. Фабрикантъ накидывалъ лишнихъ двадцать пять рублей противъ лѣта. Это была крупная сумма въ общемъ, и Яснева обѣщала подумать. Но ей сильно не хотѣлось брать въ домъ этого соглядатая-Соньку.

Задумчивость Вавочки объяснилась на другой день послѣ именинъ. Она сидѣла вечеромъ у печки и, кутаясь въ шерстяной платокъ, глядѣла въ огонь. Яснева поправляла тетради, нужныя въ гимназіи на завтра. Тихменевъ послѣ обѣда уѣхалъ на засѣданіе невропатологовъ и долженъ былъ скоро вернуться.

— О чемъ ты думаешь, дѣточка?—ласково спросила мать, которой показалось, что Вавочка была уже не попрежнему весела и безпечна.

Да, она угадала. Розовыя грезы дѣвушки постепенно тускнѣли, по мѣрѣ того, какъ ярче выступала разница между ея собственнымъ положеніемъ и завидной долей Зои Прокофьевой. Озлобленіе противъ судьбы незамѣтно внѣдрялось въ ея душу. Она уже не мечтала теперь часами о томъ, какія у нея будутъ платья, какимъ плюшемъ будетъ обита мебель въ ея салонѣ. Она думала, что лучше умереть, чѣмъ до сѣдыхъ волосъ оставаться въ этой сѣренькой обстановкѣ, которой довольствовалась мать. Она думала, что сказочный принцъ медлитъ, а ей уже двадцать лѣтъ.

На вопросъ матери она обернулась и объявила, что у Зои будетъ балъ. Нужно платье.

— Надѣнь голубое... Оно еще свѣжо. Его можно подновить.

— Ты бы посовѣтовала надѣть выпускное-кремъ,—съязвила Вавочка.—Оно одинаково свѣжо.—И, видя, что мать молчитъ, пораженная этимъ новымъ тономъ, она добавила:—Не могу же я всю зиму въ двухъ платьяхъ выѣзжать! Зоя прямо сказала: готовь туалетъ...

Александра Львовна разомъ повернулась на своемъ стулѣ.

— Ну, и пусть она себѣ готовитъ, а намъ не изъ чего. Я тебѣ говорила, что потеряла урокъ?.. Мнѣ негдѣ взять денегъ, пойми! Если тебѣ теперь выбросить сорокъ рублей на платье, мнѣ нечѣмъ будетъ встрѣтить праздникъ. Я тебѣ до сихъ поръ ни въ чемъ не отказывала... Но теперь... Дѣточка, пожалѣй меня и не проси!.. Мнѣ нелегко отказывать...

Ея голосъ задрожалъ.

— А меня развѣ не стоитъ пожалѣть, мама?

Александра Львовна вспыхнула и отбросила перо.

— Тебя жалѣть?.. Неблагодарная дѣвчонка!.. Я ли не разрываюсь, чтобъ сдѣлать твою жизнь пріятной?

«Ты обязана... на то ты—мать», подумала Вавочка, усердно теребя конецъ теплаго платка, а вслухъ сказала:—Если ты не сдѣлаешь розоваго газоваго, то я лучше останусь дома... Другого я не надѣну.

Александра Львовна встала.—Ну, и оставайся!.. Не велика бѣда дома посидѣть... Займись чѣмъ-нибудь... Вонъ у тебя бѣлье въ дырахъ... На тебѣ все горитъ.

Вавочка тоже встала. Глаза ея потемнѣли.—И ты воображаешь, что я на праздникахъ буду чинить бѣлье?

И, прежде чѣмъ Яснева собралась возразить, Вавочка разразилась страстнымъ монологомъ. Развѣ она виновата, что нѣтъ денегъ? Она только начинаетъ жить... Живутъ для счастья, а не для штопанья бѣлья... Нѣтъ, это не чепуха!.. Это Зоя говоритъ... Она изъ книгъ вычитала... И она права.

— Я не хочу умирать со скуки дома,—кричала Вавочка, забывшись и топая ногой; видя, какъ блѣднѣетъ гнѣвное лицо матери и, во что бы то ни стало, стараясь доказать свою правоту.— Я хочу жить, какъ всѣ... Отчего другія имѣютъ новыя платья, свѣжія перчатки? Всюду бываютъ? А мнѣ отказываютъ во всемъ?

— Мирись съ своимъ положеніемъ,—побѣлѣвшими губами тихо-тихо произнесла Александра Львовна.—Онѣ родились богачками, а тебѣ предстоитъ трудовая жизнь...

— Я не хочу мириться,—страстно крикнула Вавочка и такъ передернула конецъ платка, что онъ затрещалъ въ ея рукахъ.— Я не хуже другихъ... Я не хочу трудовой жизни... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты меня родила? Зачѣмъ я тогда не умерла въ дифтеритѣ?.. Я не просила васъ ни родить, ни спасать...

Какъ въ истерикѣ она убѣжала въ свою комнату и заперлась... Она всегда была флегматична, но упряма, и еще въ дѣтствѣ противорѣчія вызывали въ ней эти пароксизмы гнѣва. Ни разу, однако, мать не видала ее въ такомъ изступленіи.

Безъ силъ, какъ раздавленная, сидѣла Александра Львовна за письменнымъ столомъ надъ тетрадями. Буквы и строки прыгали и сливались въ ея глазахъ. Господи!.. Да неужели это ея крошка-Вава, которую она любила больше жизни? Да она-то... она-то сама стало быть... совсѣмъ не любитъ мать?

Она сама не замѣтила, какъ голова ея упала на столъ, и какъ медленныя, тяжелыя слезы ползли по ея лицу, пачкая тетрадь французскаго перевода. Эти слезы не облегчали.

Такъ нашелъ ее Тихменевъ. Что случилось?.. Она плачетъ?.. Его гордая, сильная Саша...

Она схватила его протянутыя руки и прижалась мокрымъ лицомъ къ его ладонямъ. О, какъ отрадно было прикосновеніе этихъ нѣжныхъ, любимыхъ и такихъ «любящихъ» рукъ! Нѣсколько сильныхъ вздоховъ... И она рыдала, молча, страстно, но чувствуя, что такъ легче.

Старая нѣжность воскресла въ его душѣ.

Въ спальнѣ, куда онъ ее увелъ, она сказала:—Андрюша, какой ужасъ! У нея нѣтъ сердца. Я это только сейчасъ поняла...

Часъ спустя Тихменевъ постучался къ Вавочкѣ. Она лежала впотьмахъ на постели, растрепанная и заплаканная. Отперевъ ему дверь, она опять прилегла.

— Вавочка,—съ упрекомъ началъ было Тихменевъ, наткнулся на стулъ въ темнотѣ и сѣлъ на него.—Зачѣмъ ты огорчаешь мать?

— Ахъ!.. Вы за этимъ пришли?—крикнула она, садясь на постели.—По вашему, стало быть, я виновата?.. Впрочемъ, чего же мнѣ отъ васъ ждать?.. Конечно, вы будете на ея сторонѣ... Ахъ, уйдите, уйдите! Я васъ ненавижу!

Она задохнулась и съ рыданіемъ кинулась опять въ подушки.

Тихменевъ помолчалъ въ нерѣшимости, потомъ тихонько всталъ и сѣлъ на ея постели, въ ногахъ.—Вавочка...

Но она сразу перестала плакать и выпрямилась. Горе и несправедливость дали ей краснорѣчіе и силу защищаться. Она говорила долго, озлобленю, страстно. Всѣ аргументы Тихменева отскакивали отъ ея сознанія, какъ резиновый мячъ отъ стѣны. И смыслъ ея рѣчей былъ все тотъ же:

Ей жалѣть мать? А почему не себя? *Она* работаетъ. Да это ея долгъ... Не надо было выходить за бѣдняка, не надо было родить дѣтей. Пусть теперь расплачивается!.. Наконецъ она была молода, любила, вышла замужъ, ну и довольно! Теперь Вавочкѣ надо жить. Это ея право... Пора и о ней подумать!.. И зачѣмъ ей толкуютъ о трудовой жизни? Съ какой стати? Матери нравилось трудиться, она такъ понимаетъ жизнь? Ну, а Вавочка хочетъ веселиться... И ей не смѣютъ отказывать. Слышите? Не смѣютъ!.. У всякаго свои понятія о долгѣ и счастьѣ. Когда у Вавочки будутъ свои дѣти, тогда требуйте отъ нея, чтобъ она жила для нихъ, а пока... Жалѣть!.. Ха-ха!.. Дѣтей надо жалѣть, которыя растутъ въ нуждѣ, а не родителей. Если бы Вавочка знала, что впереди нѣтъ ничего кромѣ лишеній, она сейчасъ умерла бы съ наслажденіемъ...

Тихменевъ слушалъ, и ему становилось все холоднѣе. Въ эту минуту онъ встрѣчался лицомъ къ лицу не съ дѣтскимъ капризомъ, а съ цѣлымъ міромъ понятій и убѣжденій, измѣнить которыя онъ былъ безсиленъ. Откуда взялись у Вавочки эти взгляды? Какимъ незамѣтнымъ путемъ складывались въ стройную систему эти воззрѣнія, казавшіяся такими легкомысленными на первый взглядъ, это былъ уже другой вопросъ. Но передъ Тихменевымъ—онъ понималъ это—былъ человѣкъ новаго поколѣнія; съ нимъ говорилъ устами этой дѣвочки представитель цѣлой толпы такихъ же не знающихъ пощады существъ, которыя пришли въ міръ, какъ завоеватели въ покоренную страну. За страстной увѣренностью, которой дышали рѣчи Вавочки, чувствовалось что-то прямолинейное, властно требующее своихъ правъ, своего мѣста въ жизни; что-то несокрушимое и отлившееся въ извѣстныя формы, что измѣнить было поздно, и съ чѣмъ надо было считаться.

Наступила тишина. Дѣвушка легла головой въ подушку. Онъ сидѣлъ, опустивъ руки, уничтоженный. «Мы оба не знали нашей Вавочки», думалъ онъ.

Уходя, онъ остановился въ дверяхъ и еще разъ тоскливо посмотрѣлъ на темную фигуру дѣвушки, лежавшей на бѣломъ одѣялѣ. Ея поза, эта близость, вся эта обстановка, которая въ другое

время довела бы его до головокруженія, теперь ничего не вызывала въ немъ, кромѣ тоски.

— Мама огорчена... Вавочка, попроси у нея прощенія...

— Въ чемъ?—искренно удивилась она.—Я ни въ чемъ не виновата передъ нею.

Когда онъ ушелъ, она раздѣлась, зажгла свѣчу и долго озабоченно натирала лицо кольдкремомъ, боясь, чтобы слезы не оставили слѣдовъ на завтра.

Долго, по уходѣ Тихменева, Александра Львовна сидѣла за тетрадями, прислушиваясь и волнуясь. Она ждала, что Вавочка все-таки придетъ... ну, если не извиниться, то хоть поцѣловать ее въ знакъ мира. Она ей тогда много-много высказала бы изъ того, что перестрадала въ этотъ вечеръ... Но Вавочка не шла.

Александра Львовна не была вѣрующей, но относительно дочери она сохранила всѣ суевѣрія и традиціи ранней юности, когда еще была религіозна до экзальтаціи. Она не могла бы заснуть спокойно, не перекрестивъ на ночь свою дѣвочку. И часто, побуждаемая безотчетнымъ ужасомъ, она ночью кралась въ дѣтскую, чтобы осѣнить спящую крестнымъ знаменіемъ.

Въ первомъ часу она подошла на цыпочкахъ къ комнатѣ дочери и прислушалась. Мѣрное дыханіе доказывало, что дѣвушка спитъ. «Господи!» простонала Александра Львовна. Вавочка не вспомнила о матери.

Не вѣря себѣ, Яснева повернула ручку двери и вошла.

Розовый фонарикъ бросалъ кругомъ такіе мягкіе колеры. На стульяхъ въ безпорядкѣ была разбросана одежда. Никогда Александра Львовна не могла пріучить дочь къ аккуратности. На цыпочкахъ Яснева подошла къ постели и наклонилась. Вавочка спала, свернувшись калачикомъ, подложивъ одну руку подъ щечку. Волна золотыхъ волосъ разсыпалась по подушкѣ; лицо розовѣло, можетъ быть, отъ недавнихъ слезъ; дыханіе мѣрно вылетало изъ полуоткрытыхъ невинно губъ; длинныя рѣсницы красиво оттѣняли щеки. Все личико, вся поза дышали такой дѣтской ясностью, такимъ безмятежнымъ покоемъ...

Александра Львовна, затаивъ дыханіе, глядѣла на дочь. Та мистическая тишина, какъ бы насыщенная предчувствіями и страхомъ жизни, которую мать чувствуетъ всегда въ комнатѣ, гдѣ спятъ ея дѣти,—постепенно проникала въ душу Ясневой, охватывала ее знакомымъ ужасомъ, смиряя горечь, мелкія обиды, тоску разочарованія... И вотъ... десяти лѣтъ словно не бывало!.. Какъ будто невидимая рука стерла все написанное изъ книги ея жизни. Ей казалось, что она опять стоитъ надъ девятилѣтней Вавочкой, послѣ двухъ недѣль отчаянной борьбы съ дифтеритомъ,

увѣренная, наконецъ, что опасность миновала... Бѣдная дѣтка, подложивъ ручку подъ голову, спитъ и дышитъ такъ легко... Слезы зажглись въ ея глазахъ...

«Спи, дорогая, спи!.. Ты не узнаешь ни горя, ни лишеній. Ты не увидишь отказа ни въ чемъ. Хотя-бъ для этого мнѣ пришлось обратиться въ батрачку и не видѣть просвѣта самой! Живи только!.. Все для тебя...»

Страстно приникла она къ лицу дочери.

Вавочка вздохнула во снѣ и нетерпѣливо шевельнулась. Яснева вздрогнула. Больно кольнуло сознаніе дѣйствительности.

Пусть она одна виновата, если въ своей слѣпой любви не сумѣла посѣять въ этой душѣ ничего, кромѣ эгоизма! Виновато ли уродливое деревцо, если садовникъ былъ плохъ? Вѣдь и ему нуженъ свѣтъ, уходъ, нужны питаніе и просторъ... Но и тотъ, кто живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ потерять любимое существо, не разсчитываетъ, не гадаетъ. Онъ старается не думать о страшномъ *завтра*... И какая мать броситъ въ нее камнемъ за то, что она такъ безумно любила?

Она осторожно поправила сползавшее одѣяло и замѣтила, что у Вавочки ночная кофта на локтѣ разорвалась по шву. «Надо завтра починить...» Она перекрестила дочь; еще разъ тихо-тихо коснулась губами ея волосъ; съ наслажденіемъ закрывъ глаза, вдохнула въ себя запахъ этихъ волосъ и всего этого теплаго тѣла, и пошла на цыпочкахъ назадъ. По дорогѣ она подняла брошенные на полъ чулки и положила ихъ у постели, на стулъ. «Тоже проносились... Какъ горитъ на дѣткѣ все! Надо завтра дать ей новые, а эти заштопать...»

Она вышла безъ горечи, потрясенная воспоминаніемъ о минувшихъ страданіяхъ и страхомъ утраты... Побѣжденная любовью...

X.

Передъ Рождествомъ Сонька опять появилась въ домѣ Ясневой. Анисья ворчала, но Вавочка, понимая, что платье у нея будетъ, была съ матерью ласкова и внимательна.

— Я надѣюсь, дорогая, что ты мнѣ поможешь,—просила Александра Львовна дочь.—Займись съ Соней хоть русскимъ... ну, хоть просмотри переводъ, или подиктуй когда...

Вавочка обѣщала охотно. Но всегда она либо забывала помочь, либо ей было некогда.

— Ахъ, мамочка, она такая идіотка!—возмущалась Вавочка, когда мать дѣлала ей легкій упрекъ.—Идемъ мы съ ней какъ-то въ лавку, бѣжитъ болонка чья-то... А она кричитъ: «Вавочка, гляди, какой хорошенькій зайчикъ!» Я чуть-чуть тутъ же на

улицѣ въ снѣгъ не сѣла отъ смѣха... Ну, подумай, мамочка, могутъ ли зайцы по Москвѣ бѣгать?

Скоро Александра Львовна махнула рукой на свою помощницу. Глухое раздраженіе все чаще закипало въ ней при видѣ сытой, безпечной, розовой Вавочки. Она ловила себя на этомъ чувствѣ, укоряла себя, но оно возвращалось. Какъ она понимала теперь свою подругу, эту измученную Корневу, мать Нади!.. Александра Львовна переутомилась, нервы ея были разбиты, мигрени мучили все чаще. Почти весь праздникъ она провалялась, радуясь хоть возможности поболѣть.

— Тебѣ надо отдохнуть, ты изводишь себя,—съ тоской говорилъ Тихменевъ.

— А деньги?—спрашивала она съ горечью.

— Что за вздоръ! Неужели не можешь у меня взять?

— А не все равно? Тебѣ-ли отдавать? Другому-ли? Все-равно отдавать придется...—И она безнадежно махала рукой.

Вавочка веселилась все Рождество. Въ новомъ розовомъ платьѣ она была прелестна.

Но прошло Рождество, пролетѣла и масляница, съ танцами, фантами, блинами и folle journée у Прокофьевыхъ. Наступилъ конецъ веселью, какъ и всему на свѣтѣ. Началась ранняя, гнилая весна. Въ воздухѣ уныло зазвучали колокола, призывая въ церковь поститься и говѣть. Катокъ испортился. Жизнь Вавочки потускнѣла. Бѣдная дѣвочка скучала невыносимо.

— Что это тебя нигдѣ не видно?—спросила Маня, забѣгая какъ-то въ сумерки къ Ясневымъ.

— Да гдѣ же увидать? Теперь постъ.

— Вотъ чудачка-то! Да развѣ постомъ нельзя жить по-людски? Во-первыхъ, гдѣ ты говѣешь и когда?

Вавочка заволновалась. Она объ этомъ и не думала, и пассивная натура ея, совершенно лишенная иниціативы, выказалась и здѣсь во всей ея безпомощности.—А ты гдѣ?—отвѣтила она вопросомъ.

— Мы всѣ будемъ у (она назвала самый аристократическій приходъ)... Тамъ діаконъ красавецъ... Зоя, мать ея, я, Надя Корнева... Хочешь съ нами?

— Конечно, хочу. А когда?

— На четвертой или пятой... А въ пятницу въ церкви (она назвала другой приходъ) поютъ чудовскіе обѣдню... Мы всѣ тамъ будемъ, и Мальцевъ придетъ.

— Ахъ! И я хочу...

— Мало ли что ты хочешь? А гдѣ билетъ? Туда безъ билетовъ не пускаютъ.

— Ахъ, да!.. Какъ же безъ билета?—У Вавочки слезы начинали навертываться на глаза.

— Я научу тебя,—зашептала Маня, оглядываясь.—Попроси Мальцева цостать... Онъ для тебя сдѣлаетъ.

— Гдѣ же я его увижу?

— Сходи къ нему... Онъ живетъ на Тверской, гостинница *Парижъ*, № 68-й.

— Ахъ, Манька!

— Ну, что «Манька»?—сердито передразнила Зимина.—Рохля ты, и больше ничего! Съѣстъ онъ тебя, что ли? Все это предразсудки ваши дурацкіе! Надо стоять выше этого. Ты думаешь, мы тамъ не бывали съ Зоей? Онъ—не волкъ, мы—не Красныя Шапочки... Ну, хочешь, сходимъ вмѣстѣ?

— Я не пойду...

— Ну, наплевать! Пойду сама, попрошу... Только ты—ужасная дура. И вѣкъ будешь на помочахъ ходить!

Вавочка кинулась цѣловать свѣжія щеки подруги.

Что заставляло Маню, влюбленную въ Мальцева, толкать навстрѣчу этому донъ-жуану Вавочку, которой, она знала, онъ заинтересованъ? Въ чьихъ интересахъ она такъ дѣйствовала? Это остается темнымъ психологическимъ явленіемъ. Но эта черта присуща многимъ женщинамъ и опытнѣе Мани.

Вавочка ожила. Настала эпоха религіозныхъ наслажденій: бѣганье по церквамъ, говѣніе въ компаніи, перешептываніе съ подругами въ темнотѣ церкви. Потомъ исповѣдь, день причастія, бѣлое платье, въ которомъ танцовала прежде, теперь вычищенное и передѣланное заново; поздравленія, большая просфора и гіацинты отъ Тихменева, чудные гіацинты, съ которыми она стояла на глазахъ всѣхъ у обѣдни; сознаніе своей чистоты и святости... Затѣмъ Страстная, входъ по билетамъ черезъ Мальцева во всѣ аристократическіе приходы; красивый трауръ въ страстную пятницу. А въ субботу, у заутрени, опять бѣлое платье и живые нарциссы отъ Мальцева, который, какъ тонкій человѣкъ, заодно поднесъ бутоньерки Манѣ и Зоѣ. Вавочка дома сказала, что цвѣты отъ Прокофьевой.

Наконецъ Пасха, чудная весна, почти лѣтнее небо, толпа на улицахъ, поздравленія, визиты, скромный подарокъ отъ матери; отъ Тихменева фрукты, отъ отца Соньки три фунта конфетъ въ красивой бонбоньеркѣ. Потомъ вечера у Прокофьевыхъ, танцы, фанты, ужины, поѣздки за городъ компаніей на поиски дачъ... Ахъ, какъ жизнь можетъ быть прекрасна!

У Александры Львовны на Ѳоминой начались экзамены, и Вавочка была свободна попрежнему. Открылись дешевки, и она съ

подругами проводили цѣлые дни въ пассажѣ и на улицѣ. Собственно говоря, покупала одна Зоя, отлично умѣвшая найти дѣйствительно дешевую вещь, случайно попавшую въ этотъ ворохъ гнили и брака, съ ума сводящій легковѣрную толпу женщинъ. Иногда Зоя милостиво, какъ королева, одаривала своихъ подругъ ничтожными подарками, купленными тутъ же, и тѣ приходили отъ нихъ въ неописанный восторгъ.

Маня и Вавочка бѣгали по магазинамъ, пожирая глазами товары; оцѣнивая кружева, перчатки, шелковое бѣлье; погружая съ наслажденіемъ пальцы въ шерсть и шелкъ матерій, разложенныхъ на прилавкѣ; накидываясь на все яркое; перебирая ярлыки цѣнъ и съ какой-то свирѣпостью приводя все въ безпорядокъ подъ презрительными и усталыми взглядами измученныхъ и враждебныхъ приказчиковъ. Онѣ толкались и терлись въ толпѣ; забываясь, работали локтями, чтобъ пробраться къ заманчивой витринѣ, возбужденныя, красныя, счастливыя этой безцѣльной суетой и соприкосновеніемъ съ роскошью...

Но для бѣдной Вавочки, не имѣвшей гроша, и плѣнительная дешевка не обходилась безъ страданій. Все было хорошо, но все было не по карману... Послѣ исторіи съ кольцомъ она уже ничего не смѣла принять отъ Тихменева. А какъ жаль! Тутъ-то можно было его «пообчистить», благо весна была такая роскошная, солнце такъ возбуждающе грѣло, а онъ, ходя съ нею подъ руку по пассажу, глядѣлъ ей въ глаза такимъ влюбленнымъ взглядомъ!

Наконецъ она не выдержала. Какой-то розовый фуляръ такъ завладѣлъ ея душою, что она кинулась къ матери.

— Мамочка, по сорока копеекъ аршинъ... Подумай, какъ дешево! Вѣдь розовый! И такой необыкновенный оттѣнокъ... Мамочка, его навѣрное раскупятъ завтра... Всѣ... всѣ берутъ... я одна только...—Она волновалась и чуть не плакала.

— Сколько надо? — категорически спросила Александра Львовна, боясь услыхать опять упреки, зачѣмъ она родилась, коли ей суждена бѣдность, и т. д.

Вавочка кинулась матери на шею.—Мамочка, милая!..—И сейчасъ же дѣловымъ тономъ добавила:—Меньше семи аршинъ нельзя; теперь хотя не носятъ широкіе рукава, а все-таки фуляръ узенькій... Два рубля восемь гривенъ...

На другой день она мчалась въ пассажъ.

Надвигался вопросъ о дачѣ. Новое волненіе.

— Гдѣ ты будешь жить?—спрашивала Маня.

— А ты гдѣ?

— Я въ Богородскомъ. Зоя тамъ уже сняла дачу. Тамъ театръ, и Зоя хочетъ попробовать играть съ настоящими артистами.

— Неужели?!! Счастливица!

— А потомъ тамъ «кругъ», каждую недѣлю балы... И вся наша молодежь туда переѣзжаетъ. Дачи тамъ дешевы. А m-me Прокофьева только до іюля. За границу уѣдетъ, Зоя останется хозяйкой... Просись и ты туда! Вмѣстѣ будемъ веселиться.

Александра Львовна о Богородскомъ и слышать не хотѣла. Пыль, скученность, убійственная, двухчасовая ѣзда въ Москву по конкѣ, купанья нѣтъ или далеко. И парка нѣтъ... А въ дождь какая грязь!

Но Вавочка не унывала. Въ теченіе цѣлой недѣли она заводила за обѣдомъ и чаемъ разговоръ о дачѣ.—«Въ Богородскомъ будутъ всѣ; тамъ балы, театръ, тамъ жизнь...»

— А въ Разумовскомъ воздухъ, — поддразнивалъ Тихменевъ,—трамвай, купанье, природа...

Вавочка бросала на него сверкающій гнѣвомъ взглядъ.

— Природа!.. Не все ли равно, гдѣ природа? Всюду деревья найдутся. И потомъ природа безъ людей? Удивительно весело! Я и то прошлое лѣто погибала отъ тоски. Это лучше остаться въ Москвѣ... Здѣсь все-таки на бульварахъ музыка, и гулянья бываютъ.

Уходя изъ столовой, Вавочка кидала на Тихменева уничтожающіе взгляды и словно не замѣчала протянутой къ ней руки «перемирія». Онъ усмѣхался. Ему нравилось дразнить эту «флегму».

— Ахъ, эта дѣвочка убиваетъ меня,—говорила Александра Львовна.—Какъ это въ двадцать лѣтъ быть такой... *terre à terre*? Не любить природы, не имѣть въ душѣ ни искры поэзіи? Жалкая какая-то... Вотъ ужъ именно «нищіе духомъ»...

— За то они будутъ счастливѣе насъ, повѣрь!.. Имъ для довольства нужно такъ мало... Лишь деньги и все, что можно на нихъ купить... А, вѣдь, ты знаешь, Саша, что самыя цѣнныя вещи въ жизни—тѣ, которыя за деньги не достанешь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—ежедневно горячилась Яснева,—«въ этомъ я ей не уступлю. И такъ уже вся жизнь ради нея пошла по другой колеѣ. Лѣто—мой единственный отдыхъ, мое наслажденіе, и я не позволю себя его лишить!

Она бѣгала, говоря такъ, по комнатѣ и даже, противъ обыкновенія, жестикулировала. Со стороны казалось, что она споритъ съ невидимымъ, но дерзкимъ и настойчивымъ оппонентомъ. Тихменевъ молча курилъ, развалясь въ креслахъ.

— А вы гдѣ хотите жить, Андрей Васильевичъ?—допрашивала Яснева, зорко вглядываясь въ его лицо.

— Тамъ же, гдѣ и вы,—уклончиво отвѣчалъ онъ.

Уходила Яснева на урокъ, и въ столовую влетала Вавочка.

— Такъ вотъ вы какъ!.. Вы опять противъ меня?

— Вавочка, вѣдь ты слышала, мамѣ надо ѣздить въ Москву на уроки?

— Всего-то три раза въ недѣлю... Вотъ невидаль!

— Но въ Разумовскомъ паровая...

Вавочка топала ногами.—Не хочу, не хочу!.. Я не поѣду, туда... Я сбѣгу... Вотъ попробуйте только не поддержать меня!.. Я васъ возненавижу!

Но прошла еще недѣля, и Александра Львовна уступила. Вавочка стала опять такъ апатична, такъ грустна... Ничто не могло расшевелить ее. И опять Яснева, глядя на нее, съ внутренней дрожью вспоминала тотъ день, когда дочь бросила ей упрекъ за всю ея жизнь, полную труда и лишеній, не имѣвшихъ цѣны въ глазахъ этого ребенка и казавшихся ей только униженіемъ и проклятіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть будетъ по ея! Въ сущности, она проситъ немногаго: развлеченія и общества молодежи. Ей нельзя отказать...

Тихменевъ отъ себя сказалъ только одно: «Тамъ чудный сосновый лѣсъ. Для легкихъ Вавочки онъ будетъ, дѣйствительно, полезенъ, а въ Разумовскомъ все-таки сыро... Бывали случаи маляріи...» Этого было довольно, чтобъ Александра Львовна махнула рукой на Разумовское. Призракъ наслѣдственной чахотки часто мерещился ей въ безсонныя ночи при первомъ кашлѣ Вавочки.

Черезъ недѣлю она, вдвоемъ съ Тихменевымъ, съѣздила въ Богородское. Находившись и наторговавшись до изнеможенія, они нашли на новой стройкѣ, у самаго лѣса, прелестную дачу въ полтораста рублей.

— Половина моя,—заявилъ Тихменевъ, когда Яснева ахнула и хотѣла отказаться.—Возьми меня, наконецъ, жильцомъ, Саша!.. Я десять лѣтъ добиваюсь этой чести,—шутилъ онъ.—Видишь, какой дивный лѣсъ? А въ Москву будемъ ѣздить вмѣстѣ.

Она прижалась къ его плечу, счастливая и благодарная. Жить вмѣстѣ!.. Это было и ея завѣтной мечтой. Но, боясь повредить своей репутаціи, она умѣла избѣгать этого до сихъ поръ. Теперь прочь страхъ!.. Счастья, быть можетъ, осталось такъ мало...

А сосновый лѣсъ, душистый и мрачный, словно глядѣлъ на нее, манилъ къ себѣ и обѣщалъ такъ много...

Они переѣхали въ маѣ. Вавочка ликовала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вечерѣетъ. Солнечные лучи длинными иглами горизонтально тянутся въ чащу лѣса. Березки, всѣ розовыя, нѣжатся въ этихъ пламенѣющихъ лучахъ. Стволы сосенъ приняли красноватый оттѣнокъ, словно на ихъ угрюмую, сѣрую кору брызнули кровью. Всѣ деревья и травы пахнутъ сильнѣе, а отъ сосенъ и лиственницъ начинаетъ выдѣляться тотъ бальзамическій ароматъ, которымъ можно дышать только въ жаркій полдень или на закатѣ лѣтняго знойнаго дня.

Изъ-за купы орѣшника на песчаную дорогу, прорѣзывающую на версту знаменитый богородскій лѣсъ, выбѣгаетъ Вавочка, высоко подобравъ свѣтлую юбку. Ея бронзовыя открытыя туфли влажны. Роса садится, и завтра будетъ опять жаркій день. Видно, что дѣвушка бѣжала по густой, росистой травѣ изъ чащи. Высоко подымается подъ батистовой кофточкой грудь; щеки горятъ румянцемъ; бѣлокурая коса растрепалась, и надъ красивымъ, оживленнымъ лицомъ кудряшки взбились высоко и сверкаютъ рыжеватымъ отблескомъ, какъ ореолъ,—когда красный, длинный лучъ заката дотянулся до пушистой головки и золотитъ волосы и щеки дѣвушки ласково, словно нѣжная, любящая рука.

— Фу, какъ устала!.. Никогда больше не пойду въ такую даль,—говоритъ она, еле дыша.—Глядите скорѣй, который часъ?

Спутникъ дѣвушки, раздвинувъ кусты орѣншика, изъ-за котораго онъ зорко смотрѣлъ по сторонамъ, однимъ прыжкомъ выскакиваетъ на дорогу. Это Мальцевъ.

— Мы не опоздали, Вавочка,—говоритъ онъ, вынимая золотые часы.—Ваша мать раньше, какъ черезъ часъ, изъ Москвы не вернется...

— И вы увѣрены, что Манька насъ не замѣтила?

— Увѣренъ. А если бы и да? Вы ее боитесь?

— Еще бы!.. У нея языкъ—вотъ!—Вавочка вытягиваетъ передъ собой руку въ полъ-аршина.—А если догадается, что я была

съ вами, нарочно скажетъ при матери. Она злющая, ваша Манька... И такая ревнивая... Ха-ха-ха!..—неожиданно раздается смѣхъ Вавочки, но тотчасъ обрывается, когда взоръ ея падаетъ на мокрый подолъ ея свѣтлой юбки.—Ахъ, досада!

— Въ чемъ досада?

Она хмурится и, не отвѣчая, спѣшитъ дальше. Не можетъ она сознаться этому франту, что старая ворчунья Анисья «съѣстъ» ее за этотъ грязный подолъ... Жаль юбки. Она нынче вечеромъ собиралась идти въ ней къ Прокофьевымъ. Что же надѣть? Другія два платья не свѣжи, ихъ надо стирать. Стало-быть, опять кланяться Анисьѣ и смиренно выслушивать ея брань... А шерстяныхъ юбокъ мама ни за что не дастъ трепать до зимы. И, невольно ища виноватаго, она мысленно обрушивается на своего спутника. Все онъ... Противный! Понадобилось тащиться за версту въ глушь. Здѣсь, видите ли, подсмотрѣть могутъ, какъ они цѣлуются... Ахъ, надоѣло какъ!

Съ внезапнымъ приливомъ раздраженія она вскидываетъ на молодого человѣка свои большіе глаза съ выраженіемъ разсерженнаго ребенка. Жаденъ и теменъ взглядъ Мальцева.

— Вавочка, жизнь моя!.. Когда же завтра?—Онъ пробуетъ обнять ее, зорко въ то же время оглядывая дорогу.

— Ахъ, отстаньте! Не приду завтра!.. Ни за что!—Она почти съ ненавистью вглядывается въ крупныя линіи его чувственнаго рта. «На кого это онъ такъ похожъ?»

— Почему же? Почему?.. Моя прелесть!

— Ну, надоѣло... Вотъ и все!

«Опять трепать по чащѣ юбку, башмаки... Эти туфли куплены всего двѣ недѣли назадъ. Мама и такъ сердится, что на мнѣ все «горитъ»... Мама скупая. А нельзя же къ нему въ лѣсъ въ рваныхъ туфляхъ придти. Къ такому-то «баричу»!

— И къ чему такъ часто? Вѣдь прежде видѣлись разъ въ недѣлю, два...—Слеза озлобленія звенитъ въ ея голосѣ.

— То было прежде, Вавочка. Ты не хочешь понять, что я влюбленъ въ тебя безъ памяти и... я не согласенъ идти назадъ... Мало ты меня знаешь, если думаешь, что я соглашусь уступить... ну, хотя бы іоту изъ того, что пріобрѣлъ...

«Какого звѣрка напоминаетъ онъ этими зубами?..» упорно соображаетъ Вавочка. — Вздоръ! — заносчиво говоритъ она вслухъ.—Хочу—приду, хочу—нѣтъ... Не думайте мудрить надо мною! Не позволю... Я—не Манька... Почему вы ее не позовете? Она навѣрное истомилась...—Вспомнивъ о своей униженной соперницѣ, дѣвушка опять звонко смѣется. Ея острые зубки, мелкіе, какъ у мыши, сверкаютъ розоватымъ перламутромъ.

«Вотъ, постой! Поговоришь ты у меня въ слѣдующій разъ», злобно думаетъ Мальцевъ, сбивая тросточкой головки лиловыхъ колокольчиковъ, которые глядятъ на него изъ травы.

Лѣсъ рѣдѣетъ. Вдали мелькаютъ дачи. Мальцевъ беретъ руку дѣвушки и принуждаетъ ее остановиться.

— Вавочка,—съ дрожью въ голосѣ говоритъ онъ, пряча злые и жадные глаза,—приди завтра... Я тебѣ что принесу къ балу!

«Букетъ!..» восторгомъ отдается во всемъ существѣ Вавочки. «И букетъ отъ Мальцева, за которымъ всѣ *наши* бѣгаютъ...» О, какое торжество!.. Ни у кого изъ ея подругъ не будетъ букета. Онѣ заболѣютъ отъ зависти.

Ея ноздри дрожатъ, когда она поворачииваетъ къ Мальцеву загорѣвшееся личико.—Н-не знаю... Можетъ быть, приду...

Онъ оглядывается. Они стоятъ подъ густымъ молодымъ кленомъ. На дорогѣ никого. Онъ схватываетъ дѣвушку въ свои объятія. Вавочка слабо вскрикиваетъ, хочетъ возразить что-то, но слова ея замираютъ, заглушенныя его поцѣлуемъ.

Она вырывается, наконецъ, сконфуженная, испуганная даже, не зная, какое лицо сдѣлать... «Обидѣться развѣ?.. Нѣтъ,—рѣшаетъ она,—обижаться некогда, это длинный разговоръ... опоздаю... Въ другой разъ, если онъ посмѣетъ... Теперь я будто ничего не замѣтила...»

Она выходитъ на тропинку, встряхиваясь и ощипываясь, какъ чистенькая кошечка, на которую неожиданно изъ подворотни накинулась шалая собака. Съ любопытствомъ взглядываетъ Вавочка въ измѣнившееся лицо Мальцева. Она всегда жадно слѣдитъ за тѣмъ, какъ подъ вліяніемъ страсти это лицо темнѣетъ и словно старится. Вдоль щекъ и рта выступаютъ морщины, ноздри трепещутъ, глаза загораются... Она любитъ видѣть, какъ изъ-подъ этой оболочки всегда насмѣшливаго и корректнаго свѣтскаго франта выглядываетъ звѣрь, страшный, чуждый всего гуманнаго, но интересный и вѣчно новый для нея. Красный отблескъ заката горитъ на лицѣ Мальцева, на его обычно темныхъ а сейчасъ рыжихъ усахъ, на оскалѣ хищныхъ зубовъ. Вавочка вдругъ разражается веселымъ и злымъ смѣхомъ. «Ха-ха! Поросенокъ... Жареный поросенокъ на блюдѣ... Онъ также вотъ зубы скалитъ. Ха-ха! И какъ я не догадалась раньше, кого онъ напоминаетъ?»

— Вавочка... Чему ты? До свиданія!

Но она бѣжитъ, отмахиваясь, красная отъ смѣха... Ахъ, какъ она довольна, что и въ Мальцевѣ, наконецъ, нашла смѣшныя стороны! Тѣмъ лучше... Тѣмъ лучше... Теперь и Маньку, и Зою, всѣхъ она будетъ этимъ дразнить...

Дача Ясневыхъ большая, красивая, съ широкой террасой,

стоитъ у самаго лѣса. Вавочка живетъ наверху, въ мезонинѣ, съ маминой ученицей—Сонькой. Внизу столовая, кабинетъ Александры Львовны, ея спальня и двѣ комнаты Тихменева.

Когда Вавочка подходитъ къ террасѣ, Анисья уже гремитъ посудой, накрывая на столъ. Видно, что она стирала и потому не въ духѣ. Изъ комнаты несутся робкіе, невѣрные звуки гаммъ.

— Нагулялась, шлында?—привѣтствуетъ Анисья Вавочку, которая незамѣтно старается юркнуть наверхъ, чтобъ переодѣться до прихода матери. «Слава Богу! Ея еще нѣтъ...»

Но кухарка, увидѣвъ ея подолъ, всплескиваетъ руками.

— Гдѣ же это ты хвостъ такъ измызгала! Варвара Миколавна? Да побойся Бога! Отъ корыта не отхожу... Ты дитей была, за тобой меньше стирки я видѣла. Да когда же этому конецъ будетъ? Господи!.. А кофту-то... кофту гдѣ ты смяла? Эвося!—вопитъ Анисья, ловя Вавочку за рукавъ.—Нонче только надѣла... Али дралась съ кѣмъ? Безстыдница!

«Неужели догадывается? Не можетъ быть...»

— Ахъ, да не кричи, пожалуйста!—сконфуженно лепечетъ Вавочка.—Дай пройти... Пусти!

Въ дачѣ звуки гаммъ смолкаютъ.

— Пра, безстыдница!.. Мать цѣльный день въ Москвѣ жарится, горбомъ копейку выколачиваетъ, а дочка по лѣсамъ гоняетъ... съ какими подолами возвращается!

«Догадывается... навѣрное...»

— Ты бы съ Сонечкой занялась, мать облегчила...

Грузная фигура Анисьи загородила дверь. Пройти некуда.

— Завтра праздникъ...

— У тебя все праздникъ. У тебя и будней-то не бываетъ. Надысь просила, помоги варенье сварить... И гдѣ тебѣ! Небось ѣсть-то мастерица... Безсовѣстная!

— Какъ ты смѣешь?—И Вавочка топаетъ бронзовой туфелькой.—Дура!.. Мужичка!..

— А ты барышня... Акулина Савишна...

— Вотъ я мамѣ пожалуюсь... Грубіянка!

— Да мнѣ что? Жалься... Нешто мать тебя не знаетъ? Много изъ-за тебя слезъ-то у нея выплакано...

— Не обязана я для васъ дѣлать... Слышишь ты? Не обязана,—шипитъ Вавочка.

Изъ окна сосѣдней дачи высовывается мужская голова. Вавочка, толкнувъ Анисью, стремительно бросается въ дачу и бѣжитъ къ себѣ наверхъ. «Неужели слышалъ?.. Ахъ, какой срамъ!»

Безсознательно, по привычкѣ, она садится передъ зеркаломъ. Щеки ея пылаютъ, глаза горятъ отъ выступающихъ слезъ оби-

ды. За что эти униженія? Развѣ она обязана работать съ этой идіоткой Сонькой, сидѣть дома въ такіе чудные дни, варить варенье... вообще всѣ эти гадости? Развѣ и такъ судьба, пославъ ей бѣдность, не поступила съ нею, какъ жестокая мачеха? Двѣ шерстяныхъ юбки, туфли, надъ которыми надо дрожать, лишенія во всемъ и брань Анисьи... У нея даже нижней шелковой юбки нѣтъ до сихъ поръ, а ей уже скоро двадцать одинъ годъ! Ужъ на что Манька? Тоже бѣдна, и такая морда, такая «щука»!.. А на послѣднемъ балу была въ новой голубой кофточкѣ. Вотъ если бы ей, Вавочкѣ, надѣть такой чудный цвѣтъ!.. Она смотрится въ зеркало долго, съ отчаяніемъ. И постепенно сознаніе красоты миромъ снисходитъ въ ея душу.

«Жизнь дана для счастья», постоянно твердитъ Зоя Прокофьева. «Цѣль ея—наслажденіе».—«Гдѣ это она вычитала?.. Ну, да все равно! Только когда же оно придетъ, наконецъ, это счастье?»

Вавочка быстро сбрасываетъ смятую кофточку. Въ зеркалѣ отражается ея худенькое, но сверкающее бѣлизной плечо. Когда дѣвушка проходитъ мимо открытаго окна, чтобы снять со стѣны изъ-подъ простыни, засиженной мухами, другой ситцевый лифъ, она замѣчаетъ, что сосѣдъ высунулся изъ окна и смотритъ на нее съ улыбкой. Вавочка дѣлаетъ испуганное движеніе и, зардѣвшись, прячется за простыню. Сосѣдъ, также сконфуженный, исчезаетъ изъ окна. Но у Вавочки зоркіе глазки. Она видитъ, что стора шевелится, и знаетъ, что сосѣдъ наблюдаетъ за нею исподтишка. Она наскоро застегиваетъ лифъ и, сдѣлавъ невинную рожицу, выходитъ изъ своей засады. Въ глубинѣ комнаты она становится такъ, что ее отлично видно изъ того окна. Напѣвая вполголоса, она убираетъ комнаты, принимая самыя граціозныя позы.

Этотъ брюнетъ гораздо лучше Мальцева. Какъ жаль, что они незнакомы! Навѣрное онъ жены боится... Вавочка часто видитъ въ палисадникѣ эту жену, беременную, измученную, съ завязанными зубами. Фи, какая гадость!

Воспоминаніе о «поросенкѣ» заставляетъ Вавочку хмуриться. Да, онъ слишкомъ много началъ позволять себѣ... И хоть бы тѣнь увлеченія съ ея стороны! И началось все зря, отъ скуки и чтобъ надосадить Манькѣ и Зоѣ. Допустила этотъ флиртъ шутя, а потомъ затянуло... какое-то странное, жуткое любопытство... Но, кажется, пока кончать... «И кончу», рѣшаетъ Вавочка. «Вотъ только послѣ букета...»

Она сходитъ внизъ. Тамъ, за столомъ, сидитъ Сонька.

— Давай переводъ,—говоритъ Вавочка.

— Зачѣмъ ты мнѣ утромъ не показа-а-ла?—слезливо упрекаетъ Сонька.—Я тебя такъ проси-и-ла...

— Только мнѣ о тебѣ и думать!—огрызается Вавочка, враждебно перелистывая тетрадь съ чернильными кляксами.—И только?.. И ты этого не сумѣла сдѣлать? О, идіотка!.. Вѣдь родятся же такія дурищи на свѣтъ!

— Я тебя проси-и-ла...

— Ну, садись, пиши сначала... Mon frère est gai... Не вздумай опять frère переврать... «Авось успѣемъ перевести», думаетъ она, глядя на дорогу.

Солнце уже совсѣмъ прячется за лѣсомъ, и стадо, мыча, блея, и подымая клубы пыли, проходитъ къ деревнѣ съ луга, когда на дорогѣ показывается женская фигура въ темномъ платьѣ, теперь сѣромъ отъ пыли. Это Александра Львовна возвращается съ урока, изъ Москвы.

Втроемъ они садятся обѣдать. Вавочка ахаетъ надъ разсѣянностью Соньки. Вѣдь пришлось передѣлывать съ нею весь переводъ сызнова...

— Какая ты милая! Спасибо!—нѣжно говоритъ мать. И Вавочка чувствуетъ, что заслужила юбку на этотъ вечеръ.

Пока Вавочка щебечетъ, стараясь не встрѣчаться глазами съ Анисьей, что утро все пробыла съ Зоей въ лѣсу, Александра Львовна, почти не слушая, тревожно глядитъ на дорогу.

Вдругъ глаза ея вспыхиваютъ, счастливая улыбка озаряетъ лицо. Она нервно смѣется... И Вавочка, не оборачиваясь, знаетъ, что по дорогѣ идетъ Тихменевъ.

II.

Какъ могла явиться у Вавочки такая близость съ Мальцевымъ? Незамѣтно, постепенно...

Погода съ начала лѣта стояла удивительная. Вавочка проводила дни въ какомъ-то упоеніи. Она иногда, пользуясь отсутствіемъ матери, съ утра уходила къ Зоѣ и возвращалась только къ обѣду. Зоя устраивала пикники въ лѣсъ, катанье на лодкахъ. Два раза Вавочка была на знаменитомъ «кругу», на танцовальномъ вечерѣ. Она пріятно удивилась, встрѣтивъ Мальцева.

— Вы развѣ не знали, что я получилъ отпускъ на два мѣсяца и переѣхалъ сюда?—спросилъ онъ Вавочку, вальсируя съ нею по песку, въ облакѣ пыли.—И я переѣхалъ сюда только для васъ...

Вавочка краснѣла и вѣрила, если не словамъ Мальцева, то его жаднымъ взглядамъ.

Для Александры Львовны и для Тихменева эти «балы» были чистымъ мученіемъ и, сидя подъ навѣсомъ, пока Вавочка наслаждалась, они втихомолку проклинали свою судьбу. Дѣйствительно, надо было только удивляться безпритязательности и непосред-

ственности богородской публики... Еще издали, подходя къ кругу, можно было видѣть тучу пыли, которая кольцомъ окружала всю площадь бала и была такъ густа, что стоявшіе внѣ круга зрители не могли разглядѣть колебавшихся въ этихъ волнахъ фигуръ танцоровъ. Здѣсь дышали этой пылью, она скрипѣла на зубахъ, осѣдала на волосы, забивалась во всѣ поры. Свѣтлыя платья и черныя пары быстро дѣлались сѣрыми. Въ этой пыли тускнѣлъ даже свѣтъ фонарей. Чтобъ танцовать на пескѣ, на неровной почвѣ, надо было имѣть крѣпкія легкія и большой навыкъ... Многіе падали, танцуя; на нихъ наступали... Тѣснота была неимовѣрная. Въ вальсѣ или чардашѣ кавалеры локтями и плечами расталкивали публику, а толпа зѣвакъ все напирала. Часто случалось, что парочка подъ шумокъ выбиралась изъ круга и исчезала за чертой фонарей, во тьмѣ окружавшаго площадь сосноваго лѣса.

Среди этой толкотни, подъ безсвязный говоръ толпы, изъ котораго порой вырывались циничная шутка, беззастѣнчивый смѣхъ или площадная ругань (когда на кругу въ праздникъ появлялись подвыпившіе купчики и приказчики), подъ оглушающій громъ военной музыки, не вѣрилось какъ-то, что сейчасъ за этимъ кругомъ раскинулась такая тихая ночь, что на небѣ ярко блещутъ звѣзды, и что за этими тусклыми фонарями притаился лѣсъ, молчаливый и таинственный. И, думая объ этомъ лѣсѣ, чувствуя эту тишину, Александра Львовна чуть не плакала отъ обиды. Жизнь уходитъ, исчезнутъ скоро и эти ночи, полныя поэзіи... Ахъ, вырваться бы изъ этой сутолоки, уйти въ этотъ лѣсъ вдвоемъ!.. Вѣдь на ея долю осталось такъ мало, такъ мало радостей...

И Тихменеву было грустно. Онъ не любилъ танцовать, новыхъ и легкихъ танцевъ не зналъ совсѣмъ. Саша сидѣла рядомъ подавленная, неудовлетворенная, украдкой съ мученіемъ пожимая ему руку. А онъ глядѣлъ въ толпу, отнявшую у него Вавочку, эту равнодушную дѣвочку, овладѣвшую его душой. И завидовалъ всѣмъ, кто прикасался къ ней.

Сближеніе Вавочки съ Мальцевымъ шло такъ незамѣтно, что дѣвушка никакъ не могла припомнить, съ какихъ именно поръ онъ безнаказанно позволялъ себѣ цѣловать ея обнаженныя ручки до самаго локтя, щекотать усами ея шейку, говорить ей *ты*... Сначала это были шутки, потомъ явилась привычка. Вавочкѣ Мальцевъ и сейчасъ былъ глубоко антипатиченъ. Но ее влекло къ нему острое любопытство и еще другое болѣе темное чувство, которое она и не старалась уяснить себѣ, не задаваясь никогда анализомъ своей души, а подчиняясь этому влеченію, какъ гипнозу.

Какъ-то разъ Вавочка обмолвилась, что мать уѣзжаетъ въ извѣстные дни на уроки, въ Москву, а Тихменевъ на практику.

— Не придете ли вы въ лѣсъ, къ «Тремъ пнямъ»? Я тамъ буду гулять,—съ невиннымъ видомъ предложилъ Мальцевъ.

Она пришла. На первомъ свиданіи онъ былъ очень милъ, собиралъ для Вавочки ягоды; сидя съ нею на мшистыхъ пняхъ, превосходно копировалъ говоръ, манеру и выраженіе лицъ Зои, Мани, m-me Прокофьевой, Нади Корневой, Коли и другихъ. Онъ заставлялъ Вавочку смѣяться злымъ, отрывистымъ смѣхомъ и ни разу не спугнулъ ея довѣрія. Ему хотѣлось пріучить ее къ себѣ, оставить пріятное воспоминаніе объ этой невинной прогулкѣ, и онъ достигъ цѣли. Вавочка стала бѣгать въ лѣсъ чаще, на условленное мѣсто; понемногу она втянулась въ эти сперва осторожныя, затѣмъ страстныя объятія Мальцева. Ей не доставало этихъ поцѣлуевъ въ шейку и ладони, щекотавшихъ ея нервы и заставлявшихъ жмуриться отъ удовольствія, какъ кошечку, которой чешутъ за ухомъ. Прежде инстинктивно она никогда не уходила далеко отъ дома и отъ лѣсныхъ дорогъ, гдѣ звучали голоса дѣтей и мелькали свѣтлыя платья дачницъ. Постепенно Мальцевъ забирался въ глушь, и Вавочка подчинялась ему теперь, не разсуждая.

Однажды, въ знойный іюньскій полдень онъ ждалъ Вавочку, лежа въ лѣсу, на травѣ. Она подкралась тихонько и застала Мальцева за чтеніемъ французскаго романа. Это было знаменитое произведеніе Марселя Прево *Les demi-vierges*. Заглавіе заинтересовало дѣвушку. Въ глазахъ Мальцева сверкнулъ огонекъ, когда онъ началъ было передавать ей содержаніе книги.

— А самое лучшее, прочтите... Только, конечно, чтобъ никто не видалъ...

Вавочка сконфузилась. Не могла же она сознаться, что плохо владѣетъ языкомъ, какъ и большинство ея подругъ! Но онъ догадался.

— Это пустяки... Не стѣсняйтесь. Чего не поймете, спросите у меня... Вѣдь мы—товарищи, Вавочка?

Онъ протянулъ ей свою маленькую руку съ блестящими ногтями. Дѣвушка украдкой покосилась на собственные ногти, чернѣвшіе тоненькой каемкой около розовой кожи. Ахъ, Господи! Опять забыла вычистить... И когда они успѣли отрасти? Нынче же надо подрѣзать...

Всегда элегантный, превосходно одѣтый, съ тѣмъ отпечаткомъ дэндизма, который дается только долгими годами выдержки и свѣтскаго воспитанія, Мальцевъ внушалъ Вавочкѣ невольный страхъ. Она чувствовала себя передъ нимъ замарашкой и очень боялась, чтобъ ея бѣдность и неряшливость не оттолкнули его. Эти свиданія въ лѣсу пріучили ее если не къ аккуратности, то къ еще большему франтовству. И Мальцевъ, глядя въ личико Вавочки странно загоравшимися глазами, говорилъ ей:

— Прочтите и увидите, какой обольстительный типъ дѣвушки выработался во Франціи. *Эти* умѣютъ пользоваться жизнью. Онѣ стали выше предразсудковъ, которые, какъ кандалы, висятъ у васъ на рукахъ... Учитесь у нихъ жить, милая Вавочка!

Вавочка, таясь отъ матери и Соньки, прочла книжку съ помощью Мальцева, затѣмъ въ переводѣ проглотила кой-что изъ Золя, Ришпена и Катулла Мендеса. Новый міръ ощущеній, острыхъ и заманчивыхъ, открывался передъ нею. Вавочка начала умнѣть. Она поняла теперь, какое темное любопытство влечетъ ее къ Мальцеву; поняла, почему онъ блѣднѣетъ въ ея присутствіи. Ей доставляло огромное наслажденіе подмѣчать, какъ этотъ насмѣшливый и дерзкій человѣкъ теряетъ надъ собой власть. Угадавъ скорѣй инстинктомъ, чѣмъ умомъ, силу своего надъ нимъ вліянія, она перестала его бояться, взяла съ нимъ тонъ «королевы», начала его третировать и пробовала надъ нимъ свою власть... «О, ты дорого мнѣ заплатишь за это, глупая дѣвочка!» думалъ Мальцевъ, стискивая зубы и покоряясь.

Иногда она ставила ему тяжелыя условія. Какъ-то разъ, разсердившись на Маню, которая изъ ревности «задирала» Вавочку, она потребовала, чтобы Мальцевъ ни разу не подошелъ къ Манѣ на пикникѣ. Мальцевъ сумрачно покорился, глядя въ глаза своей мучительницѣ умнымъ, мрачнымъ взглядомъ побѣжденнаго звѣря.

И вотъ только въ послѣдній разъ, возвращаясь съ прогулки, Вавочка вдругъ почувствовала, что начинаетъ бояться своего поклонника. Онъ позволилъ себѣ такъ много, прощаясь, что даже испугалъ ее. Она слишкомъ «просвѣтилась» чтеніемъ французскихъ романовъ, чтобы не видѣть грозившей ей опасности. И когда она объ этомъ думала, въ ней просыпалось старое отвращеніе къ Мальцеву, въ которомъ инстинктъ указывалъ ей тайнаго врага. Это было органическое отвращеніе кошки къ хищному псу, готовому ее растерзать.

Теперь Вавочка понимала и Тихменева.

Вотъ онъ сидитъ съ Александрой Львовной за шахматами, на террасѣ, но мысли его далеко. Онъ знаетъ, что Вавочка сейчасъ уйдетъ къ Прокофьевымъ, будетъ кататься на лодкѣ, въ веселой компаніи молодежи и Мальцева. Онъ ревнуетъ и злится. Пусть! Ей его ничуть не жаль. Ей весело.

— Вавочка, дай мнѣ чаю,—говоритъ Александра Львовна, сосредоточенно глядя на доску, гдѣ черезъ два хода Тихменеву будетъ матъ.

— Сонька,—шепчетъ Вавочка, подталкивая дѣвочку,—поди, возьми чашку...—Сама она не любитъ двигаться зря и терпѣть не можетъ разливать чай.

Въ дверяхъ, съ огромнымъ чайникомъ въ рукахъ, показывается Анисья. Она весь день варила варенье и потому не въ духѣ.

— Плесни-ка мнѣ, барышня, кипятку,—говоритъ она, подходя къ самовару.—Чайку что-то хоцца...

Вавочка, которая только что, взапуски съ Сонькой, «уписывала» новое, еще теплое клубничное варенье, чуя грозу, при видѣ краснаго лица кухарки, вспархиваетъ и бѣжитъ въ палисадникъ нарвать букетикъ.

Кухарка грубо отстраняетъ Соньку отъ миски съ вареньемъ.—Это что же?—голоситъ она.—За этимъ что-ль я варила цѣльный день, чтобъ вы ложками его оплетали? Ужъ и ты безстыдница, Варвара Миколавна! Чѣмъ бы поберечь мамашино доброе и Соню остановить... Эвося! Больше фунта вдвоемъ оплели...

— И пожалуйста не ври,—шипитъ Вавочка и съ корнемъ вырываетъ пучокъ анютиныхъ глазокъ.—Не я ѣла, Сонька...

— И ты ѣла,—косясь, шепчетъ Сонька.

— А кого нонче звала ягоды чистить?—въ томъ же возвышенномъ діапазонѣ продолжаетъ Анисья.—Небось на работу не докличешься... Говорила утрось, не дамъ варенья, и не дамъ!—неожиданно рѣшаетъ она, входя въ ражъ, и подхватываетъ миску со стола.

— Ахъ, Анисья!—Яснева морщится.

— Да что, барыня!—вопитъ кухарка, потрясая посудиной надъ шахматной доской.—Надо же и совѣсть знать! Мы варимъ на зиму, а тутъ съ ними и на мѣсяцъ не хватитъ. Какіе капиталы надо имѣть, чтобъ этихъ сластенъ укормить? Не дамъ до зимы варенья, вотъ и весь сказъ!—трагически восклицаетъ она уже по адресу Вавочки и уноситъ миску, какъ тріумфаторъ добычу.

— Дура, мужичка!—ворчитъ Вавочка, топча безъ сожалѣнія на грядахъ цвѣты, которые мать сажала весной съ такой любовью.

Александра Львовна въ душѣ очень довольна выходкой кухарки. При Тихменевѣ она постѣснилась бы убрать отъ дѣтей варенье. Но мысль, что эти двѣ маленькія обжоры уничтожаютъ такое дорогое лакомство, все время мѣшала ей сосредоточиться.

Тихменевъ оборачивается на озлобленную до слезъ Вавочку.

— Вавочка, знаешь поговорку: «Титъ, Титъ, иди молотить».—«Животъ болитъ».—«Титъ, Титъ, иди кашу ѣсть».—«А гдѣ моя большая ложка?..»

Вавочка ищетъ выраженій, чтобъ уничтожить его, но на дорогѣ мелькаетъ яркій зонтикъ Зои, и, какъ макъ, горитъ на солнцѣ ея пунцовая кофточка. Вавочка дѣлаетъ Тихменеву вызывающій реверансъ. «Только, дескать, вы меня и видали!..» И бѣжитъ за калитку.—Мама, я ухожу... За мной идетъ Зоя...

— А когда же ты вернешься?

Но Вавочка уже далеко.

На лбу Тихменева, между темныхъ бровей, ложится глубокая, продольная морщинка. Разомъ все теряетъ для него блескъ. И этотъ вечеръ, и закатъ, и самая жизнь.

III.

Прокофьевы живутъ въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы, въ такъ называемыхъ «Лѣсникахъ». Тамъ мѣстность сырая. Съ заходомъ солнца отъ болотъ, окаймляющихъ съ этой стороны лѣсъ, поднимается густой, нездоровый туманъ. Но Прокофьевы о гигіенѣ не заботятся. Мѣстность модная, дачи дороги, кругъ недалеко. Чего же еще?

На террасѣ, обитой роскошной парусиной, за чайнымъ столомъ, сидятъ человѣкъ двадцать. Въ настоящее время хозяйка увлечена Гурвицемъ, хорошенькимъ, нахальнымъ и бездарнымъ фельетонистомъ уличной но широко распространенной газеты. Эта связь стоитъ ей дорого. Гурвицъ играетъ на скачкахъ и довольно неудачно. Она везетъ его съ собою за границу, откуда онъ будетъ высылать въ газету свои «путевыя впечатлѣнія» десятки разъ описанныхъ другими городовъ и озеръ, никому изъ читающей публики не нужныя, но за которыя онъ получитъ гонораръ впередъ. Онъ опоздалъ («Охъ, въ редакціи-ли?»)... И ревнивая Серафима Антоновна съ тревогой глядитъ на дорогу.

Обыкновенно на дачѣ Прокофьевыхъ царитъ «литераторскій» элементъ изъ друзей Гурвица, этого «калифа на часъ». Но въ этотъ вечеръ общество собралось самое смѣшанное. Тутъ и биржевой маклеръ, сосѣдъ; и хозяинъ дачи, горбоносый еврей, съ торчащими изъ ушей и носа рыжими волосами, съ ужаснымъ акцентомъ и крупнымъ брилліантомъ на мизинцѣ; здѣсь другъ Гурвица, репортеръ уличной газеты, съ армянскимъ типомъ, похожій на шулера, недалекій, но нахальный; и премьеръ мѣстнаго театра, бритый, испитой артистъ. Его занимаютъ двѣ сосѣдки Прокофьевыхъ по дачѣ, красивыя, пышныя и откровенно намалеванныя купчихи, съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ, одѣтыя восхитительно... Всѣ они сгрупировались около хозяйки. Мальцевъ вѣжливо, но твердо доказываетъ подвыпившему репортеру, что онъ не былъ на послѣднихъ скачкахъ, которыя описалъ съ такими подробностями. Онъ расхвалилъ парижскій туалетъ опереточной пѣвицы, а пѣвицы, между тѣмъ, на скачкахъ не оказалось. Репортеръ, прижатый къ стѣнѣ, виновато смѣется.

— И поддѣла же она меня!.. Наканунѣ, понимаете-ли, видѣ-

ла меня, описала платье и просила напечатать о немъ... Что подѣлаешь съ этими женщинами!

И онъ, повидимому, очень довольный и собой и этимъ инцидентомъ, начинаетъ передавать скучающей хозяйкѣ цѣлый рядъ подобныхъ газетныхъ промаховъ. Онъ, въ качествѣ друга Гурвица, чувствуетъ себя въ этомъ домѣ, какъ у себя.

На другомъ концѣ стола собралась молодежь: двое скрипачей изъ консерваторіи, которые заѣхали изъ Москвы на дачу, въ гости къ товарищу, но, не найдя его, пошли обѣдать къ Прокофьевымъ, гдѣ были раньше не болѣе двухъ разъ; трое студентовъ; Коля, Маня, Надя Корнева; одна фельдшерица (она же акушерка и массажиста, пользующая Серафиму Антоновну, которая начинаетъ жирѣть); двѣ ученицы театральной школы, изъ которыхъ одна съ бѣлокурыми косами, въ костюмѣ Гетевской Маргариты. Тѣ же буффы на рукавахъ, тотъ же покрой платья и aumônière изъ бархата, на длинномъ снуркѣ. Не достаетъ только молитвенника и скромности.

Поодаль, за маленькимъ отдѣльнымъ столомъ, усѣлись три неопредѣленныя личности, съ свободной шевелюрой, въ бѣльѣ сомнительной чистоты, въ потертыхъ пиджакахъ и безъ пальто. Они постоянно подливаютъ въ свой чай коньякъ и ведутъ бесѣду a parte, очевидно, мало интересуясь остальной компаніей и хозяевами. Черезъ каждыя пять минутъ одинъ изъ этихъ «пиджаковъ», съ мощной фигурой и сумрачной физіономіей заговорщика, встаетъ, подходитъ къ большому столу, черезъ головы дамъ беретъ горстью изъ корзины печенье и, положивъ его передъ собой, жуетъ жадно и молчаливо.

«Либо геній, либо прохвостъ», рѣшаетъ про себя папà-Прокофьевъ, который, бесѣдуя съ биржевымъ маклеромъ, давно наблюдаетъ это загадочное тріо. Онъ только что вернулся изъ Москвы и, передъ поѣздкой въ «Фантазію», допиваетъ свой стаканъ чаю... Полчаса назадъ, войдя на террасу и цѣлуя руку жены, онъ спросилъ ее съ усмѣшкой природнаго юмориста, который въ жизни ищетъ прежде всего забавную сторону:

— Кто это, Симочка?—Онъ осторожно, играющими глазами указалъ на отдѣльный столикъ.

Коньякъ развязалъ языки «пиджакамъ». Они вытянули ноги, положили локти на столъ и, отрясая пепелъ дрянныхъ папиросъ въ пустую рюмку, не стѣсняясь, ведутъ разговоры:

— Я ему, мерзавцу, говорю: «Коли вы этакъ поступаете, гдѣ же тутъ справедливость? Мы съ вами уже столковались о гонорарѣ...»

— Эва! Нашелъ, гдѣ справедливость искать... У прохвоста!— доносится явственно хриплый басъ косматаго брюнета.

Третій все молчитъ и ѣстъ.

— Кто же это, Симочка?

Серафима Антоновна, до слуха которой донесся плебейскій жаргонъ таинственныхъ незнакомцевъ, брезгливо морщится.

— Ахъ, право, не знаю! Я вернулась отъ *Minangoy*, они уже тутъ... Я тебя хотѣла спросить. Можетъ, это съ биржи?

Прокофьевъ, весело улыбаясь, крутитъ усы.

— Ну, если не къ тебѣ, то къ Зоѣ... Навѣрное писатели,— успокаиваетъ Серафима Антоновна.—Mais à quoi bon? Богъ съ ними! Тебя они интересуютъ?

— О, нѣтъ... Я только такъ,—извиняется Прокофьевъ. Онъ самъ дома, какъ рѣдкій гость, не имѣетъ претензій хозяина.

Приходъ Вавочки встрѣчается группой молодежи съ удовольствіемъ. Всѣ встаютъ, чтобъ идти къ пристани. Хозяевъ никто не благодаритъ, не принято. Остаются только пожилые, кружокъ хозяйки и «неопредѣлившіеся».

— Bonsoir papa,—небрежно говоритъ Зоя отцу, котораго не видала со вчерашняго утра.

— Bonsoir petite,—отвѣчаетъ отецъ, цѣлуя ее въ лобъ. Затѣмъ онъ повертываетъ передъ собою дочь, разглядывая новый фасонъ кофточки.

— Ну, что?—волнуется Зоя, слегка краснѣя подъ серьезнымъ взглядомъ отца, въ которомъ цѣнитъ тонкій вкусъ знатока.

— Это Berthe шила? Мнѣ не нравится. Вотъ тутъ тянетъ... И бюсту не дано настоящаго простора.

— Да,—съ досадой соглашается Зоя.—Она мнѣ и въ прошлый разъ въ груди сузила. «Зато недорого беретъ», мелькаетъ оправданіе.

— Перемѣни ее. Возьми Шумскую...

— Ахъ, папа! Она дорога...

— Вздоръ! Въ такихъ случаяхъ женщина никогда не должна жалѣть денегъ. Кому дана такая стройная талія...

«Она шьетъ на Птичкину 2-ю, твою танцовщицу, знаю»... про себя усмѣхается Зоя.

— A propos, дружокъ, кто эти таинственные незнакомцы?— Прокофьевъ киваетъ на «пиджаки». Они все больше возвышаютъ голоса и въ увлеченіи стучатъ по столу кулаками.

Третій молчитъ и ѣстъ.

— Право, не знаю. Развѣ это не къ тебѣ? Они здѣсь обѣдали...

— Гм... гм...—откашливается Прокофьевъ, сіяя глазами, и уходитъ вполнѣ довольный, собираясь въ «Фантазіи», за ужиномъ, посмѣшить пріятелей этимъ анекдотцемъ о «*чужомъ домѣ*» и смѣ-

ясь въ душѣ надъ безалаберностью «меценатки», которую онъ глубоко презираетъ, втайнѣ отъ нея и отъ всѣхъ.

IV.

У пристани лодокъ уже не оказалось. Высокій красавецъ-студентъ, щеголь и гордецъ, какъ его называли, всегда сурово молчавшій и оживлявшійся только за винтомъ (онъ былъ изъ Петербурга и лѣто гостилъ у Коли, которому доводился родственникомъ), пошелъ въ будку сторожа, пошептался тамъ съ минуту, и откуда-то изъ-за купальни вдругъ показались двѣ лодки. Должно быть, студентъ щедро заплатилъ за нихъ, такъ какъ сторожъ, обыкновенно важный и даже грубый, ломалъ передъ нимъ шапку и временемъ не стѣснялъ. По дорогѣ тотъ же студентъ купилъ у разносчика коробку конфетъ отъ Абрикосова. Мальцевъ, у котораго до жалованья оставалось всего десять рублей, принужденъ былъ, къ своему крайнему неудовольствію, купить шоколаду.

— Стойте! Стойте!.. Погодите!—раздались звонкіе голоса въ послѣднюю минуту. Съ горы въ свѣтлыхъ платьяхъ бѣжали, взявшись за руки, двѣ дѣвушки. Ленты ихъ кушаковъ вѣяли въ воздухѣ. Одна была Клавдинька Глазунова, купеческая барышня, товарка Зои по гимназіи, рыженькая, миловидная хохотушка. Другая—Зина Покровская, дочь доктора, жившая тутъ же, въ Богородскомъ. Она была извѣстна своей страстью собирать марки. Она копила ихъ ужъ цѣлый годъ и брала эту дань со всѣхъ знакомыхъ.

— На какого вамъ чорта эти марки?—какъ-то разъ поинтересовался Коля.—Пари, что ли, держите?

— А какъ же? Вотъ Маріанна Долгова собрала восемь тысячъ, отослала въ Китай и за это получила настоящій китайскій сервизъ.

Коля засвисталъ.—А вы видѣли сервизъ?

— Не видала, но все равно...

— Ахъ, вы душки, душки!.. То-есть всякой ерундѣ вѣрятъ. Безъ малѣйшей критики... А сколько вы скопили?

— Пятую тысячу начала...

— Тьфу!

Но подруги вступились за Зину. Колѣ-то какое дѣло? Самъ хорошъ... Чѣмъ марки хуже его страсти къ спорту?

— А и то правда!—неожиданно согласился Коля.

Компанія разсѣлась. Въ первой огромной шестивесельной лодкѣ помѣстились Зоя, Вавочка, Коля, красавецъ-студентъ, Надя Корнева, Маня, Мальцевъ и фельдшерица Красавина. Это была

красивая и цвѣтущая черноволосая дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ, одѣтая чисто, но очень скромно, почти бѣдно. Она мало говорила, но когда смѣялась, то всѣмъ становилось весело, и всѣ ею любовались. Жила она въ Богородскомъ, на крошечной дачкѣ, и держала вывѣску: Акушерка, массажистка и фельдшерица. Кромѣ того, она имѣла и Поспѣловскій аттестатъ. Это позволяло ей перебиваться съ хлѣба на квасъ, чтобъ содержать себя и трехлѣтняго сына, котораго она прижила, никто не зналъ, съ кѣмъ. Теперь она жила монахиней, и ни одна сплетница не нашла бы дурного словечка на ея счетъ.

Она была изъ зажиточной мѣщанской среды, кончила курсъ въ гимназіи, гдѣ учила Яснева, была ея любимицей. Затѣмъ поступила на фельдшерскіе курсы. Когда съ ней случился этотъ «грѣхъ», родные выгнали Вѣрочку Красавину. Ее пріютила прачка, стиравшая на ея родню. У нея въ подвалѣ она родила своего Васю, прачка его крестила. Оправившись, Вѣрочка стала помогать своей кумѣ и тѣмъ жила. Родные засылали черезъ прачку сказать ей, что простятъ, если она закинетъ своего «щенка» въ Воспитательный домъ. Вѣрочка отказала наотрѣзъ. Одинъ знакомый студентъ, случайно встрѣтивъ Красавину на улицѣ, всей душой принялъ въ ней участіе. Въ ея пользу по подпискѣ собрали порядочную сумму, которая дала ей возможность вновь поступить на курсы. Профессора и товарищи, узнавъ объ ея бѣдственномъ положеніи, отнеслись къ ней съ теплотой и интересомъ. Кончивъ курсъ, Красавина помирилась съ родными, но рѣдко-рѣдко, развѣ голодая, ради Васи, принимала ихъ помощь и жила самостоятельно.

Знакомство ея съ m-me Прокофьевой, давшее ей постоянный заработокъ, состоялось черезъ того же студента. Онъ любилъ Зою, читалъ ей Милля, Спенсера, старался вызвать въ ней жажду умственныхъ интересовъ и труда, но скоро ушелъ, усталый и несчастный. Онъ былъ такой скучный-скучный, такой робкій и некрасивый, съ потными руками и красными вѣками. Зоя цѣнила его чувство; она вѣрила, что онъ одинъ не ищетъ ея денегъ и любитъ въ ней человѣка. Зоя и къ Красавиной чувствовала симпатію, въ память ли этого «бѣднаго студентика», который ввелъ Вѣрочку, какъ массажистку, въ домъ Прокофьевыхъ? Или же просто она цѣнила въ Вѣрочкѣ характеръ, видѣла въ ней представительницу иного, чуждаго ей, но все же интереснаго міра? Больше всего Зою плѣнила смѣлость, съ которой Красавина говорила о своемъ ребенкѣ... Она чувствовала, что до такого свободомыслія сама она, пожалуй, не дошла бы. Чѣмъ старше она становилась и ближе узнавала жизнь, тѣмъ больше она въ

душѣ, несмотря на всѣ свои бравады, боялась мнѣнія «княгини Марьи Алексѣвны».

— «Я уважаю Красавину», говорила Зоя Надѣ Корневой и другимъ барышнямъ, брезгливо пожимавшимъ плечами при видѣ этого вниманія къ бѣдной фельдшерицѣ. Сама же Красавина была слишкомъ молода и слишкомъ настрадалась въ прошломъ, чтобъ сторониться отъ веселья и шума въ домѣ Прокофьевыхъ.

Красавина сѣла у руля, мужчины взялись за весла.

— Господа, подѣлитесь конфетами, вы себѣ все забрали,— крикнула изъ другой лодки *Маргарита.*

Лодки сблизились. Маня, перегнувшись, кинула на колѣни «Маргаритѣ» двѣ плитки. Первая лодка накренилась.

— Ахъ, Манька!.. Ради Бога!—взвизгнула Надя Корнева.

Маня встала въ лодкѣ, вытянула руки и запѣла фальшиво и дико, раскачивая бедрами, арію изъ Карменъ: L'amour est un oiseau rebelle, que nul ne peut apprivoiser...

Лодка продолжала колебаться. Надя ахала и хватала Мальцева за колѣни.

— Да будетъ вамъ кривляться-то!.. Сядьте!—крикнулъ на Маню Коля.

— Болванъ!—кинула она презрительно, но все-таки сѣла, потому что студентъ заявилъ, что не двинется дальше, пока она не образумится.

Лодки поплыли, обгоняя другъ друга.

Небо безоблачное, блѣдно-голубое, уже не дышало зноемъ, а ласкало глазъ. Солнце золотомъ заливало рѣку. Дробя это расплавленное золото, плыли лодки, а за ними, лепеча и словно захлебываясь, бѣжалъ пѣнящійся, узкій, глубоко взрытый слѣдъ. Жидкое золото капало съ веселъ, когда они вспархивали надъ водой. Дамы сложили зонтики. Краски заката загорѣлись на ихъ лицахъ. Въ зрачкахъ и волосахъ зажглись блестки. Изъ густыхъ лѣсовъ, окаймлявшихъ берегъ, неслись острыя, характерныя смолистыя испаренія. Такъ пахнутъ только сосны, и то на закатѣ.

— Псиной пахнетъ!—крикнула Маня.—Фи!.. Гадость!..

— Это отъ сосенъ,—пояснилъ Коля.

— Знаю, а все-таки псиной пахнетъ...

— Ну, и наплевать!

— Ахъ, уродъ этакій!.. Что вы придираетесь?

— Вава, оставь конфеты!.. Ты не одна здѣсь...

Вавочка сконфуженно захлопнула коробку. Она погрузилась въ такое сладкое забвеніе, жуя шоколадъ *mignon* и отбирая свои любимыя помадки, что даже не замѣтила, какъ Коля, дѣлая равнодушное лицо, прижимался къ ней плечомъ.

Надю Корневу попросили спѣть. Всѣ знали, что она уже поступила въ консерваторію.

— Сейчасъ начнетъ ломаться,—шепнулъ Коля Вавочкѣ,—и скажетъ: «Ахъ, нѣтъ!.. Я нынче не въ голосѣ»...

— Ахъ, нѣтъ... Я нынче не въ голосѣ,—дѣйствительно, точно подъ суфлера, томно проныла Надя.—И потомъ профессоръ говорилъ, что на водѣ пѣть вредно...

— А, чортъ!—огрызнулся Коля.—Подумаешь, вы—Фриде... Такъ что-жъ что на водѣ? Вредно тому, у кого есть голосъ, а изъ васъ все равно ничего не выйдетъ.

— Я съ вами не желаю говорить! Мнѣ сама Лавровская сказала...

Но ее перебилъ кто-то, крикнувъ, что вторая лодка ихъ обгоняетъ. Оттуда доносился пискливый голосъ консерваторки, старательно вытягивавшей: «Въ поле чистое гляжу»...

— Вавочка, смотри-ка, вонъ твой опекунъ идетъ,—крикнула Маня, перегибаясь всѣмъ тѣломъ, щуря прикрытые ладонью глаза и накреняя лодку. Надя не преминула болѣзненно застонать.

— Гдѣ?—встрепенулась Вавочка, краснѣя.

— Рыцарь печальнаго образа,—усмѣхнулся Мальцевъ и сильно ударилъ веслами по водѣ. Брызги обдали дѣвушекъ. Онѣ взвизгнули.

Дѣйствительно, по росистому берегу, между копенъ скошеннаго сѣна, облитый пурпуровыми лучами низко опустившагося солнца, шелъ Тихменевъ въ своей чесучѣ, казавшейся блѣдно-розовой, въ свѣтлой панамѣ и съ тросточкой. Онъ дѣлалъ знаки.

— А, ну его!.. Мы словно не видимъ!—предложилъ Коля.

Зоя подняла смуглую руку, съ звенѣвшими, какъ у цыганки, браслетами.—Причальте... Сейчасъ причальте!.. Я такъ хочу...

— Мѣста нѣтъ...

— Вздоръ, Коля! Лодка большая... Не потонемъ.

Повернули къ берегу. Мальцевъ съ злымъ лицомъ избѣгалъ глядѣть на Вавочку.

Черезъ двѣ минуты Тихменевъ уже сидѣлъ за веслами, вѣжливо предложивъ смѣнить раскраснѣвшагося Мальцева. Коля смѣнилъ студента, съ котораго потъ лилъ градомъ.

— Какъ вы насъ нашли?—удивилась Зоя.

— Чутьемъ,—усмѣхнулся Тихменевъ.

На самомъ дѣлѣ, не успѣла Вавочка скрыться, какъ онъ началъ толковать Ясневой объ «опасности этихъ прогулокъ на водѣ». Съ ними, конечно, старшихъ не будетъ; сядутъ человѣкъ десять въ гнилую лодку... Вотъ давно ли въ газетахъ писали о несчастіи на Невѣ? Всѣ утонули, даже кто умѣлъ плавать.

— А Вавочка не умѣетъ,—прошептала Александра Львовна и встала изъ-за шахматнаго стола, не кончивъ партіи.

— Ахъ, ступайте, найдите ее!.. И зачѣмъ я ее только пустила?

Тихменевъ, довольный, какъ школьникъ, ловко надувшій учителя, пошелъ берегомъ по кратчайшей дорогѣ и пришелъ къ повороту раньше, чѣмъ лодки показались.

Теперь онъ чувствовалъ, что его присутствіе словно заморозило веселье молодежи, и былъ сконфуженъ. Но ему нравились эти молодыя лица, эта атмосфера влюбленности, безпечности и... глупости.

— Мальцевъ, идите къ намъ, а то у васъ тамъ слишкомъ много кавалеровъ,—крикнула «Маргарита».

— Съ удовольствіемъ,—отозвался Мальцевъ, и когда лодка приблизилась, ловко перешелъ въ нее.

— Это называется: соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто,—процѣдилъ Коля, искоса взглянувъ на Тихменева.

Но Вавочка уже успѣла заинтересоваться Колей, жадные взгляды котораго сумѣла оцѣнить, такъ что маневръ Мальцева не удался, и его отсутствія она не замѣтила.

Зоя передъ Тихменевымъ болѣе, чѣмъ передъ кѣмъ-нибудь другимъ, любила блеснуть умомъ и «чуткостью». Она скрестила руки на груди и, глядя въ багряную даль, воскликнула:—Бѣдняжка Казеріо!

Коля прищурился на нее и свистнулъ. Многіе засмѣялись.

— Да, да,—горячо подхватила Зоя, и румянецъ окрасилъ ея смуглыя щеки.—Я о немъ думаю всѣ дни. Вотъ мы катаемся, намъ весело... Какой чудный вечеръ! А онъ этого ничего не видитъ и черезъ какую-нибудь недѣлю будетъ казненъ...

— Онъ уже казненъ,—серьезно отвѣтилъ Тихменевъ.

— Какъ?—сконфузилась Зоя.

— Мы, небось, на тринадцать дней отъ Европы отстали, Зоя Селивановна... Или вы этого не сообразили?—съехидничалъ Коля.—А вамъ, Варвара Николаевна, кого жалко? Казеріо или Карно?

Вавочка замигала, полуоткрывъ ротъ и не зная, что отвѣтить. Всѣ залились смѣхомъ. Больше всѣхъ смѣялся самъ Коля, желчно, злобно, словно Вавочка его чѣмъ-то обидѣла.

— Это удивительно!.. Гдѣ вы живете, сударыня? На лунѣ или на Марсѣ? У насъ кухарка и та по вечерамъ газету читаетъ. Пари держу, что вы даже не знаете, кто такой Карно?

— А вы, если что и знаете, то почерпнули ваши свѣдѣнія въ булочной Филиппова,—вмѣшалась Маня.—Острить-то нечего!

— Изъ чего это вы заключаете?—нахохлился Коля.

— Или забыли, какъ шоколадомъ вы меня угощали, и мы

вмѣстѣ иллюстраціи проглядывали? Не попади мы къ Филиппову, быть можетъ, и сейчасъ не знали бы о Казерію...

Коля небрежно скривилъ губы и устремилъ все свое вниманіе на весла.

— Не забирайте вы веслами по водѣ,—училъ онъ Тихменева,—пускайте ихъ свободно, какъ я... Глядите!

И, дѣйствительно, его весла скользили красиво и легко, чуть бороздя воду и вызывая при этомъ особый ласкающій звукъ, похожій на шелестъ шелка. Въ этомъ движеніи Коля видѣлъ особенный «шикъ».

Зоя продолжала «умные» разговоры.

— Такъ онъ казненъ? Какъ жаль!.. Такой красивый! Манька, ты замѣтила, какіе у него необыкновенные глаза? Такіе мрачные и угрожающіе... А ротъ, какъ у женщины. Право, только такихъ людей и стоитъ любить!

Молчаливый студентъ покраснѣлъ и вдругъ съ такой горячностью напалъ на Зою, что въ первую минуту она не нашла словъ. Онъ возмущался сочувствіемъ къ этому убійцѣ, къ этому негодяю. Анархисты—язва нашего гнилого времени... язва, которую безпощадно надо выжигать огнемъ и желѣзомъ. Карно самъ виноватъ. Онъ не былъ идеаломъ правителя и своей мягкостью вызвалъ собственную гибель. Противъ распущенности, которая царитъ во Франціи, нужна желѣзная рука. Никакое государство не можетъ процвѣтать, если такія явленія будутъ вызывать не только сочувствіе, а даже снисхожденіе... Зоя пробовала возражать. Но вдругъ, съ другого конца лодки, заговорила тихая и всегда сдержанная Красавина.

Всѣ обернулись съ удивленіемъ, и никто не узналъ ее. Вызовомъ горѣли ея глаза, когда она звенящимъ голосомъ доказывала студенту, какъ много филистерской ограниченности (она такъ именно и выразилась) въ его рѣчахъ. Она говорила, что недостатокъ развитія и болѣе всего страхъ за собственную шкуру диктуютъ чувство ненависти къ протесту «этихъ идеалистовъ, требующихъ справедливости...» Красавина разгорѣлась отъ спора и стала еще красивѣе.

«Какая милая дѣвушка!» думалъ Тихменевъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ ея лицо. «Откуда она? И, вѣдь, ничего общаго съ этимъ мíркомъ. Точно съ другой планеты».

Отъ Казерію перешли къ другимъ вопросамъ; наконецъ, къ послѣднимъ студенческимъ безпорядкамъ.

— И подѣломъ!—злобно говорилъ студентъ.—Мы прежде всего учиться должны. А до нашихъ взглядовъ тамъ и стремленій никому дѣла нѣтъ...

— Неужели?—вдругъ вмѣшался Тихменевъ.—Такъ ли это? Мы привыкли видѣть въ студенчествѣ носителей тѣхъ высокихъ идей, которыми люди живы. Такъ было съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ возникъ университетъ. Въ его стѣнахъ научались любить, вѣрить, ненавидѣть, стремиться... Научались выше всего въ мірѣ цѣнить идеи. (Онъ покраснѣлъ, говоря это; дико казалось ему говорить тутъ объ «идеяхъ»)... А если жизнь, если среда... и разныя тамъ обстоятельства принижали съ годами уровень требованій и стремленій... если человѣкъ обезличивался, покорялся... этой пошлости, что ли, царящей кругомъ... то онъ все-таки никогда не забывалъ, что было время, въ университетѣ, когда онъ умѣлъ стать выше будничныхъ заботъ тамъ, что ли?.. хлопотать объ обогащеніи, мѣстечкѣ, выгодной женитьбѣ... ну, словомъ... когда онъ былъ лучше...

Красавина порывисто протянула ему руку и сильно тряхнула ею, пожимая его пальцы.—Какой вы милый, милый!—сорвалось у нея горячо. Студентъ совсѣмъ озлился.

— Мы не «носители»... Что за вздоръ! Мы тѣ же ученики... Дайте срокъ, кончимъ курсъ, тогда и начнемъ проводить въ жизнь наши идеи...

— Да откуда вы ихъ возьмете?—усмѣхнулся Тихменевъ.

— И выйдутъ изъ васъ образцовые чинуши,—расхохоталась Красавина.

— Нѣтъ,—вмѣшался Коля, дѣлая серьезное лицо.—Онъ будетъ земскимъ начальникомъ. Онъ давно рѣшилъ... Съ его осанкой...

— Почему заграницей студенты учатся, а не занимаются политикой?—закричалъ студентъ, весь красный.—И никто ихъ за это не презираетъ...

— Вы забываете,—мягко возразилъ Тихменевъ,—что заграницей зато, окончивъ курсъ, они непремѣнно занимаются политикой. А у насъ это исключительно привилегія первокурсниковъ.

— Господа, мы ѣдемъ на купальню—крикнула Маня.—Вѣра Егоровна, да плюньте вы на политику!

Всѣ разсмѣялись, и споръ упалъ.

Запахъ сѣна и спѣлой ржи волнами несся съ ближняго берега. Солнце сѣло. На небѣ багрянецъ исчезъ, перешелъ въ нѣжные опаловые тона, а на востокѣ, гдѣ уже сгущалась синева, вставалъ призрачный мѣсяцъ. Съ рѣки повѣяло свѣжестью. Когда замолчали, слышно стало, какъ въ лугахъ скрипѣлъ коростель.

— Пора домой,—взмолилась Надя Корнева, передергивая жиденькими плечами,—мнѣ сыро...

— Отсырѣлъ голосъ,—пропищалъ Коля, подражая ея жеманному тону. Зоя ударила его зонтикомъ по рукѣ.

— Я боюсь, что промочила ноги,—стонала Надя, высоко подбирая подолъ платья.—Вы ужасно набрызгали вашими веслами...

Вавочка поняла ея маневръ. Надя щеголяла новой шелковой нижней юбкой цвѣта *fraise écrasée*. Ужъ не въ первый разъ она старалась всѣхъ сразить этой обновкой, садясь въ лодку, толкуя по дорогѣ о пыли, у пристани о грязи. Но никто не замѣчалъ этихъ уловокъ, кромѣ Вавочки. Ахъ, она ни о чемъ такъ не мечтала, вотъ ужъ скоро годъ, какъ о шелковой юбкѣ! Самая дешевая стоитъ семь-восемь рублей, и мать, она знала, ни за что на свѣтѣ не разорится на такую обнову. Юбка Зои стоитъ восемнадцать рублей, желтая, съ черными фестонами... И у всѣхъ-то, у всѣхъ есть такая прелесть! Даже Надя завела себѣ. Только онѣ съ Манькой такія несчастныя...

Лодки повернули назадъ, къ пристани.

— Коля, спойте что-нибудь,—попросила Зоя. Всѣ подхватили ея просьбу.

— Ахъ, нѣтъ!—заломался онъ, копируя Надю.—Я нынче не въ голосѣ... И потомъ профессоръ сказалъ, что на водѣ пѣть вредно.

— Какъ это глупо!—зашипѣла Надя. Всѣмъ стало весело

— Коля голубчикъ... «Пару гнѣдыхъ»... Это у васъ совсѣмъ какъ у Давыдова выходитъ... Пожалуйста,—молила Зоя.—Я васъ за это поцѣлую...

Замѣтивъ игривый взглядъ Тихменева, она покраснѣла.

— И я поцѣлую,—пробасилъ студентъ насмѣшливо.

— И я... и я...—послышались женскіе голоса съ другой лодки. Она подъѣхала такъ близко, что «Маргарита», перегнувшись, сняла съ Тихменева шляпу, которую онъ, гребя, сдвинулъ на затылокъ.

Коля граціозно махнулъ фуражкой.—Я, какъ Калхасъ, могу сказать: слишкомъ много цвѣтовъ... слишкомъ много поцѣлуевъ!

— Невѣжа!—смѣялись дамы.

— Милая невѣжа,—ласково поправила Зоя.

— А кто такой Калхасъ, Варвара Николаевна?—вдругъ спросилъ Коля, оборачиваясь къ Вавочкѣ.

Она опять заморгала и покраснѣла.

— Это изъ оперетки,—подсказалъ студентъ, подмигивая Колѣ.

— Вотъ то-то изъ оперетки,—засмѣялся Тихменевъ.—Вы сами-то, Коля, кромѣ *Циклиста* читаете что-нибудь? Если у васъ спросить, кто у насъ первый современный поэтъ?

— А, конечно, Lolo (Лоло),—не сморгнувъ, возразилъ Коля. Только глаза его смѣялись.

Тихменевъ тоже засмѣялся и покачалъ головою.

— O tempore, o mores!—комично вздохнулъ онъ, но въ тонѣ его пробилась горечь. Красавина одна поймала эту нотку.

Вавочка кинула доктору благодарный взглядъ. Она поняла только одно, что этотъ дерзкій Колька весь вечеръ подкапывается подъ нее, а Тихменевъ его срѣзалъ.

— Ну, къ чорту!—рѣшилъ Коля и взмахнулъ фуражкой.— Silence! Я начинаю... Но въ награду Варвара Николаевна пусть поцѣлуетъ меня послѣ всѣхъ!

— Вотъ еще!.. Съ чего вы взяли?

— Молчи, Вавочка!

— Тебя не спрашиваютъ...

— Тсс... Господи... Да будетъ же!

Водворилась тишина. Тихменевъ, поблѣднѣвъ, глядѣлъ на Вавочку молящими глазами. Неужели она станетъ цѣловаться съ этимъ нахальнымъ мальчишкой?

Коля бросилъ весла и пересѣлъ на мѣсто доктора. «Пара гнѣдыхъ, запряженныхъ съ зарею»... запѣлъ онъ, какъ чистокровный цыганъ. Даже было странно, какъ такой мальчикъ могъ до тонкости изучить всѣ оттѣнки, весь пошибъ цыганскаго пѣнія. Тѣ же гортанные звуки, та же манера капризно отрывать слоги, та же неправильность въ дикціи, тотъ же странный, неожиданный акцентъ. И та же нѣга... Голосъ его былъ невеликъ, немного хриплый, уже утратившій свѣжесть, и Тихменеву было ясно, почему... Но въ немъ было какое-то необъяснимое обаяніе; въ немъ дрожали и звенѣли нотки неподдѣльной страсти, удали и тоски. И когда Коля теперь, глядя поверхъ головъ публики, поднялъ блѣдное лицо къ синѣвшему далекому небу, въ его глазахъ, въ его выраженіи было что-то, отчего невольно билось сердце. Что-то властное, зовущее и прекрасное...

«Это удивительно», думалъ Тихменевъ, не сводя глазъ съ этого лица и чувствуя, какъ въ отвѣтъ на эти звуки въ его собственной душѣ жутко и сладостно задрожали какія-то струны. «Испорченный мальчишка поетъ глупую пѣсню, и слова какія-то пошлыя, а между тѣмъ... закипаютъ слезы, хочется счастья... что-то растетъ въ душѣ тоскливо-прекрасное. И жаль кого-то... Да, вотъ подите-жъ! Жаль эту развратницу, дряхлую, нищую, покинутую всѣми»... «Всякій искалъ въ ней любви и забавы, и на груди у нея засыпалъ...» «Да, да, это возможно!..» думалъ онъ. «Потребность забвенія, жажда ласки, эта неистребимая жажда, эта стихійная сила,—она толкаетъ даже въ объятія продажной женщины... Несчастное человѣчество, ищущее обмануть себя этимъ суррогатомъ счастья! И никто не свободенъ отъ страшной власти любви...» И глаза Тихменева устремились на Вавочку съ трепетомъ и мольбой.

Коля пѣлъ. Мрачныя стѣны сосноваго лѣса повторяли явственно высокія ноты, иногда цѣлые слоги. Луна поднялась выше и изъ золотой стала серебряной. Отраженіе ея задрожало въ рѣкѣ. Даль подергивалась бѣловатымъ туманомъ, который низко курился по берегу. Лодки плыли лѣниво. Словно и имъ хотѣлось слушать.

Когда Коля кончилъ, всѣ были взволнованы, кромѣ одной Нади Корневой, которая съ презрѣніемъ поджимала губы.

Кто-то зааплодировалъ. Всѣ подхватили. Эхо рѣзко отдалось съ берега. Казалось, изъ лѣса кто-то палилъ холостыми зарядами.

— Еще, Коля, еще, голубчикъ!—взмолились всѣ. Красавина была въ такомъ неподдѣльномъ восторгѣ и такъ наивно выражала его, что Коля былъ доволенъ, хотя продолжалъ насмѣшливо улыбаться.

И онъ пѣлъ еще и еще... Пѣлъ охотно, очевидно, увлекаясь самъ и волнуя сердца. Даже равнодушная Вавочка стала грустной и мечтательно глядѣла въ посеребренную даль. Она думала о любви сказочнаго принца, о свѣтлыхъ залахъ, о газовыхъ платьяхъ, о плюшевой мебели, о жизни тонкой и блестящей.

— Вотъ это талантъ!—сказалъ студентъ, когда Коля объявилъ, что охрипъ и больше пѣть не будетъ. Тихменеву сразу стало ясно, почему въ устахъ этого мальчика даже пошлости производили неотразимое впечатлѣніе. «Да, да... *Талантъ*... Вотъ разгадка. И какъ это просто!» удивился онъ. «И почему я этого сразу не понялъ?» Онъ съ недоумѣніемъ и любопытствомъ продолжалъ приглядываться къ этому странному мальчику съ сложной душой. А тотъ уже опять кривлялся, дразня кого-то.

— Ахъ, Коля!—искренно сорвалось у Зои.—Зачѣмъ вамъ только семнадцать лѣтъ? Я бы въ васъ безъ памяти влюбилась!

— Ну, этого-то именно вы и не умѣете,—дерзко и увѣренно заявилъ Коля. Зоя не возражала, странно улыбаясь.

Съ другой лодки предложили спѣть хоромъ.

Свѣжіе голоса красиво зазвучали по рѣкѣ.

Пристань была уже недалеко. На ней горѣли огни. Освѣщенныя дачи сверкали среди зелени. Платья дачницъ бѣлѣли въ сумеркахъ на берегу. Туманъ на рѣкѣ и лугахъ подымался все выше и тихо клубился, принимая призрачныя очертанія. Кое-гдѣ его пронизывали лунные лучи, серебряные и длинные-длинные, какъ струны сказочной арфы.

Пѣли всѣ почти, даже безголосые фальшивили себѣ подъ носъ. Одна Надя Корнева молчала, брезгливо пожимая плечами. Увлекся даже Тихменевъ и далъ волю своему баритону, цѣны которому онъ никогда не зналъ... Но больше всѣхъ увлекалась Красавина.

Она вложила въ пѣніе весь неизжитый, скрытый подъ спудомъ нужды избытокъ молодыхъ силъ. Она разгорѣлась, встряхивала плечами, даже кулакомъ стучала по своимъ колѣнямъ... Это было и смѣшно, и трогательно, въ одно и то же время, и подкупало своей искренностью. «Славная, славная!..» думалъ Тихменевъ. «Вотъ такая не измучитъ, не обманетъ, дастъ вѣрное счастье, отвѣтитъ глубокимъ чувствомъ. А вотъ не тянетъ къ ней... Не такія, видно, намъ нужны».

Лодки причалили. Съ берега апплодировали. Всѣ шли вразсыпную, оживленные, въ приподнятомъ настроеніи. Одна Надя, высоко поднявъ черное платье, чтобы показать шелковую юбку цвѣта *fraise écrasée*, шла нахмурясь, вялая и надменная, какъ всегда. Вавочка слѣдовала за ней по пятамъ, какъ загипнотизированная, не сводя глазъ съ этой оборки.

— Ахъ, никому я такъ не завидую, какъ пѣвицамъ!—говорила Маня, на ходу раскачивая бедрами.—И деньги у нихъ, и слава, и труда никакого нѣтъ... Вотъ ужъ именно баловни судьбы!

— Нѣтъ, лучше быть танцовщицей,—возразила Зоя и обернулась къ студенту.—Помните Отеро?

Тотъ, къ большому удивленію Тихменева, замѣтно сконфузился. Даже въ сумеркахъ видно было, какъ измѣнилось его надменное и скучающее всегда лицо.

— Кто это Отеро?—полюбопытствовалъ докторъ.

— Какъ! Вы ее не видали?—не то, чтобъ крикнулъ, а прямо-таки завопилъ студентъ, съ огорченіемъ, почти съ обидой.

— Нѣтъ...

— И даже не слыхали о ней? Да она на весь міръ прогремѣла!—Онъ всплеснулъ руками.

— У нея брилліантовъ на два милліона,—вставила Маня.

— А красота какая!.. Какъ сложена!.. Какіе глаза!

— Ну ужъ, Николай Дмитричъ, вы увлекаетесь! Нельзя быть красавицей съ лицомъ, длиннымъ, какъ у лошади...

— Будетъ вамъ, Зоя Селивановна! Вотъ когда въ васъ *баба*-то сказалась! Да плѣнительнѣе этой испанки нѣтъ женщины на свѣтѣ! (Студентъ обернулся къ Тихменеву.) Знаете? Она въ свои народные танцы вноситъ столько страсти, дикой, поэтической, столько огня!.. Да гдѣ тамъ!.. Ни до нея, ни послѣ Петербургъ не видалъ такой бури восторговъ, такихъ овацій... Весь театръ голову потерялъ. Старики взбѣсились, не то, что мы, студенты!

— Неужто и ты взбѣсился?—фыркнулъ Коля.—Вотъ чудеса-то!

— И я... и я!—озлился почему-то студентъ.—Что я, не человѣкъ, по вашему? Я ей тоже букеты подносилъ...

«Вотъ, когда и въ тебѣ молодость сказалась», думалъ Тихменевъ, не узнавая этого «накрахмаленнаго» красавца.

— Жаль, что я не былъ въ Петербургѣ,—вслухъ подумалъ онъ.

— Да, вѣдь, она и здѣсь танцовала,—подхватилъ студентъ.— У Омона, кажется... Неужто вы, москвичъ, этого не знали?

— Нѣтъ, въ *Салонѣ*, а не у Омона,—спорилъ Коля.

«— Я тамъ не бываю,—» хотѣлъ отвѣтить Тихменевъ, но промолчалъ, боясь показаться смѣшнымъ этой опытной молодежи.

— Да она здѣсь и не гремѣла даже,—оправдывался онъ.

Студентъ развелъ руками.—Ну, ужъ ваша Москва! Если *это* не интересуетъ и не шевелитъ... Я увѣренъ теперь, что ваши студенты тоже не слыхали о ней...—Онъ даже не позаботился маскировать презрѣнія, звучавшаго въ его тонѣ.

— А конечно не слыхали!—съ вызовомъ крикнула фельдшерица.—За это вамъ головой поручусь!

— Вавочка, а знаешь, какъ она показывалась публикѣ за деньги?

— Ну?

Зоя наклонилась къ уху подруги и зашептала что-то, блистая глазами.—Она такъ и снята въ ротондѣ,—докончила она вслухъ.

— Что-жъ? Молодецъ!—одобрила Маня, знавшая, въ чемъ дѣло.—Она права...

У Прокофьевыхъ, на дачѣ, вся компанія поужинала. Многіе простились и разошлись, раньше всѣхъ Надя Корнева, которая совсѣмъ завяла, какъ цвѣты на сухихъ грядахъ.

Вавочка на прощанье поцѣловала Зою.

— Господа, пойдемте провожать Вавочку,—предложила неугомонная Маня. Для нея, казалось, не было ни сна, ни усталости. Тихменеву захотѣлось ее побить.

— Ахъ, пожалуйста!—обрадовалась Вавочка.

Докторъ предложилъ ей руку, и, должно быть, въ его тонѣ было что-то отчаянное и властное. Она не посмѣла отказаться, хотя ей хотѣлось идти съ Мальцевымъ. Теперь ей стало обидно, что онъ весь вечеръ не обращаетъ на нее никакого вниманія. «Ты злишься», думала она, «и хочешь меня наказать?.. Ну, постой же! Не приду завтра въ лѣсъ, ни за что! И букета твоего не надо!»

Она съ Тихменевымъ шли сзади всѣхъ. Впереди Зоя, студентъ, Маня и Коля. Еще впереди Красавина, Зина, Клавдинька, Мальцевъ и барышня въ театральномъ костюмѣ, за которой онъ настойчиво ухаживалъ весь вечеръ.

— Къ вамъ идетъ этотъ костюмъ,—говорилъ онъ ей и сейчасъ.—Вы въ немъ совершенно Маргарита изъ *Фауста*.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вмѣшался Коля,—она Маргарита... вотъ та,

которая...—И онъ запѣлъ, кривляясь, копируя дачныхъ арфянокъ: «Маргарита по лѣсу *ходи-ля*... Маргарита ножки *промочи-ля*»...

Изъ-за подворотенъ на него озлобленно, хрипло лаяли моськи. Дачники, сидѣвшіе на заваленкахъ, смѣялись. На террасахъ горѣли лампы. Въ палисадникахъ сверкали огоньки папиросъ. Пахло уличной пылью. Дорога вся была залита луннымъ свѣтомъ.

Они вошли въ лѣсъ, который при этомъ освѣщеніи казался сказочнымъ царствомъ. Характерный запахъ сосны тяжелой волной лился навстрѣчу. Кругъ былъ пустынный и синій подъ лучами мѣсяца, какой-то незнакомый въ этомъ безмолвіи. Коля и Мальцевъ, подхвативъ своихъ дамъ, понеслись въ вальсѣ.

За кругомъ начинался знаменитый богородскій хвойный лѣсъ. Угрюмо поджидалъ онъ веселую компанію.

— Ухъ!.. Какъ жутко туда идти!—сказала Вавочка и невольно прижалась плечомъ къ Тихменеву. «Зачѣмъ, зачѣмъ мы не одни?» больно отдалось въ душѣ Тихменева.

Когда они входили въ лѣсъ, съ крайней за кругомъ дачи грянулъ вальсъ. Долго томительно-сладкіе звуки мчались по лѣсу, догоняя удалявшуюся молодежь. По дорогѣ, широкой, песчаной, съ узлами древесныхъ корней, на которые больно натыкались ноги, играли свѣто-тѣни, падая капризными пятнами въ лѣсныя просѣки, бросая на песокъ причудливые узоры и призрачные блики на платья и лица гуляющихъ. Подъ деревьями было не такъ темно, какъ казалось издали. Ароматъ осыпавшихся и гніющихъ иглъ тѣснилъ грудь.

— Господа, давайте въ горѣлки!—придумала Маня.—Дорога прямая и широкая...

— Отлично!..

— Становитесь въ пары!.. Коля, горите вы...

«Горю, горю ясно»... загнусавилъ гимназистъ.

— И вы хотите бѣгать?—удивилась Вавочка, бросая руку своего кавалера. Это удивленіе обидѣло Тихменева.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я слишкомъ старъ для вашей компаніи...

— Вотъ вздоръ!—вдругъ засмѣялась Красавина своимъ обаятельнымъ смѣхомъ и взяла доктора за руку.—Будьте моей парой!

Тихменевъ горячо пожалъ руку фельдшерицы. Онъ тогда еще, въ лодкѣ, послѣ принципіальнаго спора со студентомъ, почувствовалъ инстинктомъ мужчины ея симпатію, и теперь ея вниманіе пріятно возбуждало его.

«Чтобы не погасло»... тянулъ Коля, ломаясь, какъ паяцъ.

Первая пара, студентъ съ Зоей, молча оттолкнувшись руками, промчались мимо гимназиста. Онъ дрогнулъ и кинулся за ними... Въ нѣсколько прыжковъ онъ догналъ Зою, перерѣзавъ ей дорогу, и схватилъ ее за талію.

— Обѣщаніе?—прошепталъ онъ.

Зоя молча обернулась и впилась, какъ змѣйка жаломъ, въ губы мальчика.

— Куда вы дѣлись?—вопилъ студентъ, отыскивая ихъ впотьмахъ близорукими глазами.

— Идемъ,—звонко откликнулась Зоя, выходя изъ тьмы,—меня поймали...

Крикъ и смѣхъ молодежи будили спавшій лѣсъ. Птицы, тревожно перекликаясь, шевелились на вѣткахъ. Нѣкоторыя вспархивали и тяжело летѣли дальше, натыкаясь на деревья и пронзительно вскрикивая.

Настала очередь Вавочки. Она была парой «Маргариты», но кто горѣлъ, она не интересовалась. Не все ли равно?.. Разъ... два!—командовалъ кто-то. По знаку «три» дѣвушки побѣжали съ легкимъ восклицаніемъ. Вавочка оглянулась, ее нагонялъ Мальцевъ. Непонятный страхъ овладѣлъ ею. Она завизжала, какъ поросенокъ, котораго колютъ. Задрожавшія ноги ея остановились противъ воли. Въ одинъ прыжокъ Мальцевъ былъ подлѣ и схватилъ ее въ свои объятія. Она замерла и даже не отбивалась, пока онъ цѣловалъ ее злобно и жадно. Но ей было противно. Въ первый разъ онъ цѣловалъ ее въ губы.

— Ради Бога... догадаются... Пустите!—пролепетала она, наконецъ, съ тоской и отвращеніемъ.

— Ты меня забыла,—шепталъ Мальцевъ.

«Что съ нимъ?.. Белены онъ объѣлся, что ли?»—Пустите!.. Тихменевъ идетъ...

Кто-то, дѣйствительно, подбѣгалъ, невидный въ тѣни.

— Чтобъ ты завтра была въ лѣсу!.. Слышишь! А иначе берегись, Вавочка!—тихо докончилъ Мальцевъ и вдругъ нагнулся, словно ища въ травѣ.—Вотъ вашъ браслетъ,—сказалъ онъ громко, подымаясь,—будьте осторожны, пружина ослабѣла.

И было пора. Тихменевъ, который долженъ былъ бѣжать въ слѣдующей парѣ, видя, какъ Вавочка исчезла въ тѣни, и подозрѣвая что-то неладное, кинулся самъ по тому направленію, забывъ о Красавиной. А фельдшерица весело ахала, дожидаясь своей очереди, и кричала ему:—Гдѣ вы? Идите скорѣй... Скорѣй!

Когда головка Вавочки засіяла въ лучахъ мѣсяца, на дорогѣ, Тихменевъ вернулся на свое мѣсто.

— Варвара Николаевна...

— Вавочка!

— Черепаха Николаевна,—вопилъ Коля.—Да ползите вы скорѣе!

Она шла, вся еще раздавленная объятіемъ Мальцева, ошело-

мленная этимъ злымъ, властнымъ, незнакомымъ ей тономъ. «Что же это, наконецъ?.. Какъ онъ смѣетъ?» И она къ ужасу своему почувствовала, что боится его... и что придетъ на свиданіе. Не смѣетъ не придти.

Потомъ она тоже ловила другихъ, безотчетно, какъ лунатикъ, и бѣжала впередъ, безпомощно разставивъ руки. Изъ-подъ самаго ея носа быстроногая Красавина вынырнула изъ тѣни и схватила Тихменева за плечи. Но въ эту сеекунду фельдшерица споткнулась о корень и неловко упала на грудь къ доктору. Ея дыханіе ожгло щеки Тихменева, пышныя кудри ея вспорхнули и защекотали его лобъ. Онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ крѣпкую грудь молодой женщины. Кровь бросилась ему въ голову. Безсознательно онъ стиснулъ талію Вѣрочки.

— Ахъ, извините!—весело расхохоталась Красавина.—И спасибо... Если-бъ не вы, я растянулась бы навѣрное...

«— Ну, игра!—» думалъ Тихменевъ, слыша, какъ стучитъ его собственное сердце. Вдругъ онъ вспомнилъ о Вавочкѣ, которую, подъ предлогомъ игры, могли также обнять, и бѣшеная ревность опять закипѣла въ немъ.

Коля, стоявшій на этотъ разъ въ парѣ съ Зоей, пока ждалъ своей очереди, успѣлъ уже въ темнотѣ поцѣловать Маню. Звонкая пощечина была ему отвѣтомъ. Коля схватился за щеку.

— Фу!.. Какъ это глупо... Вѣдь это за романсъ!.. Экая недотрога, подумаешь!

Маня залилась смѣхомъ.—Ахъ, вотъ что!.. Ну, давайте, поцѣлую!

— Наплевать!—Коля сердито отмахнулся.

Вавочка, къ своему крайнему огорченію, опять горѣла. Бѣгала она плохо, косолапо, боялась споткнуться и знала напередъ, что никого не поймаетъ.

Тихменевъ, предвидя новую опасность, уже заранѣе, крадучись въ тѣни сосенъ, зашелъ впередъ, чтобъ наблюдать и помѣшать. Онъ видѣлъ, какъ Коля, бѣжавшій съ Зоей, вмѣсто того, чтобъ соединиться съ своей парой, остановился, когда Вавочка влетѣла въ полосу тѣни, далъ ей набѣжать на себя, обнялъ и звонко поцѣловалъ.

— Ахъ!—испугалась Вавочка. А Коля уже былъ далеко.

— Мерзавецъ-мальчишка!—завопилъ Тихменевъ и хотѣлъ тутъ же... Впрочемъ, онъ самъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ? Съ чѣмъ кинулся бы онъ къ гимназисту: ругать его, бить, схватить за горло?.. Но не успѣлъ онъ опомниться, какъ двѣ цѣпкія, сильныя руки обхватили его шею, и горячія губы покрыли поцѣлуями все его лицо.

Онъ жадно обнялъ эту незнакомую женщину, стараясь разглядѣть въ темнотѣ ея лицо.

— Ахъ-ахъ!.. Такъ это вы?.. Неужели это вы?—раздался испуганный голосъ Зои. Притворяясь сконфуженной, она хохотала.

— Скажите, зачѣмъ вы здѣсь?

Онъ не зналъ, что̀ отвѣтить.

— Простите!.. Ха-ха! Я васъ приняла за Колю. Я обѣщала расцѣловать его за его чудное пѣніе? А тутъ подвернулись вы... Ха-ха! Вы очень сердитесь?—кокетливо спрашивала она.

Тихменевъ приподнялъ шляпу и молча поклонился. «Фу!.. Дуракъ!» думалъ онъ, все еще не приходя въ себя. «Хоть бы слово выжалъ въ отвѣтъ! Она будетъ меня презирать. Однако... и просто же у нихъ все это дѣлается!»

— Этотъ лѣсъ, я вижу, заколдованный, точно лѣсъ Торквато Тассо,—сказалъ онъ, наконецъ, дрожавшимъ голосомъ и догадался предложить Зоѣ руку.—Чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше волшебства.

Зоя сочла умѣстнымъ не поддерживать такого мудренаго разговора. Она о Тассо смутно слыхала что-то. Въ кого-то онъ былъ влюбленъ... да, въ принцессу какую-то. Что-то написалъ... какъ будто съ ума сошелъ отъ любви... Ну, да Богъ съ нимъ!

— Какая ночь!—воскликнула она съ дѣланнымъ восторгомъ.

Въ сущности, ей было досадно, что этотъ Тихменевъ, который ей сильно нравился, такъ холодно принялъ ея порывъ. А, вѣдь, маневръ такъ удался! Неужели онъ такъ глупъ, что повѣрилъ ея объясненію? Ну, что общаго между безусымъ Колей и бородатымъ докторомъ?

Но Тихменевъ ничего не думалъ. Кровь стучала въ его виски. Онъ былъ, какъ въ туманѣ... Онъ уже понималъ, что дѣлать скандалъ Колѣ въ такой обстановкѣ глупо. «Все это у нихъ, очевидно, въ привычку, не впервой... Надо не пускать Вавочку въ такую компанію, вотъ и все! Скажу Сашѣ...» Онъ успокоился на этомъ рѣшеніи, подходя къ группѣ молодежи. Всѣ устали, всѣ были мокры.

— Батюшки!.. Въ пору купаться!—стонала Маня, берясь пальцами за влажную кофточку, чтобъ отцѣпить ее отъ тѣла.—А что, медамочки? Не пойти ли и вправду покупаться? При лунѣ!

— И всей компаніей!—подхватилъ Мальцевъ, дѣлая невинное лицо.

— Ахъ, Манька!.. Какая ты неугомонная! Нѣтъ, пора домой,—рѣшила Зоя. Она хмурилась. Она была недовольна этой «рохлей» Тихменевымъ. Неужели онъ вправду увлеченъ Вавочкой? Да что же они всѣ въ ней находятъ?

Къ нимъ подходили Коля и Вавочка. Онъ что-то говорилъ ей съ еврейскимъ акцентомъ, прищелкивая пальцами. Она весело хохотала. «Удивительно!» думалъ Тихменевъ. «Она даже не обидѣлась...»

Всѣ распростились. Тихменевъ и Вавочка пошли дальше. Онъ молчалъ, желая показать свое неудовольствіе. Она, замечтавшись, не замѣчала этого.

Было уже недалеко отъ опушки, и огонекъ ихъ дачи сверкалъ привѣтливо среди деревьевъ, то прячась, то появляясь вновь, когда Тихменевъ обернулся, наконецъ, къ Вавочкѣ и пристально поглядѣлъ въ ея лицо. Въ сторонѣ отъ дороги, въ рѣдкой травѣ, между папоротникомъ и кустиками брусники, бѣлѣлъ громадный стволъ березы, сломанный грозой.

— Сядемъ тутъ на минутку,—сказалъ Тихменевъ.

Она сѣла, подбирая юбку и тревожно ища, нѣтъ ли подлѣ муравьиной кучи.

— Вавочка (голосъ Тихменева дрогнулъ), зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?

— Что я дѣлаю?—заносчиво подхватила дѣвушка, подымая голову и прямо глядя ему въ лицо. Она поняла, о чемъ будетъ рѣчь, и приготовилась обороняться «до послѣдней капли крови»...

— Ну, ты сама знаешь... Этотъ мерзкій, развратный мальчишка... А потомъ Мальцевъ... Что ты дѣлала съ Мальцевымъ впотьмахъ? Неужели и съ нимъ цѣловалась?

— Ай-ай!.. Пустите руку! Фу!—Она подула на пальцы.—Вы съ ума сошли, что ли?.. «Всѣ нынче съ ума посошли...»

— Ты съ нимъ цѣловалась?

Тихменевъ близко наклонилъ къ ней лицо, когда шепталъ этотъ вопросъ охрипшимъ голосомъ, и ему вдругъ стало страшно чего-то, что безсознательно до этой минуты зрѣло въ его душѣ.

— Да вамъ какое дѣло? Вотъ выискался! Кто вы мнѣ такой, чтобъ допрашивать? Мужъ, братъ, отецъ, женихъ?.. Да я не желаю отвѣчать!

Она сдѣлала движеніе, чтобъ встать. Онъ опять сильно стиснулъ ея руку и принудилъ сѣсть.

На Вавочку всякое насиліе дѣйствовало, какъ гипнозъ. Кромѣ того, она отъ природы была трусиха и садилась на шею только тому, кто это позволялъ изъ любви къ ней, а передъ всякой наглостью терялась. Мальцевъ, какъ умный человѣкъ, скоро разгадалъ эту чисто женскую черту и начиналъ ею нахально пользоваться. Вавочка подчинилась и сейчасъ безъ дальнѣйшаго протеста, и выходка Тихменева ей даже понравилась. Она нашла, что онъ «похожъ сейчасъ на настоящаго мужчину».

— Вавочка, я хочу знать правду... Не вертись!

— Вотъ еще!.. Съ чего вы взяли, что я буду отпираться? Ну да, цѣловалась...

— Съ Мальцевымъ?—Тихменевъ со стономъ спряталъ лицо въ рукахъ.

— Ну да, и съ Мальцевымъ, и съ Колей... а завтра захочу, и со студентомъ поцѣлуюсь. И никто мнѣ не запретитъ. Я сама себѣ госпожа... И ничего тутъ дурного нѣтъ... Это все шутки...

— Это все безнравственно... Неужели ты этого не понимаешь?—Въ его голосѣ послышалось неподдѣльное отчаяніе. Вавочка почувствовала свою силу.

— Ничего безнравственнаго нѣтъ... Это все старые предразсудки, дѣдовскіе взгляды... Надо жить по-новому...

— То-есть, какъ это «по-новому»?.. Ахъ, Вавочка! Ты, какъ попугай, повторяешь безъ смысла чужія рѣчи...

— Хорошъ проповѣдникъ!—вдругъ озлилась дѣвушка.—Тоже о нравственности толкуетъ... Ну, а вы-то... Вы-то сами?

— Что я?—пролепеталъ Тихменевъ. Все внутри его похолодѣло. «Вотъ намекнетъ на Сашу...»

— Хорошъ святой! Вы-то развѣ не цѣловались съ Зоей? Коля видѣлъ, небось, и все мнѣ разсказалъ...

Кровь застучала въ вискахъ Тихменева.

— Вавочка, ты ревнуешь? Тебѣ это обидно?.. Скажи?..

— Мнѣ-то какое дѣло? Ха-ха!.. Во всякомъ случаѣ, не я тутъ теряю. Цѣлуйтесь съ кѣмъ хотите и не мѣшайте мнѣ...

Ревность и обида заставили Тихменева забыть объ осторожности.—Нѣтъ, я не позволю! Ты больше не пойдешь въ этотъ вертепъ... Я не позволю... Я сейчасъ все матери скажу...

— Ахъ... Вотъ что!—Вавочка съ силой рванула росшій у ея ногъ и полупридавленный стволомъ березы кустикъ папоротника.—Ну, хорошо... Идите, жалуйтесь! Но помните, между нами все будетъ кончено! (Она судорожно мяла и тискала кустикъ въ рукахъ.) Да, кстати, разскажите мамѣ, какъ и вы меня цѣловали... заодно...

Тихменевъ вздрогнулъ и, самъ не зная, что дѣлаетъ, боясь только потерять эту дѣвочку, обнялъ ее и притянулъ къ себѣ. Папоротникъ, который она рвала, отбрасывая въ траву, теперь выскользнулъ изъ ея рукъ, и Вавочка безстрастно отдалась этому сильному объятію.

— Вавочка,—задыхаясь, зашепталъ Тихменевъ,—вѣдь я... я съ ума схожу... пойми меня... я страдаю... Вав...

У него перехватило горло, вырвался какой-то странный, сдавленный, хлипающій звукъ. Безумные, отчаянные поцѣлуи по-

сыпались на лицо Вавочки. Тихменевъ дрожалъ и лепеталъ что-то безсвязное. Онъ почти плакалъ.

Странное что-то произошло и съ Вавочкой. Никогда раньше не отвѣчала она на поцѣлуи Мальцева. Она упорно и брезгливо избѣгала его губъ. Ласки его будили въ ней даже брезгливость въ послѣдніе дни. Здѣсь же, отъ прикосновенія горячихъ губъ Тихменева, она почувствовала впервые сладкую нѣгу... Чутьемъ ли она поняла, что передъ нею не развратникъ, искавшій забавы, а человѣкъ, любившій ее беззавѣтно; захватила ли ее самое стихійность этой чужой страсти... Но она вдругъ обернулась лицомъ къ Тихменеву, когда онъ опять искалъ ея губы, и робко, закрывъ глаза отъ наслажденія, отвѣтила сама на его поцѣлуй. «Какъ хорошо!.. Какъ чудно хорошо!..» сказалось во всемъ ея сразу ослабѣвшемъ тѣлѣ.

Какъ во снѣ, они поднялись и пошли на огонекъ дачи, не обмѣнявшись больше ни однимъ словомъ, но связанные—они чувствовали это оба—сильнѣе прежняго, *какъ никогда раньше*, тайнымъ, великимъ и безмолвнымъ договоромъ любви... Тихменевъ такъ растерялся, что даже забылъ предложить руку Вавочкѣ.

На террасѣ ее встрѣтила Александра Львовна. Голова у нея была повязана платкомъ.

— Ахъ, наконецъ-то! Какъ я боялась! У меня даже невралгія началась...

— Какъ я устала, мама! Спать!.. Спать!.. Спать!..—говорила Вавочка счастливымъ голосомъ, отъ звука котораго затрепеталъ Тихменевъ. И, дѣйствительно, Вавочка была разбита, и глаза ея слипались. Она небрежно подставила матери для поцѣлуя свое личико и убѣжала наверхъ. «Завтра въ лѣсъ къ «поросенку» ни за что не пойду...» рѣшила она.

Черезъ четверть часа она уже спала. Не было такого горя, не было такой радости, которыя лишили бы ее этого безмятежнаго, крѣпкаго сна.

— Вы будете ужинать?—спросила Александра Львовна Тихменева, входя за нимъ въ комнаты и запирая стеклянную дверь.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Поднявъ свѣчу, она посмотрѣла въ его лицо. И что-то поразило ее. Онъ холодно, какъ на чужую, глядѣлъ на эту женщину. «Она старится...» замѣтилъ онъ впервые. И внутренно дрогнулъ.

— Какъ вы блѣдны!.. Вы больны?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой...—Онъ нагнулся, чтобъ поцѣловать ея руки и спрятать свои глаза.—Но я ужасно разбитъ... Я сдѣлалъ такой конецъ, чтобъ догнать ихъ лодку... Покойной ночи!

«Боленъ? Влюбленъ?..» спрашивала себя Александра Львовна,

ложась спать. «Ужъ очень необычайный у него видъ... Но въ кого?» Заспанное личико Вавочки усыпляло всякія подозрѣнія. «Но если другая?.. Надо слѣдить и узнать...»

Комната Тихменева была отдѣлена одной тонкой перегородкой. Яснева долго не спала, прислушиваясь къ скрипу его кровати, къ его кашлю, къ каждому движенію. Онъ зналъ объ этомъ, онъ чувствовалъ, что она подозрѣваетъ и мучится.

Стараясь задержать самое дыханіе, закинувъ руки за голову и глядя въ тьму широко раскрытыми глазами, онъ лежалъ недвижно...

V.

Съ этого вечера жизнь Тихменева словно раскололась надвое. Онъ зналъ, что любитъ Вавочку; что сильнѣе этого чувства ничего уже не будетъ въ его жизни; онъ любилъ ее, зная всѣ ея недостатки; зная, какой ударъ ждетъ его добрую Сашу, если она пойметъ... зная, что ничего кромѣ горя и униженія не дастъ ему эта нераздѣленная страсть...

Дальше что? Онъ терялся. Жениться на Вавочкѣ?.. Невозможно! Это все равно, что своей рукой зарѣзать Сашу... Видѣть Вавочку женой другого?

Тихменевъ стоналъ и метался. Шалости Вавочки въ паркѣ доказали ему, какія муки ревности готовитъ ему въ будущемъ эта розовая дѣвочка. Ну, что же дальше?.. Лгать, лгать каждую секунду матери и пить украдкой съ губъ ея дочери ту сладкую отраву, которая жжетъ ему кровь съ памятной ночи! О, конечно, Вавочка будетъ опять и опять цѣловаться съ нимъ, изъ шалости, изъ любопытства, изъ испорченности... Онъ понималъ и это, онъ хорошо понималъ ее теперь... И онъ не въ силахъ будетъ бороться съ искушеніемъ...

Уѣхать!..

Когда эта мысль пришла ему впервые, онъ даже присѣлъ на постели. Это было ночью. И такъ до утра онъ и не спалъ.

Да, да, уѣхать куда-нибудь въ провинцію... Это ужасно! Саша заболѣетъ отъ разрыва. Но иначе нельзя. Сказать правду—еще хуже. Да онъ и не рѣшится. Конечно, если какая-нибудь сила, если внѣшнія обстоятельства закинутъ его далеко отъ Москвы; если, наконецъ, его собственная совѣсть не позволитъ ему вернуться, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ забудетъ Вавочку и примирится съ жизнью безъ нея. Но здѣсь забыть ее, на глазахъ, это выше его силъ! Да, уѣхать... На этомъ рѣшеніи онъ успокоился.

Скоро, однако, Тихменевъ понялъ, что и на открытый разрывъ у него не хватитъ силъ. Надо придумать какую-нибудь правдо-

подобную исторію... ну, о болѣзни матери, положимъ, которая оправдывала бы его отъѣздъ. Онъ такъ подчинился Александрѣ Львовнѣ, что за послѣднія пять лѣтъ всего три раза ѣздилъ на югъ къ роднымъ, на одинъ мѣсяцъ. Оттуда, разлученный сотнями верстъ, онъ дастъ время бѣдной Сашѣ побороть ея страсть. Черезъ годъ онъ напишетъ, что не вернется...

Но прошла недѣля, и Тихменевъ уже искалъ отдалить, насколько возможно, время разлуки. Не Александру Львовну жалѣлъ онъ тутъ. Онъ просто не могъ понять, какъ проживетъ онъ, не видя лица Вавочки, не слыша ея смѣха и топота ея длинныхъ ножекъ? Если отнять у него надежду на повтореніе такой минуты, какъ тамъ, въ лѣсу, чѣмъ же онъ будетъ жить? Этимъ поцѣлуемъ она какъ будто выпила съ его губъ, изъ его сердца всю его силу, всю энергію. И теперь, кромѣ этой лихорадки ожиданія, все для него утратило интересъ и радость. Но онъ былъ такъ скроменъ, такъ мало вѣрилъ въ себя, что отогналъ на мигъ мелькнувшую ему тамъ, въ лѣсу, истину: что Вавочка, дѣйствительно, почувствовала къ нему искреннее и сильное влеченіе, еще не вполнѣ сознанное ею... что онъ—ея первая и чистая дѣвичья любовь. Объ этомъ жгучемъ счастьѣ было слишкомъ страшно думать.

Вавочка одѣвалась на балъ, о которомъ за недѣлю еще гласили расклеенныя на столбахъ у круга афиши. Еще задолго до этого дня она обдумывала свой туалетъ. Приходилось разнообразить изъ немногаго, но Вавочка оказывалась въ этихъ случаяхъ настоящимъ виртуозомъ. Она теперь рѣшила надѣть сѣрую шерстяную юбку и розовую фуляровую кофточку, купленную на дешевкѣ. Въ этомъ туалетѣ она была уже разъ у Зои, но только съ черной юбкой; теперь все-таки получалось разнообразіе. И потомъ этотъ цвѣтъ такъ дивно шелъ къ ея лицу!

Къ калиткѣ подошла Вѣра Красавина, которую Александра Львовна утромъ еще просила зайти за дочерью. Сама она, изнуренная поѣздками въ Москву и отчужденіемъ Тихменева, постоянно теперь страдала невралгіями.

— Пора, господа! Ужъ музыка началась,—громко крикнула Вѣрочка. Она была въ шерстяной юбкѣ и дешевой ситцевой кофточкѣ, которую выстирала и выгладила сама. Волосы, какъ всегда, были заплетены въ одну косу.

Тихменевъ сорвалъ пучокъ алыхъ флокусовъ и подалъ Красавиной. Она, какъ ребенокъ, обрадовалась цвѣтамъ и воткнула ихъ въ косу. Вся она была такая хорошенькая и свѣженькая, что Яснева и Тихменевъ залюбовались ею.

По дорогѣ къ «кругу» фельдшерица весело болтала съ Тих-

меневымъ. Вавочка взволнованно молчала. Ей было, конечно, жаль, что мать мучилась невралгіями эти дни, но она невольно подумала, что судьба устраиваетъ все къ лучшему. Мысль о букетѣ не покидала ее, волновала, манила... «Еще будетъ ли букетъ?.. Я, вѣдь, *его* надула, не пришла...» Но принять цвѣты отъ Мальцева при матери было бы невозможно.

Когда они пришли, балъ уже начался, и шла кадриль. За стѣной зѣвакъ нельзя было разглядѣть танцующихъ, и даже звуки музыки заглушались говоромъ и движеніемъ толпы. У входа стоялъ Мальцевъ съ чуднымъ букетомъ чайныхъ розъ.

«Не обманулъ...»

Тихменевъ, державшій Вавочку подъ руку, почувствовалъ, какъ дѣвушка дрогнула. Сердце Вавочки екнуло отъ восторга, и густая краска залила ея лицо. Съ глубокимъ поклономъ Мальцевъ подалъ цвѣты.

— Merci... Какая прелесть!—прошептала Вавочка и погрузила въ свѣжіе лепестки пылавшее личико.

— Могу я васъ просить на первый туръ вальса?—вкрадчиво спросилъ Мальцевъ. Она молча кивнула головой.

Тихменевъ, пробираясь къ навѣсу, гдѣ стояли скамьи, буквально тащилъ за собой своихъ дамъ въ толпу. «О, дубина, дубина!» говорилъ онъ себѣ. «Почему же самъ я не догадался купить ей букетъ?»

Пока они садились подъ навѣсомъ, кадриль кончилась. Мимо нихъ проходили дамы, обмахиваясь платками, а кавалеры—шляпами. Всѣ смѣялись и возбужденно болтали. Зоя, подъ руку съ красавцемъ-студентомъ, поздоровалась съ ними и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ цвѣтовъ. На лицѣ ея играла презрительная гримаска. Она раньше еще, при входѣ, видѣла букетъ въ рукахъ Мальцева. Въ глубинѣ души она не могла простить Вавочкѣ этого торжества. Она была поражена этимъ букетомъ въ самое сердце и рѣшила чѣмъ-нибудь унизить подругу.

Но Маня была потрясена еще сильнѣе этой «измѣной» Мальцева. Она не хотѣла, да и не могла себя сдержать.

—А!—угрожающе прошептала она, отводя Мальцева въ сторону.—Такъ вотъ ты какъ нынче!.. Уже въ открытую повелъ дѣло?

— Моя милая, нельзя ли безъ скандаловъ?

— О, не безпокойтесь! Скандалъ будетъ не вамъ, а ей... Я разскажу ея матери... Она задастъ ей взбучку... О, подождите! Я васъ вyслѣжу! Коли вы, при вашей скупости, разорились на букетъ, стало быть, вы на что-нибудь разсчитываете?

— Вы по себѣ судите, дорогая Марія Никаноровна?

— Ну, да ладно! (Голосъ Мани дрожалъ, и она замѣтно поблѣднѣла.) Ухаживайте за Вавочкой, сколько угодно...

— Маня...

— ...только знайте, что я съ этой минуты прекращаю съ вами знакомство...

— Маня, послушай... Маня...

— ...и матери ея будетъ все извѣстно!

Она отошла и вмѣшалась въ толпу. Къ Вавочкѣ она не хотѣла подходить, боясь своей вспыльчивости, которая могла завести ее далеко. «Дѣло дрянь!» думалъ Мальцевъ.

Заиграли вальсъ. Вавочка съ тяжелымъ чувствомъ поднялась навстрѣчу Мальцеву. Никогда еще онъ не казался ей такимъ противнымъ и чужимъ, какъ въ эту минуту, когда она положила полуоткрытую руку на его плечо, а Мальцевъ охватилъ ея граціозную талію. Они слились съ волной танцующихъ.

— Я люблю тебя,—страстно шепталъ онъ, пожирая взглядомъ ея поблѣднѣвшее лицо.—Я ждалъ тебя все утро въ лѣсу. Почему ты не пришла, богиня моя? Ты меня измучила...

Она не поднимала вѣкъ, безстрастная и брезгливая.

— Приди въ лѣсъ завтра, вечеромъ... когда твои уѣдутъ въ Москву.

Она вздрогнула.—Почему вы знаете, что они уѣдутъ?

— Знаю, знаю,—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ, вальсируя.—Твой поклонникъ ѣдетъ на консиліумъ къ одной моей знакомой, въ Сокольники. Мать будетъ до вечера на урокѣ... Приходи!

— Нѣтъ...

— Pardon, messieurs, pardon!—громко говорилъ Мальцевъ, лавируя среди паръ, которыя, буквально, какъ сельди въ боченкѣ, толклись на тѣсномъ пространствѣ. Локтями Мальцевъ отстранялъ толчки и удары, которые неизбѣжно пришлись бы на долю Вавочки, имѣй она не такого ловкаго кавалера. Онъ настойчиво пробирался, танцуя, на другой конецъ площадки, гдѣ было мало публики, гдѣ было сравнительно темно, и куда не могъ достигнуть зоркій глазъ Тихменева.

— Не говори «нѣтъ»,—вдругъ страстно и властно сказалъ Мальцевъ и стиснулъ Вавочку въ своихъ объятіяхъ.

Они выбрались на просторъ. Неподалеку сидѣли двѣ дамы съ дѣтьми, которыхъ тоже привели подышать... пылью. Нѣсколько паръ вертѣлось передъ ними. Но здѣсь все-таки было глухо и даже темно. Горѣлъ одинъ только фонарь и довольно тускло. Вавочка, задохнувшись, остановилась. Скамейка была пуста. Они присѣли.

— Я больше не приду, Петръ Дмитричъ,—вдругъ заговори-

ла Вавочка, набравшись храбрости, но все же не глядя въ лицо Мальцеву.—Право, не приду... Мнѣ... не хочется больше туда ходить...

У Мальцева на секунду захватило духъ. Какъ знатокъ женской души, онъ инстинктивно понялъ, что его партія проиграна, потому что... Вавочка полюбила другого.

— А... Вотъ какъ!.. (Глухая угроза прозвучала въ его тонѣ.) Вы замужъ выходите?

Она широко открыла глаза.—Что за вздоръ! За кого?

— Перестаньте притворяться!.. За Тихменева, конечно...

Вмѣсто отвѣта Вавочка разсмѣялась.

— Ну, въ такомъ случаѣ, почему же, Вавочка?.. Почему?—зашепталъ онъ, хватая ея руку и близко наклоняя лицо.

— Я не хочу,—гнѣвно сказала она и выдернула руку.—Мнѣ надоѣло!

— Вотъ что!—На секунду его охватило жгучее отчаяніе.

— И я боюсь,—добавила она, разомъ понизивъ тонъ,—за мной слѣдятъ...

— Я ему шею сверну!—Мальцевъ скрипнулъ зубами.—Но только... вы забыли, Варвара Николаевна, что въ такихъ отношеніяхъ, какъ наши, воля одной стороны не въ счетъ... Я не согласенъ на разрывъ... Я защищаю свои права на васъ... Вы слышите?

Онъ самъ чувствовалъ, что говоритъ глупости; что нѣтъ у него правъ на эту дѣвушку, но онъ разсчитывалъ запугать ее и достигъ цѣли. Вѣдь теперь, когда онъ терялъ ее, онъ понималъ, что влюбленъ безумно, что способенъ на все.

— Да, да... И я буду защищать мои права. Я не позволю вамъ смѣяться надо мною!

Онъ опять стиснулъ ея руку выше локтя и обдалъ ее своимъ дыханіемъ. Вавочка быстро погрузила носикъ въ букетъ. Противнѣе чѣмъ когда-либо показалось ей это дыханіе его: смѣсь дорогого вина, дорогихъ духовъ и дорогихъ сигаръ, которыми пахли его лицо, усы, вся его одежда. Тоскливое предчувствіе чего-то недобраго засосало ея сердце. Она сознала себя въ сѣтяхъ, безпомощной предъ его наглостью. И, какъ ни была она легкомысленна, ей все же стало жутко. Невольно мысль обратилась къ Тихменеву. Ахъ, если-бъ это былъ онъ! Ему она не отказала бы ни въ поцѣлуяхъ, ни въ свиданіи...

— Вы придете вечеромъ къ сломанному пню,—шепталъ Мальцевъ.—Помните, гдѣ въ послѣдній разъ?.. Тамъ мы поговоримъ. Я этого требую, Вавочка. Не бойтесь!.. Я ничего дурного вамъ не сдѣлаю. Но не доводите меня до крайности... Я не могу уступить васъ безъ борьбы...

Его голосъ то повышался съ угрозой, то падалъ до шопота въ мольбѣ. Она предпочитала молчать.

Мальцевъ всталъ и опять взялъ ее за талію. Она покорно положила руку на его плечо. Тихменевъ стоялъ въ десяти шагахъ за деревомъ, но ничего не могъ разслышать изъ ихъ разговора. Они его не видѣли. Когда, вальсируя, они приблизились къ толпѣ танцоровъ, Мальцевъ поцѣловалъ Вавочку въ губы. Она ахнула и закрыла глаза.

Она садилась на прежнее мѣсто, задыхающаяся и какъ бы уничтоженная этой дерзостью. Вдругъ передъ нею, словно изъ земли, выросъ Тихменевъ. Онъ былъ такъ блѣденъ, что Мальцевъ, взглянувъ на него, понялъ.

— Я все видѣлъ,—бѣшено сказалъ Тихменевъ.

Мальцевъ вызывающе усмѣхнулся.—Тѣмъ хуже для васъ...

— Ну, нѣтъ!.. На этотъ разъ вы не отдѣлаетесь такъ дешево. Или вы... воображаете... Я васъ... я васъ... уничтожу!

Голосъ Тихменева сорвался. На послѣднемъ словѣ выскочилъ такой хриплый «пѣтушокъ»... Онъ самъ разслышалъ этотъ странный звукъ и испугался за то, что сдѣлаетъ дальше. Одну секунду ему показалось, что онъ кинется и задушитъ Мальцева... И тутъ же сейчасъ толпа, навѣсъ, оскаленное лицо Мальцева, Вавочка—все качнулось, поплыло въ его глазахъ, потемнѣло... Онъ пошатнулся. Это длилось всего секунду. Онъ овладѣлъ собою.

— Вашъ адресъ,—сорвавшимся голосомъ сказалъ онъ.

Вавочка вдругъ поняла и стала между ними.

— Послушайте, ради Бога!.. Что вы хотите дѣлать?

Мальцевъ досталъ карточку изъ изящнаго бумажника и съ поклономъ подалъ ее Тихменеву.

На нихъ уже оборачивались, чуя скандалъ. Двое мужчинъ остановились послушать.

— Что мы хотимъ дѣлать?—громко и насмѣшливо подхватилъ Мальцевъ, повертываясь къ Вавочкѣ.—Хотимъ свести болѣе близкое знакомство съ докторомъ. Я этого удовольствія давно добиваюсь...

Приподнявъ шляпу и мрачно заглянувъ въ глаза застывшей Вавочкѣ, онъ затерялся въ толпѣ. Вальсъ все еще играли.

«Неужели дуэль?» думала Вавочка. «Изъ-за меня? Какъ это интересно!.. Узнаютъ Зоя, Маня, всѣ... Будутъ завидовать».

«А мама?..» Она почувствовала леденящій страхъ. Пойдутъ разспросы, догадки, упреки... Ее запрутъ... «А что если Мальцевъ проговорился Тихменеву о нашихъ отношеніяхъ? (Какъ онъ это сказалъ сейчасъ?)» Краска залила ея щеки. «Это—нѣтъ... Нельзя... Это ни за что!..»—Она вспомнила послѣднее свиданіе

въ лѣсу, и какой дорогой цѣной достался ей букетъ. Отвращеніе къ Мальцеву и гнѣвъ снова поднялись въ ея душѣ. Въ Вавочкѣ просыпалась женщина, оскорбленная насиліемъ, свободно отдающая себя по выбору... «Ахъ! Кончить это, кончить скорѣй! Никакого удовольствія... Если-бъ только знать, что такъ зарвешься...»

Тихменевъ сидѣлъ, отвернувшись.

— Чего вы дуетесь? Вы ревнуете?

— Я страдаю... за васъ... Я оскорбленъ... Вы меня не понимаете, Вавочка...

Нѣтъ. На этотъ разъ она, кажется, понимала.

— Пойдемте, Вавочка, домой! Я больше не хочу... не могу здѣсь оставаться!

— Ахъ, нѣтъ! Что вы?.. Такъ рано? Вотъ пройдемтесь въ лѣсъ сейчасъ. Хотите? Мнѣ надо съ вами говорить...

У входа въ лѣсъ горѣлъ фонарь. Набѣгавшій вѣтеръ колыхалъ его пламя, которое трепетало и билось, словно тоскуя.

Когда они вышли изъ площади свѣта, имъ подъ соснами показалось страшно темно. Ночь была безлунная. Густыя облака, низкія и грозныя, медленно ползли по небу и закрывали звѣзды. Деревья шумѣли, роптали и гудѣли, покачивая верхушками. Песокъ, взрытый вѣтромъ, подымался внезапно. Вихрь пыли, крутясь, пробѣгалъ по дорогѣ и падалъ. Чуялась близость грозы, и гдѣ-то далеко уже вспыхивали молніи.

— Вавочка, будетъ дождь, пойдемте домой... Гроза близка...

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ *вы*?.. Вы все еще сердитесь?

Онъ молчалъ.

— Вы хотите мамѣ жаловаться?

— Я хочу вырвать васъ изъ этой шайки,—наконецъ, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.—Вы здѣсь погибнете.

Она схватила его руку. Она испугалась. Какъ проживетъ она безъ Зои, Мани, безъ этого вѣчнаго пикника? Чѣмъ наполнитъ дни? Это убьетъ ее... Она боится скуки больше всего на свѣтѣ. Ну, хорошо! Она больше не будетъ говорить съ Мальцевымъ. При чемъ же тутъ Зоя?

Тихменевъ молчалъ.

Вавочка почувствовала свое безсиліе передъ этимъ гнѣвомъ. Губы ея задрожали. Она положила руки ему на плечи.

— Выслушайте меня... Только прежде обнимите... Слышите? Обнимите, я этого хочу!—крикнула она, опять-таки инстинктомъ понимая, въ чемъ ея сила.

— Вавочка,—слабо простоналъ Тихменевъ.

— Вы что же? Хотите ссориться? (Въ голосѣ ея послышались слезы.) Или вамъ... уже непріятно ме...меня об...ни...мать?..—Она вдругъ заплакала.

— О чемъ же ты плачешь? Милая... дорогая моя дѣвочка?

Отъ его ласки она опять почувствовала почву подъ ногами.

— Если вы... меня любите... если хотите, чтобъ я была, какъ тогда, въ лѣсу... молчите! Никому ни слова о томъ, что было! И не смѣйте ходить къ Мальцеву!

— Вавочка...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я вамъ этого не позволю...—Она прижималась пушистой головкой къ его горячей щекѣ.

— Но какъ онъ смѣетъ?.. И какъ ты это позволяешь? Тебѣ не стыдно?

— Ахъ, опять проповѣди!.. Господи! Какъ это все надоѣло! Развѣ я не свободный человѣкъ? Кого хочу, того и цѣлую... Если съ Мальцевымъ нельзя, то и съ вами нельзя... Однако, мы цѣловались... А если съ вами можно, то почему нельзя съ нимъ?

Онъ помолчалъ, сраженный этой логикой.

— Неужели вы и раньше цѣловались съ нимъ?—простоналъ онъ, вдругъ обожженный этой мыслью, отъ враждебности и ревности невольно переходя на *вы*.—Скажите, неужели вы его любите?

— Я?.. Да я его терпѣть не могу! Какое отвращеніе!

Въ голосѣ Вавочки звучала такая искренность, что Тихменевъ вздохнулъ полной грудью.

— Тогда зачѣмъ же? Дитя мое?—прошепталъ онъ, страстно приникая губами къ ея головкѣ.

— Ну, шалила просто... Вотъ и все... Ахъ, это все такой вздоръ! Отъ скуки мы всѣ шалимъ. Другія вонъ на квартиру къ нему бѣгаютъ...

— Боже мой! Ну, а ты-то?.. Неужели...

— Конечно, нѣтъ... Стоитъ того!.. Ну, дайте слово, что вы не пойдете и не будете... искать съ нимъ ссоры... А я обѣщаю никогда... никогда не цѣловаться съ нимъ... Даете?

— Да, да, да!—прошепталъ Тихменевъ, почти теряя сознаніе. «Я ея рабъ... безгласный рабъ», думалъ онъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ раздался шорохъ, мелькнуло что-то бѣлое, шарахнулось въ кусты... Послышался сдержанный смѣхъ, и голосъ Коли пропѣлъ изъ *Mandolinata*: «Среди ночного мрака, въ этотъ счастливый часъ...»

— Тише!..—остановилъ его кто-то.

«— Мы будемъ пѣть и хохотать, влюбляться и плясать!..»

Высокая нота раскатилась подъ соснами, будя эхо.

— Это Манька,—прошептала Вавочка, выходя изъ лѣса.

Дѣйствительно, это была она. Коля на этотъ вечеръ объявилъ ей перемиріе и предложилъ флиртъ. Никто не зналъ почему, однако всѣ замѣтили, что онъ чѣмъ-то сильно раздраженъ. Къ Ва-

вочкѣ онъ не подошелъ ни разу во весь вечеръ и только косился на ея букетъ. А Мальцеву наговорилъ дерзостей, на которыя тотъ усмѣхнулся, высоко поднявъ брови. Чтобъ отмстить Мальцеву, Маня отчаянно кокетничала на глазахъ всѣхъ съ «знаменитостью», причемъ у нихъ произошелъ такой разговоръ:

— Съ чего это вы ко мнѣ-то лѣзете съ любезностями? Мало ли красавицъ у насъ? Вавочка, Клавдинька...

— Положимъ, вы—рожа,—согласился Коля, галантно улыбаясь.

— Ахъ, вы уродъ этакій! Невѣжа!.. Мужикъ!

— Да, вѣдь, не въ красотѣ дѣло... «Намъ съ лица не воду пить»... сказалъ какой-то остроумный поэтъ...

— И ступайте къ красивымъ!

— О, carissima! Онѣ глупы, какъ телки, въ первый разъ выпущенныя въ загонъ...

— Ха! Ха!.. Вотъ такъ сравненіе! Если-бъ онѣ васъ слышали!

— Затѣмъ онѣ—кривляки и начинены предразсудками, какъ щуки еврейскимъ фаршемъ... А вы умны, *Марія*... А, главное, мы съ вами нынче—товарищи по несчастію...

Кончилось тѣмъ, что Маня, бравируя нарочно, словно хотѣла сказать: «А наплевать мнѣ на васъ всѣхъ!..» не крадучись, а высоко поднявъ голову, вышла изъ круга подъ ручку съ Колей и прошла въ лѣсъ.

Тамъ они сѣли на пень. Коля закурилъ папиросу и не выказалъ ни малѣйшаго желанія къ флирту. Маня покосилась на его хмурое лицо, тонко улыбнулась и товарищескимъ тономъ попросила оказать ей услугу: надо протанцовать съ Вавочкой венгерку, что ли?.. И уронить ее на глазахъ Мальцева. Коля съ злой улыбкой выслушалъ этотъ проэктъ. Глаза его сверкнули.

— Словомъ, вы мнѣ предлагаете подлость?.. Идетъ... Я объ этомъ навѣрное пожалѣю потомъ... Но... это все равно!

Зоя стояла подъ руку съ Мальцевымъ среди группы дачныхъ дэнди и мѣстныхъ львицъ. Говорили о будущемъ концертѣ извѣстнаго пѣвца, который состоится въ Сокольникахъ. Собирались туда ѣхать. Вавочка, нюхая букетъ, подошла къ группѣ.

— Ахъ, это вы, m-lle Яснева?—на ея поклонъ снисходительно улыбнулась одна изъ увядающихъ «львицъ», поднося къ глазамъ лорнетъ на длинной черепаховой ручкѣ.—Я васъ, было, не узнала, простите...

Бѣдная Вавочка уже прославилась въ Богородскомъ, какъ первая красавица, и нажила себѣ среди женщинъ непримиримыхъ враговъ.

— Почему не узнали?—удивилась наивная Вавочка.

Въ глазахъ Зои блеснулъ огонекъ.—Вы не наблюдательны, Софья Львовна. Вотъ я ее по розовой кофточкѣ за версту узнаю. Ты, милая Вавочка, удивительно постоянна въ своихъ вкусахъ и... туалетахъ. Недаромъ тебя прозвали розовой барышней...

Вавочка поблѣднѣла. А Зоя, все съ той же улыбкой, повернулась къ ней спиною и заговорила съ какимъ-то напыщеннымъ господиномъ въ цилиндрѣ.

Заиграли венгерку. Манящіе, полные огня и удали звуки понеслись надъ кругомъ. Вавочка, какъ оплеванная, стояла одна. Толпа раздвинулась, давая мѣсто начинающимъ парамъ. Зоя положила руку на плечо Мальцева. Онъ и здѣсь былъ первымъ танцоромъ, и всѣ дамы, какъ чести, добивались его приглашенія.

«Такъ вотъ она какая! Ахъ, злая!.. Злая... противная! Это все за букетъ. Чѣмъ попрекаетъ? Бѣдностью... Рада, что у ея отца милліоны. Проклятая-проклятая судьба!.. Ну, подожди, Зойка! Сумѣю и я тебѣ отомстить!..»

Къ ней подбѣжалъ Коля и расшаркнулся. Вавочка была ему благодарна. Этотъ «подлый» Мальцевъ при богородскомъ бомондѣ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ ее. «Стыдится... Ну, постой же и ты!..» думала она, выдѣлывая па.

— Ахъ!..

Вавочка, падая, закричала такъ дико, что рядомъ и другія дамы испуганно крикнули. Произошло смятеніе, давка на полминуты. Нѣсколько мужчинъ бросились подымать Вавочку.

— Вы не ушиблись?—участливо спрашивали ее незнакомыя лица.

— Нѣтъ, нѣтъ...—Она стояла, отряхиваясь отъ пыли, покрывшей ее сѣрой пеленой, сконфуженная, уничтоженная и злая.

— Варвара Николаевна, ради Бога, извините,—шаркая передъ нею, говорилъ Коля.—Вѣдь я, увы... не Мальцевъ... Его ловкостью не обладаю... Вамъ только съ Мальцевымъ слѣдовало танцовать... А ужъ гдѣ намъ, съ суконнымъ рыломъ, да въ калачный рядъ...—Онъ, злорадно улыбаясь, смотрѣлъ въ ея лицо.

— Уйдите,—сквозь зубы отвѣтила она и отвернулась.

Многіе улыбались, дамы перешептывались, враждебно и такъ безцеремонно глядя въ ея прекрасное личико, словно передъ ними была не дѣвушка ихъ круга, а готтентотка. Многіе, исчерпавъ интересъ этого эпизода, продолжали танецъ. Коля былъ блѣденъ и кусалъ губы. Казалось, онъ сейчасъ заплачетъ.

«Тихменевъ... Къ нему!» была ея первая сознательная мысль. Хотѣлось участія, теплой ласки близкаго человѣка.

— Позвольте васъ довести до скамьи,—сказалъ какой-то черный усатый господинъ въ цилиндрѣ, предлагая ей руку. Она машинально прошла нѣсколько шаговъ и вдругъ вспомнила.

— Ахъ, мой букетъ!.. Ради Бога, подымите мой букетъ!

Искреннее отчаяніе звучало въ ея голосѣ, виднѣлось въ помертвѣвшемъ личикѣ.

— Place, messieurs, place!—вслушавшись, крикнулъ изящный блондинъ въ статскомъ. Онъ расталкивалъ толпу и наклонялся къ землѣ.

— Позвольте, господа, здѣсь вещь обронили,—кричалъ усачъ.—Вы, сударыня, уронили его, падая?

— Да, да, да... Ради Бога, найдите его!—молила Вавочка, скрестивъ ручки, какъ на молитву.—Ахъ!.. Его навѣрное растоптали...

Да, когда букетъ, наконецъ, былъ найденъ услужливымъ блондиномъ, шагахъ уже въ тридцати отъ того мѣста, гдѣ упала Вавочка, она его не узнала. Десятки ногъ втоптали его въ пыль, десятки шлейфовъ волочили его по песку... Нѣжные, блѣднорозовые листики почернѣли внезапно, полусломанные, полураздавленные, нѣкоторые изуродованные до того, что висѣли, какъ разорванная тряпка. Въ нѣсколько секундъ исчезли красота, свѣжесть, ароматъ... Лишь проволока, раскрутившись, выставила свои черныя и уродливыя колючки.

У Вавочки задрожали губы. Видъ этого обезображеннаго трофея ея былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу. Она гнѣвно, брезгливо отбросила букетъ и, вырвавъ свою руку, побѣжала къ выходу. Черезъ нѣсколько шаговъ она наткнулась на Мальцева.

— Что съ вами? Въ какомъ вы видѣ?

— Слушайте...—Она схватила его за рукавъ и заговорила быстро-быстро съ истерическими нотками въ голосѣ.—Я не хотѣла придти завтра въ лѣсъ, но я приду... Да, да, приду... Но только вы... Дайте слово, что вы сдѣлаете все... что я скажу...

— Вавочка, конечно... Мой ангелъ...

Онъ страстно поцѣловалъ ея руку, пахнувшую пылью.

— Это Зойка... Они мнѣ подстроили это нарочно...

— Кто?

— Ну, эта Манька подлая... въ заговорѣ съ Колькой... и Зоей... чтобъ меня уронили... О, какъ я ненавижу ихъ!.. Слушайте... Дайте слово, что вы уйдете сейчасъ... сейчасъ... съ круга... или не подойдете къ нимъ обѣимъ...

— Вавочка, я обѣщалъ Зоѣ мазурку.

Она топнула ногой.—Да мнѣ-то какое дѣло?!.. Я не хочу, чтобъ вы съ нею танцовали! Уходите сейчасъ! А если вы не уйдете... то... я не приду... Слышите? Не приду ни за что! И вы больше меня не увидите...

Недалеко раскатился громъ. Вѣтеръ промчался, гудя соснами,

гася фонари и вздымая столбы пыли. Съ круга уже неслись звуки мазурки. «Сейчасъ пойдетъ дождь», сообразилъ Мальцевъ. «Я уговорю Зою идти домой»...

— Успокойся, Вавочка... Я сдѣлаю все... все, что ты хочешь...

Онъ оглянулся. Подходилъ Тихменевъ. Вавочка кинулась къ нему порывисто, словно искала въ немъ спасенія.

— Скорѣе, сейчасъ будетъ гроза,—безпокойно сказалъ онъ, набрасывая на плечи дѣвушки легкую накидку.—Куда ты пропала? Я тебя искалъ...

Они побѣжали къ выходу, взявшись за руки. Новая молнія, ударъ грома... Нѣсколько тяжелыхъ капель изъ бѣжавшей быстро тучи брызнуло на кругъ... Оркестръ продолжалъ играть. Но толпа, вспугнутая, озадаченная, остановилась разомъ. Затѣмъ кинулась къ выходу, безсмысленно и безпорядочно суетясь.

Неподалеку стоялъ извозчикъ. Прежде чѣмъ Тихменевъ добѣжалъ до него, его опередили двѣ дамы, и извозчикъ тронулся.

— Опоздали!!—крикнулъ онъ.

Гроза все надвигалась. Подъ соснами стояла густая тьма.

Мимо, поднявъ свѣтлыя юбки, раскрывъ шелковые зонтики, бѣжали вспугнутыя танцорки.

Не успѣли они добраться до опушки лѣса, какъ хлынулъ ливень.

— Ай-ай!.. Что же это?—кричала Вавочка.—Убьетъ... убьетъ...

При каждомъ ударѣ грома, при каждомъ блескѣ молніи, она истерически вскрикивала и закрывала лицо руками.

До дома оставалось около версты. Тихменевъ рѣшилъ обождать ливень. Онъ выбралъ на опушкѣ лѣса невысокую молодую сосну, подъ которой остановился. Онъ накинулъ на Вавочку свое пальто и развернулъ надъ нею зонтикъ, который совершенно случайно захватилъ съ собою. Она стояла такая запуганная, безпомощная, такая обезсиленная всѣми гнетущими впечатлѣніями нанесенныхъ ей обидъ... Когда молнія озарила лѣсъ, Тихменевъ поймалъ на ея блѣдномъ личикѣ странное выраженіе непривычной печали и душевной усталости. Онъ не видѣлъ, какъ она упала, и причины этого выраженія не зналъ. Но съ страстной нѣжностью, вспыхнувшей внезапно въ его душѣ, онъ обнялъ дѣвушку. Ея влажная отъ сырости головка легла на его грудь.

На развернутый зонтикъ дождь падалъ неправильной, частой дробью, когда густыя вѣтки, качаясь, стряхивали съ себя влагу. Съ остріевъ зонта непрерывнымъ ручейкомъ бѣжала вода. Воздухъ сразу засвѣжѣлъ. Запахло гніющими иглами, грибами, березой. Гроза пронеслась дальше, и сѣтка ливня вдали рѣдѣла.

Тихменевъ думалъ, касаясь губами сильно пахнувшихъ отъ

влаги волосъ Вавочки: «Бѣдная, глупенькая дѣвочка! Не умѣетъ защитить себя, не знаетъ жизни... А кругомъ Мальцевы, Кольки, пошлость, развратъ... Ее погубятъ шутя. Ну, можно ли уѣхать, бросить ее, беззащитную и неопытную, съ такой же неопытной, наивной матерью, не знающей, какъ грязны и жестоки люди? Ахъ, если-бъ можно было ее унести далеко!.. Защитить отъ этихъ плотоядныхъ людишекъ... по праву... праву мужа!» Онъ даже глаза закрылъ,—такой сладкой казалась ему эта мечта... «Моя, моя...» твердилъ онъ себѣ, забываясь и нѣжно сжимая въ объятіяхъ это молодое, такъ довѣрчиво прильнувшее къ нему тѣло.

— Я ноги промочила,—вдругъ тихо сказала Вавочка.

Онъ открылъ глаза. Мечта улетѣла.

Дождь прошелъ, гроза унеслась.

— Какъ же мы пойдемъ?—ужаснулась дѣвушка, глядя на лужи, сверкавшія по всей дорогѣ. Онъ молча взялъ ее на руки и понесъ. Но она была тяжела. Тихменевъ задохнулся.

— Надо идти, Вавочка... Когда будетъ большая лужа, я тебя опять понесу.

Они пошли по грязи, не разбирая, куда ступаютъ; въ темнотѣ перешли дрожавшій подъ ихъ ногами мостъ, перекинутый черезъ трясину. Оттуда густой пеленой подымался молочно-бѣлый туманъ. Вавочка съ ужасомъ думала, что ея лучшія туфли погибли. Онѣ были полны воды и при каждомъ шагѣ издавали хлипающіе, чмокающіе звуки.

Наконецъ вдали замелькали огни дачъ. Тихменевъ опять взялъ дѣвушку на руки.

— Ну, слава Богу! — взволнованно крикнула Александра Львовна, завидя въ темнотѣ ихъ тѣни и еще издали разслышавъ чмоканье ихъ шаговъ по грязи.—Господи!.. Какъ я измучилась!

Анисья свѣтила, стоя съ подоткнутымъ подоломъ на ступенькахъ террасы. Въ комнатѣ ярко горѣлъ огонь, кипѣлъ самоваръ, пахло ромомъ.

— Вотъ и прекрасно!—обрадовался Тихменевъ.—Дайте Вавочкѣ крѣпкаго чаю и побольше рому!

Яснева всплеснула руками.—Въ какомъ ты видѣ, Вавочка!

— Подолъ-то!... Подолъ!—вопила Анисья.

— Ахъ, бросьте все это! Переодѣньте ее и скорѣе во все сухое! Разотрите спиртомъ ноги,—командовалъ Тихменевъ.—И въ постели дайте ей чаю, непремѣнно въ постели...

Вавочку увели наверхъ.

— А вы-то?—кинула ему, уходя, Александра Львовна.—Обсушитесь и вы, ради Бога!

Почему-то нынче эта заботливость совсѣмъ не тронула его.

VI.

На другой день дождь шелъ съ утра. Анисья, у которой были свои примѣты, увѣряла, что погода испортилась надолго. И замѣтно посвѣжѣло. Вавочка глядѣла въ окно, по которому бѣжали непрерывныя слезы дождя, и думала: «Тѣмъ лучше!.. Вотъ предлогъ не идти въ лѣсъ...»

Ботинки ея, лопнувшія отъ воды, всѣ въ пескѣ и грязи, стояли въ углу. Юбка, смятая и грязная, сдана была на кухню для стирки. Розовая кофточка, обратившаяся въ линючую тряпку, висѣла на стѣнѣ. Ненавистная кофточка!.. Никогда она ее больше не надѣнетъ!

— А когда гремѣлъ громъ, очень было страшно идти?—въ сотый разъ допрашивала Сонька.

— Ахъ, отстань! Надоѣла...

День прошелъ тоскливо. Въ душѣ Вавочки ныли вчерашнія обиды. Будущее казалось мрачнымъ. Ну, какъ теперь идти къ Зоѣ, встрѣчаться съ Манькой, Колей? А безъ нихъ?.. Жизнь казалась впервые не праздникомъ, а скучной обязанностью.

Послѣ обѣда мать уѣхала въ Москву, обѣщая купить дочкѣ новые башмаки. Вавочка велѣла затопить печку и усѣлась у огня, кутаясь въ платокъ и глядя на потрескивавшія дрова.

Тихменевъ напился чаю послѣ обѣда, попробовалъ пульсъ у Вавочки и тоже ушелъ на консиліумъ въ Сокольники. Сонька за лампой писала переводъ, грызя перо.

Дождь пересталъ. Замѣтно стемнѣло. Вдругъ раздался осторожный стукъ въ окно. Вавочка вздрогнула.

— Ай!.. Кто это? Воры?—запищала Сонька и уронила перо на бумагу. Съ сильно бившимся сердцемъ Вавочка приложила лицо къ стеклу и разглядѣла Мальцева. Ей стало досадно и смѣшно. «Что онъ, съ ума сошелъ? Въ такую ночь тащиться на свиданіе... И какая дерзость придти сюда! Вотъ втюрился-то!» Она усмѣхнулась самодовольно.

Хозяйская собака залаяла. Сердитый голосъ Анисьи окрикнулъ:—Вамъ кого?.. Дохтура, что ли? Нѣтъ ихъ...

— Барышню,—отвѣтилъ Мальцевъ и пошелъ къ террасѣ.

Вавочка отперла дверь и вышла.

— Вы съ ума сошли?.. Уходите скорѣй!

Мальцевъ увидалъ голову Соньки. Пріотворивъ дверь, дѣвочка старалась подслушать.

— Я къ вамъ отъ Прокофьевыхъ,—сказалъ онъ громко.— Зоя проситъ на часокъ. Пьемъ чай, играемъ въ petits jeux...

«Вретъ навѣрное... А вдругъ правда?..» У Вавочки радостно екнуло сердце. Она посмотрѣла на свой изорванный башмакъ.

— Надо переодѣться...

— Вздоръ! Все равно... Только надѣньте калоши и что-нибудь теплое...—Онъ боялся, что дрожь въ голосѣ выдастъ его.

Вавочка молча исчезла за дверью.

Одѣвалась она безконечно долго. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Мальцеву, который бѣгалъ по террасѣ, насвистывая что-то. Его била лихорадка.

Наконецъ дѣвушка вышла въ бурнусѣ и калошахъ. Она съ трудомъ натянула маленькія туфли матери, и онѣ больно жали ей ногу. «Ничего, обойдется», утѣшала она себя. Ей пришлось взять Мальцева подъ руку,—такъ скользко было идти по размытой дождемъ дорогѣ въ чужихъ башмакахъ. Не успѣли они пройти и сотни шаговъ, какъ лицо ея искривилось, и она начала хромать.

— Скоро ли?—гнѣвно воскликнула она, хотя знала, что до дачи Зои было еще минуты три ходьбы. Что они шли именно туда, уже не было сомнѣнія. Лѣсъ остался влѣво.

Туманъ поднимался надъ влажной землей. Въ трехъ шагахъ не было видно ни дачъ ни деревьевъ. Когда они спустились къ болоту, съ новой стройки, ихъ поглотило цѣлое море бѣлыхъ испареній. Шатаясь и извиваясь, какъ призраки, ползъ за ними этотъ разорванный ихъ фигурами туманъ. Смутными пятнами мелькали сквозь него освѣщенныя окна дачъ. Вавочка скоро совсѣмъ утратила сознаніе, куда они идутъ,—такъ чужда казалась ей мѣстность въ этомъ молочномъ морѣ влаги, и такъ сильно болѣли ноги. «Ахъ, снять бы скорѣй башмаки!» болѣзненно горѣла въ ней одна только мысль.

— Вы хромаете? Башмаки узки?—спросилъ Мальцевъ отрывисто, сквозь зубы.

— Да...—простонала она, совсѣмъ забывая о кокетствѣ.

— Вотъ мы зайдемъ сейчасъ по дорогѣ... къ одной знакомой моей... тамъ снимете... останетесь въ однѣхъ калошахъ...

Если-бъ она могла наблюдать теперь, она замѣтила бы, какъ сильно онъ дрожитъ.

Мальцевъ вдругъ повернулъ въ переулочекъ вправо, потомъ влѣво. Скрипнула калитка, залаяла собака, блеснулъ огонекъ. Мальцевъ ввелъ Вавочку въ сѣни, отперъ дверь. Они очутились въ темнотѣ. Смутными пятнами бѣлѣли два окна.

— Гдѣ это мы?—удивилась Вавочка.

— У знакомой...—Онъ ласково но насильно посадилъ ее на диванъ и опустился у ея ногъ.

— Дай, я сниму башмаки... Твои ножки отдохнутъ... И мы пойдемъ дальше...

Истина на мгновеніе, какъ молнія, сверкнула въ отуманенномъ сознаніи Вавочки. Она хотѣла встать, уйти...

Но въ эту минуту узкія ботинки были сдернуты руками Мальцева. Все было забыто. Невыразимое наслажденіе заставило Вавочку потянуться всѣмъ тѣломъ и вытянуть затекшія ноги.

Не теряя ни секунды, Мальцевъ сбросилъ пальто на полъ и прильнулъ жадными устами къ этимъ ногамъ.

— Что вы дѣлаете?.. Мальцевъ... Пустите!.. Ради Бога!.. ост...

Крикъ ужаса замеръ подъ его губами... . . . .

. . . .

. . . .

Туманъ былъ еще гуще и выше, и все тонуло въ молочной мглѣ, когда Вавочка, часъ спустя, возвращалась домой. Она оттолкнула руку Мальцева. Но, видя свою безпомощность въ этомъ морѣ бѣлыхъ испареній, шла за нимъ, автоматически повторяя его малѣйшее движеніе, слѣдя широко-открытыми, немигавшими почти глазами за его темной спиной, то нырявшей въ туманѣ, то вновь чернѣвшей въ трехъ шагахъ впереди.

Вавочка шла по грязи, не разбирая, куда ступаетъ. Нѣсколько разъ, оступившись, она тяжело попадала въ лужу, и брызги жидкой грязи летѣли вверхъ, смачивая ея юбку и чулки, и наполняя калоши. Башмаковъ на ней не было, она о нихъ и не вспомнила. Она шла, еле волоча разбитыя ноги, не переставая дрожать неудержимой внутренней дрожью, безъ мысли въ оцѣпенѣвшемъ мозгу; не замѣчая, что подолъ ея юбки ползетъ по грязи; полная однимъ желаніемъ дойти скорѣе, лечь и забыться.

— Здѣсь канава,—вдругъ сказалъ Мальцевъ и взялъ ее за руку. Она содрогнулась, полная отвращенія, но безъ протеста позволила подхватить себя за талію и перенести.

Ставя дѣвушку наземь, Мальцевъ поцѣловалъ ея холодную щеку и замѣтилъ жестъ гадливости.

— Вы меня ненавидите?—съ горечью спросилъ онъ.

Она молчала. Не хотѣлось разжать губъ. Ей было все равно...

Когда они подошли къ калиткѣ ея дачи, и сквозь туманъ замигало желтое расплывшееся пятно свѣта, Мальцевъ остановился. Машинально остановилась и Вавочка, не догадываясь, зачѣмъ.

— До свиданія, моя дорогая... моя милая Вавочка... Не кляните меня,—нѣжно сказалъ Мальцевъ и благодарно поцѣловалъ ея руку.—Я слишкомъ люблю васъ... Это сильнѣе меня...

Въ голосѣ его дрогнули нотки искренней страсти.

Дѣвушка отдернула пальцы и отвернулась.

Мальцевъ исчезъ въ туманѣ. Чмоканье его калошъ по водѣ, размывшей дорогу, съ полминуты доносилось до ея слуха.

Что-то холодное ткнулось въ ея опущенныя руки, горячій язычокъ лизнулъ ея пальцы. Что-то ласково завизжало...

«Діанка...» поняла Вавочка. Хозяйская собака терлась у ея ногъ и била пушистымъ хвостомъ по ея колѣнямъ. Тогда только сознала Вавочка, почему исчезъ Мальцевъ, почему она стоитъ у калитки. Надо идти домой... Да, домой, навстрѣчу любопытству, тревогѣ, разспросамъ... И надо сдѣлать такъ, чтобы никто не догадался. Инстинктъ самосохраненія проснулся внезапно.

Сонька еще не спала и сидѣла внизу одна, когда дѣвушка осторожно постучала. Она отперла террасу, взглянула на подолъ Вавочки и всплеснула руками.

— Нашихъ еще нѣтъ?—быстро спросила Вавочка.

— Нѣтъ...

— А Анисья спитъ?

— На кухнѣ...

«Слава Богу!» Заперевъ дверь, Вавочка сняла бурнусъ, весь сырой и тяжелый, какъ панцырь. Въ карманѣ она нащупала что-то, завернутое въ бумагу. Это были ботинки матери. Догадливый Мальцевъ избѣгалъ уликъ.

Сонька подошла, и улыбка злого любопытства зажглась въ ея зрачкахъ.—Батюшки!.. Что же это такое?.. Ахъ!.. Ахъ!

Вавочка кинула на себя бѣглый взглядъ и залилась румянцемъ. Ея лифъ былъ разстегнутъ у ворота, пояса не было... Она смутно вспомнила, какъ искалъ его Мальцевъ впотьмахъ, какъ его дрожавшіе пальцы криво застегивали ей крючки лифа...

Молча она сняла платокъ съ головы, и распустившаяся коса золотой волной упала на ея спину. Всѣ шпильки и поясъ остались, значитъ, тамъ... Она растерялась настолько, что не нашла ни слова объясненія для Соньки. Она накинула на себя платокъ и быстро, на цыпочкахъ, побѣжала наверхъ.

Сонька слѣдовала за нею, неумолимая, какъ судьба. При другихъ обстоятельствахъ Вавочка закричала бы на нее, топнула бы ногой, прогнала бы, словомъ, безъ всякихъ церемоній. Теперь она молчала. Только когда Сонька чиркнула спичкой, Вавочка, быстро раздѣвшись въ темнотѣ, крикнула:—Оставь!.. Не зажигай!

— Почему?

— Не хочу!..

— Почему?—злобно и настойчиво повторила Сонька. Чутье подсказывало ей за всѣми этими странностями какую-то тайну.

— Не хочу... не хочу!—истерически крикнула Вавочка.—Слышишь? Не хочу?.. И ступай отсюда...—уже ласковѣе добавила она.—Я буду спать... я очень озябла...

Сонька помолчала, что-то обдумывая. И двинулась къ двери.

— Соня,—робко заговорила Вавочка и вдругъ почувствовала, какъ во тьмѣ жгучая краска залила ей лицо и шею.

Башмаки дѣвочки перестали скрипѣть. Фигура ея бѣлымъ пятномъ неподвижно выдѣлялась на темномъ фонѣ стѣны.

— Соня... пожалуйста... Не говори ничего... никому... Слышишь?.. Что бы у тебя ни спрашивали... Милая... Прошу тебя,— полушопотомъ лепетала Вавочка, пытливо вглядываясь въ эту смутную фигуру.—Я тебѣ конфетъ подарю,—быстро добавила дѣвушка, озаренная вдохновеніемъ,—шоколадныхъ...

Сонька молчала... Вавочка трепетно ждала отвѣта.

— Съ ромомъ,—вдругъ спокойно заявила Сонька.

Вавочка вздрогнула. Съ смутнымъ страхомъ она уловила эту интонацію. Въ этомъ новомъ тонѣ Соньки чуялось сознаніе своего права на эти конфеты.

— Хорошо, хорошо... съ ромомъ,—все-таки обрадовалась Вавочка, понимая, что немедленная опасность быть преданной этой дѣвчонкой устранена на время.—Милая, только иди скорѣе... Я буду спать... Скажи это мамѣ, когда она вернется...

Она хотѣла было поцѣловать дѣвочку, но брезгливость удержала ее.

— Поскорѣе купи,—съ той же загадочной интонацiей сказала Сонька, выходя.

Наконецъ-то одна!.. Наконецъ!

Вавочка, дрожа, закуталась въ одѣяло и спрятала лицо въ подушку... Въ ушахъ звенѣло, всѣ члены ломило, какъ въ маляріи, зубы стучали отъ внутренняго холода, который ничто не могло унять... Неужели все это было? Неужели это не страшный сонъ, который минетъ безвозвратно при первыхъ лучахъ зари? Ахъ, забыться бы!.. Заснуть бы скорѣй!

Отъ грязной юбки и мокрыхъ чулокъ, брошенныхъ наземь, поднимались тяжелыя испаренія. И Вавочка, свернувшаяся въ комочекъ, раздавленная тяжелымъ жизненнымъ урокомъ, напоминала въ эту минуту свой букетъ, почернѣвшій, смятый грубымъ прикосновеніемъ, безжалостно растоптанный и потерявшій въ одно мгновеніе свой ароматъ и свѣжесть...

VII.

Потянулись тоскливые дни. Дождь шелъ ежедневно, всѣ дороги размыло. Дачники топили печи, но не переѣзжали, поджидая послѣдніе красные деньки. У Александры Львовны отъ холода и сырости постоянно болѣли то зубы, то голова. Тихменевъ бродилъ печальный, сдержанный, боясь показать Ясневой жалость, которая съѣдала его; боясь выказать Вавочкѣ страсть, которая его жгла; не имѣя силы разорвать и уѣхать. Зато въ Москву, подъ предлогомъ прiисканія квартиры для Ясневой, онъ ѣздилъ ежедневно. Ему было легче внѣ дома.

Вавочка цѣлыми днями сидѣла у огня и думала.

Когда Тихменевъ глядѣлъ на ея жалкую сгорбившуюся фигурку, ему вспоминались птички съ переломанной ножкой или помятымъ крыломъ, которыя сидятъ, нахохлившись на вѣткѣ, безсильныя улетѣть, беззащитныя передъ рукой жестокаго человѣка, которая протягивается, чтобы схватить ихъ. Вавочка была такая печальная, блѣдная, молчаливая. Положимъ, она никогда не отличалась говорливостью, но перемѣна въ ней была такъ замѣтна, что даже Анисья не могла остаться равнодушной къ этому явленію.—Аль болитъ что?—съ участіемъ спрашивала она.

Тихменевъ тоже безпокоился, бралъ пульсъ Вавочки, пытливо глядѣлъ въ ея глаза, и жгучая жалость терзала его. Александра Львовна волновалась, видя дочь такой тихонькой. Но на всѣ вопросы Вавочка отвѣчала:

— Нѣтъ, я здорова, только... скучно...

Одна Сонька бродила около, загадочная и безжалостная, съ зловѣщей усмѣшкой. Вавочка, вглядываясь въ ея косые глаза, безпокойно двигалась на своемъ стулѣ. Забытое обѣщаніе вставало передъ ней, и она чувствовала себя въ рукахъ этой дѣвчонки. Въ ту ночь она объяснила встревоженной матери, что ходила къ Прокофьевымъ, но вернулась скоро, потому что озябла, и у нея болѣла голова. За нею заходилъ посланный отъ Зои... Должно быть, она простудилась наканунѣ, послѣ бала. Ничего тутъ не было невѣроятнаго, и ей повѣрили. Ей дали хины и дня три не выпускали изъ комнаты. Да ей и не хотѣлось идти... Какая-то непонятная апатія сковала и мозгъ, и члены.

— Ну, что же? Скоро конфеты?—напомнила ей Сонька дня четыре спустя. Вавочка вздрогнула и отвѣчала: «Завтра».

Когда пришелъ Тихменевъ, взялъ ея руку и взглянулъ съ любовью въ глаза, она сказала, отворачиваясь:

— Хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе?

— Да, да, конечно...—горячо отвѣтилъ онъ.

— Привезите мнѣ завтра конфетъ шоколадныхъ съ ромомъ... и два фунта... Въ отдѣльныхъ коробкахъ...

— Съ наслажденіемъ, дорогая моя... Если-бъ я зналъ, чѣмъ развлечь тебя...

Онъ нагнулся и страстно поцѣловалъ ея руку. Она хотѣла отдернуть, но передумала, не желая обидѣть его теперь. И только отвернулась опять. Онъ былъ мужчиной, и она понимала теперь съ отвращеніемъ, что̀ ему нужно отъ нея.

«Такъ вотъ она—любовь», думала она днями, сидя съ подбородкомъ въ ладоняхъ, опершись локтями на колѣни и глядя въ огонь. «Вотъ она, *ихъ* любовь... То, чего добиваются, за что бо-

рются, страдаютъ, ревнуютъ... умираютъ... Какое отвращеніе!» И она содрагалась, поводя плечами, полная брезгливости и враждебности къ мужчинамъ вообще, къ Мальцеву въ особенности. Лишь бы никогда его не встрѣчать!.. Она ни разу не подумала о томъ, что есть люди, которые въ такихъ случаяхъ женятся. Мальцевъ— ея мужъ! Фи... Она продолжала вѣрить, что когда-нибудь встрѣтитъ своего сказочнаго принца съ такимъ же лицомъ, какъ у Тихменева, съ такими же прелестными руками, маленькими и сильными, съ такой же бородой и голосомъ, нѣжнымъ и глубокимъ... За деньги, большія деньги и за удовольствія она готова терпѣть отъ другого (такого, какъ Тихменевъ) всѣ эти гадости... Лишь бы никто не догадался! И самой забыть объ этомъ скорѣй...

Прошла еще недѣля. Холодъ и дождь не переставали. Анисья начала укладываться, тѣмъ болѣе, что квартира была найдена, и дрова были на исходѣ. «Не покупать же новыхъ на недѣлю!..» резонно разсуждала она.

Вавочка смертельно скучала. Она начала забывать прошлое, встряхивалась, какъ птичка, застигнутая грозой, которая успѣла пообсушиться и очистить перышки, и ждетъ перваго солнечнаго луча, чтобъ вспорхнуть и запѣть. «Слава Богу», говорили всѣ.

Неожиданно забѣжала Зоя. Исчезновеніе Вавочки казалось ей очень страннымъ. Не обида же, въ самомъ дѣлѣ!.. Она никогда не замѣчала въ Вавочкѣ большого самолюбія. Да и подозрителенъ былъ ей Мальцевъ. Онъ совсѣмъ не вспоминалъ о дѣвушкѣ, влеченія къ которой такъ недавно еще не умѣлъ скрыть, и настойчиво ухаживалъ за самой Зоей... «Либо она натянула ему носъ, либо они видятся гдѣ-нибудь потихоньку...» Она пришла навести справки. Какъ и слѣдовало ожидать, Вавочка встрѣтила подругу съ восторгомъ. Если она и помнила обиды, то этотъ визитъ залѣчилъ всѣ раны. Она заказала самоваръ и совсѣмъ расцвѣла.

— Куда ты пропала? Больна? Неужели дождя боишься?

Вавочка боязливо покосилась на Соньку и сдѣлала Зоѣ предостерегающій знакъ.—Да, я была больна... Простудилась...

«Охъ, что-то было!» подумала Зоя, глядя, какъ румянецъ заливаетъ лицо Вавочки.

Онѣ весело болтали. Зоя сообщила сенсаціонныя новости. Получены послѣдніе модные журналы. Въ Парижѣ уже не носятъ юбокъ *cloche*, и Анюта Мерцалова (она выходитъ замужъ) все приданое шьетъ съ узкими юбками и даже съ панье, какъ одѣвались тридцать лѣтъ назадъ.

— Да что ты?—ужасалась Вавочка.

— И теперь въ Парижѣ на улицахъ носятъ только свѣтлыя перчатки.

«Еще дороже будетъ стоить туалетъ...» подумала Вавочка.

— А потомъ на шляпахъ отдѣлка изъ радужнаго бархата...

— Какъ это радужный? Изъ разныхъ кусковъ?

— Въ томъ-то и шикъ, что не изъ разныхъ!.. Одинъ кусокъ, но раскрашенный, какъ радуга... Удивительно оригинально! Въ Москвѣ стоитъ двѣнадцать рублей аршинъ...

Вавочка такъ задумалась, что не видѣла, какъ съ ея ложки варенье капало на клеенку стола.

Затѣмъ Зоя сообщила, что въ Успеньевъ день они будутъ уже въ Москвѣ. Изъ-за скачекъ больше всего. Изъ Москвы ѣздить удобнѣе... «Туалеты не такъ пылятся...» Въ заключеніе она объявила Вавочкѣ, что восемнадцатаго августа у нея «вечеръ», она ждетъ ее и Тихменева.—Поклонись ему отъ меня... Я къ нему совсѣмъ-совсѣмъ неравнодушна... Ха-ха!

Она вышла въ переднюю, гремя шелковой юбкой, звеня браслетами, смуглая и живая, какъ цыганка. Вавочка съ нѣжностью гладила атласную подкладку ея бурнуса, перья отдѣлки, щупала драпъ и оренбургскій пуховый платокъ, съ наслажденіемъ погружая въ него пальцы. Она любила оглядывать и осязать все, что надѣто на Зоѣ. Видъ предметовъ роскоши доставлялъ ей такія эстетическія впечатлѣнія, какого не давали ни природа, ни музыка, ни поэзія.

— А Мальцева давно не видала?

Вавочка растерялась и съ секунду молча смотрѣла въ сѣрые глаза Зои. Этой коротенькой паузы было довольно. «Ага!.. Что-то есть... И, кажется, серьезнѣе, чѣмъ я думала», отмѣтила Зоя съ недобрымъ чувствомъ.

— Давно, конечно,—передохнувъ, наконецъ, вымолвила Вавочка.—А почему ты спрашиваешь?—Въ ея голосѣ прозвучала тревога.

— Нѣтъ, такъ... ничего,—засмѣялась Зоя, цѣлуя подругу.— Ну, такъ помни же, восемнадцатаго...

Жизнь опять начала улыбаться Вавочкѣ.

Она стала торопить сборами въ Москву, хотя погода начала проясняться. Мимо нихъ ежедневно ѣхали нагруженные возы. Черезъ два дня послѣ визита Зои, солнце просушило землю, поднявшійся туманъ испарился, и сразу стало тепло.

Александра Львовна, спѣша насладиться послѣдними днями свободы, шла въ лѣсъ Но никого уже не звала съ собою. Она садилась на мшистое старое дерево, сваленное грозой; глядѣла, какъ летятъ съ березъ и осинъ желтые листья; вдыхала печальный запахъ гніющихъ листьевъ и влажность земли; подставляла свое лицо подъ тянувшуюся паутину, сверкавшую на солнцѣ ра-

дужными тонами. Начиналось «бабье лѣто»... «А для меня оно уже кончено», думала она съ горечью, глядя въ небо, блѣдно-голубое и такое далекое-далекое... Оно уже не дышало зноемъ, какъ въ іюлѣ, а прозрачное и высокое какъ бы говорило о печали, о примиреніи, о неизбѣжности конца.

Но она не могла смириться, не хотѣла понять, что для нея лично уже все кончено. Она старалась припомнить нѣжное вниманіе Тихменева, его добрую, печальную улыбку... Этотъ кризисъ у него пройдетъ, говорила она себѣ. Да, онъ долженъ пройти... Не надо мучиться. Они состарятся вмѣстѣ, не разстанутся никогда...

Однако минуты увѣренности бывали рѣдки. Все чаще подозрѣніе поднималось изъ тайниковъ ея души, какъ змѣя изъ травы неожиданно и шипя встаетъ, показывая свое жало... И Александра Львовна въ отчаяніи хваталась за голову. Она давно уже ловила взгляды Тихменева, устремленные на Вавочку... такіе тревожные, загадочные взгляды. Недавно она подмѣтила, что они шептались, не подозрѣвая объ ея присутствіи рядомъ, въ комнатѣ... Наконецъ, на-дняхъ, онъ украдкой поцѣловалъ руку у Вавочки... За что?

Ненавидѣть дочь она не могла. Но въ ней просыпалась враждебность къ Тихменеву, когда она думала, что онъ ее обманываетъ. И она не хотѣла скрывать своихъ чувствъ. Какъ бы по тайному соглашенію, оба они молчали, хотя видѣли ясно, какая глубокая трещина легла въ ихъ отношеніяхъ. Она не понимала, что ему прямо жутко подымать этотъ разговоръ. Для нея всего ужаснѣе было то, что онъ молчитъ, замѣчая ея холодность, ея отчужденіе, этотъ надрывъ въ ихъ отношеніяхъ... Онъ какъ будто сознавалъ свою вину. И, не оправдываясь, не ища вернуть прежняго, мирился съ настоящимъ порядкомъ вещей, словно ему было самому легче такъ. И этого, какъ женщина, она простить ему не могла... Она была горда и избалована поклоненіемъ Тихменева. Не ей было дѣлать первый шагъ, котораго она такъ страстно ждала съ его стороны.

Но часто, въ безсонныя ночи, ею вдругъ овладѣвало такое отчаяніе, что ей стоило неимовѣрныхъ, всю ее разбивавшихъ усилій, чтобы не кинуться въ комнату къ Тихменеву и не молить, рыдая, униженно, о крупицѣ былого счастья...

Вѣдь жизни осталось такъ мало!.. Боже, какъ мало!

VIII.

Если Зоя догадывалась смутно о «чемъ-то» между Вавочкой и Мальцевымъ, для Мани все стало ясно съ той минуты, когда на вечеринкѣ она увидала ихъ вдвоемъ.

Вавочкѣ почему-то казалось, что встрѣчи этой не будетъ.

Вѣрнѣе, она избѣгала думать объ этомъ, чтобы не отравлять себѣ жизни... Меньше всего она могла ожидать, что Мальцевъ самъ подойдетъ къ ней и, какъ ни въ чемъ не бывало, начнетъ шутить съ прежней небрежной усмѣшкой. Замѣтивъ его фигуру, она сперва вспыхнула, какъ заря; покраснѣли даже уши и нѣжная шейка. Когда же она увидѣла, что онъ, развязно улыбаясь, подходитъ къ ней, она сильно поблѣднѣла и растерялась. Она не могла взглянуть ему въ глаза...

«Какъ странно!.. Она, кажется, ненавидитъ его», подумалъ Тихменевъ, слѣдившій издали за ихъ встрѣчей. Сколько страха и гадливости отразило лицо Вавочки, когда она подала руку Мальцеву и тотчасъ отдернула пальцы, словно обожженная!..

Мальцевъ отошелъ отъ Вавочки, чуть ли не посвистывая, полный злости. Онъ тоже замѣтилъ это отвращеніе и враждебность. Положимъ, онъ успѣлъ уже охладѣть къ Вавочкѣ и, какъ истый донъ-жуанъ, направилъ всю энергію своихъ желаній на то, чтобъ увлечь Зою. Онъ гордился въ кругу своихъ болѣе осторожныхъ товарищей тѣмъ, что не боялся романовъ съ дѣвушками. Развращать невинную дѣвочку—это было такъ заманчиво, такъ пикантно... Ни разу еще не поплатился онъ собственной шкурой въ этихъ продѣлкахъ. Случались тяжелыя сцены, истерики, упреки, мольбы жениться, угрозы самоубійства... Мальцевъ, смѣясь, говорилъ пріятелямъ, что умъ человѣка не въ томъ, чтобъ завязать интригу, а чтобъ искусно развязать ее. Но отвращенія до сихъ поръ онъ не внушалъ никому. И теперь Вавочка задѣла его самолюбіе сильнѣе, чѣмъ онъ самъ себѣ хотѣлъ сознаться.

Вавочка, встревоженная, подошла къ Тихменеву.—Не смѣйте говорить съ Мальцевымъ! Слышите? Совсѣмъ не говорите!

— Конечно, милая... О чемъ намъ разговаривать?

Но Мальцевъ былъ «джентльменомъ» вполнѣ и счелъ себя обязаннымъ пригласить Вавочку на туръ вальса. Она не смѣла отказать. Но, кладя руку на его плечо, она закрыла глаза.

Мальцевъ еще на одну минуту ощутилъ хищное желаніе видѣть ее въ своей власти, униженной и страдающей... Онъ почувствовалъ, какъ забилось его сердце. По его учащенному дыханію она догадалась объ его ощущеніяхъ и тоскливо заметалась въ его рукахъ, забывъ, что они вальсируютъ на глазахъ всѣхъ. Онъ стиснулъ ея талію и прошепталъ:

— Не безпокойтесь... Я не намѣренъ васъ преслѣдовать. Это не въ моихъ правилахъ. Я отлично вижу ваше отвращеніе... И если я изрѣдка подойду васъ пригласить, то, повѣрьте, лишь для васъ... чтобы уберечь ваше имя отъ лишнихъ толковъ...

Съ низкимъ поклономъ онъ посадилъ Вавочку на ея мѣсто

и болѣе не подходилъ къ ней. Онъ только издали слѣдилъ, танцуетъ ли она, и посылалъ ей кавалеровъ, изъ которыхъ многихъ представилъ ей тутъ же. Крутя усы, онъ слѣдилъ и за Зоей, которая вызывающе и очень мило кокетничала съ Тихменевымъ. Но Мальцеву этотъ соперникъ теперь не казался опаснымъ. «Пусть оба позабавятся!..» Его гораздо болѣе заботилъ другой поклонникъ Зои. А можетъ и болѣе чѣмъ поклонникъ, допускалъ онъ. Отъ Мани онъ зналъ, что Зоя давно бѣгаетъ къ этому бѣдному офицеру на квартиру. Два года тянется этотъ романъ. Офицеръ недуренъ, съ характеромъ, кажется, и ревнивъ до безумія. Зоя предусмотрительно избѣгаетъ приглашать его на свои вечера. Кажется, Зоѣ онъ начинаетъ надоѣдать...

Къ Мальцеву подошла Маня. Глаза у нея были злые.

— И вы воображаете, что надули меня?—начала она, сразу впадая въ паѳосъ (какъ выражался Мальцевъ).—Пожалуйста, не стройте такого дурацкаго лица! Теперь я знаю, что у васъ было съ Вавочкой... И за что букетъ... Все поняла... Не воображайте, что вы умнѣе всѣхъ... Я васъ насквозь вижу...

— Съ чѣмъ васъ поздравляю. Но нельзя ли отложить эту сцену до завтра? Въ семь часовъ вечера я буду дома...

На слѣдующій вечеръ сцена, дѣйствительно, разыгралась.

Мальцевъ лѣниво лежалъ у себя дома, на кушеткѣ, отбросивъ романъ Гюисманса *Là-bas*, которымъ онъ увлекался теперь, мечтая передать его Зоѣ, съ грѣхомъ пополамъ владѣвшей французскимъ языкомъ. Передъ нимъ то бѣгала, то стояла Маня, прибѣжавшая его «отчитать».

— Вы воображаете, что если вы перестали ухаживать за Вавочкой, такъ нѣтъ уже повода ревновать? Ясное дѣло, что вы всего добились отъ этой дуры... Вотъ почему и охлажденіе. И съ Анютой Мерцаловой было также... О, я васъ насквозь вижу!

— Вы повторяетесь,—сквозь зубы цѣдилъ Мальцевъ.—Все это я слышалъ вчера. Теперь скажите что-нибудь новенькое.

Маня подпрыгнула на мѣстѣ.

— Ахъ!.. Новенькое? Ну, такъ вотъ что, низкій вы человѣкъ! Не воображайте, что и теперь вы меня обошли... Вы Зою охаживаете... Ну, да она не такая дура, какъ я и Вавочка...

— Да н-ну?—задорно усмѣхнулся Мальцевъ, котораго ревность Мани тѣшила, какъ водевиль. Онъ привыкъ къ ея болтовнѣ, веселью и не имѣлъ охоты съ нею рвать.

— Отъ нея-то вы ничего не добьетесь. Развѣ вотъ женитесь... Ну, и женитесь! Только знайте, что я... всей душой васъ презираю...

У Мани слезы зазвенѣли въ голосѣ. Широкій ротъ ея раскрылся еще шире, брови жалобно дрогнули. Она полѣзла за платкомъ. Мальцевъ протянулъ ей руку.

— Сядьте тутъ, подлѣ! Знаете, дорогая моя? Эта сценка напоминаетъ объясненіе швейки съ приказчикомъ. Честное слово, это неизящно...

Маня сѣла, всхлипывая, на кушеткѣ.—Цѣлое лѣто я терпѣла,—говорила она, громко трубя въ платокъ,—пока вы букеты подносили и куры строили этой бѣлобрысой дурѣ..

— А какъ вы думаете, сколько времени потребуется, чтобъ обойти Зою?—неожиданно спросилъ Мальцевъ, улыбаясь и обнимая талію Мани.

Она разомъ перестала плакать и поиграла растопыренными пальцами у его носа.—Видѣли вы это? Не безпокойтесь! Я приму всѣ мѣры, чтобъ ее отрезвить, хотя она и сама головы не потеряетъ... Господи! Да неужели вы-то никогда не попадетесь? Неужели не найдется такая, которая бы вамъ всѣ наши слезки отлила?

— «Чѣмъ тебя я огорчи-и-ла!»—неожиданно запѣлъ Мальцевъ фальцетомъ, такъ удачно копируя манеру горничныхъ, что Маня внезапно расхохоталась и ударила его кулакомъ по плечу.

— Теперь для полной идилліи не хватаетъ сѣмячекъ. Но они у васъ, конечно, съ собой?—усмѣхнулся Мальцевъ.

Маня опять ударила его по рукѣ и разсмѣялась совсѣмъ уже весело. Тогда онъ рѣшился посвятить ее въ свои планы. Его женитьба на таганской старовѣркѣ сорвалась. Узнали о долгахъ, отецъ. заупрямился.—Помогите мнѣ жениться на Зоѣ!

— Да вы совсѣмъ рехнулись,—взвизгнула Маня, отодвигаясь.

Но Мальцевъ опять притянулъ ее къ себѣ и краснорѣчиво началъ доказывать, что онъ нищъ, какъ Іовъ, и жениться необходимо. Конечно, за Зоей дадутъ пустяки, тысячъ сто, не больше. А у него долговъ до двадцати. И черезъ пять лѣтъ у нихъ не останется ни копейки.

— Ого! Широкіе, однако, у васъ планы, мой миленькій!

Но за Зою говоритъ то обстоятельство, что она будетъ удобной женой. Она понимаетъ его съ полуслова. Мѣшать другъ другу они не станутъ. И будущее Мани обезпечено. Онъ ее слишкомъ любитъ за ея чудесный характеръ, чтобы разстаться съ нею... Да и зачѣмъ? Они съѣздятъ съ женой мѣсяца на два заграницу, а вернувшись, заживутъ втроемъ, душа въ душу.

Черезъ полчаса Маня, совсѣмъ успокоенная, сидѣла на кушеткѣ, какъ добрый товарищъ, и слушала пикантныя выдержки изъ французскаго романа. Морщась и подыскивая слова, Мальцевъ переводилъ. Вдругъ онъ щелкнулъ пальцами, съ выраженіемъ искренняго огорченія.—Ну, вотъ это, напримѣръ, совершенно непереводимо... И какъ это глупо, право! Ну, чему васъ учатъ въ гимназіи, когда главнаго—французскаго—вы совсѣмъ не знаете?

Вдругъ онъ схватилъ руку Мани, которая опустилась было въ карманъ.—Нѣтъ, ради Бога! Увольте меня отъ сѣмячекъ... Вы меня передъ прислугой компрометируете. Какъ будто вы модистка изъ Газетнаго? Ну, хотите, пошлю вамъ за карамелью къ Альберту?

— Конечно, хочу!

— Такъ пересядьте, пожалуйста, туда... Я позвоню...

IX.

Грязноватыя и бѣдныя меблированныя комнаты на Срѣтенкѣ. Номерокъ въ одно окно, раздѣленный перегородкой. Старая репсовая мебель, шаблонная и убогая обстановка *гарни*. На столѣ остывшій самоваръ, варенье въ фунтовой баночкѣ, сахаръ въ жестянкѣ, разнокалиберная посуда. На тарелкѣ недоѣденное миндальное печенье.

Зоя у офицера въ гостяхъ. Она любитъ эту бѣдность, отсутствіе «обстановки», эту дешевую посуду, изъ которой какъ-то вкуснѣе пьется чай. Она любитъ и этого маленькаго, изящнаго офицера, который одинъ миритъ ее съ пошляками-мужчинами... Онъ такъ непохожъ ни на кого, развѣ вотъ на того бѣднаго, некрасиваго студентика, съ потными руками, который ее когда-то развивалъ. Она, кажется, во всемъ-то свѣтѣ его одного цѣнитъ и уважаетъ, хотя временами забываетъ о немъ. Да, забываетъ... Годъ назадъ она была страстно влюблена въ него. И будь на его мѣстѣ Мальцевъ, или всякій другой...

Но онъ ни разу не обманулъ ея довѣрія. И позднѣе не отозвался на ея вызывающее кокетство. Она часто злилась и уходила, раздраженная, почти грубо отстраняя его нѣжную заботливость. Но взрывъ желаній или напряженность любопытства исчезали, и она съ благодарностью чувствовала, что за этой сдержанностью кроется настоящая любовь, та великая страсть, какая въ жизни выпадаетъ на долю одной женщинѣ изъ тысячи... И эта рѣдкая страсть до сихъ поръ захватываетъ холодную, разсчетливую, чувственную Зою, держитъ ее на привязи. Чувствуется, что здѣсь нѣтъ корысти, пошлости, низменной похотливости... Здѣсь, только здѣсь она всегда царица, а иногда и раба. И послѣднее нравится избалованной и пресыщенной дѣвушкѣ больше перваго.

Офицеръ малъ, худъ, но строенъ и широкоплечъ. У него бѣлый, высокій лобъ, вьющіеся волосы, нѣжный, но характерный ротъ. Большіе глаза глядятъ изъ-подъ очковъ вдумчиво и даже строго. Усы и небольшая вьющаяся бородка темнѣе волосъ на головѣ. Голосъ у него тихій. Руки, ноги и уши удивительно красивы и малы. Зоѣ все это нравится. Это обличаетъ породу, ко-

торую она цѣнитъ, какъ и въ Мальцевѣ. Офицеръ—дворянинъ изъ Смоленска, гдѣ въ старомъ домикѣ доживаетъ свой вѣкъ его старушка-мать. Онъ самъ готовится упорно въ академію, не куритъ, не пьетъ, жилъ до встрѣчи съ Зоей только книгами и романовъ съ женщинами не имѣлъ.

Встрѣтились они съ Зоей на «чтеніяхъ», въ томъ кружкѣ молодежи, гдѣ вращались Красавина и ея товарищъ-студентикъ, и изъ котораго Зоя быстро ушла, выжавъ весь интересъ изъ этихъ «одностороннихъ» людей, также скоро понявшихъ, что блестящая дѣвушка не пришлась имъ ко двору. Дмитрій Крутицынъ нелюдимъ, мечтатель, со странностями. Зоѣ все это нравилось прежде. Пожалуй, нравится и теперь, но... но...

Это свиданіе имѣетъ рѣшающее значеніе для ихъ любви. Зоя пришла сказать, что ждетъ со дня на день предложенія Мальцева, и что она дастъ ему свое согласіе. Она сидитъ, откинувшись въ уголъ дивана, раскраснѣвшаяся, съ гнѣвной складкой губъ, нетерпѣливо теребя перчатку.

— Пойми разъ навсегда, Дмитрій, что я тебѣ ничего не обѣщала, ничѣмъ себя не связывала. Это было первое условіе нашей любви. Да и никакихъ условій тутъ не можетъ быть...

— Скажи прямо, что ты разлюбила, и я пойму...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не разлюбила,—горячо срывается у Зои.—Ну, посуди, стала бы я ходить сюда, не любя?

— Стало-быть, по твоему, можно любить одного и выходить за другого?—Онъ смотритъ на нее злыми глазами, весь блѣдный. Стоя передъ столомъ, онъ такъ нажимаетъ полъ каблукомъ, словно хочетъ вдавить его въ дерево.

— Видишь ли? Мнѣ пора замужъ... Я два года верчусь на глазахъ матери. Я ее стѣсняю, старю... Она не говоритъ, конечно, но я чувствую. Наконецъ, мнѣ и самой хочется жить. Мнѣ уже двадцать-два года. Чего я буду ждать?

— Ты любишь... *его*?—Голосъ его звучитъ глухо, но спокойно.

— Да нѣтъ же, нисколько! Но у него имя... и долги. Я ихъ уплачу, и онъ у меня не пикнетъ... Видишь, я ничуть его не идеализирую. Мнѣ нуженъ именно такой мужъ, покладистый, широко смотрящій на вещи... Онъ мнѣ не будетъ мѣшать...

— Какъ я?

— Да, какъ ты,—смѣется Зоя.—Ну, поди сюда, сядь! Ну, поди же, я хочу говорить откровенно... Ближе сядь, вотъ такъ...

— Выходи за меня,—выговариваетъ онъ, наконецъ, слова, которыя хватали его все время за горло. Онъ высоко, по привычкѣ, подымаетъ брови, и глаза его, жадно устремленные на Зою, горятъ.

— За тебя?.. Никогда!!

Онъ вырываетъ свои руки изъ ея теплыхъ ладоней, встаетъ и отходитъ. Въ тѣни абажура его лица не видно.

— Ты напрасно сердишься,—послѣ небольшой паузы говоритъ Зоя, и недобрая улыбка змѣится по его губамъ.—Мы—не пара... Какъ любовникъ, ты былъ бы идеально хорошъ...

— Зоя...

— Ну да, да... Пусть я цинична, развратна, что угодно! Но я искренній человѣкъ. Не стану я лицемѣрно опускать глазки, разыгрывая передъ тобой невинность! Пора тебѣ было меня узнать и привыкнуть. Да, да... и тысячу разъ да! Если-бъ мы могли обходиться безъ брака, я, не задумавшись, стала бы жить съ тобою. Хотя и не ручаюсь, что не сбѣжала бы отъ тебя на первой же недѣлѣ, при первой твоей проповѣди... Какъ мужъ, милый Дмитрій, ты былъ бы несносенъ. Вѣдь ты по натурѣ—тайный деспотъ, вполнѣ «собственникъ», что называется... и весь пропитанъ предразсудками. А я ихъ отбросила. Мой девизъ—наслажденіе...

— И никакого долга?

— Ахъ, Дмитрій! Все это изъ прописей, которыя пора сдать въ архивъ! Не въ первый разъ мы споримъ на эту тему. Къ чему намъ ссориться? Ты видишь, я уже годъ назадъ разгадала тебя и предпочитала ходить сюда, а не встрѣчаться въ нашей компаніи...

— Ты забываешь, что я самъ отвернулся отъ твоей компаніи...

— Ну, да... Но, вѣдь, я и не настаивала. Я поняла, что ты безумно ревнивъ и будешь отравлять мнѣ жизнь изъ-за всякаго вздора...

— Что ты называешь вздоромъ, Зоя?

— Довольно! Мы, все равно, не столкуемся. Я, Дмитрій, не выношу стѣсненій... Понимаешь? Всякое насиліе только ожесточаетъ меня. И я тебя скоро возненавидѣла бы. А Маль... а этотъ господинъ не посмѣетъ вмѣшиваться въ мою жизнь. Это будетъ первое условіе нашего брака... Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, когда надоѣстъ Парижъ, я вернусь... Дмитрій... Слышишь?

Она наклоняется впередъ всѣмъ станомъ, стараясь разсмотрѣть его лицо въ полусвѣтѣ.—Я вернусь,—говоритъ она бархатными нотками,—я приду сюда... и мы будемъ... вмѣстѣ...

— А не приходитъ тебѣ въ голову, что я не захочу дожидаться этой счастливой минуты... и пущу себѣ пулю въ лобъ?

Румянецъ сбѣгаетъ съ ея смуглыхъ щекъ. Скажи ей это ктонибудь другой, ну, кто бы то ни было,—она засмѣялась бы звонко и недовѣрчиво... Здѣсь слова замираютъ на губахъ, и жуткій холодъ бѣжитъ по спинѣ. Какъ онъ это странно сказалъ! И никогда онъ не говорилъ такихъ «жалкихъ словъ».

Она встаетъ, переходитъ комнату и обнимаетъ его.

— Пойдемъ, сядемъ,—нѣжно говоритъ она, съ легкой дрожью

въ голосѣ, и увлекаетъ его къ дивану.—Не надо дѣлать изъ жизни такой... такой ужасной драмы! Нужно умѣть примѣняться къ обстоятельствамъ. Въ этомъ сказывается умъ...

Она смолкаетъ, замѣтивъ его жесткую усмѣшку.

— Ну, обними меня,—говоритъ она, инстинктивно прибѣгая къ послѣднему аргументу, который никогда не измѣнялъ ей въ критическія минуты.—Обними меня крѣпче!.. Ахъ, какъ я люблю эти сильныя, мужественныя объятія! Эти ручки твои... изъ которыхъ такъ трудно вырваться...

Закрывъ глаза, она кладетъ ему голову на грудь и подставляетъ свое лицо подъ его губы.

— Зоя, Зоя...—шепчетъ онъ, задыхаясь.—Но пойми же, пойми, что я не могу отдать тебя другому!

У него вырывается стонъ муки. Онъ отталкиваетъ Зою и рыдаетъ, упавъ головой на грязную спинку дивана.

Она молча глядитъ, какъ бьются его плечи, не умѣя понять его отчаянія, не умѣя проникнуться его болью, но потрясенная до глубины души этими неожиданными слезами, этимъ взрывомъ тоски. Вдругъ радостная мысль озаряетъ ея черты.

— Митя, Митя,—шепчетъ она, стараясь оторвать его лицо отъ дивана и повернуть къ себѣ.—Слушай, Митя... Я теперь знаю... Вотъ что... Я буду твоей... да, да... Ахъ, какъ это чудесно! Свадьба будетъ послѣ Рождества, у насъ времени много. О, какъ мы будемъ счастливы!.. Ну, поцѣлуй же меня! Какъ я это хорошо придумала! И... глупенькій... Зачѣмъ ты такъ долго молчалъ?

Онъ отталкиваетъ ея руку.—Развѣ *это* нужно мнѣ отъ тебя? Ты думаешь, меня это утѣшитъ? Никогда, Зоя, никогда! Или ты думаешь, что мнѣ потомъ будетъ легче дѣлиться съ этимъ... господиномъ? За кого же ты меня-то считаешь? Вѣдь это надо не любить, чтобъ поступать такъ... А если я не выдержу и наканунѣ свадьбы явлюсь, чтобъ размозжить ему голову?

Онъ рѣзко оборачивается и садится прямо, опираясь нервно скрюченными пальцами въ прыгающія пружины дивана.

— Какъ его зовутъ? Гдѣ живетъ онъ?

— Мальцевъ, Петръ Дмитричъ... гостиница Парижъ, на Тверской,—холодно отвѣчаетъ Зоя.—Но ты этого не сдѣлаешь!—Въ тонѣ ея звучитъ непоколебимая увѣренность.

Онъ молчитъ нѣсколько минутъ, соображая что-то...

— Ну, а онъ какъ же? Ты хочешь дать ему право презирать тебя? Какими глазами...

— Ха-ха!.. Ему меня презирать? Ахъ, Дмитрій!.. Вѣдь онъ человѣкъ новый... и безъ предразсудковъ... Вотъ за что я его выбрала. И по какому праву презирать? Развѣ мы васъ спрашива-

емъ о прошломъ? Что за несправедливость, что за нетерпимость кроется подъ всѣми этими лицемѣрными фразами о женской добродѣтели, о дѣвичьей невинности? Это деспотизмъ, Дмитрій! А для насъ—дѣвушекъ—это позорное рабство. Неужели ты думаешь, что его удивило бы, если бы... Наоборотъ, удивитъ, если этого не случится. Вѣдь про тебя онъ давно слышалъ...

— Этого не доставало!.. Какая пошлость!

Онъ сжимаетъ голову руками и опускаетъ ее на столъ.

Зоя продолжаетъ горячо и искренно говорить на тему женской равноправности.

— Ты меня не любишь,—неожиданно, съ горечью и болью обрываетъ онъ краснорѣчіе Зои.—Я это только нынче понялъ.

— О, нѣтъ!.. Но знаешь ли, я свободу люблю еще больше. Я—цыганка по натурѣ. То, что вы называете долгомъ, обязанностью—для меня пустые звуки. Я возненавижу того, кто надѣнетъ на меня узду.

— Какъ при такомъ свободолюбіи и ширтѣ взглядовъ можно мириться съ бракомъ? Да еще съ такимъ мерзавцемъ, какъ этотъ господинъ Мальцевъ? Вотъ чего не могу понять!—съ тоской и ироніей говоритъ Дмитрій, стискивая свои маленькія руки.

— Ахъ, милый!.. Есть вещи, выше которыхъ не станешь...

Она надѣваетъ передъ зеркаломъ шляпу и завязываетъ вуалетку.

— Знаешь,—вдругъ говоритъ Крутицынъ послѣ короткой паузы, не глядя на дѣвушку, которая, стоя тамъ же, натягиваетъ перчатки.—Есть люди, жизнь которыхъ одна сплошная пошлость... Наживаніе денегъ, служба, дающая большіе оклады, свѣтскія связи, винтъ, любовь по обязанности, дружба по разсчету, адюльтеры, рестораны, Омонъ... Такіе люди любятъ дать, что называется, встряску нервамъ. Они идутъ изрѣдка въ театръ, непремѣнно на драму. Они любятъ плакать, глядя на игру Ермоловой. Любятъ волноваться, сильно пожить въ теченіе двухъ-трехъ часовъ. Потомъ... потомъ они идутъ въ трактиръ ужинать и назавтра начинаютъ прежнюю жизнь... Вотъ такъ ты любишь меня...

Глаза ея удивленно и весело блестятъ изъ-подъ вуалетки.

— Ха-ха!.. А знаешь, вѣдь, это очень остроумно, что ты сказалъ сейчасъ и... пожалуй, вѣрно...

Пока онъ одѣваетъ ее, она говоритъ, гладя его по щекѣ рукой въ перчаткѣ:—Будь паинькой, Дмитрій... Я не забуду нынѣшняго обѣщанія. Я вернусь изъ-за границы къ веснѣ и опять приду. А ты пока учись... Я вѣрю, что изъ тебя выйдетъ... дѣятель. Только изъ такихъ, какъ ты, и выходятъ люди. Ты, вѣдь, совсѣмъ не «нашъ»...

Онъ все молчитъ и только, выходя изъ комнаты въ коридоръ, спрашиваетъ сквозь зубы, все съ той же странной, недоброй усмѣшкой:—Хотѣлъ бы я знать, кого ты здѣсь дурачишь? Меня или себя?

Она предпочитаетъ промолчать.

Онъ нанимаетъ извозчика. Зоя проситъ проводить ее. Вообще она очень осторожна, и до сихъ поръ никто изъ домашнихъ не знаетъ объ этомъ романѣ, кромѣ проныры-Мани, которой удалось прослѣдить эти свиданія... Знаетъ Маня, значитъ, знаетъ и Мальцевъ. Но его она не боится. Она понимаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ—джентльменъ. Онъ не позволилъ себѣ ни разу ни одного намека... Нынче почему-то ей не хочется разстаться съ своимъ блѣднымъ обожателемъ. Ей его жаль.

У поворота на бульваръ онъ соскакиваетъ съ пролетки.

— До среды,—шепчетъ она, пожимая ему руку и значительно глядя въ глаза.

Онъ молча подымаетъ фуражку надъ кудрявой головой.

X.

Черезъ недѣлю Вавочка на званой вечеринкѣ пьетъ шампанское за здоровье жениха и невѣсты. Это оффиціальная помолвка Зои съ Мальцевымъ. Зоя справляетъ вечеромъ дѣвичникъ. Танцы, пѣніе, игры, фрукты, горы конфетъ, затѣмъ ужинъ и опять шампанское. Зоя очень интересна въ новомъ оригинальномъ туалетѣ изъ Парижа, какого-то необычайнаго блѣдно-краснаго цвѣта. Мальцевъ корректенъ и насмѣшливъ, какъ всегда. Маня почему-то сіяетъ. На ней опять новая кофточка, лиловая, съ золотыми горошинами, шелковая. Конечно подарила Зоя.

А Вавочка? Она равнодушна къ событію, собравшему ихъ всѣхъ опять. Она рада повеселиться, вкусно поѣсть, поплясать. Втайнѣ она дивится, глядя на Зою, какъ можетъ та, имѣя деньги и выборъ, идти добровольно за этого противнаго «поросенка» и всю жизнь выносить его «любовь». Она вздрагиваетъ отъ гадливости.

Часовъ въ одиннадцать вдругъ танцы прерываются. Въ залѣ общее движеніе. Всѣ глядятъ на дверь, куда хозяйка устремилась, бросивъ Гурвица. Лицо ея покрылось пятнами.

— Позовите Селивана! Appelez mon mari... Онъ играетъ... тамъ...—бросаетъ она на ходу растерянно всѣмъ гостямъ.

— Что такое?—съ досадой спрашиваетъ Вавочка Зою, съ которой только-что дѣлала па во второй фигурѣ кадрили. У Зои въ глазахъ тоже волненіе. Она даже поблѣднѣла. Вдругъ лицо ея розовѣетъ, и она, улыбаясь, почти бѣжитъ къ выходу.

— Это Миляевъ,—сквозь зубы говоритъ Мальцевъ, щурясь

на прибывшаго и, оскалившись, оборачивается къ Клавдинькѣ, Манѣ и другимъ дамамъ, обступившимъ своего дирижера съ недоумѣніемъ и любопытствомъ.—Вы, mesdames, никогда не видали милліонеровъ? Глядите... Это крезъ... Это сказочный принцъ...

— Кто такой?

— Qui ça?

— Что онъ сказалъ?

— Ахъ!.. Какой уродъ!—раздается отчетливо и звонко безстрастный голосъ Вавочки.

— Тсс!..—На нее глядятъ испуганно и враждебно.

— Дура, какъ всегда!—рѣшаетъ Маня, дѣлая круглые глаза.

— При милліонахъ красоты не нужно...

— Вотъ бы такого подцѣпить!

— Это представитель и наслѣдникъ одной изъ крупнѣйшихъ русскихъ фирмъ на Востокѣ,—объясняетъ Мальцевъ вполголоса группѣ барышень, которыя съ благоговѣніемъ слѣдятъ за всѣми движеніями креза.

— И такъ и живетъ? На... «Востокѣ»?—спрашиваетъ со страхомъ Клавдинька.

— Никогда. Онъ почти всегда за-границей. Живетъ по-княжески. Вилла въ Ниццѣ. Домъ въ Парижѣ. Онъ очень образованный человѣкъ...

— Женатъ?—хоромъ звучатъ голоса.

— Нѣтъ... И никогда не женится, mesdames... Для этого онъ слишкомъ любитъ женщинъ...

Изъ груди Мани и другихъ вырываются вздохи.

— Господа!.. Неужели мы больше не будемъ танцовать?—съ негодованіемъ спрашиваетъ Вавочка. Но ее никто не слушаетъ.

Крезъ какъ бы не имѣетъ возраста, хотя, говорятъ, ему не болѣе тридцати пяти. Издали онъ кажется моложе, вблизи старше. Онъ лысъ, худъ, малъ и жалокъ. У него жидкіе, блѣдные усы и отсутствіе бороды. Вѣки красны и безъ рѣсницъ. Когда онъ смѣется, видны желтые, полусгнившіе обломки зубовъ. Очевидно, у него нѣтъ мужества даже на то, чтобы вырвать ихъ и вставить другіе. Взглядъ его голубоватыхъ глазъ упоренъ и тяжелъ. Онъ не мѣняется, когда на лицѣ улыбка. Цвѣтъ кожи тусклый. Но, по манерамъ, одеждѣ и разговору, это—вполнѣ европеецъ.

Вавочкѣ скучно... Говорятъ, этотъ уродъ здѣсь проѣздомъ. Ну, что стоило бы ему пріѣхать завтра? Теперь, пожалуй, танцевъ не будетъ... И чудачка эта Зоя! Какое ей дѣло до его милліоновъ? Ни тепло, ни холодно... Она выходитъ за Мальцева, а сама сіяетъ отъ счастья, что съ ней говоритъ какой-то Миляевъ.

Но, по просьбѣ гостя, танцы возобновляются, и Вавочка пор-

хаетъ по залѣ въ вальсѣ до тѣхъ поръ, пока не падаетъ, разбитая, въ какое-то кресло. Въ глазахъ потемнѣло, сердце стучитъ.

— Какая картинка!—слышитъ она чей-то голосъ рядомъ.

— N'est-ce pas?

— Она—красавица... Она похожа на Марію Магдалину Баттони. И ротикъ, какъ у Беатриче Ченчи, и тотъ же овалъ... Что за чудное, невинное личико!.. Кто это?

Вавочка лѣниво открываетъ глаза. Въ пяти шагахъ папà-Прокофьевъ и Миляевъ, съ моноклемъ на сѣромъ лицѣ, глядятъ на нее, нахально улыбаясь. Она дѣлаетъ движеніе, чтобъ встать и уйти... Но сѣрое лицо дрогнуло. Миляевъ шепнулъ что-то хозяину, и ей загородили дорогу.

— Chère mignonne,—фамильярно говоритъ Прокофьевъ, ловя ручки Вавочки и задерживая ихъ въ своихъ.—Позвольте васъ познакомить... Нашъ уважаемый другъ, Петръ Сергѣевичъ Миляевъ.—Не давая ей вымолвить словечка, хозяинъ ласково, но силкомъ, все съ тѣми же властными и мягкими движеніями усаживаетъ ее снова въ кресло. Миляевъ подвигаетъ себѣ другое и засыпаетъ Вавочку разспросами, пожирая ея личико плотояднымъ взглядомъ. Папà-Прокофьевъ, пользуясь случаемъ, завладѣваетъ пальчиками дѣвушки и отечески гладитъ ихъ, поднося къ губамъ.

— Vous avez de la chance... vous,—какъ-то нервно хихикая, говоритъ ему Миляевъ (Вы—удачникъ).

— Essayez,—бросаетъ ему Прокофьевъ.—Qui ne risque rien, ne gagne rien (Попробуйте... Безъ риска не выиграешь).

Вавочка ничего не понимаетъ и отвѣчаетъ невпопадъ. Глаза ея, большіе, голубые, какъ васильки, и наивные, глядятъ съ тоской въ толпу. Звуки ритурнеля такъ манятъ... Она не видитъ, что сдѣлалась центромъ вниманія всего зала. Всѣ ей завидуютъ, всѣ перешептываются, ее ненавидятъ. «Глупый Колька... Куда онъ провалился? Вѣдь мы съ нимъ танцуемъ». Она обмахивается платкомъ. Перчатки она давно сняла. Жарко.

Миляевъ вдругъ беретъ ея руку и подноситъ къ губамъ. Вавочка съ испугомъ и гадливостью хочетъ вырвать свои пальцы. Но этотъ жестъ и тревога въ ея лицѣ повергаютъ Миляева въ какой-то изступленный восторгъ, котораго, при всей своей сдержанности, онъ не умѣетъ скрыть. Онъ къ этому не привыкъ. А это такъ дорого—встрѣтить что-то новое... самому испытать что-то непохожее на нынче и завтра... Ахъ, какъ дорого! Онъ нахаленъ, какъ милліонеръ и какъ сластолюбецъ. Съ нервнымъ смѣшкомъ и подергиваніемъ щеки онъ покрываетъ поцѣлуями кончики пальцевъ у Вавочки, почти обсасываетъ ихъ.

— Я не хочу... Пустите! Не смѣйте!—говоритъ Вавочка.

— Вы... развѣ... Вамъ непріятно?—заикаясь, лепечетъ милліонеръ. Мускулъ щеки у него дергается сильнѣе. Вавочка это видитъ. Отъ него пахнетъ шампанскимъ. Какая гадость! Ея лицо такъ выразительно, что у милліонера опускаются руки.

— Я терпѣть не могу, когда цѣлуются,—сердито говоритъ Вавочка и вдругъ опять приходитъ въ отчаяніе. Всѣ стоятъ парами, сейчасъ начнутъ.

— Куда провалилась эта Вавочка?—удивляется Коля, бѣгавшій въ садъ любоваться ночью, темной, звѣздной и теплой, какъ лѣтомъ. Рука Зои въ черной шелковой перчаткѣ до локтя ложится ему на плечо. Онъ оборачивается и видитъ ея лицо, полное какого-то особаго значенія, съ расширенными зрачками.

— Возьмите себѣ другую даму... Видите, она тамъ...

Коля свиститъ.—А мнѣ наплевать! Вотъ выдумали! Другую даму...—Его ноздри раздулись. Глаза сверкаютъ.

— Коля... Ecoutez... Неужели вы...

Онъ уже не слушаетъ, а скользитъ по паркету залы, навстрѣчу засіявшимъ глазкамъ Вавочки. Она не дослушала фразы Миляева и ринулась къ Колѣ, даже забывъ извиниться. Съ торжествующей усмѣшкой Коля увлекаетъ красавицу.

Маня, черезъ залу увидавъ эту сценку, всплескиваетъ руками и подымаетъ плечи до ушей.

— Ну, не говорила ли я, что она—идіотка?

Всѣ перешептываются въ смущеніи. Зоя и хозяйка тоже разсержены глупостью Вавочки и безтактностью Коли. M-me Прокофьева бѣжитъ къ мужу, который замѣтно растерялся.

— Хе-хе!.. Какова физія у креза!—торжествуетъ Коля, дѣлая первую фигуру.—Хлопаетъ глазами. Совсѣмъ обалдѣлъ... Шутка ли! На его милліоны не льстятся. Ай да Вавочка! Умница!... Паинька! Я у васъ за это потомъ ручки ваши поцѣлую. А вы это оцѣните. Я ни у кого ихъ не цѣлую, никогда...

— Elle est bête... Она совсѣмъ дитя,—извиняется хозяйка передъ гостемъ, который, дѣйствительно, размякъ и «обалдѣлъ».—Она такъ плохо воспитана...

— Charmante... Délicieuse,—лепечетъ Миляевъ.—Je n'ai jamais vu de pareille...

Еще бы! Ужъ это совсѣмъ новое впечатлѣніе... Первая женщина, которая съ гримасой брезгливости выдергиваетъ у него руку и убѣгаетъ, глубоко-равнодушная къ его богатству. Онъ слѣдитъ за Вавочкой весь вечеръ, ловитъ каждую минуту перерыва, чтобъ подойти къ ней. И ясно видитъ, что она его избѣгаетъ. Но это именно въ ней ново и обаятельно, прямо-таки неотразимо для его притупленныхъ нервовъ. Папà-Прокофьевъ, на

его безцеремонные, наглые разспросы, осторожно намекаетъ ему, что Вавочку купить нельзя. Это порядочная дѣвушка изъ хорошей семьи. У нея мать, которая не дастъ ее въ обиду. И чѣмъ больше подробностей узнаетъ Миляевъ, тѣмъ обаятельнѣе кажется ему эта недоступная и равнодушная дѣвочка,—глупенькая, странная дѣвочка. Онъ думаетъ о томъ, что завтра долженъ выѣхать за-границу по особо-важнымъ дѣламъ, и отложить поѣздку нельзя... Жаль, очень жаль! И онъ соображаетъ, черезъ сколько времени,—мѣсяцъ или два, дѣла позволятъ ему вернуться въ Москву?.. Какое прелестное, невинное, испуганное личико!

— Вавочка, вы, пожалуй, вообразите, что онъ на васъ женится? И не подумаетъ,—грубо говоритъ Коля, видя, что хозяйка намѣревается усадить Вавочку за ужиномъ рядомъ съ милліонеромъ.—И чего эти-то хлопочутъ!? Удивляюсь я на этихъ купчинъ! Кабы еще изъ-за подарка хлопотали, либо изъ-за куска хлѣба... Вотъ хамы-то прирожденные! А онъ васъ завтра позабудетъ... И ничего вы не воображайте...

— И не думаю я воображать,—огрызается Вавочка.—Мнѣ досадно, что изъ-за него я чардашъ пропустила! Когда-то еще теперь танцовать будемъ?

— А кто васъ провожать будетъ? Гдѣ вашъ Тихменевъ?

— Заѣдетъ въ два. У него нынче засѣданіе.

— То-то!.. А то лучше я провожу, если онъ не заѣдетъ...

— Чего вы хлопочете?—удивляется Вавочка.

— А вотъ не хочу, чтобъ этотъ слюнтяй васъ провожалъ... Еще цѣловать начнетъ...

— Вотъ еще! Не посмѣетъ...

— Съ милліонами все посмѣетъ... Еще завезетъ куда-нибудь. Вѣдь вы глупенькая, Вавочка... Пропасть вамъ ничего не стоитъ!

Вавочка вспыхиваетъ до корней волосъ. Вспоминается то, что́ хотѣлось бы забыть.—Ахъ! Какъ вы мнѣ надоѣли! Да вамъ-то что?—грубо говоритъ она, отворачиваясь.

— Рыцарь я, Вавочка, по натурѣ, потому... Помните, какъ я уронилъ васъ на кругу?

— Ахъ, да!.. Низость какая!

— Ну, положимъ, васъ отъ этого не убыло. Встряхнулись, да и встали. И забыли черезъ день... А я недѣлю мучился. Все меня это мозжило... И съ тѣхъ поръ щуку эту, Маньку, видѣть не могу!

— Ха-ха!.. Какой вы чудной!

— Чудной... чудной!—сердито передразнилъ Коля.—Много вы понимаете! Сами-то вы здѣсь чудные. И не попади я въ вашу дурацкую компанію... Э, чортъ! Все равно... Вы не поймете меня... Вотъ плюну я на всѣхъ и уйду! И больше вы меня не увидите...

— Куда вы уйдете?

— А почемъ я знаю?

— Кто васъ обидѣлъ? Чего вы ругаетесь?

— Не обидѣлъ меня никто. И не посмѣетъ обидѣть. А только одинокъ я здѣсь... И въ Зоѣ я разочаровался. Такая же «аршинница», какъ и ея маменька. Вонъ за вами наша сова-хозяйка плыветъ. Усадитъ васъ съ милліонеромъ рядомъ. А онъ пуститъ слюни и заплюетъ вамъ всѣ тарелки...

— Фи!.. Какой вы мужикъ!

— Ладно! А, вотъ, вы всѣ здѣсь того хуже... Дикари вы... Больше ничего!

— Почему дикари?—Вавочка заморгала.

— Дикарки за фольгу, за кусокъ мыла продаютъ себя! И вы всѣ здѣсь такія же... Преклоняетесь передъ «золотымъ осломъ»... Развѣ это не золотой оселъ? И помани онъ любую изъ васъ, сейчасъ продадитесь... Вѣрно? Дикарки несчастныя...

— Вотъ ужъ неправда! Очень онъ мнѣ нуженъ! Гадость какая... Я и руки ему не дамъ цѣловать...

— Вавочка! Голубушка... Да неужели вы такая?.. Неужели? Ахъ, нѣтъ!.. Не могу... Пойдемте въ садъ на минутку!

— Въ са-адъ?

— Ночь какая!.. Накиньте только платокъ. Пусть васъ рыжая сова поищетъ! Пойдемте... Я вамъ скажу одну вещь...

Его голосъ задрожалъ. Вавочка, удивленная, дала ему руку, и они выскользнули въ садъ. Она сгорала отъ любопытства. Никогда она не видала Колю такимъ нервнымъ, страннымъ... И лицо у него точно больное. Такимъ онъ ей нравился. Она закуталась въ большой бѣлый платокъ, который очень шелъ къ ней. Коля изъ передней захватилъ шинель и фуражку.

— Вы развѣ уйдете? Домой?—удивилась Вавочка.—Ахъ, какъ темно! Ничего не вижу... Дайте руку!

Они сѣли на лавочку, недалеко отъ дома. Хотя былъ конецъ сентября, вся зелень еще была цѣла. Воздухъ былъ мягкій и теплый, словно весной. Только шорохъ и запахъ немногихъ опавшихъ и гніющихъ листьевъ подъ ногами напоминали объ осени. Небо было черное, усыпанное звѣздами. Млечный путь виднѣлся такъ ясно...

Въ домѣ окна были открыты. Мелькали тѣни, свѣтъ отъ люстръ падалъ яркими, бѣлыми полосами на песокъ дорожекъ, на увядшій газонъ, на купы деревьевъ. Этотъ свѣтъ задѣвалъ слегка скамью и косвенно бросалъ призрачные блики на голову дѣвушки. Въ этомъ странномъ освѣщеніи Вавочка казалась не женщиной, а грезой. Коля съ тоской поглядѣлъ въ это прекрасное личико.

— Вавочка... (Голосъ его задрожалъ.) Я, дѣйствительно, негодяй передъ вами... Я измучился... Простите меня! Я самъ не знаю, какъ это случилось... Должно быть, я очень ревновалъ...

— Вы?.. Вы ревновали?.. Значитъ вы:..

— Ну, да... Ужъ очень у васъ красота трогательная... Я... знаете?.. Я любилъ васъ, Вавочка... полчаса только... но это были лучшія минуты моей жизни...

— Вотъ чудеса!.. Когда?

Въ лицѣ его отразилась боль... Но Вавочка въ темнотѣ не видѣла.

— Это все равно! А все-таки спасибо вамъ... Васъ можно обнять, Вавочка?

— Ахъ!.. Какой вы... Чудной нынче какой!.. Ну, обнимите...

Онъ обнялъ ее и положилъ ея головку къ себѣ на плечо. Губы Вавочки раздвигались въ улыбку. Какъ все это странно!

— Что съ вами?—спросила она тихонько, шаловливо подымая губы къ его губамъ, словно дразня. Но онъ оставался печальнымъ и строгимъ.

— Тоска, Вавочка!.. Ахъ, какая тоска! До чего я одинокъ! Даже страшно... И сказать не могу. Вотъ вы лучше *ихъ*, чище какъ-то... И личико у васъ такое... Жалко васъ почему-то... Вотъ за это, можетъ, я и полюбилъ васъ тогда... Проснется въ васъ, Вавочка, когда-нибудь эта тоска? Или нѣтъ?.. Съ ней хорошо... И страшно... Я недавно, Вавочка, прочелъ одну книгу, и вотъ мѣста себѣ не нахожу. На все другими глазами глядѣть сталъ. Вѣдь были же другіе люди! Не такъ давно еще... Можетъ, и сейчасъ есть? Гдѣ же они теперь? Гдѣ ихъ искать?.. Ахъ, не дождусь, когда раздѣлаюсь съ гимназіей...

— Искать людей будете?—улыбнулась она.

— И все это такъ случайно вышло,—не слушая и волнуясь, продолжалъ Коля.—Пошелъ зубъ пломбировать, сидѣлъ долго. Тамъ на столѣ журналы. Наудачу раскрылъ... да и оторваться не могъ... Докторъ, понимаете, описанъ, въ глушь поѣхалъ... тамъ холера случилась. Его убила толпа... Такъ вотъ дневникъ его! Боже мой! Вѣдь есть же гдѣ-нибудь такіе люди, Вавочка?

Она молчала и глядѣла въ звѣздное небо. Ей было немножко скучно. А его чуть лихорадка не била.

— Читать надо! Побольше читать... Все брошу теперь. Развѣ я знаю что-нибудь? Какъ хочется жизнь измѣнить! Что-нибудь такое хорошее... Вотъ я скоро курсъ кончаю, а даже не подумалъ ни разу, на какой факультетъ поступлю... Вавочка, милая, глядите! Здѣсь тьма, тишина... Тамъ свѣтло, шумъ, музыка... Вотъ мнѣ кажется, и мы такъ... Жили, плясали... потомъ умремъ... Къ чему жили? Неужели для того, чтобъ чардашъ танцовать?

Онъ горестно смолкъ. Вавочка тихонько вздохнула. Онъ тутъ словно вспомнилъ, что головка ея лежитъ на его груди, и робко коснулся губами ея волосъ. Она вдругъ разсмѣялась.

— Скажите, какой тихонькій сталъ! Точно Тихменевъ...

Коля вскочилъ, какъ ужаленный.

— Ахъ, глупенькая Вавочка! Если-бъ вы знали... какую чудную минуту вы спугнули!.. «Нѣтъ, такую дурочку нельзя любить!» горько подумалъ онъ.

— Прощайте, Вавочка!—сказалъ онъ вслухъ.—Идите въ комнаты, простудитесь...

— А вы?

— Нѣтъ, я туда не вернусь...

Онъ взглянулъ на нее, печальный и гордый... Вышелъ изъ полосы свѣта и пропалъ во тьмѣ надвигавшейся ночи, съ своей тоской, съ проснувшимися запросами, на которые ни школа, ни семья, ни среда не могли дать ему отвѣта.

Куда понесетъ онъ эту тоску? Гдѣ найдетъ онъ разгадку для мучительныхъ сомнѣній? Эта искра Божія, что вспыхнула въ его душѣ, не погаснетъ ли она по дорогѣ, не успѣвъ разгорѣться въ яркое пламя и освѣтить путь жизни?

Ночь темна... Гдѣ маяки? Гдѣ свѣточи, озаряющіе эту тьму, среди которой бродитъ ощупью печальная, безвольная душа сына вѣка?

XI.

Маня на другой день забѣгаетъ разсказать о приданомъ Зои. Просто чудеса! Какое бѣлье! Все шелковое, фуляровое, съ кружевами... А платки?.. А чулки?.. А кофточки шелковыя? Вавочка розовѣетъ и взволнованно бѣжитъ одѣваться. Она хочетъ просить Зою взять и ее съ собою по магазинамъ.

— Какая ты счастливица, Манька!.. Вѣчно ты вмѣстѣ съ нею... И все въ пассажѣ покупаете?

— Ну, нѣтъ-съ! Только *confections...* А что крупнѣе, Зоя все беретъ въ городѣ. И ужъ жила-то, Господи! На сторублевой вещи копейки выгадываетъ. Не разживется отъ нея Мальцевъ, нѣтъ!

У Зои Вавочка положительно купается въ волнахъ шелка и кружевъ. Осмотрѣно все приданое до послѣдняго платка. Всюду разбросаны модные журналы. М-me Прокофьева въ восхитительномъ *matinée*, въ рыжемъ парикѣ, выписанномъ изъ Парижа, съ утра разрисованная, *maquillée* (какъ она сама выражается объ этой хитрой наукѣ, вывезенной ею изъ царства французскихъ кокотокъ), смотритъ въ длинный черепаховый лорнетъ картинки изъ *Monde Illustré* и *Luxe*.

— Zoé, взгляни,—говоритъ она умирающимъ голосомъ.— Вотъ милый капотъ...

Зоя озабочена. Она не знаетъ, на какомъ цвѣтѣ остановиться для визитнаго платья.

— Bête... Вѣдь вы въ Парижъ послѣ вѣнца уѣдете... Закажи У Дусе или Лаферрьеръ... Чего проще?..—Подавъ два пальца подругамъ дочери, рыжая «сова» уплываетъ.—Vous *lui* avez donné dans l'oeil, vous,—смѣется она, подмигивая Вавочкѣ. (Вы ему голову вскружили.)

— Будь я на твоемъ мѣстѣ, Вавочка,—говоритъ ей Зоя,—я непремѣнно женила бы на себѣ Миляева. Ты въ его вкусѣ...

— Никогда онъ не женится,—фыркаетъ Маня.—Такому свобода всего дороже!

Когда онѣ выходятъ отъ Прокофьевыхъ, Маня возобновляетъ разговоръ. Вавочка вздыхаетъ, вспоминая видѣнную ею роскошь. И грусть, и еще что-то тяжелое, новое, вмѣстѣ съ осеннимъ туманомъ, ползетъ въ ея душу.

— Онѣ тебѣ кружатъ голову глупостями, а ты вѣришь,—говоритъ ей Маня, шлепая по лужамъ.—А я тебѣ добра желаю... Тебѣ двадцать лѣтъ. Много-много пять лѣтъ еще, и ты будешь «перестарокъ». Чего-жъ ты зѣваешь? Принца ждешь? Такъ, вѣдь имъ тоже деньги нужны. Въ наше время ой-ой какъ трудно мужа найти!.. За Зоей сто тысячъ даютъ, а жениховъ богатыхъ все-таки у нея не было. Купцы избѣгали, дворяне тоже... Хорошо, Мальцевъ попался, въ долгахъ весь. А то также засидѣлась бы...

— Гдѣ же я мужа возьму?—бурчитъ Вавочка.

— А Тихменевъ?

Онѣ долго молчатъ.

— У тебя въ рукахъ кладъ, положительно кладъ,—сызнова начинаетъ Маня.—Онъ тысячъ десять въ годъ заработаетъ. Барыней жила бы... И красивый какой, и рохля какая! Я бы его подъ башмакомъ держала. Ну, да гдѣ тебѣ, дурѣ, такое дѣльце спроворить!

— Вовсе я не дура!—вспыхиваетъ Вавочка.—А только... Ну да, впрочемъ, не стоитъ...

— Я отлично понимаю, на что ты намекаешь! Конечно, оно не совсѣмъ ловко... Ну, да что-жъ дѣлать-то? Жизнь—борьба... Каждый за себя. Надо глядѣть въ оба и не сантиментальничать. И богатыя сидятъ теперь вѣковушками. Ой, Вавочка, смотри! Выпустишь его изъ рукъ, наплачешься... А онъ, все равно, на другой женится. Онъ и сейчасъ, какъ волкъ, все въ лѣсъ глядитъ. А легче *ей* будетъ что ли, когда онъ на другой женится? А нельзя же старухамъ заѣдать молодой вѣкъ. Перемелется, мука будетъ... Ты въ правѣ требовать себѣ дороги, ты еще не жила.

— Не могу,—шепчетъ Вавочка и отворачивается.

— Какъ знаешь! Твое дѣло... А потомъ поищи, посвищи, никого не найдешь... Будешь вѣкъ изъ маменькиныхъ ручекъ глядѣть и на саржѣ платья носить... Вонъ у тебя до сихъ поръ шелковой юбчонки нѣтъ...

Стрѣла попала въ цѣль.—И у тебя нѣтъ...

— Ну, не дура ли ты? Я тебя уму учу, а ты огрызаешься!

Задумчивая вернулась Вавочка домой и сѣла въ столовой у топившейся печки. Жизнь начинала осложняться. Будущее опять омрачалось. Да. Права Маня. Надо брать то, что подъ рукой. Надо бороться за счастье. Годы уходятъ.

Александра Львовна, зайдя въ лавки, опоздала къ обѣду. Тихменевъ пріѣхалъ въ сумерки и засталъ Вавочку одну.

Какое счастье!.. Даже Соньки въ комнатѣ нѣтъ.

Не умѣя скрыть своей радости, онъ осыпаетъ жаркими поцѣлуями ручки дѣвушки. И даже слезы въ глазахъ его загораются отъ нѣжности.

Первымъ ея движеніемъ—отстраниться. Но слова Мани сверкаютъ вдругъ въ ея сознаніи. И она покорно подчиняется.

— Вавочка,—говоритъ онъ трепещущимъ голосомъ,—почему ты ушла отъ меня совсѣмъ? Развѣ я такъ противенъ тебѣ?.. За что ты меня мучаешь? Ну, поговори со мною!

Онъ беретъ ея лицо въ руки и смотритъ въ него съ безграничной любовью.

— Ахъ, нѣтъ!.. Я люблю васъ,—безстрастно отвѣчаетъ Вавочка.—Только... право... о чемъ намъ говорить?

Онъ наклоняется и приникаетъ къ ея губамъ.

Гдѣ-то скрипнула дверь. Онъ отходитъ къ окну и глядитъ въ сѣрое, печальное, такое тяжелое небо.

«О чемъ намъ говорить?..» Да... Чужіе, совсѣмъ чужіе... Кто разберетъ эту таинственную дѣвочку? Чѣмъ полна ея душа? Она, какъ мраморная Галатея? Гдѣ ея Пигмаліонъ? Для кого оживетъ эта статуя?.. Вспоминаются горькія слова Александры Львовны: «Она никого не любила въ своей жизни, ни меня, ни няньки своей, ни подругъ... *онѣ* не умѣютъ любить...»

Ему больно... Ему грустно...

XII.

Александра Львовна, какъ всегда, поднялась въ семь, чтобъ успѣть заняться съ Сонькой до гимназіи. Она допивала свой кофе. Сонька понесла было въ ротъ кусокъ ситника, но передумала.

— Они цѣлуются,—изрекла она спокойно, не глядя на Ясневу и пальцемъ выковыривая изюминку изъ хлѣба.

Чашка задрожала въ рукѣ Александры Львовны. Она моментально поняла, о комъ говоритъ дѣвчонка, но не нашла ни одного слова въ отвѣтъ.

— Я видѣла вчера сама... Вчера передъ обѣдомъ.

Яснева, блѣдная, закусивъ губы, двинула стуломъ.

— Ты кончила кофе?—рѣзко спросила она.

— Кончаю...

— Пей скорѣе... и неси диктантъ...

Она отвернулась къ окну. Когда Сонька вышла изъ комнаты, Александра Львовна не удержала стона. Она кусала платокъ, боясь разрыдаться... Такъ вотъ почему эти недомолвки между ними и отчужденіе съ самаго переѣзда въ Москву! Такъ вотъ почему онъ хотѣлъ уѣхать! Болѣзнь матери—предлогъ. Еще недавно ее ужасала разлука. Но она была гордая натура, страстная и рѣшительная. Ну рвать,—такъ рвать!.. Пусть! Лишь бы не видѣть соперницы въ дочери! Лишь бы не знать, что они цѣлуются у тебя за спиной, подозрѣвать ежечасно и не имѣть ни минуты покоя... Какая позорная распущенность! Если-бъ еще любовь?.. Вздоръ! Увлеченіе, чувственный порывъ, который пройдетъ въ разлукѣ... О, презрѣнный!.. Разстаться скорѣй... Теперь ей его не было жаль.

Она буквально двое сутокъ не сомкнула глазъ. Какъ она на ногахъ держалась? Гдѣ брала силы, чтобъ работать?.. А дни шли какъ всегда: дежурство въ столовой «Общества», визиты курсистокъ... Надо было всѣхъ выслушать, во все вникнуть, за всѣхъ хлопотать... Боже мой!.. Боже... Какія страданія!

— Почему вы не ѣдете? Развѣ вашей матери лучше?—наконецъ, какъ-то за обѣдомъ спросила она.

Онъ измѣнился въ лицѣ. Она гонитъ его сама?! Но, по обыкновенію, у него не хватило характера сказать правду.

— Да, ей лучше,—солгалъ онъ, не глядя на Ясневу.—Но я все-таки скоро поѣду навѣстить ее. Меня задержалъ одинъ больной.

«Кажется, понялъ», подумала она.

Дня черезъ три послѣ того утра, когда Сонька сообщила Александрѣ Львовнѣ о своихъ наблюденіяхъ, Яснева вернулась домой въ сумерки чернымъ ходомъ и стала раздѣваться. Изъ столовой неслось нѣжное щебетаніе Вавочки, и звучалъ ея смѣхъ. Передъ Ясневой, словно изъ земли, выросла фигура Соньки. Сердце Александры Львовны замерло при видѣ этой зловѣщей птицы.

— Они опять цѣлуются,—прошептала дѣвчонка, пальцемъ указывая на дверь столовой.

Кровь бросилась въ голову Ясневой.—Молчи!.. Уходи!—Она топнула ногой.—Не смѣй мнѣ этого никогда говорить! Слышишь ты?.. Не смѣй!

Въ столовой разомъ смолкли при этихъ разъяренныхъ звукахъ.

Александра Львовна вошла такая грозная, такая потемнѣвшая вся, что и Тихменеву, и Вавочкѣ стало жутко. Яснева не подала руки своему другу.

«Догадалась»... понялъ онъ. «Конецъ всему...»

Обѣдъ прошелъ въ тяжеломъ молчаніи. Когда Тихменевъ, поблагодаривъ, взялся за шляпу, Александра Львовна остановила его.—Мнѣ надо съ вами говорить,—коротко сказала она.

Онъ покорно двинулся въ спальню. Александра Львовна обернулась къ Вавочкѣ, которая смотрѣла на нихъ, открывъ ротъ.—Ступай гулять и возьми съ собою Соню,—приказала она тѣмъ тономъ, котораго дочь не смѣла ослушаться.

«Конецъ, всему конецъ», думалъ Тихменевъ, сидя въ спальнѣ и оглядывая съ тоскливымъ чувствомъ всѣ предметы, съ которыми онъ сжился, какъ съ дорогими людьми.

Пока Вавочка одѣвалась, копаясь по обыкновенію, Александра Львовна, ломая руки, металась по столовой. Это ожиданіе ее измучило.—Наконецъ-то!—сорвалось у нея, когда Сонька и дочь вышли одѣтыми.

— Долго гулять, мама?—нетерпѣливо спросила Вавочка. Она не любила двигаться безъ цѣли и, вообще, ничего не умѣла понять въ этомъ странномъ распоряженіи.

Яснева не отвѣчала. Она даже не слыхала. Заперевъ входную дверь, она вошла въ спальню.

Тихменевъ сидѣлъ на кушеткѣ, такой тихонькій, опустивъ кудрявую голову, и игралъ рѣзнымъ ножомъ съ письменнаго стола. Онъ самъ его сработалъ для нея два года назадъ.

Она думала говорить съ нимъ холодно, враждебно, заклеймить его презрѣніемъ, бросить ему въ лицо упрекъ въ вѣроломствѣ... Она даже нѣсколько фразъ приготовила...

Онъ поднялъ голову. Его лицо было такъ печально и испуганно. Она неожиданно упала въ кресло и зарыдала. Всѣ слезы, обиды и отчаяніе, которыя она затаивала эти послѣдніе два мѣсяца, вырвались разомъ изъ груди въ какомъ-то судорожномъ воплѣ. Она сама за секунду не знала, что заплачетъ, ждала всего, кромѣ этой слабости... Плача, она презирала себя, но остановиться не могла.

Въ одну минуту онъ былъ у ея ногъ. Онъ силился открыть ея лицо, ловилъ ея руки, осыпалъ ихъ поцѣлуями.—Саша, милая... Саша, не плачь...—И вдругъ у него вырвалось: «Прости...»

Она оттолкнула его руки и встала, выпрямившись. Это словечко словно пронзило ее.

— А!.. Такъ вы меня, дѣйствительно, обманывали? И давно...

Вы... цѣловались съ Вавочкой? Молчите!—взвизгнула она вдругъ, замѣтивъ его движеніе.—Я все знаю... Я долго терпѣла. Это низко... низко... играть сердцемъ дѣвочки... (она задыхалась отъ рыданій и усилій подавить ихъ)... Неужели... неужели вы ее любите?—вдругъ спросила она, разомъ перестала плакать и замерла въ ожиданіи отвѣта.

Онъ остался на колѣняхъ передъ кресломъ, въ которомъ она сидѣла, забывъ встать. Теперь, вмѣсто отвѣта, онъ со стономъ оперся локтями на кресло и спряталъ лицо въ рукахъ.

Наступило молчаніе. Въ столовой Анисья гремѣла посудой. Въ переулкѣ прогрохотала пролетка. Часы гдѣ-то близко и нѣжно тикали. За стѣной, у сосѣдей заплакалъ ребенокъ.

Шатаясь, Александра Львовна подошла къ кушеткѣ и сѣла, опустивъ руки... Любитъ... Онъ ее любитъ...

Безсознательно она блуждала взглядомъ по этой комнатѣ, по этимъ предметамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея десятилѣтняго счастья. Все на мѣстахъ, ничего не рухнуло.

Онъ ее любитъ? Такъ это не флиртъ, не шалость, не мужской капризъ отъ скуки? Это страсть. Неотвратимая... То, чего она ждала десять лѣтъ, и что подкралось такъ незамѣтно...

Въ столовой зазвенѣла упавшая ложка. Яснева вздрогнула, мелькомъ взглянула на убитую фигуру Тихменева и отвернулась.

Онъ несчастливъ, онъ страдаетъ... Ясно, какъ день, что Вавочка его не любитъ. Она не умѣетъ любить.

Она шумно вздохнула. Ей стало легче.

Онъ не шевелился, не мѣнялъ позы. Она глядѣла сощурившись, жадно, пристально на его широкія плечи, на кудрявый затылокъ... И ненависть стихала. Предательская жалость кралась къ ней въ душу вмѣстѣ съ этими сумерками, беззвучно наполнявшими комнату... жалость къ себѣ ли? Къ прошлому? Къ этому ли кудрявому, милому безконечно человѣку?

Вдругъ онъ поднялся, и настроеніе ея измѣнилось разомъ, когда она увидала его сильную, красивую фигуру. Ей ярко представилось его лицо, когда онъ цѣловалъ Вавочку... Ревность, какъ жало, впилась въ сердце. Она встала также.

— Уѣзжайте,—глухо, но твердо заговорила она.—Слышите? Я этого требую. И скорѣе... Я не хочу больше выносить такого униженія... такого (губы ея задрожали)... такого ужаса... Прощаться не надо...

— Саша,—слабо сказалъ онъ.

Она взглянула. Онъ стоялъ черезъ комнату отъ нея, сгорбившись, какъ преступникъ у позорнаго столба. На мгновеніе жалость опять захватила у нея духъ.

— Я, быть можетъ, слишкомъ грубо разрываю такую (она поискала слово, но напрасно)... такую связь... Но я истрадалась... Черезъ полгода, когда вы и я... успокоимся... напишите... вернитесь...

Она еще не могла допустить полнаго разрыва. Какъ жить потомъ, безъ этого чувства?.. Надежда слабо билась въ ея душѣ.

Онъ протянулъ руки.—Саша...

Въ его голосѣ послышалось рыданіе.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!—истерически закричала она, отступая.—Не подходите! Ни объясненій... ни обѣщаній... Вы сами сознались, что... (Она не докончила, сдавило горло.)

— Помочь здѣсь нельзя,—передохнувъ и ломая пальцы, продолжала она.—Предоставьте все времени. (Она опять взглянула на него уже съ отчаяніемъ)... Я... я не разрываю съ тобой совсѣмъ,—тихо, медленно досказала она... И вдругъ, не одолѣвъ этой жалости, кинулась ему на грудь.

Они рыдали, обнявшись судорожно, прижимаясь мокрыми отъ слезъ лицами, лепеча безсвязныя рѣчи.

— Прости... прости, Саша...

— Нѣтъ, я не кляну... Я знаю... ты не виноватъ... Это несчастье... Но уѣзжай... Дольше такъ я не въ силахъ... я съ ума сойду... Пиши... Черезъ полгода... или раньше... когда все пройдетъ... вернись. Ты вернешься?

Она взяла его лицо въ свои руки и заглянула ему съ отчаяніемъ въ глаза.

— Вернусь.

— Ты постараешься ее забыть? Ты видишь... она тебя не любитъ. Не умѣютъ *онѣ* любить! Она сдѣлаетъ тебя несчастнымъ. (Противъ воли нотка торжествующаго удовлетворенія прорывалась въ ея тонѣ.) И, наконецъ, я этого не могу... Я не вынесу... Ты постараешься ее забыть?.. И уходи скорѣй, пока она не вернулась. Я не могу васъ видѣть вмѣстѣ... Я не хочу, чтобы вы прощались...

Она страстно поцѣловала его глаза. Вдругъ ее пронизала жгучая мысль. Она содрогнулась всѣмъ тѣломъ.

— Ты не женишься на другой?.. Андрюша... Какой ужасъ!.. Ты не... не сойдешься съ другой?

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. До того ли мнѣ, Боже мой?

— О, я съ ума сойду отъ этихъ мыслей! Ну, такъ помни же... помни... за всю мою любовь... за эти муки одно это наградитъ меня. Если ты измѣнишь... Боже, какъ я буду жить теперь?!

— Саша, милая... никогда...

— Теперь ступай, скорѣе!.. Прощай... прощай, Андрюша!.. Прощай!

Она вырвалась изъ его рукъ и упала, рыдая, ничкомъ въ то кресло, гдѣ сейчасъ плакалъ онъ.

Тихменевъ выбѣжалъ изъ дому, еле накинувъ пальто.

Когда шаги его зазвучали въ переулкѣ, незнакомые, неровные, какъ походка пьянаго, она все же узнала ихъ, опомнилась и въ одно мгновеніе прильнула лицомъ къ стеклу... Силуэтъ его уже исчезалъ за угломъ.

Кончено... Все...

XIII.

Александра Львовна очнулась уже впотьмахъ, поздно. Она лежала на кушеткѣ. Изъ-подъ двери ползла полоска свѣта. Въ столовой шептались и осторожно звенѣли ложками. «Чай пьютъ, вернулись», сообразила она.

Къ ней стучались, звали заваривать чай. Потомъ Анисья тихонько вошла, взяла ключи и, увидавъ барыню распростертой на кушеткѣ, подумала, что она спитъ.

— Цыцъ!.. Не лотошите вы!—шепнула она на барышень.— Барыня уснумши...

Ничего этого Александра Львовна не помнила. Она попробовала встать, но опять опустила голову на вышитую подушку. Голова словно раскалывалась пополамъ при каждомъ движеніи, тѣло все одеревенѣло. «Какая страшная будетъ ночь!» подумала она невольно, предвидя и невралгію, и безсонницу, и мученія тоски о прошломъ. «А какая печальная жизнь пойдетъ теперь!» словно подсказалъ кто-то. «Сплошная тѣнь»... Весь ужасъ разрыва и разлуки всталъ передъ нею. Она невольно застонала.

Дверь скрипнула. Въ глаза больно блеснулъ свѣтъ лампы.

— Барыня,—осторожно окликнула Анисья.—Барыня, проснулись?.. Чайку не подать ли?

— Спасибо, Анисьюшка, не надо...

Кухарка вышла, поставивъ лампу на письменный столъ. Александра Львовна отвернулась къ стѣнѣ и закрыла глаза. Постепенно она опять открывала ихъ, и взоръ ея блуждалъ по комнатѣ, по потолку, по бѣлому какъ снѣгъ одѣялу постели и взбитымъ аккуратно подушкамъ съ накидками, которыя она вышивала сама. «Въ его спальнѣ такія же»...

Рука ея, закинутая за голову, нащупала полуиздерганный атласъ вышитой подушки. Блѣдно-зеленая, теперь пожелтѣвшая обивка, порыжѣвшіе шнуры, выцвѣтшія краски...

Ей было двадцать лѣтъ, когда она въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы вышивала эту подушку въ пяльцахъ, въ подарокъ мужу... Какъ это давно было, Боже мой!

Пять лѣтъ спустя на этой самой подушкѣ лежалъ ея умирающій мужъ. И у этой кушетки она припала, въ безумномъ отчаяніи обхвативъ руками холодѣвшую уже дорогую голову.

Эти предметы хранились долго, какъ реликвіи. Сколько слезъ пролила она, цѣлуя эту атласную подушку!.. Она вѣрила, что сердце ея разбито, что никогда ни для кого оно не забьется... А прошло пять лѣтъ, и оно забилось для другого!.. И этотъ другой такъ вытѣснилъ память мужа, что даже въ годовщину его смерти она забывала отслужить панихиду... Прошлое стерлось безслѣдно.

Съ не меньшей страстью, съ не меньшей радостью она начала новую жизнь. Кляла ли она себя за это забвеніе прошлаго? Раскаялась ли хоть разъ въ измѣнѣ дорогой памяти? Нѣтъ. Она смотрѣла на жизнь трезво, смирялась передъ ея требованіями. Счастье свое взяла съ восторгомъ...

За что же она упрекала сейчасъ Тихменева? Пусть ей больно, невыносимо больно!.. Но въ чемъ же его вина передъ нею? Гдѣ обманъ? Гдѣ низость? Если страсть—стихія,—а она это знала по себѣ,—за что проклятія, за что вражда? Вѣдь въ двадцать лѣтъ она клялась мужу въ вѣрности, твердила, что въ жизни любятъ разъ... А въ тридцать полюбила вновь... Онъ тоже клялся... И также разлюбилъ...

По лицу ея текли тихія слезы. Она съ болью вспоминала жестокіе упреки, сказанные на прощаніе. А онъ стоялъ такой жалкій, страдающій... Онъ, давшій ей свою молодость и такое рѣдкое чувство. Нѣтъ, такъ не разрываютъ люди, чья жизнь слилась въ такое прекрасное, гармоническое цѣлое. Нельзя вычеркнуть изъ памяти *такія* десять лѣтъ.

Ему надо не меньше недѣли, чтобъ уѣхать, устроивъ всѣ дѣла. Надо написать, позвать или зайти. Надо выказать дружбу, которую когда-то она обѣщала ему, предвидя эту минуту.

Она не хотѣла сознаться себѣ, что надежда живетъ и крѣпнетъ въ ея душѣ. Сверкали мысли... Онъ забудетъ Вавочку... Это капризъ. Привычка потянетъ назадъ. Онъ вернется разбитымъ, но покорнымъ, уставшимъ для новой жизни... И они состарятся вмѣстѣ.

Она цѣплялась за эту надежду. Безъ нея оставались мракъ, ужасъ, безуміе...

XIV.

На дворѣ шелъ дождь. Было туманно, холодно, скучно. Вавочка послѣ завтрака валялась въ столовой на старомъ клеенчатомъ диванѣ.

Раздался порывистый звонокъ. Маня вбѣжала, не раздѣваясь, въ пальто. Глаза ея прыгали отъ возбужденія.

— Представь!.. Застрѣлился!—крикнула она съ порога, не здороваясь.

Сонька и Вавочка вскочили.—Кто застрѣлился?

— Офицеръ Зоинъ... Фу!—Маня плашмя упала на стулъ.— Устала смерть!.. Бѣжала къ тебѣ со Срѣтенки...

— Неужели тотъ блондинъ?.. На именинахъ?

Глаза у Вавочки стали совсѣмъ большіе.

— Ну, да! Узналъ о помолвкѣ Зои и застрѣлился.

— Какой ужасъ!—Безсознательно обѣ дѣвушки улыбались.

— Представь!.. Утромъ сижу у Зои... Къ портнихѣ мы собрались. Зоя проглядываетъ газету, и вдругъ объявленіе. Въ такихъ-то номерахъ, такой-то офицеръ... Она какъ крикнетъ! Наканунѣ, оказывается, она была у него...

— У него?!

— Да, и ничего не замѣтила... Хоть бы что! Онъ застрѣлился часъ или два по ея уходѣ...

— А записку ей оставилъ?

Вавочка читала во французскихъ романахъ, что самоубійцы оставляютъ любимымъ дѣвушкамъ записки.

— Ни строчки!.. Ну, понятно, порядочный человѣкъ... Не хотѣлъ компрометировать. Зоя сейчасъ же поѣхала со мной туда...

— Такъ ты тамъ была?

Сонька быстро придвинулась къ гостьѣ.

— Какъ же! Обѣ были, да ничего не видали...

— Какъ жаль!

— Ужасно жаль!.. Номеръ запечатанъ. Въ коридорѣ просто гулянье. На улицѣ толпа... Зойка... Ахъ, это такая штука! Она и здѣсь не захотѣла себя выдавать, все меня подсылала узнавать подробности. Сама въ сторонѣ и глазомъ не моргнетъ. Только бѣлая вся, какъ платокъ, понимаешь? Я тутъ же съ какимъ-то чиновникомъ познакомилась... Его номеръ напротивъ. Вошла и говорю: «Извините, встрѣчалась съ покойнымъ... Не знаете ли причины? Писемъ не оставилъ ли?» А Зойка молчитъ, какъ убитая, точно не ея касается дѣло!.. «Оставилъ, говоритъ, письмо матери въ Смоленскъ и записку для полиціи. Никого проситъ не винить!..» Зоя, вижу, передохнула и шепчетъ: «Пойдемъ»... «А насъ не пустятъ взглянуть?» спрашиваю... Оказывается, ужъ увезли въ анатомическій. Что, говорятъ, съ нимъ было,—ужасъ! Этотъ чиновникъ видѣлъ. Онъ застрѣлился изъ ружья.

— Не-у-жели?!

— Смерть моментальная... Черепъ пополамъ... Одна половина осталась, остальная вдребезги... На полу, на стѣнѣ, на столѣ, всюду мозгъ и кровь... Даже письма были запачканы...

— О-о...

Вавочка сѣла, блѣдная. Сонька придвинулась еще ближе, словно хотѣла вскочить разсказчицѣ въ ротъ.

— Неужели она теперь не побоится спать одна?—вслухъ подумала Вавочка.

— Эхъ, какая досада!—сокрушалась Маня.—Вотъ чего до смерти хочу видѣть—самоубійцу... И все не удается... Ну, прощай, бѣгу къ Зоѣ... Она ждетъ модистку изъ «Ліона».

— А можно мнѣ съ тобой?

— Пойдемъ... Только оборони тебя Боже проговориться! Зоя дома и виду никому не подаетъ. Только она какъ-то вся... окаменѣла точно...

По дорогѣ Вавочка спросила:

— Какъ ты думаешь? Было у нихъ что-нибудь?

— То-есть... что именно?

Вавочка вспыхнула.—Ну, да... ты понимаешь?

— Пустяки какіе-нибудь были... А чтобъ серьезное? Э... Нѣтъ! Зоя не изъ таковскихъ. Да и съ чего бы ему тогда стрѣляться-то? Стало быть, не добился...

— А свадьба какъ же? Разстроится?

— Съ какой стати? Вотъ выдумала!.. Зоя меня просила никому не обмолвиться о томъ, что мы тамъ были. Никто почти и не помнитъ, что они вообще-то знакомы. Онъ такъ рѣдко показывался у нихъ...

Зоя встрѣчаетъ гостей холодной улыбкой. Маня дѣлаетъ видъ, что столкнулась съ Вавочкой у крыльца.

Вавочка въ изумленіи отъ удивительнаго самообладанія Зои. Глаза у нея красны и лихорадочно блестятъ. Кругомъ синее широкое кольцо тѣни. Быть можетъ, она и плакала сейчасъ, оставаясь одна, безъ Мани; быть можетъ, страдаетъ и раскаивается. Но этого она никому не скажетъ.

Лицо ея покрыто пудрой. Она, дѣйствительно, какая-то деревянная стала, и голосъ такой странный, однозвучный... И улыбается некстати, и отвѣчаетъ невпопадъ. Немножко разсѣянна... Но посторонній ни за что не догадается о драмѣ, которую она переживаетъ.

Она выходитъ къ модисткѣ, спокойно обсуждаетъ отдѣлку платья и забираетъ образцы. Скоро будетъ женихъ. Она съ нимъ посовѣтуется, у него такой тонкій вкусъ.

Дѣйствительно, Мальцевъ входитъ, распространяя запахъ духовъ. Вавочкѣ этотъ запахъ напоминаетъ такія противныя мгновенія... Она встаетъ, чтобъ проститься. Ей физически тошно при взглядѣ на ротъ Мальцева, на его зубы, на всю его фигуру. Мальцевъ почтительно склоняется передъ нею и фамильярно жметъ руку Манѣ.

— Ну, какъ вы себя чувствуете сегодня?—спрашиваетъ онъ

Зою, цѣлуя ея холодные пальцы и глядя ей въ глаза съ другимъ вопросомъ.

— Отлично,—улыбается она и также прямо смотритъ ему въ лицо. И въ этихъ взорахъ они читаютъ обоюдное соглашеніе не говорить объ *этомъ* ни слова.

Только когда дѣвушки выходятъ изъ будуара Зои, она на нѣсколько мгновеній сбрасываетъ маску. Догнавъ Маню, она задерживаетъ ее въ передней.—Ты придешь ночевать?

— Да, приду. Я сейчасъ домой сбѣгаю. (Маня не хочетъ сознаться, что идетъ «благовѣстить» по Москвѣ, всѣмъ по секрету, конечно, объ этой драмѣ.) Я вернусь къ обѣду...

— Да предупреди дома, что ты ночуешь у меня... И завтра тоже...—Изъ расширенныхъ зрачковъ Зои глядитъ ужасъ.

Когда подруги скрываются, она на минуту остается одна. Передъ нею встаетъ блѣдное лицо Дмитрія съ его загадочной улыбкой, когда онъ спокойно говорилъ ей: прощай!

Еще вчера онъ цѣловалъ ее... Какія это были безумныя минуты! Какія жгучія ощущенія! Она готова была отдаться ему. Она молила его объ этомъ... Зачѣмъ, зачѣмъ онъ отвергъ это счастье? Зачѣмъ лишилъ ее цѣлаго міра наслажденій и такого яркаго воспоминанія? Вѣдь никто не умѣлъ будить въ ней такого волненія... Зачѣмъ онъ умеръ, не унеся съ собой ея первой любви? Въ этомъ есть что-то обидное, чего простить она ему не можетъ... Все его поведеніе, вообще, выше ея пониманія.

Вчера она разсердилась. Но она не хотѣла вѣрить, что онъ устоитъ. Не нынче-завтра... Ея самолюбіе было задѣто, и черезъ два дня она рѣшила вернуться. И вотъ... онъ добровольно ушелъ отъ ея любви... Куда?

И неужели никогда эти руки не обовьютъ ея талію? Ей кажется, что это кошмаръ... Надо шевельнуться, крикнуть, все исчезнетъ... Только мгновеніями весь ужасъ настоящаго пронзаетъ ея мозгъ. Не раскаяніе она чувствуетъ, нѣтъ... а леденящій страхъ при мысли, что наступитъ ночь, воцарится тишина, и она увидитъ предъ собою его лицо, его загадочную улыбку... услышитъ опять явственно это «прощай!», рокового значенія котораго она не поняла.

Она не вѣритъ ни въ будущую жизнь, ни въ обряды церкви, ни во что, чему училъ ее священникъ съ дѣтства. Но она суевѣрна до мозга костей. Она боится смерти, мертвецовъ, привидѣній. О, Боже!.. Какія страшныя ночи ждутъ ее теперь! . . .
. . . .

Вавочка хотя и не видала этого офицера мертвымъ и никогда не говорила съ нимъ живымъ,—все-таки ночью прибѣжала къ матери и, стуча зубами, легла подъ ея одѣяло.

— И эта Зоя твоя можетъ жить?—удивилась Александра Львовна.—Она можетъ спать? «А если бы Тихменевъ застрѣлился?» словно подсказалъ ей кто-то. Она содрогнулась. «Нѣтъ, нѣтъ!.. Пусть измѣнитъ, пусть лучше женится и будетъ счастливъ! Нѣтъ ничего непоправимѣе и ужаснѣе смерти...»

XV.

У Вавочки созрѣлъ планъ. Не дождавшись Тихменева на другой день къ обѣду, она поняла, что произошло нѣчто необыкновенное. Или мать узнала о поцѣлуяхъ и поссорилась? Или... Неужели они совсѣмъ разошлись? По крайней мѣрѣ, Сонька клянется и божится, что онъ больше не придетъ.

Инстинктъ самосохраненія съ могучей силой проснулся въ Вавочкѣ и стряхнулъ съ нея всю апатію. Нельзя выпустить Тихменева, нельзя!.. Ей надо выйти замужъ, во что бы то ни стало!

Ахъ, если бы теперь явился сказочный принцъ! Но его нѣтъ, а жизнь не ждетъ...

А если онъ уѣдетъ, мелькала догадка, то женится на другой. Зоя вѣрно сказала, что онъ любитъ женщинъ... Клубокъ горестныхъ размышленій разматывался въ ея головкѣ. Еще два года, и она у всѣхъ примелькается на глазахъ. На смѣну придутъ другія, моложе. Жениховъ нѣтъ. Всѣ ищутъ денегъ... Или вотъ какъ Мальцевъ... Дрожь пробѣжала по ея тѣлу при воспоминаніи... А Тихменевъ ее любитъ, любитъ... Наконецъ, она сама... она хочетъ быть его женой. Онъ такой пріятный, съ мягкими, нѣжными руками, такой красивый... О, да! Онъ ей не будетъ противенъ, какъ тотъ... Вавочка задумывается и вся затихаетъ подъ наплывомъ незнакомаго, сладкаго и жуткаго чувства... Встаетъ, какъ яркая греза, воспоминаніе о поцѣлуѣ въ лѣсу. Неужели любовь?..

Александра Львовна въ гимназіи утромъ получила письмо. Взглянувъ на адресъ, она измѣнилась въ лицѣ.

«Саша,—писалъ Тихменевъ,—я ѣду, но я не могу разстаться подъ такимъ впечатлѣніемъ. Прости меня! Я долго боролся съ своимъ чувствомъ, но оно оказалось сильнѣе меня. Хуже всего то, что оно подкралось незамѣтно, и когда я понялъ, было уже поздно. Но не думай, чтобъ разрывъ съ тобой дался мнѣ легче, чѣмъ тебѣ. Саша, повѣришь ли ты, что я люблю тебя всѣми силами души? Если-бъ годъ назадъ мнѣ сказали, что можно любить въ одно время двухъ женщинъ, я засмѣялся бы... Я уѣду, это единственный выходъ. Но какой мрачной, какой пустой кажется жизнь безъ тебя! Это чувство такъ вросло въ мою душу, что вырвать его равнялось бы самоубійству. И ты чувствуешь одинаково. Если бы Вавочка завтра исчезла изъ нашей жизни, я послѣ-

завтра вернулся бы къ тебѣ... Пиши мнѣ о себѣ много, все... Не щади меня. Какъ только я уѣду, сейчасъ же садись писать! Обѣщаешь? И каждый день. Не скрывай ничего... Я хочу все знать и мучиться съ тобою. Каждую мысль, Саша, какъ бы она ни была горька... Намъ обоимъ такъ будетъ легче. Я буду жить этими письмами. Это будетъ моя единственная радость. Храни для меня твою дружбу, выше которой я ничего не цѣнилъ въ этомъ мірѣ. Не проклинай! Вѣдь это несчастіе, это навожденіе... Я вѣрю въ твое золотое сердце, Саша, милая... Я не переживу, если ты отвернешься отъ меня. Намъ надо поговорить и разстаться мирно. Приходи въ четвергъ. Эти два дня я заваленъ дѣлами и назначить часа не могу».

Александра Львовна поцѣловала это письмо. Да, она не могла оторвать его отъ своей души. Но среди непроглядной тьмы, охватившей эту истерзанную, мятежную душу, какъ яркія точки мелькали мысли: «Вавочка его не любитъ. А самъ онъ уже никому не отдастъ своей души...» И что-то торжествующее было въ этомъ гордомъ и горькомъ сознаніи.

Тихменевъ вечеромъ, два дня спустя послѣ разрыва съ Ясневой, разбиралъ въ письменномъ столѣ свои бумаги, когда послышался звонокъ. Онъ не обернулся, думая, что это его товарищъ по клиникѣ, которому онъ хотѣлъ передать своихъ паціентовъ.

Женскіе шаги заставили его содрогнуться. Передъ нимъ была Вавочка... Сердце его перестало биться на мгновеніе и вдругъ застучало такъ бурно, что онъ боялся потерять сознаніе. «Вотъ оно», сказалось въ его мозгу. «Настало...»

— Почему вы не приходили ни вчера, ни сегодня?—тревожно защебетала Вавочка.—И что за безпорядокъ у васъ!.. Неужели правда, что вы уѣзжаете?

— Правда,—беззвучно сказалъ онъ и жестомъ предложилъ гостьѣ сѣсть на турецкій диванъ.

Она не снимала ни шапочки, ни перчатокъ.

— Какъ это странно!.. Почему же вы ѣдете такъ... вдругъ?

— Я собирался давно. Мать хвораетъ.

Онъ сѣлъ поодаль, избѣгая смотрѣть на гостью.

Она поморгала, очевидно, сбитая съ толку.

— И неужели вамъ не жалко меня... маму?.. Но, вѣдь, вы же вернетесь?

Тихменевъ закрылъ лицо руками.

Она подошла и попробовала разнять его руки.

Онъ задрожалъ, и она это видѣла.

— Вавочка, не мучьте меня!.. Уйдите!—глухо сорвалось у него.

— Я васъ мучу?—Брови Вавочки высоко поднялись.—Чѣмъ

я васъ мучу? Послушайте...—Она положила ему руки на плечи и нагнулась надъ нимъ такъ близко, что ноги ихъ касались.

Онъ опустилъ руки, сильно обхватилъ ими свои колѣни и началъ смотрѣть на нее снизу вверхъ. Онъ глядѣлъ въ ея лицо, больше всего въ глаза... И постепенно изъ отчаяннаго лицо его дѣлалось сосредоточеннымъ и хищнымъ. Это выраженіе было хорошо знакомо Вавочкѣ. Но *теперь* она его не боялась.

— Послушайте,—говорила она полукапризно, полуласково.— Вы еще недавно говорили, что любите меня. Хороша любовь! Уѣхать, бросить меня одну, совсѣмъ... Вѣдь вы знаете, что у меня нѣтъ друзей, кромѣ васъ... Я не хочу, чтобъ вы уѣзжали!

Его взглядъ, упорный и жадный, спустился къ ея губамъ. Глаза потемнѣли и приняли почти жестокое выраженіе.

— Или вамъ меня совсѣмъ не жа-аль?—протянула Вавочка, опуская рѣсницы подъ этимъ горячимъ взглядомъ. Во всѣхъ ея нервахъ опять какъ тамъ, въ лѣсу, дрогнуло жуткое, сладкое ощущеніе. Онъ все судорожнѣе сцѣплялъ пальцы рукъ, словно боялся разжать ихъ и выпустить что-то на волю.

— Вы злой... вы гадкій... Ахъ, если-бъ вы знали, какъ мнѣ будетъ скучно безъ васъ!

Она прижалась щекой къ его лицу. Задыхаясь, Тихменевъ схватилъ Вавочку въ свои объятія и осыпалъ поцѣлуями ея лицо и драповую жакетку. Вдругъ онъ словно рѣшился на что-то, посадилъ дѣвушку къ себѣ на колѣни и обнялъ такъ крѣпко, точно боялся, что она выскользнетъ совсѣмъ. Она щебетала что-то... Онъ не слушалъ, пьянѣя отъ ея близости, и молча прижимался лицомъ къ ея груди. «Въ послѣдній разъ... никогда больше...» мысленно твердилъ онъ себѣ.

Наконецъ и она смолкла и прижмурила вѣки. Подъ этими жадными, молчаливыми ласками ей было такъ хорошо... Такъ дивно хорошо... Не хотѣлось говорить, не хотѣлось двигаться... Когда онъ, тяжело дыша, началъ разстегивать пуговицы ея драповой жакетки, она вопросительно взглянула и тотчасъ покорно стала стягивать перчатки и снимать шапочку.

— Да, я раздѣнусь... А то у васъ жарко,—сказала она.—А что у васъ тамъ, въ той комнатѣ?

— Спальня,—глухо отвѣтилъ онъ, вставая, какъ и она.

Вавочка спокойно подошла къ письменному столу, переглядѣла на немъ всѣ вещи, равнодушно потрогала портретъ Александры Львовны въ богатой рамѣ чернаго дерева, скользнула взглядомъ по картинамъ и бронзѣ и легкой походкой перешла въ спальню.

Онъ слѣдилъ за нею воспаленнымъ взглядомъ, пока она не

скрылась за портьерой. Потомъ кинулся ничкомъ на тахту и спряталъ голову въ подушкахъ.

Она вошла опять и сѣла рядомъ.

— Какъ у васъ хорошо! Прелесть!.. И какая я дура, что не ходила сюда раньше!.. Знаете что? Не уѣзжайте. Я буду приходить къ вамъ каждый день...

Онъ поднялъ голову. Лицо его было такое больное, такое жалкое, что ей захотѣлось его поцѣловать.

— Вавочка, я уѣзжаю, потому что... я слишкомъ люблю тебя!

Брови ея поднялись опять.—Вотъ это мило! Развѣ меня любить грѣхъ? Ну, и любите! Я очень рада... Я вѣдь... тоже люблю васъ...—Ея голосъ дрогнулъ искреннимъ чувствомъ.

Онъ кинулся къ ней.—Ты?!!

Лицо Александры Львовны всплыло передъ нимъ. Онъ опять безсильно опустился на тахту.

Вавочка глядѣла на него, сосредоточенно морща лобъ и обдумывая планъ аттаки. Она хорошо понимала, что его удерживало, и къ отпору его приготовилась заранѣе.

— Послушайте... Знаете что? — заговорила она нѣжно и серьезно.—Пожалуй, вамъ лучше ѣхать... Только поѣдемте вмѣстѣ... Женитесь на мнѣ...

Если-бъ среди безоблачнаго лѣтняго неба Тихменевъ увидалъ надвигающійся смерчъ, онъ не былъ бы пораженъ сильнѣе, чѣмъ этой простой фразой, сказанной яснымъ голоскомъ и съ такимъ яснымъ личикомъ.

— Это... это невоз...—залепеталъ было онъ.

— Почему невозможно?—спокойно спросила она, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ правѣ.—Какой вздоръ! Вы... Я знаю, почему вы не хотите... Это предразсудки!.. Она жила, была счастлива... Ну, и довольно! Теперь моя очередь...

— Вавочка...

— Я не хочу ждать! Я жить хочу... Мнѣ уже двадцать лѣтъ. И... знаете что?—Голосъ ея задрожалъ.—Я хочу быть вашей женой... Да, женой... Чтобъ вы... Только вы одинъ меня цѣловали... Чтобы намъ никогда не разставаться!

Въ ея лицѣ, въ ея голосѣ, въ ея потемнѣвшихъ глазахъ было что-то новое... властное... жуткое...

Тихменевъ вздрогнулъ и невольно закрылъ глаза, какъ будто молнія ослѣпила его. «Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть», стонало внутри его.—Это невозможно,—вслухъ повторилъ онъ, блѣднѣя.

Вавочка поднялась, дрожа отъ обиды, отъ негодованія. Неужели онъ ускользнетъ? Неужели посмѣютъ отнять у нея ея законное право на счастье? Лицо ея пылало. Въ ней проснулась женщина, спавшая до этой минуты.

— А! Вы боитесь?.. Сознайтесь, что вы боитесь? Ну, хорошо же! Если вы такой трусъ... Я беру на себя сказать ей...

— Что сказать? Вавочка... Ради Бога! Я не могу разбить ея сердца...

— А если я хочу быть вашей женой?—изступленно крикнула она.—Если *я* этого хочу? Или я... уже... ничего... не стою?.. Да чѣмъ же я-то виновата, что вы жили вмѣстѣ?

Она вдругъ почувствовала, что все пропало, и зарыдала неожиданно для себя.

Тихменевъ обомлѣлъ. А она, упавъ лицомъ въ подушки, говорила между рыданіями, захлебываясь, искренно страдая, захваченная впервые порывомъ стихійной страсти.

— Господи! Какъ я не...счастна... Всѣ выходятъ за... замужъ... любятъ... Мнѣ одной почему-то... нельзя... Но, вѣдь, я же сама люблю васъ... люблю... люблю... безумно... по-настоящему... Я не хочу... не хочу... чтобъ вы... уѣзжали...

Дальше Тихменевъ не слушалъ. Онъ упалъ на колѣни передъ Вавочкой. Все было забыто въ эту минуту безумнаго восторга... Онъ лепеталъ что-то безсвязное, плакалъ отъ счастья, пряча лицо въ складкахъ ея платья.

Греза сбылась. Галатея ожила...

XVI.

Александра Львовна не дождалась четверга. Въ среду вечеромъ, кончивъ свой частный урокъ, она взяла извозчика и подъѣхала къ квартирѣ Тихменева. Два дня она не видала его. Ее грызла тоска. Если его нѣтъ дома, она дождется. Наконецъ, хоть побудетъ въ этой обстановкѣ, гдѣ была такъ счастлива.

Въ его кабинетѣ, сквозь темныя сторы, она разглядѣла свѣтъ. Дома!.. Слава Богу!..

Она пошла чернымъ ходомъ и постучалась въ кухню. Если онъ не одинъ, она уйдетъ. Какъ часто прежде она дѣлала ему сюрпризы, входя потихоньку!

Старый лакей впустилъ ее немедленно, съ радушной улыбкой.—Это вы, сударыня? То-то!.. Я, было, сумлѣвался...

— Баринъ дома?

— То-то, что дома... Да велѣно никого не пущать... Ну, да вы—особь статья... Пожалуйте!

Александра Львовна, которая было нагнулась снять ботики, выпрямилась опять.—А развѣ у него есть кто?

— Барышня пришли... Сидятъ тамъ уже больше часа...

Александра Львовна прижмурила вѣки. Руки ея, машинально разстегивавшія кофточку, замерли на пуговицахъ. «Барышня...

Больше часа... Кто? Больная?..» неслось вихремъ въ ея головѣ. «Нѣтъ. Пріемъ въ другіе дни и часы... Значитъ, онъ обманулъ?.. Обманывалъ раньше... быть можетъ, съ этой женщиной жилъ...» Она вспомнила слова письма: «Раньше четверга не приходи...» Сбросивъ платокъ, она двинулась къ кабинету.

Слуга спокойно продолжалъ раздувать самоваръ. Его не удивилъ ни приходъ Вавочки, ни визитъ матери... Всѣ, вѣдь, знали, что его баринъ уѣзжаетъ.

Александра Львовна тронула ручку замка. Дверь была заперта. «А!... Вотъ какъ!» За стукомъ собственнаго сердца она не могла разобрать голосовъ. Она постучалась очень громко.

— Кто тамъ?.. Степанъ, это ты?—окликнулъ Тихменевъ. Изнутри зазвучали его приближавшіеся шаги.

— Это я!—хрипло, но громко отвѣтила Яснева.

Наступила тишина. Она длилась не болѣе четверти минуты. Но показалась Александрѣ Львовнѣ безконечной.

За дверью слышались шопотъ, легкіе, быстрые шаги.

— Отворите,—властно приказала Александра Львовна.

Замокъ щелкнулъ. Тихменевъ, блѣдный, съ трясущимися губами, отступилъ въ сторону, пропуская Ясневу. Она разомъ оглянула пустую комнату, затѣмъ перевела глаза на Тихменева. Боже!.. Какое жалкое, какое виноватое лицо!

У нея подкосились ноги, и она сѣла на тахту. Сомнѣнья нѣтъ... Здѣсь не больная, не знакомая... Здѣсь соперница...

И опять наступила тишина. Въ ней какъ бы притаилось и зрѣло что-то роковое, безповоротное для этихъ двухъ людей. Безмолвные, растерявшіеся, они съ поникшей головой прислушивались, казалось, къ шагамъ незримой судьбы, которая, Неотвратимая, шла къ нимъ, неся свое рѣшеніе.

Александра Львовна, наконецъ, подняла глаза. Онъ стоялъ все тамъ же, убитый, сгорбившись, заслонивъ рукою лицо, какъ человѣкъ, который ждетъ удара...

Она пошевелила губами... звука не вышло. Она машинально взялась за горло рукой и сдѣлала надъ собой усиліе.

— Ты... меня обманываешь... Давно, можетъ быть?.. Тамъ, женщина...—Она указала головой на спальню.

Онъ молчалъ. Она тщетно подождала отвѣта. И, наконецъ, поднялась, разбитая. На губахъ ея змѣилась горькая усмѣшка.

— Я ухожу...—Эти слова вырвались у нея отрывисто, хрипло и громко отъ усилій подавить нервный спазмъ, сжимавшій горло.—Не хочу мѣшать... Я лишняя... Можете наслаждаться!..

Онъ вздрогнулъ. Послѣднее слово хлестнуло его, какъ бичъ. Но лица онъ не открылъ.

Яснева сдѣлала шагъ къ двери. Тогда портьера, отдѣлявшая спальню отъ кабинета, поднялась, и на темномъ фонѣ ея, какъ картина, выглянула розовая, бѣлокурая дѣвушка.

— Ты?!!

Этотъ крикъ былъ такъ страшенъ, что Тихменевъ задрожалъ.

— Да, мама, это я... Останься здѣсь. Я ухожу, а вы поговорите...

Ея лицо свѣтилось счастьемъ и спокойнымъ сознаніемъ своего права. Глаза были влажны. Она казалась усталой.

Александра Львовна опять опустилась на диванъ и не сводила широко открытаго взора съ этой прелестной фигуры.

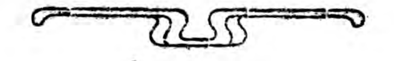
— Я люблю его, мама,—безстрастно звучалъ нѣжный голосокъ. Но, какъ удары молота, падали эти слова на голову Тихменева, и эта голова опускалась все ниже...—Мы объяснились сейчасъ. Я не знала, почему онъ ѣдетъ... Вѣдь и онъ меня тоже любитъ... Вотъ онъ тебѣ все разскажетъ, а я ухожу...

Вавочка опустила вуалетку, взяла перчатки, захватила жакетку съ кресла и, не оборачиваясь, вышла изъ комнаты. Въ передней стукнули каблучки ея туфель, пока она надѣвала ботики, потомъ щелкнулъ засовъ, входная дверь гулко хлопнула... Она ушла.

Александра Львовна сидѣла все тамъ же и неподвижно смотрѣла на дверь спальни, на темномъ фонѣ которой мелькнуло передъ нею это сіяющее видѣніе.

Вотъ... вотъ именно такъ... Она знала давно, что будетъ именно такъ... Изъ спальни выйдетъ ея кошмаръ, свѣжій, какъ весна, съ сверкающей улыбкой... Ея соперница пройдетъ мимо, отстраняя съ пути *ее*, раздавленную и жалкую... И, торжествующая, пойдетъ навстрѣчу любви и счастью...

Дорогу молодости!.. Дорогу!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Тихменеву думалось, что, проживи онъ еще лѣтъ двадцать, онъ не забудетъ того мучительнаго вечера, которымъ закончился этотъ роковой день ихъ послѣдняго свиданія.

Онъ старался припомнить, что говорилось... Кажется, первыми словами его было:—Я не звалъ ее, не ждалъ... Я не хотѣлъ тебя обманывать. Она пришла сама...»

Отъ Саши ни слова упрека. Ахъ, если бы это! Такъ было бы легче. Онъ не чувствовалъ бы такого жгучаго униженія, такого раскаянія...

Весь этотъ вечеръ, вообще, вспоминался потомъ, какъ горячечный бредъ, безсвязный, мучительный, полный томленія и тоски... Кажется, онъ рыдалъ на полу у ея ногъ, обнималъ ея колѣни, моля простить... Какъ будто это можно простить? Какъ будто это поправимо?!

Она не плакала. *Это* онъ помнитъ твердо. Она, кажется, и не говорила ничего. И какое лицо у нея было!.. Она сухими, горящими глазами все глядѣла въ одну точку, по направленію къ спальнѣ. Губы ея запеклись, стянулись словно и... да, да! Онъ это видѣлъ... Она похудѣла, осунулась за эти нѣсколько часовъ, пока сидѣла тамъ, на тахтѣ...

Сколько времени прошло такъ? Входилъ ли въ комнату слуга? Били ли часы и сколько? Онъ не знаетъ...

Онъ отчетливо помнитъ ту минуту, когда, обезсилѣвъ отъ слезъ и волненія, онъ тутъ же сѣлъ на коврѣ, у ея ногъ, положивъ голову ей на колѣни, и цѣловалъ ея старенькое платье, долго-долго, мелкими, безпрерывными поцѣлуями.

И тогда... Ахъ!.. Вотъ она, эта самая ужасная минута! Какъ вспомнишь о ней, не удержать стона... Тогда ея рука, маленькая, холодная, какъ льдинка, вдругъ легла ему на голову...

Онъ замеръ отъ счастья... Неужели?..

Прошла минута, другая. Онъ прижался щекой къ ея колѣ-

нямъ. И опять рыданія, невольныя, неудержимыя, беззвучныя, заколыхали его плечи. Тогда (какъ это было жалко и мучительно хорошо!)... ея бѣдные пальчики зашевелились на его волосахъ, стараясь приласкать, погладить!.. И замерли опять, безсильные...

Онъ поднялъ глаза... Какое лицо было у нея! Ни злобы, ни упрека, ни вражды не было въ этихъ потухшихъ чертахъ. Оно было доброе. Такое безконечно-доброе и безконечно-печальное, словно она хотѣла сказать: «Мнѣ больно, милое дитя мое... Мнѣ очень больно, но я тебя все-таки люблю...»

Куда уйти теперь? Куда уйти, чтобъ забыть этотъ вечеръ? Это лицо?!

II.

Вавочка спѣшила къ Зоѣ. Туманъ и дождь не могли отравить ея радужнаго настроенія. Она—невѣста! Ей хотѣлось кричать объ этомъ на улицѣ, хотѣлось побѣжать, протанцовать мазурку на тротуарѣ... Невѣста, невѣста... Наконецъ! Сердце ея билось, щеки пылали. Она была такъ хороша съ своими блестящими глазами и съ сіяніемъ счастья въ лицѣ, что прохожіе и проѣзжіе глядѣли ей вслѣдъ. И даже какой-то старый попъ, столкнувшійся съ нею на углу Арбата, сдѣлалъ скоромные глаза.

Ей вспомнилось не разъ убитое лицо матери. Но она встряхивала головкой и гнала слабые укоры совѣсти. «Лучше ей развѣ будетъ, если онъ женится на другой?» вспомнились ей слова Мани. «Перемелется, мука будетъ».

Недалеко отъ дома Прокофьевыхъ ей встрѣтилась Маня.

— Ты куда?

— Къ Зоѣ... А ты куда?

— Ну, вотъ отлично! Пойдемъ, я тебя доведу. Фу!.. Какъ я измучилась! Представь... Свадьба-то Зои откладывается...

— Да что ты?

— Было два нервныхъ припадка. Везутъ за границу. И я ѣду съ ней.

— Ты?!

— Да... И Мальцевъ... И какую-то нѣмку-компаньонку беремъ для виду. Когда мы устроимся въ Парижѣ, къ намъ пріѣдетъ и «сова» съ своимъ Гурвицемъ.—Она понизила голосъ и оглянулась.—Представь! Зоя-то?.. Совсѣмъ не спитъ ночами. Вотъ только днемъ забудется на нѣсколько минутъ... И то, чтобъ безсмѣнно кто-нибудь въ комнатѣ былъ. Меня просто измучила! Вѣришь ли? Еле вырвалась воздухомъ подышать... Что это у тебя лицо какое?—вдругъ удивилась Маня, всмотрѣвшись.

— Замужъ выхожу.

— Что-о-о??

Вавочка звонко расхохоталась.

— Врешь ты, глупая!

— Нѣтъ, не вру... Ты меня на-дняхъ учила... Помнишь? Вотъ я и поумнѣла...

— Да неужели за Тихменева?

Вавочка тряхнула кудряшками. Маня такъ и замерла, вытаращивъ глаза и полуоткрывъ ротъ.

— Въ сущности, что-жъ тутъ удивительнаго? — серьезно спросила Вавочка, щурясь и пожимая плечами.—Вѣдь вы всѣ видѣли, что онъ влюбленъ...

— Охъ, постой! Не опомнюсь!—Маня, по привычкѣ, бокомъ шлепнулась на скамью бульвара, не обращая вниманія на то, что она отсырѣла.—Ну!! И ловка же ты, Вавочка! Много умнѣй, чѣмъ я тебя считала... А свадьба когда?

По лицу Вавочки пробѣжала тѣнь.—Ничего еще не знаю...

Маня вскочила и схватила со скамьи свертокъ.

— Вотъ дѣла-то! Смотри, безъ меня не вздумай выходить! Я тебя научу, гдѣ приданое покупать... Эхъ, досада! Унесетъ насъ теперь отсюда нелегкая!.. Противная эта Зойка съ своими нервами! На-дняхъ ѣдемъ... Какъ же быть-то?

— Я на тебя тоже разсчитывала. Мама моя что-то совсѣмъ расклеилась...

«Расклеишься тутъ», злорадно про себя фыркнула Маня и шумно передохнула.—Ну, пойдемъ къ Зоѣ!.. Посиди съ нею, она напоитъ шоколадомъ, и тамъ у нея какія-то удивительныя яблоки. Дыней пахнутъ... Розмаринъ какой-то. Мальцевъ ей привезъ! Тридцать копеекъ штука... Авось угоститъ... Горе у нея горемъ, а скупость—скупостью... Спрятала отъ меня яблоки. Не свинство ли? Я съ ней ночи не сплю, днемъ дежурю. А она пустяками отдариваетъ, обносками...

— Вотъ за границу съѣздишь, можетъ юбку шелковую тебѣ подаритъ.

Маня свистнула, какъ кадетъ. Встрѣчная барыня-старушка выпучила на нее глаза.

— Держи карманъ! Юбку... Меньше какъ на шелковомъ платьѣ не помирюсь... У тебя есть съ собой деньги?

Вавочка пошарила въ карманѣ жакетки.—Пятиалтынный есть...

— Извозчикъ!—крикнула Маня и первая прыгнула въ пролетку.—Заплати!.. Ты теперь, вѣдь, богатая будешь. *Онъ* и теперь лучше всѣхъ молодыхъ по нервнымъ болѣзнямъ... Захочетъ, тысячъ двадцать, коли не больше, въ годъ заработаетъ. А ты заставь работать, не распускай...

Въ душѣ у Вавочки звучала музыка.

По дорогѣ Маня поучала ее дѣловито и съ амплонбомъ, гдѣ брать полотно, у кого заказывать бѣлье, какой портнихѣ отдать шить подвѣнечное и какимъ фасономъ, чтобы потомъ выѣзжать въ немъ... сколько капотовъ надо и т. д. Слушая ее, можно было подумать, что сама она раза два, по крайней мѣрѣ, была замужемъ. Вавочка внимала проникновенно, съ глубокимъ интересомъ. У подъѣзда Маня пожала локоть подруги.

— Такъ посидишь съ ней, милочка? А я домой скатаю на минутку. Мать, небось, ужъ меня изъ списка живыхъ исключила. Десять дней не видались...

«Не домой, а по Москвѣ пойдешь благовѣстить», про себя усмѣхнулась Вавочка. Она угадала. Маня теперь была, какъ на горячихъ угольяхъ. Она чувствовала, что если черезъ полчаса не выкинетъ кому-нибудь душившей ее новости, то она «треснетъ»... Это было ея любимое словечко.

На лѣстницѣ она вдругъ вспомнила.—А шаферомъ кто-жъ будетъ? Ты навѣрное хотѣла бы Мальцева?—Въ глазахъ ея сверкнулъ злой огонекъ.

— Съ какой стати?—вспыхнула Вавочка.

— Смотри, Зоя, кого я къ тебѣ привела!—съ порога крикнула Маня и, не раздѣваясь, «плюхнулась» (по выраженію Зои) на софу такъ, что пружины подъ ней охнули.—Новости!.. Новости какія!.. Она замужъ выходитъ...

Маня шумно передохнула и разстегнула у горла воротъ.

Зоя обняла Вавочку и расцѣловала. Она ей искренно обрадовалась. Ни разу еще не встрѣчала она никого такъ радушно.

Бѣдная Зоя! Ее нельзя было узнать. Глаза ея, ввалившіеся и большіе теперь, горѣли сухимъ блескомъ. При ея натянутыхъ нервахъ малѣйшее выраженіе участія было ей такъ дорого... А этого участія, ахъ какъ мало видѣла его Зоя! Мать никогда ее не понимала, отцу было некогда. Онъ только сумѣлъ откликнуться на предложеніе Мальцева увезти Зою въ Парижъ и объявилъ, что деньгами не стѣснитъ. Во всемъ огромномъ домѣ, полномъ людей съ утра до ночи, Зоя не нашла ни души, которая пожалѣла бы ее... И если она и раньше презирала людей, то теперь, чувствуя это одиночество, видя кругомъ лишь покупныя заботы и слыша одни фальшивыя утѣшенія, она начинала проникаться прямо-таки ненавистью къ человѣчеству. Больше всѣхъ ее раздражала Маня, безъ которой она теперь буквально не могла обходиться. Чтобъ удержать при себѣ эту «богему», которая жила улицей, а въ комнатахъ задыхалась, Зоѣ приходилось чуть ли не ежедневно дарить ее и подкупать.

Одна Красавина искренно пожалѣла Зою, узнавъ объ ея таинственной болѣзни. Она такъ растрогала больную своимъ горячимъ участіемъ, что гордая дѣвушка нашла слезы, облегчившія ее, и почувствовала къ фельдшерицѣ нѣчто вродѣ искренней привязанности. У нея даже блеснула мысль увезти ее съ собой, вмѣсто Мани, за границу. Но она поймала блестящій, хищный взглядъ Мальцева, воровски пробѣжавшій по румяному лицу Вѣры, и Зоя во-время сдержалась. Она хорошо «раскусила» донжуанскую натуру своего суженаго и боялась одной новизны. Мани же, прекрасно понимая ея короткость съ Мальцевымъ, она всетаки уже не боялась. «Вернусь изъ Парижа, привезу Вѣрочкѣ что-нибудь цѣнное», говорила себѣ Зоя, за все привыкнувъ расплачиваться деньгами.

Съ Мальцевымъ она теперь очень любила говорить. Онъ развлекалъ ее, читалъ ей французскія романы, провожалъ ее въ театръ. Но она держалась съ нимъ еще дальше, чѣмъ прежде. Ея суевѣрное воображеніе рисовало ей минуту, когда послѣ вѣнца она останется наединѣ съ мужемъ... О, она знаетъ, что между ними поднимается блѣдное лицо Дмитрія, съ его полуоткрытыми глазами и загадочной усмѣшкой!.. Кровь стыла въ ея жилахъ. Вотъ почему она отложила свадьбу. Она даже днемъ не могла оставаться одна въ комнатахъ. Она чувствовала умершаго за собой, рядомъ... И быстро, на глазахъ всѣхъ, Зоя шла къ тому рубежу, гдѣ нервная болѣзнь граничитъ съ помѣшательствомъ.

Зоя усадила Вавочку, достала знаменитыя яблоки, но Манѣ не предложила. Та безъ церемоніи взяла сама и ѣла, похваливая. Съѣвъ, она встала и схватила свой свертокъ.

— Вавочка посидитъ, а я на минутку домой сбѣгаю...

— Иди,—сухо кинула ей Зоя.—Рада удрать,—прошептала она и проводила подругу взглядомъ, полнымъ презрѣнія и вражды.

— Я бы желала быть Цезаремъ,—вдругъ сказала она, задумчиво глядя въ топившійся каминъ.

— Чѣ-ѣмъ?

— Цезаремъ...—Зоя взглянула въ глаза Вавочки и злобно улыбнулась.—Калигулой, напримѣръ.

— Зачѣ-ѣмъ?

— Для своего удовольствія я замучила бы и убила много-много людей... Безнаказанно, какъ это дѣлали они... А въ первую голову Маньку.—И она засмѣялась, а Вавочкѣ стало жутко.

Онѣ просидѣли до четырехъ, болтая о предстоящей свадьбѣ Вавочки и переглядывая роскошное приданое Зои. Зоя оживилась, охотно открывала сундуки и ящики, называла небрежно цѣны, наслаждаясь эффектомъ. Подъ конецъ она даже взяла карандашъ,

чтобъ записать для Вавочки всѣ необходимыя указанія при покупкахъ. Вавочка съ благоговѣніемъ слѣдила за карандашомъ.

— А что-бы тебѣ заглянуть съ мужемъ въ Парижъ, пока мы тамъ? Если ты выйдешь замужъ до нашего возвращенія? Мы тамъ пробудемъ до Рождества. Я тебѣ вышлю адресъ нашей парижской квартиры. Тамъ и туалеты закажи...

Вавочка вышла отъ нея, какъ въ туманѣ. Конечно, надо ѣхать въ Парижъ... Чѣмъ она хуже Маньки, которая все увидитъ? Сама она была настолько инертна, что такая блестящая идея не пришла бы ей въ голову. Теперь она была вся захвачена желаніемъ блеснуть передъ подругами поѣздкой, влюбленнымъ мужемъ, положеніемъ замужней женщины. А какіе туалеты она себѣ закажетъ! Чудо!.. Господи, какъ жизнь хороша!

Вавочка вбѣжала въ столовую. Тихменева тамъ не было. За накрытымъ для обѣда столомъ сидѣла одна Александра Львовна, опустивъ голову на руки. Яркій свѣтъ лампы сверху озарялъ ея голову, ея черную косу, въ которой за эту ночь засверкали первыя серебряныя нити. Передъ нею лежало письмо. Конвертъ валялся на полу.

Предчувствіе какого-то несчастія прошло разомъ по душѣ Вавочки. Улыбка сбѣжала съ губъ. Она съ утра не видала матери и какъ-то даже совсѣмъ забыла о ней. Ей было слишкомъ хорошо.

На звукъ ея шаговъ Александра Львовна подняла голову.

— Мама... Что съ тобой?—прошептала Вавочка и поблѣднѣла.

Яснева казалась старухой. Не то чтобъ морщины, ихъ не было. Просто жизнь ушла изъ этого лица, та сила и энергія, которой дышали еще вчера всѣ черты, что дѣлали ее молодой и красивой.

Вавочка сдѣлала шагъ и уронила перчатку. Этого она не замѣтила. Раскаяніе и страхъ томили ее. Она видѣла, что мать пробуетъ заговорить, но губы ея шевелятся безъ звука. Глаза Вавочки расширились отъ ужаса.—Ма-а-ма?—жалобно, какъ ребенокъ, простонала она, и углы ея губъ опустились.

— Тихменевъ уѣхалъ, — сказала Яснева. Звукъ ея голоса былъ тоже чужой, глухой и мертвенно однозвучный. Вавочку поразилъ этотъ звукъ и она въ слова не вслушалась.

— Онъ уѣхалъ... совсѣмъ...

Глаза Вавочки потемнѣли. Она поняла. Губы ея дрогнули.

— Ты его больше не увидишь!—безстрастно добавила Яснева.

Изъ груди Вавочки вырвалось болѣзненное «ахъ»!.. Тогда судорога волненія пробѣжала по оцѣпенѣвшему лицу Ясневой.

— Неправда!.. Я не хочу! Неправда... Ты... ты нарочно...

— Прочти...

Вавочка схватила письмо и пробѣжала его глазами. Тамъ было не больше пяти строкъ.

«Прощай, мое сокровище», писалъ онъ. «Прости, если можешь, мое безуміе. Я не вернусь, пока ты не позовешь меня сама. Но помни, Саша, я вернусь *только для тебя...*»

Вавочка съ бѣшенствомъ скомкала письмо, швырнула его на полъ и схватилась за голову.

— Онъ не смѣетъ!.. Нѣтъ! И ты... ты не смѣешь... Верни его! Слышишь, мама? Верни... Верни сейчасъ! Я хочу...

Она задыхалась и ломала руки. Александра Львовна, все съ тѣмъ же угасшимъ лицомъ, медленно покачала головой.

Вавочка вдругъ перестала кричать. Она машинально потрогала свою шапочку, обдернула жакетку, увидала на полу новую перчатку, машинально подняла ее и вдругъ быстро пошла къ двери. Александра Львовна вздрогнула и встала.

— Куда ты?

Вавочка обернулась съ вызовомъ, враждебная.

— На телеграфъ... Я его верну...

— А ты знаешь развѣ адресъ? Я не знаю... Онъ уѣхалъ... неизвѣстно куда...

Она говорила это безъ торжества и злобы, равнодушно.

Вавочку это сразило. Она сѣла на стулъ у двери и зарыдала. Отчаяніе, горе, безсиліе, бѣшенство, все это переполнило ея душу. Жалость къ матери исчезла и потонула въ взрывѣ ревности.

Александра Львовна нагнулась, подняла съ полу скомканное письмо и конвертъ и стала нѣжно и тихо разглаживать его дрожавшими, похудѣвшими пальцами.

— Что я б... буду теп... перь дѣлать?—рыдала Вавочка.—Я всѣмъ раз... раз-ска-за-ла... Зо... Зоѣ... Манькѣ... Та на всю Москву... Те...перь осра...ми-лась...

Александра Львовна все съ тѣмъ же словно каменнымъ лицомъ, сидя за столомъ, гладила письмо. И вся душа ея, казалось, ушла въ эту ласку.

Вавочка вдругъ встала.—Ахъ!.. Теперь я знаю, что надо дѣлать! Ну, хорошо же!.. Я дамъ телеграмму его матери. Она-то будетъ знать, гдѣ его адресъ...

Глаза Ясневой сверкнули.—Нельзя!

— Почему нельзя?

— Я не позволю,—глухо, но твердо сказала Александра Львовна и выпрямилась. Вавочка въ ея лицѣ прочла такую непреклонную волю, что снова поняла свое безсиліе. На этотъ разъ передъ нею опять-таки была не мать, а соперница, ревнивая, безпощадная... Кончено... Тихменевъ для нея потерянъ навсегда!

Ярость была такъ сильна въ первую минуту, что Вавочка не нашла словъ. Пальцы ея теребили носовой платокъ и судорожно

старались его разорвать. Мать тоже молчала, мрачно глядя на нее. И въ этой тишинѣ было что-то зловѣщее.

— Что я буду дѣлать?.. Что я буду дѣлать?—зашептала Вавочка, и краска медленно отливала отъ ея щекъ.—Зачѣмъ ты отняла его у меня?—вдругъ истерически взвизгнула она и топнула ногой.

— *Я у тебя* ничего не отымала.

— Нѣтъ!—изступленно закричала Вавочка.—Отняла!.. Онъ *меня* любилъ... Онъ мнѣ самъ это сказалъ... Онъ давно меня любилъ... Хотѣлъ жениться... Зачѣмъ ты?.. Я была такъ счастлива... Ахъ!.. Я... я... безъ него... умру...

Она зарыдала. Глаза Александры Львовны раскрывались все больше. Лицо перестало быть каменнымъ.

— Ты... ты... Вавочка... Неужели... ты его любишь?

Черты Вавочки искривились отъ страданія, а изъ глазъ бѣжали слезы, которыхъ она не чувствовала, которыя не вытирала. Это было такъ ново, такъ страшно, что у Александры Львовны ослабѣли ноги.

— Какое тебѣ дѣло?—сквозь стиснутые зубы говорила Вавочка, враждебно глядя на мать.—Люблю ли... нѣтъ ли? Я должна выйти замужъ... Я не хочу дольше такъ жить... А теперь? Кто меня возьметъ? Опять ждать?.. Сколько? Зачѣмъ ты это сдѣлала?.. Я отравлюсь... Да... да... отравлюсь. (Она задыхалась и искала словъ.) И не смѣй мнѣ говорить, что ты меня любишь! Это не любовь... Ты должна была уступить... обязана была... да... обязана... а ты? Какъ врагъ... Тебѣ мало было цѣлую жизнь... О, какъ я тебя...—Она захватила платокъ зубами и рванула его.

«...ненавижу»... поняла Александра Львовна недоговоренное слово и подняла руку, какъ бы моля о пощадѣ.

Вавочка встала и пошла къ двери. Но на порогѣ силы оставили ее. Весь ужасъ ея невозвратимой потери всталъ въ ея сознаніи. Она закрыла лицо руками и побѣжала. Но изъ груди ея вырвался стонъ, болѣзненный, жалобный. Въ немъ было искреннее горе и первый страхъ передъ слѣпой жестокостью жизни.

Услыхавъ его, Александра Львовна задрожала всѣмъ тѣломъ.—Вава!...—умоляюще крикнула она и кинулась къ двери.

Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Вавочка заперлась. Александра Львовна замерла у порога.

Нѣтъ!.. Она не смѣетъ постучаться... Не смѣетъ обнять дочь, прижать ее къ груди... Она безсильно прислонилась къ стѣнѣ.

Изъ-за двери глухо неслись рыданія.

Какъ прикованная, стояла она у этой двери, затаивъ дыханіе, ловя каждый стонъ, каждый вздохъ, съ искаженнымъ отъ боли ли-

цомъ, по которому медленно ползли слезы. Вава страдаетъ... впервые въ жизни... Вава плачетъ... Это ея дитя, единственное, возлюбленное, рыдаетъ тамъ... По чьей винѣ, Боже мой? Не она ли для ея счастья готова была платить собственной жизнью? И она же теперь разбила ея первыя волшебныя мечты...

Ахъ, если-бъ пойти туда! Если-бъ слить съ этими страстными рыданіями свои скупыя, холодныя слезы надъ послѣдней иллюзіей, исчезнувшей навѣки... Нѣтъ!.. На этотъ разъ ей нечѣмъ осушить дорогіе глазки. И сдѣлать Вавочку счастливой *теперь*—не въ ея власти!..

III.

Письмо Ясневой къ Тихменеву.

«Я молчала на всѣ твои письма, прости. Не изъ злобы, не изъ вражды. Нѣтъ! Мнѣ надо было остаться одной, чтобъ понять случившееся. Вѣдь я все потеряла сразу. Не только тебя, Андрюша, но и любовь Вавочки, если только она была...

«Когда ты уѣхалъ (страшно вспомнить этотъ день), Вавочка имѣла со мной объясненіе. Только одно. Я не повторю тебѣ ея словъ.... Потомъ она замолчала. Я видѣла ее только мелькомъ. Дома она не сидѣла и не скрывала своей враждебности. Она молчала двадцать дней. Андрюша, подумай только! Цѣлыхъ двадцать дней... Я ихъ считала. Каждый изъ нихъ былъ камнемъ, подъ которымъ я падала, раздавленная, истекая кровью. Ты меня не узналъ бы теперь. Я посѣдѣла. Знаешь? Я по ночамъ кралась въ ея комнату, глядѣла на нее, сонную, и обливалась слезами. О, какъ мучила меня жажда прикоснуться къ ней, поцѣловать ея длинныя рѣсницы, ея щечку! Но я боялась ее разбудить и показать мое униженіе... Наплакавшись и наглядѣвшись на нее ночью, я набиралась силъ на день, чтобы выносить ея равнодушіе. И ждала ночи. И кралась опять, чтобы слушать ея дыханіе и глядѣть въ ея лицо.

«Разъ только за всѣ эти двадцать дней нашей ссоры мы сказали нѣсколько словъ и вотъ по какому поводу. Ты помнишь? Вавочка и раньше этотъ годъ рѣдко сидѣла дома, но все же я ее видѣла вечерами. Теперь она стала держаться такъ, словно жила въ меблированныхъ комнатахъ. Утромъ она уходила, пока я была на урокахъ, возвращалась обѣдать, и то не всегда, и исчезала на весь вечеръ, даже не находя нужнымъ сообщить, куда идетъ? Я не выдержала, наконецъ.

«— Куда ты?—остановила я ее одинъ разъ, когда, поѣвъ и даже не взглянувъ на меня, она отправилась въ переднюю одѣваться.—Не смѣй никуда уходить безъ моего вѣдома,—говорила я и чувствовала, что задыхаюсь отъ волненія.—Я должна знать, гдѣ ты и съ кѣмъ!..

«Она выслушала, опустивъ рѣсницы, безстрастная и небрежная, съ видомъ принцессы, которую оскорбляютъ.

«— Я иду къ Анютѣ Мерцаловой.

«— Ступай. Но будь дома въ двѣнадцать и пусть тебя проводятъ! Это мое условіе.

«Ея вѣки дрогнули, уголъ рта задрожалъ. Но она молча повернулась и вышла.

«У меня руки и ноги тряслись, и я была разбита, точно протащила огромную тяжесть. Дорого далось мнѣ это усиліе поставить ее на надлежащее мѣсто. Только не поздно ли это?.. И не безцѣльна ли, вообще, вся эта дѣтская попытка внушить ей ко мнѣ *теперь* то уваженіе, котораго она никогда, очевидно, не имѣла?.. Обидно вспомнить, что я всю жизнь, особенно въ послѣдній годъ чувствую себя глубоко виноватой передъ этой дѣвочкой. Такое странное чувство... Но въ чемъ же моя вина, Боже мой? Въ чемъ? Оглядываюсь на прошлое, разбираю его; при свѣтѣ совѣсти читаю книгу своей жизни. И ничего не вижу въ ней, кромѣ тебя и ея; кромѣ любви и самоотверженія. Если я не принесла ей этой послѣдней жертвы, которую она требовала, *тебя*... то, Боже мой! Вѣдь это сильнѣе меня... Это все равно, что собственной рукой подписать себѣ смертный приговоръ. Но она меня не пойметъ... Впрочемъ, не я одна такова. Я вспоминаю своихъ подругъ, ихъ дѣтей, ихъ взаимныя отношенія. Картина та же. Матери вѣчно въ чемъ-то виноваты, вѣчно что-то искупаютъ словно... даютъ, не считая. Дѣти берутъ все, какъ должное. И если имъ это кажется мало, то они требуютъ большаго.

«Въ тотъ вечеръ, когда я ждала возвращенія Вавочки, ждала съ трепетомъ, сознаюсь,—во мнѣ совершился какой-то переломъ. Что убыло изъ моей души за эти долгіе часы ожиданія? Что прибыло и вошло въ нее незамѣтно, какъ тѣни входятъ въ комнату послѣ заката,—я не поняла тогда. И разобралась во всемъ этомъ много позднѣе.

«Вавочка пришла въ десять. Я могла бы заснуть, довольная своей дешевой побѣдой. Но я не спала до разсвѣта. Я отлично понимаю, что не будь Вавочка такъ недалека и инертна; имѣй я дѣло съ натурами, какъ Зоя и Манька, я проиграла бы свою партію. Но даже такая, какъ она есть, Вавочка теперь, какъ и всегда, ускользала изъ подъ моего вліянія, не давалась въ руки, какъ кладъ. Она могла молча покоряться. Но я чувствовала, что она ищетъ меня обмануть. И обманетъ.

«Поймешь ли ты весь ужасъ, пережитый мною? Я вдругъ перестала ей довѣрять. У меня словно катарактъ былъ на глазахъ, мѣшавшій мнѣ видѣть ясно. И вдругъ катарактъ удалили, и я уви-

дала все въ новомъ свѣтѣ. Скажи откровенно, понялъ ты, когда она пришла къ тебѣ на квартиру *тогда*, что она уже не ребенокъ, не наивное дитя, за которое мы оба ее принимали? Я это поняла. Не знаю какъ, когда, но поняла. И все прошлое мнѣ стало яснымъ и ужаснуло меня.

«Я стала слѣдить за ея жизнью съ какимъ-то болѣзненнымъ, тревожнымъ чувствомъ. Разъ изъ карточнаго домика я вытащила одну только нижнюю карту, онъ рухнулъ весь. Я уличила ее разъ во лжи, про себя, конечно... И память стала нанизывать фактъ за фактомъ, гдѣ лживость ея была очевидной для всѣхъ, кромѣ меня, вѣрившей слѣпо. Довѣріе исчезло, и карточный домикъ рухнулъ. Иногда мнѣ казалось, что я сойду съ ума отъ подозрѣній и отъ отчаянія. Что пользы было идти спрашивать? Я чувствовала, что уже не могу ей вѣрить.

«Нѣтъ, она—не дитя. Она—дикарка... Помнишь, что ты говорилъ какъ-то про Маню, Зою и другихъ подругъ моей дочери? Вотъ твои слова: «Это дикарки... безъ всякихъ правилъ, безъ догмата, безъ нравственности. Пусть онѣ учились и кончили курсъ, что изъ того? Воспитаніе не коснулось ихъ ума и сердца. (Да и что это было за воспитаніе?.. добавлю я.) Это—тѣ самыя дикарки, которыя въ Африкѣ продаются за стеклянныя бусы. *Эти* душу свою продадутъ за тряпки...» Вотъ каковъ былъ твой приговоръ! Неужели мнѣ приходится сказать то же и о Вавочкѣ? Другъ мой, не удивляйся страстной горечи моего тона! Ты узнаешь сейчасъ, что примирило и сблизило насъ, Андрюша, послѣ разрыва изъ-за тебя.

«Разъ, придя домой съ урока, я застала Вавочку въ столовой, въ слезахъ. У меня подкосились ноги... «Она плачетъ о немъ», пронзила меня мысль, и даже духъ захватило.—«Что съ тобой?»—спросила я. «Сейчасъ назоветъ его имя»...

«Нѣтъ. Она плакала не о тебѣ. Она не убѣжала отъ меня (какъ сдѣлала бы это раньше) и продолжала рыдать. Это меня ободрило. «Развѣ я не могу тебѣ помочь?» спросила я, дрожа отъ страха. Въ отвѣтъ я услыхала что-то непостижимое:

«— Манька... Юбка... Парижъ... красная... Я несчастная...»

«Я совсѣмъ потеряла голову. Я стала передъ ней на колѣни и, счастливая тѣмъ, что она меня не отталкиваетъ, я попросила объяснить. Она плакала оттого, что Маня съ Зоей вернулись изъ Парижа. Маня забѣжала на-дняхъ навѣстить Вавочку, и на ней была красная шелковая юбка.

«— И все шуршитъ... И нарочно не садится,—лепетала Вава, всхлипывая.—И все ходитъ, чтобы я слышала, какъ шуршитъ... Это на смѣхъ... И забѣжала только затѣмъ, чтобъ похвастать юбкой... Красная... съ черными фестонами... О, я несчастная!..» И т. д.

«Я слушала, вспоминая все пережитое мною за эти дни. Все, что я сломила, разбила и отбросила ради этой дѣвочки, изъ-за нея.

«— Поѣдемъ сейчасъ къ Мюру и купи себѣ такую же,—сказала я, вставая.—А не найдешь, закажи...»

«Она вскрикнула и кинулась мнѣ на грудь. Она мнѣ простила *тебя* изъ-за шелковой юбки...

«Право, не знаю, была ли она когда-нибудь счастливѣе за всѣ эти двадцать лѣтъ! Весь вечеръ она въ этой красной юбкѣ прыгала предо мной, танцовала и вскрикивала отъ восторга. На ночь она меня расцѣловала, какъ будто ничего не было между нами... И я, дура, разрыдалась отъ счастья. Дикарка... Это слово не выходитъ у меня изъ головы. Знаю... онѣ не виноваты. Но кто же виноватъ въ этомъ одичаніи? Кто?.. Мнѣ страшно. Вспоминаются наши бесѣды теперь, въ безсонныя ночи... Ты говорилъ, что не прошли даромъ эти двадцать лѣтъ. Всеобщее одичаніе, это безвременье, создавшее новый отталкивающій типъ юноши, не могло не отразиться и на дѣвушкахъ. Наши дѣти не могутъ быть иными. Мы безсильны передъ этимъ теченіемъ, Андрюша... Знаешь ли ты, что значитъ терять послѣднія иллюзіи?

«Другъ мой дорогой, единственный, незамѣнимый, прости!.. Я знаю, что тебѣ больно читать мое письмо. Ты еще любишь ее. Но вырви это чувство, безжалостно, безпощадно, какъ вырываютъ гнилой зубъ. Если-бъ даже не было прошлаго, *нашего* прошлаго, я все-таки не Вавочку желала бы видѣть твоей женой. Ты стоишь счастья, а она тебѣ его не дастъ. Конечно, ты женишься черезъ годъ, много два... Не бери равнодушной дѣвочки, ребенка съ невиннымъ лицомъ, которому жизнь кажется вѣчнымъ праздникомъ. Эти жены-дѣти, наивныя и невинныя, это бичъ мужей. Найди такую, въ которой не было бы этой обаятельной, «махровой» женственности, этого плѣнительнаго невѣдѣнія жизни... И если у нея найдется въ душѣ хоть немного нѣжности и доброты, значитъ въ этой роковой лоттереѣ ты вынулъ счастливый билетъ.

«Думалъ ли ты когда-нибудь, что Вавочка состарится, что ей минетъ сорокъ лѣтъ? Знаешь? Я не могу себѣ этого представить. Въ моемъ воображеніи она всегда рисуется съ розовыми щеками, юной, безпечной, далекой отъ страстей и заботъ... А, вѣдь, и она когда-нибудь подойдетъ къ тому роковому и неизбѣжному дню, за которымъ начинается увяданіе... Счастливы тѣ, кто не чувствуютъ себя банкротами у порога старости!

«Вава, страдающая муками материнства... Вава, нѣжно любящая дѣтей... Нѣтъ! Такія картины тоже не возникаютъ передо мной. Это кажется мнѣ дикимъ. А если она не найдетъ сказочнаго принца?.. Это еще хуже. Чѣмъ наполнитъ она жизнь? Вѣдь

курсы не для такихъ, какъ она... Молю Бога о томъ, чтобъ я еще дожила до тѣхъ поръ; чтобъ моя любовь охранила мою дѣвочку отъ одиночества и страданій!

«Прощай. Я совсѣмъ разбита... За тебя, Андрюша, я рада. Ты нашелъ лучшій путь уйти отъ себя. Но, ради Бога, береги себя! Не надорвись въ уходѣ за тифозными! Помни, надломишься, заразишься самъ... Я понимаю твое равнодушіе къ жизни въ настоящую минуту. Но, вѣдь, это пройдетъ... Твое дѣло дастъ тебѣ забвеніе. Наконецъ, подумай обо мнѣ... Если я совсѣмъ потеряю тебя? У меня пропадутъ силы жить... Ахъ, если-бъ и я могла уѣхать теперь къ этимъ голоднымъ и несчастнымъ, принять участіе въ общей работѣ! Но у меня свой постъ, который я не смѣю бросить... Ты счастливѣе меня.

«Отвѣчай скорѣе, если только можешь писать...»

IV.

Зоя вернулась изъ-за границы совершенно неожиданно. Вся эта поѣздка на время, было, успокоила ее. Но жизнь въ Парижѣ, этотъ шумный потокъ веселья, захватившій вполнѣ и Мальцева, и Маню, подѣйствовали на нее раздражающе. Она чувствовала, что ею тяготятся; что они охотнѣе окунулись бы вдвоемъ въ этотъ вихрь удовольствій. И у нея проснулось странное чувство, похожее на ревность къ жениху и на дѣйствительную ненависть къ подругѣ. Наконецъ, трехъ недѣль было довольно, чтобъ побывать во всѣхъ запретныхъ мѣстахъ и получить новыя, острыя ощущенія. Зоя затосковала. Когда же ее начали упрашивать остаться, она заупрямилась. Пришлось дать телеграммы и уложиться.

Зоя похудѣла, состарилась и очень подурнѣла. Она это видѣла и грустила. Состояніе духа у нея было подавленное и раздраженное. Ей казалось, что дома ей будетъ легче. Но не прошло трехъ дней, какъ и въ Москвѣ проснулась тоска, гнавшая ее впередъ куда-то, къ новымъ мѣстамъ. Она послала за Колей. Но онъ не шелъ, и никто не могъ сказать, почему... Теперь Зоя собиралась въ Петербургъ на мѣсяцъ, а лѣтомъ—путешествовать. Свадьбу отложили до Красной горки.

Маня, не успѣвъ еще умыться съ дороги, бросилась къ Вавочкѣ, чтобы узнать, когда ея свадьба?

Вавочка кинулась на грудь къ Манѣ.

— Ты!.. Боже! Какое счастье!—крикнула она.

Маня была тронута этой встрѣчей больше, чѣмъ хотѣла бы показать. У нея самой задрожалъ голосъ, и вырвался нервный смѣшокъ.—Вотъ и вернулись...

— Отчего такъ рано?

— Зоя къ парижанкамъ жениха приревновала...

— Неужели?.. Да ты врешь, Манька!

— Представь!.. И ужъ попадетъ же онъ къ ней въ лапы, помяни ты мое слово! Я ему это говорю, а онъ только посмѣивается... А съ тобой что? Больна, что ли?

Она была поражена перемѣной въ Вавочкѣ. Ея осунувшееся, дѣйствительно, больное лицо загорѣлось отъ смущенія.

— Такъ... Простудилась...

— А свадьба когда?

— Н-не знаю... Видишь ли? Онъ уѣхалъ...

— Что-о-о?

— Да, мать у него заболѣла... Если умретъ, отложимъ на годъ...

Маня расхохоталась.—Да ты никакъ втюрилась? Вотъ чудеса-то!.. И похудѣла въ разлукѣ. Ха-ха!.. Вотъ посмѣются-то наши, когда узнаютъ... Пойдемъ къ намъ! (Это означало въ домъ Прокофьевыхъ, гдѣ Маня уже считала себя своей.) Чего киснуть-то? Доведи меня только до площади, я къ матери заверну на полчаса. И живо вернусь туда...

Онѣ пошли, болтая безъ умолку. Вавочка ожила. Ея грустное, трогательное личико порозовѣло отъ счастья. Наконецъ-то! Кончились, значитъ, эти ужасные, тоскливые дни одиночества между враждебной Анисьей (которая догадалась, кажется, и не хотѣла простить ей слезъ Александры Львовны) и страдающей молчаливо матерью.

А она сама? Развѣ она мало выстрадала и передумала за этотъ мѣсяцъ? Красавица-жизнь, такъ ласково улыбавшаяся Вавочкѣ, вдругъ сорвала прекрасную маску и показала ей страшное лицо, жестокое и безпощадное. Вавочка перестала быть ребенкомъ. Страхъ предъ жизнью, предъ страданіемъ и горемъ отравилъ ея душу. Она озлоблялась... Горе ея было сильно но недолговѣчно. Страсть къ Тихменеву была искрення но неглубока. Она не хотѣла ему простить его безволія, его покорности передъ Александрой Львовной. Значитъ онъ ее мало любилъ? И его надо было забыть, забыть скорѣй!.. И никого любить уже не стоитъ! Мелькали мрачныя мысли о будущемъ. Но она гнала ихъ. Она, наконецъ, устала страдать. За что эти страданія?

Явилась реакція. Ахъ, если-бъ посмѣяться, какъ прежде! Поплясать... все забыть! Какая страстная потребность стряхнуть съ себя прошлое; какъ змѣйка сбросить старую шкуру и почувствовать безпечность и радость прежнихъ дней! Она знала, что впереди ждутъ еще непріятныя минуты... Ея ложь насчетъ Тихменева откроется, подруги догадаются, будутъ насмѣхаться. Но все это потомъ... потомъ. Теперь надо вздохнуть полной грудью.

— А ты еще красивѣе стала,—заявила ей Зоя послѣ первыхъ объятій, чуть отстраняясь отъ Вавочки, чтобъ лучше разглядѣть ее.—Право, еще красивѣе. Въ твоемъ лицѣ—что-то новое...

Маня вернулась не черезъ полчаса, а черезъ полтора, вся запыхавшаяся, съ коробомъ новостей.

— Тебѣ шоколаду или кофе?—холодно спросила ее Зоя.

— Все равно, чего-нибудь вели дать—червяка заморить...

Глаза у нея такъ и прыгали, но лицо было странно-серьезно.

— Ну, говори, что такое?—усмѣхнулась Зоя.—Ужъ вижу по глазамъ, что набралась новостей.

Маня упала на кушетку такъ грузно, что пружины подъ ней дрогнули со слабымъ звономъ.

— Клавдинька приказала долго жить...

— Что?..

— Отравилась нашатырнымъ спиртомъ... Въ больницѣ умерла вчера... А нынче въ газетахъ есть... Фу! Батюшки!.. Не отдышусь... какъ бѣжала... Гдѣ газета?

Въ глазахъ Зои мелькнулъ ужасъ. Она не глядѣла ни на Маню, ни на Вавочку, испуганно бросившую недоѣденный сухарикъ. Поблѣднѣвшія было недавнія сцены другого самоубійства встали въ памяти Зои. Дрожь пробѣжала по тѣлу.

— Почему?—спросила Вавочка.

Маня развела руками и раскрыла газету.

— Ну, ужъ этого не знаю... Гдѣ же это?.. Постой... Ахъ! Вотъ... «Дочь почетнаго гражданина Клавдія Глазунова, двадцати-трехъ лѣтъ... причина неизвѣстна... Отказалась сказать...» Нѣтъ, вы представьте положеніе родныхъ, матери! Вѣдь она въ гости ушла... Ждутъ ее. Всю ночь... Думали, ночуетъ у кого-нибудь... Успокоились, легли... Утромъ ея нѣтъ... Подождали до завтрака, до обѣда... Испугались... Вѣдь отецъ—звѣрь у нея... форменный таганскій купецъ. Всѣ къ обѣду налицо должны быть... Кинулись туда-сюда... Оказывается, нигдѣ не ночевала. Только къ вечеру дали знать изъ больницы, что умираетъ. Она нарочно имя другое сказала, чтобъ дома не узнали. Сама явилась въ пріемный покой. Въ сознаніи, говорятъ, была до послѣдней минуты... страдала ужасно...

Вавочка встала, блѣдная.—Я просто не вѣрю... Ужасъ какой! Недавно танцовали вмѣстѣ... Зоя, помнишь? На твоей помолвкѣ...

Маня придвинулась къ столу, положила на него локти и заговорила, понизивъ голосъ:—Я знаю одно, что она увлекалась Иванцовымъ.

— Женатымъ?—воскликнула Зоя, всплеснувъ руками.

— Ну, да... А жена дѣлала ему сцены и ей скандалы... Гро-

зилась даже отцу Клавдиньки все разсказать. Онъ ее, говорятъ, бросилъ изъ-за этого.

— Кого? Жену?

— Клавдиньку...

— Да на что же она разсчитывала? Увлечься женатымъ...

Маня холодно сощурилась на блѣдное лицо Зои.

— Не всѣ, милая, умѣютъ разсчитывать... (Какъ ты,—мысленно добавила она.) Потеряла голову. А онъ—не промахъ былъ...

Маня понизила голосъ, увидавъ горничную, вносившую подносъ съ чашками шоколада, и докончила съ непривычной серьезностью:—Вѣрнѣе всего, что испугалась послѣдствій.

— По-слѣд-ствій?..—слабо, какъ эхо, повторила Вавочка и безсильно опустилась на мягкій пуфъ.

Нѣсколько секундъ въ роскошномъ будуарѣ цвѣта bouton d'or царила тяжелая тишина. Дѣвушки молчали, опустивъ головы. Вавочка, поблѣднѣвъ отъ ужаса, боялась оглянуться. Казалось, золотистыя портьеры раздвинулись на мигъ, и изъ-за нихъ выглянуло опять чье-то страшное лицо. «Я—Жизнь»... казалось, говорило оно этимъ безпечнымъ дѣвушкамъ. «Вы меня не знали?.. Берегитесь! Кто скажетъ, что ждетъ каждую изъ васъ?»

Маня первая нарушила молчаніе. Она шумно вздохнула.

— Вотъ и нѣтъ одной изъ нашихъ... А жаль! Славная была такая, веселая...

— Если-бъ я была тутъ, я не допустила бы ее умереть,—сказала Зоя.

— А что бы ты сдѣлала?

— Ахъ!.. Мало ли что! Устроила бы ей поѣздку, какъ будто за границу, съ кѣмъ-нибудь... Конечно, предлогъ... Лишь бы обмануть родныхъ. Денегъ дала бы... Развѣ нельзя скрыть? Въ Москвѣ-то? Боже мой! Не умирать же изъ-за этого!

Она встала и, толкнувъ пуфъ ногой, начала ходить по будуару, нервно тиская и вытягивая смуглыя руки. Маня съ недовѣрчивымъ выраженіемъ слѣдила за ней.

— Неужели помогла бы?.. Деньгами?

Зоя остановилась, и глаза ея сверкнули.

— Да, да!.. Изъ принципа помогла бы... Почему ты мнѣ не вѣришь? Да, наконецъ, неужели все дѣло только въ деньгахъ и деньгахъ? Какъ будто кромѣ нихъ уже нѣтъ ничего въ жизни?

Тонъ ея дышалъ такой больной страстью, такой горечью, что Маня удивленно заморгала.

— Ты, кажется, не долюбливала Клавдиньку?

— Я никого не люблю,—жестко усмѣхнулась Зоя ей въ лицо.—Но это ничего не доказываетъ. Меня возмущаетъ (Она

ударила себя въ грудь рукой, и браслеты ея зазвенѣли)... меня до глубины души возмущаетъ эта наша безправность позорная!.. Господи! Да когда же мы встанемъ на защиту себя? Своего права жить, какъ *они*? (Голосъ ея дрогнулъ отъ ненависти.) Когда стряхнемъ съ себя этотъ рабскій предразсудокъ?

— Ты первая не стряхнешь,—усмѣхнулась Маня.

У Зои на секунду захватило духъ. Она закусила губы и замолчала, какъ бы вглядываясь въ себя.

— Да, я тоже не посмѣла бы... Но, повѣрь мнѣ, я себя презираю за эту трусость. А, можетъ быть (Голосъ ея дрогнулъ опять)... я еще не любила... Никто не заставилъ меня забыть этотъ страхъ... Она умерла... бѣдная Клавдинька... Но она была счастлива... хоть немножко... Она умѣла любить...

Она внезапно отвернулась, отошла къ окну и тихонько вынула платокъ.

Опять настала тишина. Слышно было, какъ тлѣвшіе угольки падали на каминную рѣшетку.

— Вава?.. Хочешь еще шоколаду?—спросила Маня.—Да что же ты не пьешь?

Вавочка сидѣла передъ нетронутой чашкой, съ убитымъ лицомъ.

— Вотъ недавно,—задумчиво начала опять Маня,—Маріанна Долгова... Говорили, у нея тоже романъ былъ. Ничего себѣ... скрыла. Дѣйствительно, куда-то ѣздила, будто въ Крымъ. Вернулась и замужъ вышла. И концы въ воду... И мужъ души не чаетъ. Созналась она ему, или нѣтъ, этого не знаю. А фактъ налицо.

— И она права,—глухо отозвалась Зоя.

— Такъ-то такъ... Только это съ деньгами все хорошо... А случись такая исторія со мной, либо съ Вавочкой, и пришлось бы расплачиваться, какъ Клавдинькѣ. Подруги-то мы—подруги... А тоже нелегко, поди, все разсказать, да просить помощи... Кстати, похороны послѣ завтра... Пойдете вы?

Зоя содрогнулась.—Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не могу видѣть мертвыхъ!

— Ну, а я пойду... Надо бы ей на вѣнокъ собрать. Ты какъ думаешь, Зоя? Давай денегъ, я обойду нашихъ...

Вавочка какъ во снѣ простилась съ подругами и пошла домой. Ни погоды, ни дороги, она не замѣчала ничего.

Ей было страшно. Лицо рыжей Клавдиньки улыбалось ей изъ осенняго мозглаго тумана, подымавшагося надъ городомъ. Такое веселое лицо, безпечное... въ веснушкахъ. Она слышала голосокъ ея. Никогда уже не зазвенитъ этотъ голосокъ. Она смолкла... Она мертвая... Смерть... Какой ужасъ! Что *она* должна была выстрадать, прежде чѣмъ рѣшиться? Какъ мучилась, умирая!.. Одна, среди чужихъ... «А случись такая исторія со мной, либо съ Вавочкой...» звучалъ голосъ Мани.

Она закрыла лицо руками и опустилась на мокрую скамью бульвара, не замѣчая дождя, не замѣчая прохожихъ. «Неужели и мнѣ умирать?!. Изъ-за одной минуты? Изъ-за *одной* только минуты?.. Такъ дорого платить за ошибку?.. За шалость?.. О, какъ страшно! Какъ невыносимо страшно!»

V.

Не прошло недѣли послѣ пріѣзда Зои изъ Парижа, какъ въ одинъ отвратительный вечеръ, когда первый снѣгъ пополамъ съ дождемъ наполнялъ туманомъ весь городъ, въ квартирѣ Ясневыхъ раздался оглушительный звонокъ.

— Мама!.. Это Манька!—крикнула Вавочка, и сердце ея екнуло отъ предчувствія чего-то важнаго и новаго въ ея судьбѣ. Она бросилась отворять сама.

Она не ошиблась. Въ лицѣ Мани было что-то значительное.

— Ну, слава Богу, дома!.. Я думала, придется гонять за тобой по Москвѣ. Одѣвайся скорѣй и получше! Прокофьевы за тобой лошадь прислали.

— Ло-шадь... Батюшки!

— Ну, да поворачивайся, живо!.. Здравствуйте, Александра Львовна!

Яснева обернулась, и Маня вздрогнула, увидавъ сѣдую голову и угасшее лицо. «Однако»... смущенно подумала она.

— Куда же вы такъ поздно?—удивилась Александра Львовна.—Что тамъ понадобилось такъ вдругъ? Десять часовъ...

— Собрались кое-кто. Хотимъ потанцовать... Зоя хандритъ... M-me Прокофьева просила.

Александра Львовна промолчала. Почему ей было не повѣрить? Счастливая недавнимъ примиреніемъ съ дочерью и какой-то новой, непонятной кротостью Вавочки, она не хотѣла портить опять отношеній, которыя наладились съ такимъ трудомъ.

— Пожалуйста, недолго... И проводите ее сами, Марья Никаноровна...

— Не безпокойтесь,—бросила ей Маня, идя къ Вавочкѣ, которая, волнуясь, надѣвала передъ зеркаломъ свое лучшее платье.

— Однако и берегутъ же тебя!—не утерпѣла Маня.—Это что-то новенькое... Или ужъ въ тебя вѣру потеряли?—пошутила она.—Все-таки тебѣ ужъ двадцать-одинъ годъ, Вавочка, ты самостоятельна. Стыдно тебѣ ходить на помочахъ!

— Ну, да ладно!—вспыхнула Вавочка.—Танцовать будемъ?

— Нѣтъ, это я соврала. Просто Миляевъ пріѣхалъ нынче изъ-за границы. Хочетъ тебя видѣть.

— Ми-ля-евъ? Фи!.. А я-то думала...

— Ну, будешь думать потомъ... А теперь поскорѣе... Господи! И до чего-жъ онъ въ тебя втюрился! Вотъ ужъ не ожидала!

— Онъ? Въ меня?—Вавочка весело расхохоталась.

Но Маня глядѣла на нее серьезно и съ завистью.

— Счастливица ты, право!.. И надо было видѣть его лицо, когда ему сказали, что ты—невѣста... Охъ, батюшки! Вотъ умора-то была! Только масла въ огонь подлили. Схватился за височки, вотъ такъ,—и забѣгалъ кругомъ. А самъ лепечетъ: «Oh, mon Dieu!.. Si je le savais d'avance!..» Ха-ха!.. И все приставалъ къ рыжей совѣ и ко мнѣ: «Нельзя ли свадьбу эту разстроить? Ни передъ чѣмъ, говоритъ, не постою»... Каковъ?

Вавочка покраснѣла. Она совсѣмъ забыла, что считается еще невѣстой Тихменева.

Они мчались на рысакѣ Прокофьевой, и Вавочка ахала отъ восторга. Всю дорогу Маня ее «начитывала». Вѣдь Миляевъ, дѣйствительно, теперь готовъ жениться, такъ поразила его эта помолвка. Не будь ея, онъ можетъ тянулъ бы, добивался чего-нибудь другого... А теперь онъ, какъ сумасшедшій.

— Если тонко вести свое дѣло, не позволять ему вотъ настолечко (Маня показала кончикъ мизинца),—все дѣло въ шляпѣ! А что ты—чужая невѣста, это вздоръ!.. И женатые расходятся, не то что обрученные. Онъ у меня, понимаешь, руки цѣловалъ, просилъ это устроить. «Засыплю, говоритъ, подарками»... Ахъ, Вавочка! Ты вотъ кататься любишь на рысакахъ. Да развѣ у тебя тогда такiе будутъ? Неужто ты будешь такая дура, что изъ-за любви дурацкой выпустишь Миляева? Докторшей быть, или миллiонершей? Вѣдь подумай, если ты его женой будешь, мы всѣ лопнемъ отъ зависти. Я—первая...

Обѣ дѣвушки весело расхохотались.

— И дураки же эти мужчины!—продолжала Маня, перегибаясь на бокъ и безсознательно глядя впередъ, на дорогу, и на крупъ храпящаго рысака.—Зачѣмъ, спроси, онъ уѣзжалъ, если мѣтилъ на тебя? И твой Тихменевъ тоже? Какъ это на годъ откладывать? Мало ли что можетъ съ нами случиться за годъ?

— Что же такое?.. Ай!—взвизгнула Вавочка, которой чуть не въ лицо попалъ комокъ грязи изъ-подъ копытъ рысака. Она закрылась муфтой.

— А Клавдиньку забыла?

Вавочка вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Подъ свѣтомъ фонаря ей показалось, что взоръ Мани погрузился съ холодной насмѣшкой въ ея зрачки и проникъ до самаго дна ея сердца, гдѣ глубоко отъ всѣхъ лежала ея тайна. И опять ей стало страшно, какъ тогда, три дня назадъ. И отчаянная жажда жизни и ужасъ передъ

возможной развязкой охватили ее. Неужели и ей придется погибать? Сердце застучало болѣзненно и жутко. «Миляевъ... Да...» вдругъ поняла она. «Это спасеніе мое... Это судьба!»

И когда она входила въ залу, блѣдная, прекрасная, какъ никогда, отъ необычайнаго волненія, охватившаго ея душу; и когда Миляевъ склонился передъ ней, а m-me Прокофьева, торжественно обнявъ ее, съ какимъ-то предостерегающимъ выраженіемъ въ подрисованныхъ глазахъ, шепнула ей: «Моя дорогая, вы побѣдили его...»—Вавочка вдругъ поняла все... И всѣми нервами до боли ясно ощутила, что въ этотъ вечеръ рѣшается вопросъ не только ея счастья, но даже ея жизни.

Письмо Ясневой къ Тихменеву.

«Другъ мой! Я потеряла голову, я какъ въ чаду... Что мнѣ дѣлать? Научи, помоги мнѣ...

«У Вавочки женихъ. Сказочный принцъ явился. Это, дѣйствительно, крезъ... Но, Боже мой, до чего онъ омерзителенъ! Нѣтъ, надо говорить по порядку. Постараюсь разсказать связно.

«Его фамилія Миляевъ. Онъ—милліонеръ. Для «нихъ» этимъ все сказано. Но для насъ съ тобой, конечно, этого мало. И я наводила справки, гдѣ могла. Я слышала только возгласы зависти и преклоненія передъ его богатствомъ. Первая фирма на Востокѣ, меценатъ, живетъ, какъ князь, принятъ заграницей всюду, даже при дворѣ... Больше я не узнала ничего. Но мнѣ было довольно взглянуть въ его лицо, чтобъ понять его прошлое, полное тайнаго порока и разврата. Какъ онъ ни корректенъ, какъ ни безукоризненно безстрастенъ съ виду, онъ не можетъ изгладить клейма, которое низкія страсти выжгли въ его лицѣ. Онъ жалокъ и ничтоженъ, этотъ сказочный принцъ. Его руки, скользкія и холодныя, дрожатъ, какъ у морфомана. Я и объ этомъ старалась узнать, но встрѣтила непроницаемую тайну. Этотъ человѣкъ умѣетъ жить... Но я опять отвлеклась. Слушай:

«Недѣлю назадъ Вавочка подошла ко мнѣ, ласковая и тихонькая. Она, вообще, всегда такая теперь, и выраженіе ея лица перевертываетъ у меня, кажется, сердце въ груди. Она знаетъ, что я ни въ чемъ теперь не могу, *не смѣю* ей отказать. «Что тебѣ, дѣтка?» спросила я.

«—Познакомься, мамочка, опять съ Прокофьевыми!

«—Милочка, да вѣдь они меня ни разу не пригласили за эти два года. Объ этомъ раньше надо было бы думать. Если-бъ m-me Прокофьева желала знакомства, она пріѣхала бы сама...

«Я была очень удивлена. Помнишь? Мнѣ и раньше всегда хотѣлось узнать ближе ту среду, гдѣ Вавочка чувствуетъ себя «сво-

ей». Но мнѣ, при моей робости, трудно было сблизиться съ этой чванной и неинтеллигентной семьей, такъ неласково меня принявшей два года назадъ. Представь же мое удивленіе! Черезъ два дня m-me Прокофьева явилась съ визитомъ, наполнивъ шелестомъ своихъ юбокъ и противнымъ запахомъ духовъ мою квартиру, и пригласила бывать... Она дѣлала отдаленные намеки на сказочнаго принца, которыхъ я, по своей обычной глупости, не поняла. Она два раза поцѣловала Вавочку и сказала мнѣ, со вздохомъ закативъ глаза: «Вы—счастливая мать»... И я все-таки ничего не поняла.

«Черезъ день я была у нихъ на вечерѣ. Мнѣ представили Миляева. Когда я догадалась, наконецъ, что это—избранникъ моей Вавочки, сердце мое упало... О, ни за какія блага въ мірѣ, я—старая женщина—не дала бы ему себя поцѣловать!

«Ему, конечно, сказали, что Вавочку нельзя купить и взять на содержаніе. У нея есть мать. Это *нельзя*, непривычное для милліонера, зажгло его страсть. А бракъ—для него единственное средство овладѣть Вавочкой. Пишу и меня душитъ отвращеніе. Развѣ здѣсь есть возможность счастья? Хоть тѣнь его?

«Я насилу высидѣла вечеръ, простилась съ ними всѣми сухо, почти враждебно, не замѣчая, словно, ихъ заискиванія. Дома у насъ было, конечно, объясненіе.

«— Но, вѣдь, это слизнякъ, а не мужчина,—сказала я ей.— И тебѣ не противно думать, что онъ будетъ цѣловать тебя?

«— О!.. Все равно!—съ гримаской отвѣтила она.—*Они* всѣ противные! Всѣ, всѣ...

«Конечно, какъ ни испорчено ея воображеніе, какъ ни цинична болтовня ея просвѣщенныхъ подругъ, Вавочка все-таки слишкомъ далека отъ смысла брачныхъ отношеній, отъ той страшной близости, которая образуется между нею и этимъ за день еще чужимъ ей человѣкомъ. Никакая теорія здѣсь не поможетъ.

«— Вавочка,—говорю я ей,—вѣдь, не всегда же ты будешь молода. Наступитъ старость. Придется жить въ дѣтяхъ... если они у тебя будутъ. Но у такого отца—какія они будутъ несчастныя, Вавочка! Хилыя, гнилыя, и хорошо еще, если не паралитики, не эпилептики. Подумай, какая отвѣтственность! Ты наплачешься на нихъ. Ты жизнь проклянешь...

«— Мама... Что ты? Да я... я не хочу дѣтей. О, Господи! И не надо ихъ... Зачѣмъ они?

«Я беру ея ручки въ свои. «—Онъ желаетъ тебя, какъ игрушку... Неужели ты не понимаешь? Здѣсь нѣтъ любви. Въ древности такъ покупали рабынь, и теперь на востокѣ также торгуютъ дѣвушками. Это униженіе, Вавочка...

«Другъ мой! Она меня не понимала. Мы были словно съ разныхъ планетъ. Я пробую послѣднее средство...

«— Дорогая моя, вѣдь ты его не любишь? Нельзя любить такого мозгляка! Подумай... Что если ты потомъ встрѣтишь другого, котораго полюбишь, а будетъ поздно? Вся жизнь передъ тобою. Ты можешь выйти за молодого и красиваго, по любви... У тебя будутъ здоровыя дѣти...

«И тутъ она мнѣ сказала... О! Больно вспомнить...

«— *Я уже любила, мама...* Онъ былъ молодой и красивый. *Ты* не захотѣла. Теперь не мѣшай мнѣ. А любить никого не стоитъ!

«— Если-бъ ты слышалъ, сколько горечи прозвучало въ ея голосѣ! Сколько жестокости мелькнуло въ лицѣ!

«— Послушай... Вавочка,—начала я опять.

«— Ахъ, мама!.. Молчи, молчи, молчи!

«Она заткнула себѣ уши и стала вальсировать по гостиной, напѣвая. Я заплакала.

«Звонокъ. Это пришла Манька. Вонъ онѣ о чемъ-то шепчутся, куда-то бѣгутъ... Я остаюсь одна съ моимъ отчаяніемъ...»

VI.

Письмо Ясневой къ Тихменеву.

«Все кончено. Она—невѣста. Я плачу, не осушая глазъ, словно хороню ее... О, не упрекай меня! Не говори, что я мало боролась, что не выказала энергіи, чтобъ удержать ее отъ этого паденія. Мой одинокій голосъ звучитъ диссонансомъ и тонетъ въ этомъ морѣ восторженной лести и зависти.

«Послѣ того разговора, помнишь?.. На другой день я опять умоляла ее, я стала передъ нею на колѣни. Она ласково обняла меня и потрепала снисходительно по плечу, какъ жалкую, выжившую изъ ума старуху. Она глядѣла на меня большими, ясными глазами, говорившими мнѣ краснорѣчиво, что я «тронулась», и что ей меня жаль.

«— О чемъ ты плачешь, мама?

«— Это развратъ, Вавочка,—говорю я.

«— Развратъ—выйти замужъ? О!!!

«— Развратъ—все, гдѣ нѣтъ страсти, гдѣ есть разсчетъ и торгъ...

«— Если-бъ я *такъ* жила съ нимъ...

«— Живи съ кѣмъ хочешь по любви, безъ брака,—ты будешь права. Не въ томъ развратъ, что живутъ, сходятся по страсти.... А въ томъ, когда невинная дѣвушка, какъ ты, за тряпки продалась и идетъ подъ вѣнецъ съ такимъ уродомъ.

«Лицо ея опять стало холоднымъ и жестокимъ.

«— Поздно сокрушаться, милая мама, я дала сейчасъ ему слово. Онъ ждалъ меня въ пассажѣ. Завтра будетъ къ тебѣ.

«Я, какъ мать, конечно, узнала объ этомъ послѣдняя.

«Я не спала ночь. Я многое передумала, и почва стала уходить у меня изъ-подъ ногъ. Нѣтъ!.. Мы—матери безсильны со всей нашей любовью, заботой, самонадѣянными попытками воспитанія. Есть *что-то* сильнѣе насъ, что смѣется надъ нашими невѣрными шагами слѣпцовъ въ этихъ потемкахъ психологіи, и что разбиваетъ наши усилія въ прахъ.

«Женихъ былъ. Но, представь, я слова не дала... Я была съ нимъ болѣе чѣмъ холодна. Я была сурова, враждебна. Я прямо, точно по вдохновенію, сказала, что онъ боленъ и не имѣетъ права жениться на чистой дѣвушкѣ. Надо было видѣть его лицо... Я засмѣялась бы, если-бъ нашла силы. Онъ былъ уничтоженъ, пораженъ открытіемъ, что есть люди, которые не считаютъ за честь породниться съ нимъ. Онъ напоминалъ блудливаго стараго кота, на котораго нечаянно вылили ведро помоевъ.

«Не успѣлъ онъ уѣхать, какъ Вавочка вошла въ комнату. По ея лицу я сейчасъ поняла, что она подслушивала у дверей. Она была блѣдна, очень блѣдна.

«— Ты что ему сказала?

«Я собрала послѣднія силы. Навѣрное въ моемъ лицѣ было много отчаянія.—Я не дала согласія, Вавочка... Я не могу...

«Что было потомъ, я не въ силахъ повторить тебѣ подробно. Больно, слишкомъ больно... Она кричала, что я *опять* стою на ея дорогѣ, что я поступаю, какъ врагъ... Выйти замужъ за богатаго было всегда ея идеаломъ(!!!), цѣлью ея жизни... И опять старыя пѣсни... «Мнѣ опостылѣла бѣдность... Мнѣ ненавистны лишенія. Мнѣ стыдно разсказывать, что ты даешь уроки... Я видѣла, какъ онъ вошелъ и посмотрѣлъ на нашу мебель... Я со стыда сгорѣла... Мнѣ подругъ совѣстно... У меня никогда нѣтъ денегъ... И вотъ что я тебѣ скажу, мама...»

«Я вздрогнула, услыхавъ эти новыя нотки въ ея голосѣ. Она подошла ко мнѣ близко, и я похолодѣла. *Такого* лица я не видала у нея никогда.

«— Если ты не дашь согласія нынче, то помни, не пожалѣй потомъ... Все равно! *Терять мнѣ нечего.* Мнѣ двадцать второй годъ. *Я самостоятельна.* Довольно ходить на помочахъ! Я отчаялась ждать. Наконецъ, мнѣ надо замужъ. И если ты...

«Я не дала ей договорить... Я схватила ее въ объятія и зарыдала.

«Пусть выходитъ!.. Пусть! Я безсильна. Я знаю, съ ея наруж-

ностью ей легче погибнуть, чѣмъ всякой другой. Въ той средѣ, куда она стремится и гдѣ она вращается, не создаются глубокія и чистыя привязанности. Тамъ одинъ разгулъ инстинктамъ. А у Вавочки за душой нѣтъ ничего, что удержало бы ее отъ паденія.

«M-me Прокофьева гордится, что устроила эту свадьбу, и всѣмъ своимъ обращеніемъ доказываетъ мнѣ, что она—наша благодѣтельница. «Я для своей дочери не мечтала о такой партіи», внушительно сказала она мнѣ вчера, замѣчая въ негодованіи, что я совсѣмъ не выказываю ни счастья, ни благодарности. Я промолчала. Что мнѣ ей сказать?

«Пишу тебѣ, а рядомъ—базаръ. Это вернулась Вавочка изъ пассажа съ покупками, и кругомъ стола сидитъ цѣлый ареопагъ мудрецовъ, обсуждающихъ, кто страстно, кто глубокомысленно, словно соціальную задачу первой важности,—вопросъ: какими кружевами отдѣлать капоты, какимъ фасономъ шить ночныя рубашки, какой рюшъ класть къ вороту визитнаго платья? Женихъ вручилъ Зоѣ Прокофьевой нѣсколько тысячъ на приданое Вавочки. Я отказалась отъ этой чести. Теперь Зоя, какъ умудренная уже опытомъ и сама невѣста, состоитъ предсѣдателемъ ареопага. Передъ ними бумаги и карандаши. Зоя сидитъ; Вавочка стоитъ, наклонившись надъ столомъ; Манька и Надя Корнева обсуждаютъ фасонъ какой-то кофточки и рвутъ другъ у друга изъ рукъ журналы. На столѣ цѣлая вакханалія кружевъ, чулокъ, корсетовъ, лентъ, мелочей, красивыхъ ненужностей, поглотившихъ давно всѣ мои сбереженія. Каждый день—это какой-то угаръ покупокъ, какая-то оргія пріобрѣтенія, среди которой онѣ всѣ пьяны, эти современныя вакханки, жрицы наслажденій во что бы то ни стало! Надо видѣть сейчасъ ихъ лица!

«— Почему бы не купить въ городѣ?—спрашиваетъ Зоя, которая одна, какъ опытный полководецъ, не теряетъ головы.—Это выйдетъ вдвое дешевле.

«Вавочка презрительно морщится.—Фи, Зоя!

«— Вотъ еще!—задорно кричитъ Манька, задѣвая по головѣ Надю журналомъ и не замѣчая въ экстазѣ ея оскорбленнаго лица.—Съ какой стати дешевле? Мало у него что ли денегъ? Жарь, Вавочка, въ пассажѣ! Знай нашихъ!.. *Обставимъ* его хорошенько...

«И всѣ хохочутъ.

«Я гляжу на Маньку и Вавочку и, чувствуя ихъ солидарность, вижу теперь ясно то тайное сходство въ міросозерцаніи, которое такъ сблизило ихъ и котораго мы съ тобой не понимали... О, какъ мнѣ тяжело! И какъ я одинока!

«Пусть она равнодушна ко мнѣ и безсердечна! Я не могу разлюбить ее... или хотя бы охладѣть. Быть можетъ, и я виновата

здѣсь? Не надо было любить до самозабвенія. Но что же мнѣ было дѣлать? Вѣдь натуры своей измѣнить я не могла.

«Другъ мой... Страшныя это мысли! Онѣ гложутъ меня дни и ночи. Страшно сознаніе непоправимыхъ ошибокъ... и заблужденія цѣлой жизни... Я вѣрила, я до этого года вѣрила, что живу, какъ велитъ мнѣ совѣсть... и что за дочь, которая была мнѣ дороже жизни, мнѣ будетъ нечѣмъ упрекнуть себя... Андрюша! Пиши мнѣ... Поддержи меня въ моей тоскѣ и отчаяніи...»

Письмо Ясневой къ Тихменеву.

«Вчера былъ «дѣвичникъ» у посаженной матери, m-me Прокофьевой. Это былъ просто-напросто bal paré... Какая роскошь, мой другъ! Какой блескъ! Я въ своемъ шелковомъ, но не модномъ платьѣ казалась пятномъ на этомъ яркомъ фонѣ. Какое богатство костюмовъ! И какая бѣдность мысли! Какая пошлость въ разговорахъ и скудость стремленій!.. А сколько церемоній, обычаевъ... ненужныхъ, на мой взглядъ, а на ихъ—важныхъ мелочей! Я глядѣла на этихъ людей съ чувствомъ европейца, попавшаго къ дикарямъ малайскаго архипелага. Я сидѣла одинокая, затерянная и совсѣмъ чужая, невѣдомо зачѣмъ попавшая въ эту толпу блестящихъ маріонетокъ. Предо мною въ вальсѣ носилась Вавочка, прелестная, какъ греза, въ своемъ бѣломъ газовомъ платьѣ, съ *collier* въ тридцать тысячъ, которое ей наканунѣ поднесъ женихъ. Голубчикъ, она кинулась ему на шею и поцѣловала въ губы! Я это видѣла сама. Ну, чѣмъ же не дикарка, отдающая всѣ сокровища за стеклянныя бусы?

«Я слѣдила за нею глазами, но теряла изъ виду. Кругомъ было такъ много вальсерокъ въ такихъ же бѣлыхъ платьяхъ, съ такими же золотистыми волосами. И всѣ вмѣстѣ, съ своими кавалерами, они составляли одно гармоническое цѣлое, одинъ аккордъ, въ которомъ фальшивымъ звукомъ была я тутъ, одинокая въ своемъ углу.... И я думала. И странныя были мысли мои, совсѣмъ не бальныя... Пожалуй, я тебѣ скажу ихъ.

«Я думала... Какъ много такихъ, какъ Вавочка, этихъ загадочныхъ, женственно-обаятельныхъ дѣвочекъ, съ невинными личиками, съ полнымъ невѣдѣніемъ жизни... и съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, кромѣ удовольствій! Имя имъ—легіонъ. Помнишь ты этихъ желтыхъ бабочекъ, которыя въ майское утро гоняются другъ за другомъ, радуя нашъ глазъ? Какъ онѣ приникаютъ къ цвѣтамъ! Какъ нѣжатся онѣ въ золотѣ и теплѣ солнечныхъ лучей! День угаснетъ и унесетъ съ собой этихъ бѣдныхъ мотыльковъ, созданныхъ для наслажденія одного дня... Въ зоологіи ихъ зовутъ «поденками»... Ахъ, если бы и эти дѣвушки-мо-

тыльки исчезли также безслѣдно! Если-бъ не имъ принадлежало будущее...

«Я знаю, онѣ были всегда, даже раньше, чѣмъ была описана «кисейная» барышня. Но царство ихъ не наступало. Оно начинается теперь...

«Я спрашивала себя: да откуда же ихъ явилось такъ много разомъ, этихъ мотыльковъ-женщинъ, наивныхъ или равнодушныхъ, такихъ далекихъ отъ жизни?

«Время творитъ людей...» вспоминаются мнѣ слова величайшаго психолога... Гдѣ тургеневскія дѣвушки, надъ которыми мы умилялись? Героини Писемскаго и Авдѣева, плохо ли, хорошо ли, но искавшія все-таки новыхъ путей и самостоятельности? Гдѣ онп эти характеры, опредѣлившіеся, цѣльные, съ устоями, съ догмами? Кто умѣлъ самоотверженно любить, кому не страшно было ввѣрить свое счастье? Гдѣ, наконецъ, та русская дѣвушка, которая безкорыстно, по убѣжденію рвалась къ труду, не боялась его и только терзалась сознаніемъ своего невѣжества, безсилія помочь, своей безправностью?.. Гдѣ онѣ, тѣ, кто изъ сытой жизни бѣжали на тяжкіе подвиги въ медвѣжьи углы, въ забытыя села? Гдѣ героини, умѣвшія жить идеей и зачастую умирать за нее? Скажи мнѣ, бьютъ ли еще гдѣ-нибудь тѣ живые ключи, которыми онѣ питались? Засорились они только? Или же изсякли?

«Какихъ-нибудь пятнадцать, двадцать лѣтъ, и картина измѣнилась... О, да! Не даромъ прошли эти годы... Вавочка, Зоя, Манька... Дѣти печальнаго безвременья, съ нравственностью дикарокъ; странныя, недоразвившіяся существа, руководимыя инстинктами, безъ почвы, безъ привязанностей, безъ идеаловъ... безпощадныя въ своемъ стремленіи удовлетворить страстную жажду наслажденій во что бы то ни стало... О, какое счастье вспомнить въ такія минуты милое личико Вѣрочки Красавиной и сказать себѣ: Есть... есть такія, какъ она! Ихъ много еще. Онѣ тутъ, среди насъ, учатся, работаютъ, незамѣченныя, не оцѣненныя нами,— извѣрившимися и малодушными... Какая отрада сказать себѣ: «Нѣтъ! Не надо падать духомъ! Подъ мусоромъ и грязью тусклой и печальной жизни, гдѣ-то въ глубинѣ, далеко еще бѣгутъ эти волшебные ключи... Придетъ часъ. Они пробьютъ кору и зашумятъ, свѣтлые и радостные, смывая грязь, унося соръ, питая оскудѣвшую ниву, готовя новые всходы...»

«Ты просишь позволенія вернуться ко мнѣ? Спасибо, другъ мой! Но этой жертвы я не приму. Вѣрю, что *сейчасъ* для тебя это не жертва, а радость. Вѣрю, что вдвоемъ намъ будетъ легче плакать о Вавочкѣ и о нашемъ дорогомъ прошломъ. Вѣрю даже, что ты разочаровался въ ней и охладѣлъ; что работа и страданія кру-

гомъ показали тебѣ мелочь и низменность твоего чувства, какъ ты пишешь, и излѣчили тебя отъ этой *позорной* страсти... Но не вѣрю, что наше прошлое вернется... Мнѣ сорокъ лѣтъ. Съ личнымъ счастьемъ, съ любовью кончать пора. Знаю, что не всѣ женщины умѣютъ мириться такъ быстро съ своимъ увяданіемъ... Но не хочу быть ни жалкой, ни смѣшной.

«Женщину во мнѣ ты разлюбилъ. Чего же ждать мнѣ? Новаго увлеченія? Тебя тянетъ къ молодости, тебѣ нужна острота наслажденія, которую я не могу тебѣ дать. Новаго разочарованія я не вынесу. Я разбита, другъ мой... Не возвращайся! Не надо...

«О, нѣтъ! Я тебя не разлюбила. Къ чему эта горечь и упреки въ твоихъ письмахъ? Я слишкомъ люблю тебя и боюсь своей слабости. Какая тоска безъ тебя, моя радость! Какая ужасная тоска!.. Вечера такіе безконечные. Ночи такія мучительныя. А впереди жизнь одинокая и безрадостная... Я плачу, вспоминая тебя...

«Ты думаешь, я не отдала бы остатка жизни, чтобъ прижаться къ твоей груди головою, чтобъ твои милыя руки коснулись лица съ теплой лаской? Милый, милый... Я плачу, когда вспомню эти руки, эту ласку... Но я тебя не зову... Помни: *я тебя не зову потому, что я люблю тебя*. Я не хочу, чтобъ ты связалъ свое будущее съ судьбой увядающей женщины. Нѣтъ, твои жертвы мнѣ не нужны. Ты полюбишь и женишься... скоро... Скорѣе, чѣмъ ты думаешь сейчасъ. Но я тебя за это не возненавижу, не упрекну. Въ моей душѣ найдутся силы радоваться за тебя. Развѣ я не *другъ* тебѣ? Ты вѣришь? Да? Только дай мнѣ отсрочку... Подожди годъ, одинъ только годъ! Я сумѣю примириться съ этой мыслью... Только не сейчасъ... Я такъ измучена. Я такъ много потеряла сразу... Не могу я тебя разлюбить... Не могу представить тебя въ объятіяхъ другой женщины...

«Пиши мнѣ все, все... малѣйшія подробности... О всѣхъ встрѣчахъ, впечатлѣніяхъ, планахъ... Я хочу угадать *ее* прежде твоего признанія. Только не обмани... Заплати полнымъ довѣріемъ за ту мучительную жертву, которую я приношу тебѣ, отказываясь отъ тебя теперь. Помни, и въ дружбѣ я буду такъ же ревнива, какъ была въ любви, и обмана не прощу. Дай Богъ только, чтобъ ты не встрѣтилъ другой Вавочки на твоей дорогѣ!

«Ты пишешь: «Еще десять лѣтъ мы можемъ любить другъ друга...» Милый, ты жестокъ... Ты будешь считать морщины на моемъ лицѣ, будешь подмѣчать сѣдины и печальныя отмѣтки времени, будешь сравнивать меня съ свѣжими личиками дѣвушекъ и въ тайникахъ своей души тихо каяться, что имѣлъ слабость вернуться... Ты мнѣ ничего не дашь замѣтить. О, да!.. Ты добръ и деликатенъ. Но я-то? Ты думаешь, что я не догадаюсь? Нѣтъ, нѣтъ!

Будемъ имѣть силы не встрѣчаться. Я рада, что дала тебѣ мой портретъ. Ты называлъ меня красавицей. Сохрани память о такой...

«Ты спрашиваешь, чѣмъ я наполню жизнь?.. Не знаю пока, не знаю ничего... Я точно послѣ пожара... Осталась нищей и плачу, сидя на своемъ пепелищѣ... Но я примирюсь... Постараюсь примириться. Время залѣчиваетъ всѣ раны. Оно залѣчитъ и мои. Я буду ждать. Быть можетъ, Вавочка позоветъ меня. Быть можетъ, я дождусь внучатъ. Обязанности матери покажутся Вавѣ, конечно, скучными. Тогда въ ея дѣтяхъ для меня начнется новая жизнь. Цѣлый міръ радостей, чистыхъ и неотравленныхъ наслажденій. Тогда я легко проживу безъ тебя, дорогой другъ. Въ сердцѣ матери есть волшебныя силы. Онѣ меня воскресятъ.

«Когда-то я мечтала, что мы состаримся вмѣстѣ съ тобой, что никогда не разлучимся. Это была дивная греза. Но жизнь сурова, и мечты не сбываются... Прощай!

«Жутко впереди, пусто. Пусть подкрѣпитъ меня сознаніе, что я не заѣдаю чужой вѣкъ. . . . .

. . . .

«Если когда-нибудь меня охватитъ безуміе, если я позову тебя,—не приходи... Это позоветъ тебя мое отчаяніе, ужасъ одиночества... Это будетъ агонія моей души. Жажду жизни истребить такъ трудно, дитя мое! Но я не прощу себѣ своей слабости. И счастья тебѣ не дамъ.

«Я была счастлива долго, страшно долго... Цѣлыя десять лѣтъ... Ты далъ мнѣ то рѣдкое, прекрасное, всеобъемлющее чувство, о которомъ многія женщины грезятъ цѣлую жизнь и умираютъ, не узнавъ этой райской грезы. Могу ли я упрекать тебя за горе? Оно было неизбѣжно, какъ искупленіе, какъ справедливость судьбы.

«Сохрани это письмо. Ты говорилъ всегда, что у меня мрачная душа. Если въ одну изъ моихъ несчастныхъ минутъ, охваченная ревностью, я напишу тебѣ строки, полныя горечи и вражды, не огорчайся, дитя мое. Разорви ихъ и перечти вотъ *это* письмо, что я пишу сейчасъ... Жена твоя будетъ ревновать къ прошлому. Въ угоду ей уничтожь воспоминанія, всѣ письма и портреты. Но *эти* строки сбереги. Кто знаетъ, дитя мое, будешь ли ты счастливъ съ другою? О, какъ страстно желаю я тебѣ радости и забвенія!.. Но если его не будетъ... иногда вспоминай и обо мнѣ... Въ тяжелые дни вспомни, что у тебя было прошлое. Былъ другъ, преданный и нѣжный... Пусть эти строки утѣшатъ тебя и дадутъ тебѣ силы нести свою судьбу!

«Только пиши... Ради Христа, пиши!»

VII.

Казалось, все было кончено для Тихменева. Прочитавъ это письмо въ глуши, куда онъ уѣхалъ лѣчиться отъ своей страсти и безумія, онъ сказалъ себѣ: «Я потерялъ ихъ обѣихъ. Я теперь больше, чѣмъ нищій...»

Прошла недѣля. Тихменевъ до изнеможенія работалъ въ забытой Богомъ деревушкѣ, борясь съ разраставшейся эпидеміей. Онъ приходилъ вечеромъ поздно и, какъ убитый, засыпалъ, радуясь, если во снѣ видѣлъ лицо дорогой, незабвенной Саши. О Вавочкѣ онъ вспоминалъ холодно, почти безъ боли. И никогда она ему не снилась.

Но въ эту ночь онъ увидѣлъ ее, наконецъ. И страшенъ былъ этотъ сонъ.

Онъ шелъ въ какой-то огромной толпѣ, спѣшилъ куда-то. Всѣ молчали (было страшно тихо) и двигались, какъ призраки. Лица были и знакомы, и странно-чужды въ то же время. Какъ будто Зоя и Маня... И все-таки не онѣ... Никто не улыбался. Свѣтъ сверху падалъ тусклый, какъ будто въ часъ разсвѣта, въ холодный зимній день, и лица были зеленоваты... «Точно мертвецы», подумалъ Тихменевъ.

Ни Александры Львовны, ни Вавочки не было въ толпѣ... Но почему-то онъ о нихъ не вспомнилъ.

Вдругъ онъ и толпа очутились у порога низенькой, ветхой церкви. Выносили бѣлый гробъ. «Кого-то хоронятъ», подумалъ Тихменевъ, и сердце заныло отъ предчувствія.

Гробъ колыхался на плечахъ носильщиковъ, спускавшихся по ступенькамъ, расшатаннымъ и неровнымъ. И мертвая голова на бѣлой атласной подушкѣ тихо качалась, словно живая...

«Кто это?..» подумалъ Тихменевъ, вглядываясь въ это чужое, но странно знакомое ему мертвое лицо. А голова все качалась, и бѣлые цвѣты на вѣнкахъ, въ ногахъ покойницы, тоже качались и вздрагивали.

«Вавочка...» вдругъ узналъ Тихменевъ и закричалъ... Страшно, дико закричалъ...

И проснулся...

Въ избѣ тихо. За перегородкой слышенъ храпъ хозяина и громкое сопѣнье его ребятъ. По стѣнѣ шуршатъ тараканы. Сверчокъ поетъ въ углу, за печкой. Непроглядная осенняя тьма глядитъ въ окно...

Тихменевъ зажегъ свѣчу и съ замиравшимъ сердцемъ поглядѣлъ на часы. Только два... Ахъ, если бы заснуть! Какая щемящая тоска!..

Онъ не замѣтилъ, какъ забылся. Но со странной настойчивостью вернулась поразившая его картина...

Опять онъ шелъ въ толпѣ и видѣлъ кругомъ мертвенныя лица. Опять среди страшной тишины показался бѣлый гробъ, весь въ вѣнкахъ, и закачалась на подушкѣ голова покойницы... Онъ глядѣлъ въ это зеленое, измѣнившееся лицо съ ужасомъ и чувствомъ громадной, непоправимой вины... Какой? Онъ еще не зналъ, еще не понялъ. Неужели это Вавочка, розовая, нѣжная, юная, безпечная, съ сверкающей улыбкой?.. А гдѣ же Саша? Несчастная Саша?

Гробъ поровнялся съ его плечомъ. Мертвая Вавочка вдругъ открыла глаза и устремила тусклый взоръ прямо въ его зрачки... Онъ задрожалъ съ головы до ногъ...

Тогда покойница подняла руку и погрозила ему...

«За что?» хотѣлъ крикнуть онъ... Но голосъ замеръ. Онъ вдругъ понялъ, что Вавочка умерла изъ-за него, и въ отчаяніи закрылъ лицо руками. Но и сквозь закрытыя вѣки онъ видѣлъ, какъ восковой пальчикъ застучалъ грозно и предостерегающе по дереву гроба, какъ бы говоря: «Берегись!.. Берегись... берегись...»

Онъ заткнулъ уши и кинулся бѣжать... Но этотъ страшный звукъ догонялъ его... Мертвый пальчикъ стучалъ все громче, громче... И этотъ стукъ висѣлъ надъ головою, оглушалъ... И превратился, наконецъ, въ какой-то адскій грохотъ...

Тихменевъ болѣзненно застоналъ и вскочилъ на постели.

Свѣча догорала на столѣ. Чуть брезжило. Но стукъ не прекращался. Онъ былъ слабѣе, чѣмъ во снѣ, но раздавался явственно, настойчиво.

Съ холоднымъ потомъ на лбу Тихменевъ оглянулся на окно. За стекломъ, прильнувъ къ нему, стояла черная фигура.

— Эста-фе-та...—разслыхалъ онъ сквозь стукъ собственнаго сердца глухой, протяжный голосъ.

Весь трясясь, онъ кинулся къ двери, откинулъ крючокъ, бросился въ сѣни. Онъ не сказалъ себѣ: «Слава Богу! Это только сонъ...» Онъ предчувствовалъ несчастіе.

Въ телеграммѣ стояло: «Вернись немедленно. Вавочка больна».

VIII.

На четвертыя сутки Тихменевъ былъ уже въ Москвѣ. Съ вокзала онъ ѣхалъ въ какомъ-то безпамятствѣ. Жуткій сонъ вспоминался ему.

Въ окнахъ былъ огонь. Звонокъ Тихменева былъ какой-то судорожный. Но его, очевидно, ждали. Александра Львовна сама распахнула дверь и замерла въ его объятіяхъ съ истерическимъ крикомъ.

— Вавочка?—спросилъ онъ, чуть не падая.

— Тише... тише... Она тамъ у себя... Спитъ, кажется... Она теперь часто спитъ...

Онъ шумно передохнулъ.—Чѣмъ больна?

Они говорили шопотомъ и, обнявшись, шли черезъ столовую, въ комнату Александры Львовны.

— Ничего не знаю... Обмороки, слабость... Упала на балу, во время вальса... Я думала—умерла... Лѣчатъ два доктора. Ничего не поняли... Малокровіе, говорятъ, острое, упадокъ силъ... Ужасъ какой! Спрашивали, чѣмъ отецъ умеръ? На югъ, говорятъ, везите... Она, говорятъ, очень хрупка... И такая наслѣдственность... О, я голову потеряла! Но ты здѣсь... Ты спасешь ее, Андрюша? Ты знаешь вѣдь? Я не переживу ее... И какъ измѣнилась! Какое выраженіе глазъ! А я? (Ея голосъ дрогнулъ робко, словно виновато, и она снизу вверхъ умоляюще поглядѣла ему въ самые зрачки, сперва въ одинъ, потомъ въ другой, ловя впечатлѣніе.) Совсѣмъ сѣдая... Правда? Совсѣмъ старуха...

Онъ крѣпко прижалъ къ груди ея голову.

— О, не все ли равно?.. Я люблю тебя...

Запершись въ спальнѣ, они совѣщались шопотомъ. Вавочка ничего не знаетъ объ его пріѣздѣ, но такъ лучше.

— Знаешь? Я догадалась теперь,—говорила Яснева прерывавшимся голосомъ.—Такъ измѣнить ее... такъ повліять на здоровье могло только чувство... сильное... борьба съ любовью... Она тебя любитъ, Андрюша... Ахъ! Я долго объ этомъ думала... ночи напролетъ... И я съ ума схожу!..

— Успокойся, мое сокровище... Мое безуміе не вернется. Я пережилъ его...

— Нѣтъ!—Она схватила его руку.—Не бойся глядѣть въ будущее! Не бойся за меня... У меня на все, *на все* найдутся силы теперь. Лишь бы сохранить ее! Отдать Миляеву Вавочку мнѣ страшно, я не могу... Она захирѣетъ сразу отъ этой безобразной жизни. Видишь ли, хуже этого ничего уже не можетъ быть для меня... А ты сумѣешь ее уберечь.

— Саша!.. Саша! Зачѣмъ ты терзаешь себя и меня?

— Нѣтъ! Я спокойна... Я тоже все пережила... Довольно, Андрюша! Не говори, что ты разлюбилъ ее... Все это вернется. Она такъ хороша! Такъ трогательно-хороша... Она стала еще лучше... И ты убѣдишься сейчасъ, что она тебя не забыла. Я уйду... оставлю васъ вдвоемъ. Объяснитесь...

— Саша... голубушка... пойми же...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Молчи... Я все рѣшила за васъ обоихъ... за всѣхъ троихъ... Пусть безнравственно! Я это беру на свою совѣсть... только на свою... Вы оба не виноваты... Теперь я этого

хочу... Я!.. И, наконецъ, что безнравственнѣе? Отдать ее тебѣ, кого она любитъ? Или продать Миляеву? Думаю, что послѣднее позорно... А до перваго никому дѣла нѣтъ, кромѣ меня. Тутъ *я* одна страдаю... Я одна теряю... Но это ужъ дѣло мое!

Онъ застоналъ и спряталъ лицо въ рукахъ. А она все убѣждала его, лихорадочно бѣгая по комнатѣ и жестикулируя... Свадьба съ Миляевымъ назначена черезъ двѣ недѣли. Пусть онъ убѣдитъ, заставитъ Вавочку написать отказъ! И предлогъ есть. Всѣ, оказывается, знаютъ объ его—Тихменева—сватовствѣ. Она это сама узнала отъ Прокофьевой два дня назадъ.—«А какъ monsiur Тихменевъ принялъ отказъ невѣсты?» — спросила она... Планъ ясенъ и простъ.—Надо сказать, что ты вернулся бороться за счастье. И никого это не удивитъ.

— А она сама? Да развѣ она согласится?—воскликнулъ Тихменевъ. Александра Львовна хрустнула пальцами.

— Если она тебя любитъ?.. Боже мой! Я теперь увѣрена, что она *тому* дала слово только изъ самолюбія... ложнаго самолюбія... чтобъ надъ ней не смѣялись... Ахъ, если-бъ я догадалась объ этомъ раньше!.. Я точно слѣпая была... Какъ я была жестока! Какъ я могла потребовать отъ васъ обоихъ такую жертву?

Тихменевъ всталъ и взялъ руки Александры Львовны въ свои, пробуя ее успокоить. Все, что она говорила ему о Вавочкѣ, такъ мало подходило къ ея легкомысленной, неглубокой натурѣ, что онъ склоненъ былъ видѣть въ поведеніи Александры Львовны аффектъ.

— Саша!.. Ты это внушила себѣ... Возьми себя въ руки!

— Не вѣришь?—горестно крикнула она.—Ну, такъ ступай же къ ней! Взгляни на нее... Похожа ли она на счастливую невѣсту? Ступай!.. А я ухожу...

Она лихорадочно закутала голову въ теплый платокъ и побѣжала въ переднюю. Остаться дома было выше ея силъ.

— Развѣ она не запирается у себя?—спросилъ Тихменевъ, подавая шубку и чувствуя, что Яснева вся дрожитъ. Онъ избѣгалъ глядѣть въ ея измученное лицо, но бороться съ ея волей уже не могъ.

— Нѣтъ... Она боится темноты и одиночества теперь... Она стала такъ нервна... Я ухожу, Андрюша... Запри за мной,—выходя, сказала она какимъ-то разбитымъ звукомъ.

Волненіе ея передалось невольно Тихменеву. И, какъ ни былъ онъ искрененъ, увѣряя Ясневу въ равнодушіи къ Вавочкѣ; какъ ни мало онъ вѣрилъ въ возможность у нея такой глубокой страсти и страданія, но въ самыхъ темныхъ, самыхъ тайныхъ изгибахъ его собственной души онъ почувствовалъ торжествующую,

самодовольную радость... Онъ старался подавить въ себѣ это мелкое чувство. Но оно росло, вызывая въ немъ невольную дрожь.

Онъ взялся за ручку двери, съ бѣшено забившимся сердцемъ, и вошелъ почти безшумно.

Она стояла спиной къ нему, у комода, въ ящикѣ котораго рылась, и не обернулась. На ней была теплая, короткая юбка и ночная кофта. Распущенные волосы упали золотой волной.

— Мама? Ты?.. Кто звонилъ?

Кровь прилила къ сердцу Тихменева отъ звука этого голоса. Прошлое, съ властью котораго онъ боролся такъ отчаянно, было еще слишкомъ памятно, слишкомъ близко... Залѣчившаяся, казалось, рана раскрывалась опять.

Она обернулась и тихо ахнула.

Онъ стоялъ недвижно, блѣдный, у порога и глядѣлъ въ ея лицо.

Она тоже молча съ секунду глядѣла, безъ радости, скорѣе со страхомъ, чѣмъ съ удивленіемъ. Руки ея инстинктивно старались застегнуть распахнувшуюся кофту.

— Здравствуй...—сказалъ Тихменевъ и почувствовалъ, что голосъ его дрожитъ.—Ты мнѣ не рада, Вавочка?

«Какъ она страшно измѣнилась!» пронзила его мысль.

Она вдругъ поблѣднѣла и сѣла на постель.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?—спросила она съ тѣмъ же выраженіемъ страха, отъ котораго больно сжалось его сердце.

«Я зналъ, что Саша ошиблась», съ горечью подумалъ онъ.

Тутъ Вавочка увидала свои ноги изъ-подъ юбки, вспомнила о своемъ незатѣйливомъ костюмѣ, и краска залила ея лицо.

— Ахъ, уйдите! Уйдите!.. На минутку... Я надѣну платье,— закричала она, маша руками.

Онъ было повернулся машинально, чтобъ уйти, но вспомнилъ, что она больна, и подошелъ къ постели.

— Нѣтъ, это очень кстати, Вавочка... Ты больна. Мама просила тебя выслушать.

Онъ сѣлъ на постель, рядомъ съ Вавочкой, взялъ ея руку и нашелъ пульсъ.

Что-то дикое сверкнуло въ ея лицѣ, выраженіе затравленнаго звѣрка. Верхняя губка ея хищно поднялась, обнаживъ мелкіе зубы. Она съ силой вырвала свою руку и откинулась къ подушкамъ.

— Не хочу!.. Не хочу!.. Уйдите! Сейчасъ уйдите!—крикнула она истерически.—Оставьте меня! Я не больна... Я совсѣмъ... совсѣмъ здорова... Это ложь... Это все мама... Я ей говорила, что я здорова... Уйдите!

— Вавочка! Это ребячество,—строго сказалъ Тихменевъ.—

Ты должна успокоить мать... И меня тоже... Съ такимъ лицомъ, съ такими глазами здоровые не бываютъ. Ну, позволь, я тебя выслушаю...

Онъ всталъ, наклонился надъ нею и мягко взялъ ее за плечи. Она рванулась и упала лицомъ въ подушки. Плечи ея затрепетали въ судорожныхъ рыданіяхъ. Все тѣло колыхалось.

Тихменевъ былъ сраженъ. Онъ постоялъ минуту около нея, взялъ стулъ и сѣлъ у изголовья.

Неужели она такъ сильно чувствуетъ обиду? До сихъ поръ не можетъ простить ему его бѣгства? Неужели это ненависть, блѣдный отголосокъ любви?

— Вавочка, перестань!.. Ну, хорошо... Я тебя пока не буду мучить, не стану лѣчить... Перестань!

Онъ долго, терпѣливо ждалъ, пока ея рыданія стали затихать. Рука его невольно легла на ея головку и стала гладить ея шелковистые волосы. Ему было грустно. Какъ блѣдны были теперь его чувства!.. Эта жалкая, капризная дѣвочка была такъ чужда его душѣ... Онъ думалъ въ эту минуту о другой, съ измученнымъ лицомъ, съ угасшими глазами, которая бродитъ теперь на улицѣ, въ темнотѣ, нигдѣ не находя мѣста въ своей тоскѣ. И только мысль, что онъ опять вернется къ ней, согрѣвала его душу. Не надо искупительныхъ жертвъ! Не надо страданій и борьбы! Саша ошиблась. Тѣмъ лучше!.. Ему такъ хотѣлось ея тихой ласки! Хотѣлось счастья съ ней по-старому... Покоя.

Вавочка стихла и глубоко всхлипнула. Но головы не подняла.

— Теперь поговоримъ, какъ пріятели. Ты тутъ безъ меня надѣлала много глупостей... Напримѣръ этотъ Миляевъ...

Она дрогнула, приподнялась на локтѣ, прикрыла опять распахнувшуюся кофту и враждебно глянула на Тихменева изъ-подъ волны сбившихся волосъ, упавшей ей на лобъ почти до бровей.

— Ты должна ему отказать. Этого хочетъ мать.

Вавочка презрительно опустила углы губъ и тряхнула головкой.—Дайте мнѣ платокъ большой... Вонъ тамъ,—приказала она, щурясь на другой конецъ комнаты.—И отвернитесь, пожалуйста, на минуту! Я такъ не хочу разговаривать...

Онъ передалъ ей платокъ и, пока она надѣвала платье, онъ отошелъ къ окну. Ея тонъ и жесты сейчасъ ему даже нравились. Онъ видѣлъ, что въ Вавочкѣ проснулась женщина... И тутъ же онъ почувствовалъ, что оба они съ Ясневой безсильны бороться съ прямолинейной натурой этой дѣвушки. «Въ сущности, къ чему это насиліе надъ нею?» подумалъ онъ. «Если ей надо Миляева съ его богатствомъ, зачѣмъ ей мѣшать? Она не маленькая. Гораздо важнѣе ее вылѣчить. Мнѣ не нравится ея лицо.»

Когда онъ обернулся, она застегивала лифъ и, замѣтивъ его взглядъ, быстро запахнула платокъ. И это женственное движеніе показалось ему тоже красивымъ и мягкимъ... «Ничего похожаго на ту... прежнюю... Точно и голосъ другой», подумалъ онъ. И ему невольно стало жутко. Эта перемѣна указывала на что-то новое въ организмѣ.

— Я—невѣста Миляева,—холодно заговорила Вавочка, садясь на постель.—Свадьба черезъ двѣ недѣли... И мнѣ двадцать одинъ годъ. Вы ничего не смѣете сдѣлать.

Тихменевъ взялъ стулъ и сѣлъ около, противъ нея.

— Если ты этого такъ хочешь, мы и мѣшать не станемъ. Но, видишь ли? На больныхъ не женятся... Мужу жена нужна здоровая. Твой обморокъ на балу произвелъ на твоего избранника, да и на всѣхъ впечатлѣніе тяжелое...

Онъ не договорилъ. Вавочка такъ сильно поблѣднѣла, что ему казалось, она сейчасъ лишится чувствъ.

— Кто это сказалъ?—прошептала она чуть слышно.

— Твоя мать... а ей другіе,—не сводя съ нея глазъ, продолжалъ Тихменевъ, слѣдя за впечатлѣніемъ этихъ словъ.—Если же твое нездоровье усилится за эти двѣ недѣли до свадьбы (онъ говорилъ медленно, какъ бы цѣдя слова),—ее придется отложить.

Вавочка прижмурила вѣки, и лицо ея выразило страданіе.

— Наврядъ ли онъ даже захочетъ жениться на тебѣ. Такіе люди—трусы и дрожатъ за собственную жизнь. Онъ наведетъ справки, нѣтъ ли у васъ въ роду чахотки?

— Но, вѣдь, ея нѣтъ?—почти крикнула Вавочка, и зрачки ея расширились.

Тихменевъ молча подергалъ бородку нервнымъ жестомъ.

— Можетъ быть и нѣтъ... Но ему могутъ сказать, что есть...

— Вы?..

Онъ печально усмѣхнулся.—Зачѣмъ я? Развѣ у тебя нѣтъ враговъ и завистниковъ?

Она опять болѣзненно закрыла вѣки и, нервно пожавъ плечами, стала кутаться въ платокъ. Ему стало жаль ее.

— Видишь, милая Вавочка? Я хлопочу о тебѣ же. Дай, я выслушаю тебя!

Онъ потянулся къ ней. Она отодвинулась, прижавъ подбородокъ къ поднятымъ подъ платкомъ рукамъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... Оставьте!

Онъ видѣлъ, что плечи и губы ея дрожатъ.

— Вавочка, милая, ради мамы... Она страдаетъ...

То-же дикое, странное выраженіе затравленнаго звѣрка появилось въ ея лицѣ. Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ на Тихмене-

ва сверкнулъ взглядъ, полный тоски, ненависти и животнаго страха... Онъ почувствовалъ вдругъ, что внутри его холодѣетъ что-то, словно льдинка попала въ сердце, и отъ нея морозъ бѣжитъ по жиламъ. Онъ всталъ невольно, еще ничего не понимая, но что-то предчувствуя.—Это странно!..—сорвалось у него.

Она не поняла его движенія, откинулась опять къ самой стѣнѣ и, протягивая передъ собой руки, жалобно закричала.

— Боже мой!..—сказалъ онъ и взялся за голову руками.

— Не трогайте меня!.. Не хочу... не хочу...—безсвязно залепетала она, и глаза ея забѣгали по комнатѣ съ выраженіемъ тоски.—Я здорова... Не говорите ничего Миляеву... и мамѣ... Ради Бога, ничего не говорите! Я здорова... Боже мой! Если вы... меня... хоть немножко любите...

Она закрыла лицо руками и безпомощно заплакала.

Губы Тихменева тряслись. Мысль брела сквозь мракъ прошлаго ощупью, теряя дорогу... Но ужасъ предчувствія охватывалъ его все сильнѣе.

— Неужели ты... такъ хочешь быть его женой?—хрипло спросилъ онъ и взялся рукой за спинку стула. Онъ почувствовалъ, что ноги его ослабѣли. Этотъ страхъ Вавочки, эти безпомощныя слезы говорили за себя слишкомъ ясно.

Она все плакала, ломая руки, безсвязно лепеча что-то и озираясь... И вдругъ онъ разслышалъ:

— Такъ *надо*... Не губите меня...

— Ахъ!..—крикнулъ онъ и схватился за голову.

Вавочка вскочила и дотронулась до его руки.

— Тише!.. Ради Бога... тише!.. Она услышитъ...

Отъ ея прикосновенія онъ отскочилъ, точно обожженный. Онъ кинулся въ уголъ, къ столу, и уронилъ на него голову.

Она стояла, не шевелясь, широко-открытыми глазами глядя на его плечи, которыя трепетали и дергались. Она уже не плакала. Тяжелую тишину нарушало только тиканье будильника на комодѣ.

Онъ вдругъ открылъ лицо и посмотрѣлъ на нее воспаленнымъ взглядомъ. Въ немъ было столько боли, ненависти и презрѣнія, что лицо его казалось страшнымъ. Вавочкѣ стало жутко. Она почувствовала, что власть ея надъ нимъ утрачена безвозвратно. «Что теперь?» подумала она.

— Мальцевъ?—глухо, сквозь зубы спросилъ онъ.

Вавочка молча опустила длинныя рѣсницы.

Тихменевъ застоналъ невольно. Онъ не могъ сидѣть. Вцѣпившись пальцами въ волосы, онъ забѣгалъ по комнатѣ. Онъ избѣгалъ глядѣть на Вавочку. Онъ себя боялся.

Она только прижалась къ печкѣ и слѣдила за нимъ исподлобья.

Вдругъ онъ остановился передъ нею. Глаза его горѣли. Она вздрогнула отъ этого взгляда. Никогда не видала она его такимъ страшнымъ и... такимъ красивымъ.

— Ну, спасибо тебѣ, Вавочка!—свистящими какими-то звуками прошепталъ онъ.—За насъ обоихъ спасибо... Мать... Господи!.. Она въ тебя такъ вѣрила.. Что я ей скажу теперь? Вѣдь это ее убьетъ.

— Не говорите ничего,—прошептала Вавочка.

— Молчи!—бѣшено крикнулъ онъ, топнувъ ногой, и въ голосѣ его зазвенѣли слезы.—Ложь... на каждомъ шагу... Кто научилъ тебя такъ лгать?.. Да... (Голосъ его вдругъ ослабѣлъ) на этотъ разъ мы—оба... сообщники... Мать твоя ничего не должна знать... Хотя бы ты умерла! Все равно!

Вавочка вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Неужели онъ хочетъ ея смерти?... Невыносимая обида закипала въ груди. Какъ онъ смѣетъ такъ кричать, топать ногой, унижать ее? Губы ея затряслись, но она сдержалась.

— И кто могъ думать?—говорилъ онъ, бѣгая опять по комнатѣ.—Ты... ты мнѣ признавалась въ любви... *послѣ того*... Значитъ, обманомъ хотѣла выйти... за меня?.. Значитъ, лгала?

— Нѣтъ!—крикнула Вавочка.—Нѣтъ!

— Что нѣтъ?—Онъ остановился вплотную передъ ней, задыхаясь, и сдавилъ ея руку.

— Я любила васъ.

Онъ злобно, коротко расхохотался.

— Сколькихъ же ты любила въ одно время?

Онъ съ силой отшвырнулъ ея руку. Вавочка слабо охнула.

— Я не виновата,—сказала она тихо и кротко.—Я этого не хотѣла.

Онъ смолкъ, тяжело дыша, и глядѣлъ на нее, стараясь понять... И вдругъ страшная правда, прозвучавшая въ ея безхитростномъ отвѣтѣ, раскрылась передъ его сознаніемъ. Вавочка—жертва гнуснаго обмана и насилія... Не оскорблять ее нужно, а пожалѣть всѣмъ сердцемъ... Онъ отвернулся и зарыдалъ.

Буря противорѣчивыхъ чувствъ ворвалась въ его душу, спаленную страстью и ревностью. Жалость къ этому беззащитному ребенку, жалость къ матери... Онъ плакалъ о своей поруганной любви, объ исчезающей послѣдней грезѣ—скоротать жизнь вдвоемъ съ Сашей...

Теперь пора доказать ей его преданность и отвести ударъ отъ дорогой головки! Теперь онъ зналъ, что ему дѣлать...

— Андрей Васильевичъ... не плачьте,—жалобно сказала Ва-

вочка, подходя. Она сама страдала въ эту минуту. Заглохшее было чувство къ этому доброму, сильному, красивому человѣку опять проснулось въ ея сердцѣ. Какъ ей было стыдно признаться! Ему, именно ему... Какъ она боялась всегда, что онъ узнаетъ!

Онъ вдругъ обернулся къ ней.—Зачѣмъ ты мнѣ не сказала этого раньше?.. Я бы эту собаку Мальцева... Боже мой!

Но это была уже послѣдняя вспышка. Онъ черезъ секунду понялъ, что для Александры Львовны, прежде всего, нельзя подымать скандала. Надо смирить свою злобу, принять прошлое, какъ оно есть, и устроить будущее этихъ двухъ близкихъ ему существъ. Онъ провелъ рукой по глазамъ и выпрямился.

— Садись, Вавочка, къ столу... Пиши Миляеву отказъ!

Она всплеснула руками.

— Отказъ? Боже мой!.. Да вы хотите погубить меня?

Глаза его сверкнули.—А ты хочешь опозорить мать? Ты хочешь, чтобъ этотъ Миляевъ и вся эта свора его прихвостней кричали, что вы вдвоемъ съ нею согласились его обмануть?.. Этого я тебѣ не позволю. Довольно она страдала изъ-за тебя! Сказать правду значитъ доканать ее... Ни слова ей о томъ, что было! Слышишь? Никогда... Ты у нея все отняла... Оставь ей хоть вѣру въ тебя... въ твою чистоту... въ твое сердце... Послѣднюю иллюзію... Ты выйдешь за меня!

— За васъ?.. Нѣтъ! Нѣтъ! Не хочу!

— Молчи!

Онъ взялъ ее за руку, подвелъ къ столу, нашелъ въ ящикѣ почтовую бумагу и положилъ передъ Вавочкой перо. Она повиновалась, какъ во снѣ.

— Пиши... «Мой женихъ вернулся. Онъ не согласенъ отдать мнѣ свободу»... Пиши, пиши!.. Время не терпитъ. Сейчасъ вернется мать. «Откажитесь отъ меня, если вы не хотите скандала и дуэли»... Не ставь кляксы, Вавочка! Онъ ничего не пойметъ... Съ другой строки теперь: «И я ошиблась. Простите. Я его люблю и сама хочу быть его женой... его женой»... повторилъ онъ и взялся за лобъ, напрягая мысль. «Не старайтесь меня увидать. Это безполезно»... Подпишись! Да... вотъ еще что... это снизу... «Деньги, затраченныя на приданое, женихъ мой вернетъ сполна. Онъ проситъ черезъ Маню Зимину представить ему счетъ»... Да... забылъ совсѣмъ... «И подарки всѣ верну черезъ нее же»...

Тихменевъ взялъ письмо изъ рукъ Вавочки, самъ запечаталъ его въ конвертъ и опустилъ въ карманъ.

— Его адресъ?

Вавочка сказала. Она сидѣла ошеломленная, глядя передъ собой немигавшими глазами.

— Но помни же теперь! Ни слова матери... ни слова! Черезъ недѣлю мы обвѣнчаемся и уѣдемъ изъ Москвы навсегда... Ты сама понимаешь... что здѣсь намъ уже нельзя оставаться... До свиданья!

Онъ пошелъ къ двери. Она вдругъ вскочила. Въ ней вспыхнула энергія. Этотъ бракъ, о которомъ она мечтала раньше, теперь казался ей униженіемъ, насиліемъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. Я не хочу! Постойте... Куда вы? Я не хочу быть вашей женой!

— Другого средства я не вижу,—отвѣтилъ онъ холодно.

Она топнула ногой, и щеки ея вспыхнули.

— Вы на меня кричали... Какъ вы смѣли кричать? Вы мою руку оттолкнули... Я вамъ этого не прощу. Слышите? Не прощу! Я не люблю васъ... Не воображайте, пожалуйста... Я васъ совсѣмъ не люблю!

Его лицо слегка исказилось.

— О!.. Развѣ здѣсь можетъ быть рѣчь о любви? И я не люблю тебя... Успокойся... Я отказываюсь заранѣе отъ всякихъ на тебя правъ... Я это дѣлаю не для тебя, а для твоей матери... чтобъ избавить ее отъ стыда и униженія... чтобъ никто изъ вашего подлаго, развратнаго общества не смѣлъ сказать, что она была дурная мать... Она—дурная мать! Всю душу на тебя положившая... Вѣдь ты мизинца ея не стоишь... Безсовѣстная дѣвчонка!

— Не смѣйте такъ говорить! — закричала Вавочка. — Я-жъ вамъ сказала, что я не виновата... Что мнѣ нужно еще сдѣлать, чтобъ убѣдить васъ? Вы не смѣете меня презирать! За что? Развѣ я знала?.. Я ничего не понимала... Я ни въ чемъ не виновата... Слышите? Ни въ чемъ...

— Но, вѣдь, и я не виноватъ,—съ отчаяніемъ отвѣтилъ Тихменевъ и повернулся, чтобъ идти. Она кинулась за нимъ, съ сверкавшими глазами, съ выраженіемъ истерички передъ припадкомъ въ измѣнившихся разомъ чертахъ. Она не могла примириться съ его охлажденіемъ.

— Не уходите! Я не хочу!—закричала она и схватила его руку. Онъ отвернулся, и все лицо его краснорѣчиво сказало ей, что она ему физически противна.

Она ахнула и осталась у порога, прижмуривъ глаза.

Но когда шаги его зазвучали въ столовой, и она поняла, что судьба ея рѣшена безповоротно, что она безсильна бороться съ его волей, ее охватило какое-то изступленіе... Это насиліе надъ ея волей, непривычное для капризной и избалованной дѣвушки, сводило ее съ ума, вызывало въ ней почти бѣшенство и чисто физическое удушье. Быть его женой—послѣ такого взгляда, послѣ этого оскорбленія? Выносить это униженіе? Обязываться ему? Никогда!

— Ну, хорошо же!—вслѣдъ крикнула она,—хорошо!.. Вы это вспомните... Я ненавижу васъ... Я не хочу идти за васъ... Я умру... умру... Слышите? Я отравлюсь... Я не могу жить теперь... Не хочу!

Онъ выглянулъ изъ передней, уже одѣтый.

— Лучше-бъ ты умерла раньше,—сказалъ онъ ей съ безсознательной жестокостью страдающаго человѣка.

Онъ ушелъ.

Къ горлу Вавочки подкатывался клубокъ и душилъ ее... Это невыносимо! Какъ они смѣютъ? Развѣ она виновата?

— Ну, хорошо же!.. Ну, ладно же!.. Я васъ заставлю пожалѣть меня... заставлю...

Она, ломая руки, вбѣжала въ свою комнату. Ее била лихорадка. Она страдала. Старое чувство проснулось.

Надо было немедленно сдѣлать что-то... доказать... отомстить... заставить его раскаяться... Что сдѣлать? Что?

Жгучія слезы закипали въ горлѣ. Но глаза были сухи. Она стояла посреди комнаты, озираясь... стараясь что-то вспомнить...

IX.

Когда черезъ часъ Александра Львовна вернулась, парадная оказалась незапертой. На окнѣ горѣла забытая свѣча. Изъ комнаты Вавочки неслись дикіе крики... Услыхавъ ихъ, Александра Львовна схватилась за голову и тоже закричала дико и протяжно.

Въ столовой, куда она вбѣжала, сбросивъ на полъ шубу, она наткнулась на Анисью, выносившую какой-то тазъ. Лицо у кухарки перекосилось.—Барыня... матушка...

— Что?.. Что?

— Вавочка... нашатырки хватила... Царица Небесная!..

Александра Львовна не дослушала.

Вавочка лежала на постели, растерзанная, запрокинувъ голову, съ черными кольцами вокругъ глазъ. Широко открывъ ихъ и не мигая, она глядѣла въ потолокъ и кричала непрерывно на одной нотѣ:—О... о... боль-но... больно... о... о...

Александра Львовна упала на колѣни.

— Вавочка... Зачѣмъ?.. За что?

Она узнала голосъ матери, приподнявшись, обхватила ее руками и прижалась къ груди головой, крѣпко, какъ въ дѣтствѣ, когда чего-нибудь боялась.

— Мамочка... мамочка... спаси меня... спаси. Я не хочу умирать... не хочу... Мнѣ больно... мамочка... больно... о... о...

— Анисья!—изступленно закричала Александра Львовна.—Доктора... какого-нибудь скорѣй!

— Матушка барыня... побѣгла Аннушка сосѣдская...

— Молока скорѣй... Ради Бога!

— Дворникъ за молокомъ ушелъ... Царица Небесная!.. Спаси... помилуй... Что ты надъ собой сдѣлала? Варвара Миколавна... Богъ тебѣ судья!

— Господи... Господи... Неужели умру?.. Мамочка, Анисья... Спасите... Я нарочно... я немножко... я только попугать хотѣла... О!.. Жжетъ какъ! Воды!.. Я не хочу... умирать... я... я... жить хочу... Больно! Я никогда больше не буду... о...о... о...

Она каталась по постели. Александра Львовна встала, шатаясь, держась за мебель.

— Анисья, — глухо сказала она, — извозчика!.. Скорѣе... на квартиру... къ Тихменеву...

Анисья кинулась въ переднюю и столкнулась съ входившимъ докторомъ, котораго привела сосѣдка. . . . .

. . . .

Тихменевъ, забросивъ письмо по адресу, только что вернулся на старую квартиру, гдѣ все оставалось по-прежнему, подъ надзоромъ слуги, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, велѣлъ зажечь огонь и затопить каминъ.

Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и несчастнымъ болѣе, чѣмъ тогда, въ день разрыва и отъѣзда. Тогда еще оставалась слабая надежда на лучшій исходъ, на возвратъ къ старому и на примиреніе. Теперь все было кончено. Онъ женится на Вавочкѣ, которая ему противна физически, и самъ разрываетъ съ любимой женщиной, чтобъ отвратить отъ нея горе и позоръ.

Изъ всѣхъ угловъ, со всѣхъ стѣнъ на него теперь глядѣло его прошлое, счастливое, не омраченное ни однимъ тягостнымъ воспоминаніемъ. На столѣ по-прежнему улыбался ему портретъ Александры Львовны, какой онъ узналъ ее двѣнадцать лѣтъ назадъ. Онъ не могъ удержать глухого рыданія, когда поднесъ его къ губамъ. «Для тебя... для одной тебя...» прошепталъ онъ.

Онъ оглядывался, какъ бы стараясь вспомнить отдѣльныя сцены, детали недавнихъ свиданій... Потомъ подошелъ къ тахтѣ и легъ лицомъ въ подушку... Вотъ тутъ покоилась черная головка Саши. Онъ прижался губами къ атласу подушки, какъ бы ища слѣдовъ любимой женщины, запаха ея тѣла и волосъ. Нѣтъ!.. Никогда уже не вернется недавнее безуміе въ его печальную, уставшую душу! Онъ самъ разрушилъ свое счастье, какъ дитя легкомысленно разбиваетъ драгоцѣнный кубокъ. Но новаго счастья съ другой ему не надо! Все будетъ блѣдно и не нужно. Онъ вѣрилъ, что теперь онъ излѣчился отъ этой *позорной* страсти.

Оглушительный звонокъ заставилъ его вскочить. Не успѣла

Анисья раскрыть рта, какъ ужъ Тихменевъ догадался о несчастіи. Забытый сонъ вспомнился ему.

— Скорѣе... баринъ!.. Христа ради скорѣе!

«Что я сдѣлалъ? Боже мой!.. Что я сдѣлалъ?» твердилъ Тихменевъ всю дорогу, забываясь и вслухъ говоря съ собой. Анисья, сидя рядомъ въ саняхъ, начинала разсказъ, потомъ обрывала его и, причитая, заливалась слезами. Тихменевъ ломалъ руки и умолялъ извозчика торопиться.

Въ дверяхъ Александра Львовна повисла на рукахъ Тихменева. Силы оставили ее, когда она увидала своего вѣрнаго друга.

— Жива?—спросилъ онъ ее.

— Умираетъ...

. . . .

Всю ночь, до зари, пока не забрезжилъ скупой свѣтъ ноябрьскаго утра, Тихменевъ, вдвоемъ съ товарищемъ, боролся за спасеніе Вавочки, какъ бы цѣпляясь въ судорожномъ отчаяніи за слабую и ускользающую нить ея жизни. Все было пущено въ ходъ.

Александра Львовна не плакала. Отвернувшись къ стѣнѣ, чтобъ не видѣть страшнаго лица больной, въ нѣсколько часовъ измѣнившагося до неузнаваемости, она закрыла сухіе, горячіе глаза и какъ-то безсознательно колотилась головой объ стѣну, съ выраженіемъ безумной; какъ бы ища физическою болью заглушить нравственную; заглушить эти непрерывные стоны умирающей.

— Уведите ее, — сказалъ Тихменеву докторъ, испугавшись лица Александры Львовны.

Она дала себя увести безпрекословно. У нея уже не оставалось энергіи, которая поддерживала ее въ первые часы. У себя въ комнатѣ она упала на полъ, пробовала молиться. Но не нашла ни силъ, ни словъ.

День занялся, а она еще лежала, распростертая на полу, въ какомъ-то странномъ забытьи и изнеможеніи, почти не страдая, почти равнодушная ко всему, что будетъ дальше. Есть предѣлъ всякому страданію... Ей казалось только, что ея собственная жизнь медленно уходитъ изъ ея оцѣпенѣвшаго тѣла. И это было именно то, что нужно.

Вдругъ въ столовой зазвучали шаги—чужіе, лихорадочно-торопливые и невѣрные. Дверь распахнулась.

Александра Львовна закричала и сѣла на полу. Тихменевъ, всклокоченный, блѣдный, воспаленными глазами глядѣлъ на нее съ порога.

Она прикрыла рукою глаза, а другую подняла, какъ бы умоляя молчать, пощадить ее...—А-а-а!..—жалобно кричала она, глядя на него съ ужасомъ. Онъ подошелъ, шатаясь, нагнулся къ ней, нѣжно подымая ее за плечи.

— Слава Богу!—сказалъ онъ, какъ-то странно всхлипнувъ.— Спасена.

Она ахнула, вскочила, вырвалась изъ его рукъ и кинулась къ больной.

— Тише... не разбудите... Спитъ!—крикнулъ онъ вдогонку.

— Сударыня... испугаете...—остановила ее и Анисья, выносившая какіе-то тазы. Она невольно перекрестилась, вглядѣвшись въ это безумное лицо.

Вавочка, мертвенно блѣдная, почти зеленая, спала.

— Ва-ва...—задыхаясь, позвала Александра Львовна. И, прежде чѣмъ товарищъ Тихменева успѣлъ поддержать ее, она грохнулась у постели безъ сознанія.

X.

Долго еще жизнь Вавочки была въ опасности. Тихменевъ скрывалъ правду, не имѣя силъ сказать ее матери, щадя своего изстрадавшагося друга. Только къ концу недѣли онъ успокоился самъ. Силы больной, падавшія въ первые дни съ подозрительной быстротой, теперь возстановились, благодаря неусыпному уходу Тихменева и его энергіи. Онъ спалъ тутъ же, въ комнатѣ, отсыпаясь какимъ-то мертвымъ сномъ, пока его смѣняла въ дежурствѣ Александра Львовна.

Вавочка пролежала недѣли три. Ея комната была заставлена цвѣтами, ея комодъ заваленъ конфетами и фруктами. Не проходило дня, чтобъ Тихменевъ, сердце котораго сжималось отъ немолчнаго раскаянія, не привозилъ какой-нибудь обновы. Яснева глядѣла въ глаза дочери и часто плакала... отъ счастья.

Сама Вавочка ни о чемъ не жалѣла, ни въ чемъ не раскаявалась. Она слишкомъ много страдала. Поэтому всѣ проявленія любви и заботы окружающихъ она принимала, какъ дань вассаловъ, не только безъ благодарности, но даже съ капризами. Угодить ей было трудно, и требовательности ея не было конца.

— Бѣдняжка!.. Какъ нервы-то разстроились!—говорилъ Тихменевъ, отечески гладя голову Вавочки. Она, дѣйствительно, плакала отъ малѣйшаго противорѣчія, часто безъ причины, повергая въ ужасъ своихъ трехъ «нянекъ», которыя не знали, чѣмъ угодить своему кумиру.

Какъ ни скрывали истину, но она всплыла-таки наружу, хотя въ искаженномъ видѣ. Какими-то таинственными путями слухъ объ отравленіи Вавочки дошелъ до Мани, а отъ нея вѣсть разнеслась по всей Москвѣ. Говорили, что Тихменевъ, вернувшись и узнавъ о помолвкѣ Вавочки съ Миляевымъ, стрѣлялся, а Вавочка отравилась изъ любви къ нему и отъ раскаянія. Это при-

дало имени Вавочки такой лучезарный ореолъ, что даже Коля, совсѣмъ разорвавшій сношенія съ домомъ Прокофьевыхъ и засѣвшій серьезно за книги, узнавъ, что больной лучше, прибѣжалъ къ Ясневой и приказалъ Анисьѣ вызвать барыню.

— Емназистъ какой-то васъ спрашиваетъ,—доложила кухарка, входя въ спальню Вавочки. У той улыбка сверкнула въ лицѣ.

— Ахъ, Коля!.. Это навѣрное Коля... Милый... Позови его, мама, сюда!

— Вавочка... Ловко ли? Въ постели?

— Ахъ, мама!... Хочу!—И больная застучала кулачкомъ по подушкѣ.—Мнѣ ничуть не стыдно... Мы—товарищи... Онъ хорошій...

Когда Коля вошелъ, блѣдный отъ волненія, съ живыми нарциссами въ рукахъ, и съ порога полными слезъ глазами уставился на больную, она закивала ему весело и ласково головой.

— Ну, садитесь сюда!—Она указала на стулъ рядомъ.—Здравствуйте, Коля... Какъ живете? Какіе чудные цвѣты! Merci...

Коля, чуть-чуть задыхаясь отъ сердцебіенія, сказалъ, что Маня прибѣгала чуть не каждый день эту недѣлю, но ее не пускали. Онъ самъ узналъ только вчера. Онъ къ «нимъ» не ходитъ.—Ахъ, Вавочка!—добавилъ онъ, скорбно взглянувъ въ ея словно стаявшее личико.—Какъ мнѣ васъ жалко! И какъ стыдно передъ вами!

— За что?

— Вы гораздо лучше, чѣмъ мы думали... Мы не знали васъ, Вавочка... Меня это, знаете, страшно потрясло. Я много думаю, читаю. Я тоже пережилъ много... Я докторомъ буду, Вавочка. Видите? Тихменевъ вамъ спасъ жизнь... Развѣ это не счастье? Ну, что мы всѣ могли здѣсь, съ нашей любовью и страхами? Наука— вотъ въ чемъ сила! Вотъ великая сила! И я тоже... Помните нашъ разговоръ въ саду, въ сентябрѣ? Я тоже рѣшилъ... кончу курсъ, буду докторомъ... отъ Москвы подальше уѣду. Я теперь такъ счастливъ, Вавочка! Такъ безумно счастливъ...

Въ столовой послышались шаги Александры Львовны. Коля нагнулся надъ подушкой и нервно прошепталъ:

— Я люблю васъ, Вавочка... Я васъ такъ хорошо, такъ чисто люблю! Я не считалъ, что способенъ на это. Я желаю вамъ счастья отъ души! И вотъ еще что... Если вамъ понадобится услуга... другъ... позовите меня! Прикажите... Все, что велите только, во всякую минуту... Я—рыцарь вашъ, Вавочка... и навсегда!

Александра Львовна вошла, и Коля поднялся, чтобъ проститься. Послѣ минуты, которую онъ пережилъ сейчасъ, уже не стоило оставаться... Онъ поднесъ къ губамъ восковую ручку, поцѣловалъ нѣжно и почтительно. И ушелъ.

— Дѣтка, милая... О чемъ ты плачешь?—такъ и вскинулась Александра Львовна.

— Ахъ, мамочка!.. Это ничего... Мнѣ такъ хорошо! Онъ такой хорошій,—лепетала Вавочка, всхлипывая и радостно улыбаясь. Александра Львовна тоже была тронута этимъ новымъ тономъ и новымъ лицомъ ея.

— Какъ странно!—сказала она вернувшемуся Тихменеву.—И грустно какъ! Этотъ мальчикъ сейчасъ... ты встрѣтилъ его? Онъ разбудилъ, кажется, въ ея душѣ что-то... чего мы съ тобой не сумѣли сдѣлать... Можетъ быть, это любовь? Настоящая?

Лицо Тихменева было серьезно и задумчиво.

— Да... Кто могъ думать, что этотъ Коля такъ измѣнится? Я слышалъ о немъ недавно. Какая богатая душа!.. Я точно предчувствовалъ это лѣтомъ еще, когда приглядывался къ нему...

Они оба совсѣмъ забыли, какъ страшный кошмаръ, факты, предшествовавшіе отравленію Вавочки. Онъ измученный, уставшій, былъ такъ радъ равнодушію ея, такъ хотѣлъ вѣрить, что и ея увлеченіе имъ погасло безслѣдно, какъ исчезла, казалось, его собственная страсть. И Александра Львовна, видя ихъ чужими, начинала думать, что ошиблась; что Вавочка излѣчилась не только отъ болѣзни, но и отъ любви. И была счастлива этой надеждой.

— Я не умру теперь? У меня не будетъ чахотки?—часто спрашивала Вавочка, внимательно и съ ужасомъ вглядываясь въ ихъ лица. Она была поглощена болѣзнью, стала страшно мнительна, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, притворившись спящей, она подслушала шопотъ докторовъ насчетъ наслѣдственности, чахотки отца, хрупкости ея организма. Смерть, заглянувшая ей такъ близко въ глаза, вызывала въ ней животный страхъ. Она, выздоравливая, и ночью будила всѣхъ и требовала ухода. Она преувеличивала свои страданія. Она страстно жаждала жить.

Наконецъ ей разрѣшили первую прогулку. Тихменевъ вывелъ ее на солнцѣ.

Она вернулась другимъ человѣкомъ. Казалось, съ живительнымъ зимнимъ воздухомъ, съ веселыми лучами солнца она вдохнула въ себя желаніе наслаждаться и быть счастливой. Никто не узналъ въ ея голосѣ прежняго вялаго тона, въ ея порозовѣвшемъ лицѣ и сверкавшихъ глазахъ—прежняго безстрастія.

Какъ разъ на другой день опять забѣжала Маня, и на этотъ разъ ее приняли. Вавочка въ бѣломъ капотикѣ, съ распущенной косой, сидѣла въ креслѣ и улыбалась.

— Слава Богу!—сказала Маня, крѣпко обнимая ее, и глаза ея стали влажными.

Она просидѣла цѣлый часъ, взволнованная болѣе, чѣмъ хотѣла бы сознаться себѣ и другимъ.

— Нѣтъ, какова наша Вавочка!—говорила она подругамъ,

тоже потрясеннымъ этой романической исторіей.—Кто могъ этого ждать отъ нея?

И Маня, и Зоя, присылавшая постоянно узнать о здоровьи больной, выказали передъ удивленной Александрой Львовной такія симпатичныя стороны натуры, что та простила имъ отъ души ихъ недостатки. Она теперь даже была рада этимъ визитамъ. Пусть Вавочка развлечется!

Разъ какъ-то, во время визита Мани, вошелъ Тихменевъ.

— Мой женихъ,—сказала Вавочка просто.

Но эти слова словно пронзили Тихменева. Онъ боялся взглянуть въ лицо Александры Львовны. Вздрогнувъ, она поднялась и отошла къ окну.

Ихъ грезы рухнули. На этотъ разъ навсегда.

— А свадьба когда же?—спросила Маня.

— Вотъ послѣ праздниковъ... какъ оправлюсь... Правда, мама?

— Да...—беззвучно сказала Александра Львовна.

XI.

Съ этого дня отношенія Вавочки къ Тихменеву и матери стали рѣзко измѣняться. Да и сама она измѣнилась, даже физически. Изъ хрупкой и мечтательной дѣвочки она становилась съ каждымъ днемъ все болѣе гибкимъ, сильнымъ и красивымъ существомъ: женщиной вполнѣ.

Раскаяніе за Вавочку и страхъ за Александру Львовну убили въ слабой душѣ Тихменева всю радость жизни, весь жаръ. Онъ скрылъ до конца отъ матери ихъ послѣдній разговоръ, тайну отравленія Вавочки. Но жертва, которую онъ готовился нести для нея, начинала ему казаться невыносимой. И онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя: разсчиталъ ли онъ свои собственныя силы? Вѣдь цѣлая жизнь впереди... Болѣзнь Вавочки только на время заслонила передъ нимъ будущее. Но оно уже мерещилось невдалекѣ, полное новыхъ страданій. Онъ уставалъ въ обществѣ Вавочки, не зналъ, о чемъ говорить съ ней, не находя ничего общаго. Поэтому онъ требовалъ безпрестаннаго присутствія Александры Львовны, читалъ ей вслухъ, дѣлился впечатлѣніями, пока Вавочка не засыпала или не говорила, зѣвая, капризнымъ тономъ: «Бросьте книгу!.. Скучно!..» Она оживала только при Манѣ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ она словно переродилась. Она ревновала жениха къ матери. Одинъ разъ она враждебно поглядѣла на мать, когда та пришла съ рукодѣліемъ, по зову Тихменева, слушать новую повѣсть. Пока читали, она съ надутыми губками и злымъ лицомъ нарочно шумно двигалась, отворяя и захлопывая ящики комода и стуча стульями.

— Вавочка, ты скоро угомонишься?—спросилъ женихъ.

Она отвернулась и ушла.

Тихменевъ и Яснева испуганно смотрѣли другъ другу въ глаза. Александра Львовна встала, сложила въ корзину работу и сказала измѣнившимся голосомъ:—Я пойду, потороплю съ чаемъ.

Вавочка вернулась, возбужденная.—Боже мой!.. Какъ мнѣ все это надоѣло!—крикнула она.—Когда же это кончится?

— Что?.. О чемъ ты говоришь?

— Да вотъ эти бесѣды... чтенія дурацкія... Мы постоянно втроемъ... Вы даже не говорите со мной...—со слезами въ голосѣ высказывалась Вавочка.—Хорошъ женихъ!.. Вы, стало быть, меня совсѣмъ не любите?

Тихменевъ замеръ... Къ этому онъ все-таки не былъ приготовленъ. Онъ допускалъ, что она хочетъ выйти замужъ изъ самолюбія... Но почему-то онъ ни разу не подумалъ о томъ, что опять въ ней проснется чувственная женщина, и на этотъ разъ вполнѣ сознательно проснется и потребуетъ страстно своей доли счастья. Неужели, видя его нѣжную заботу и родственную ласку, она забыла договоръ въ тотъ роковой день? «О!.. Ни о какой любви здѣсь не можетъ быть рѣчи... Я это дѣлаю не для тебя»... Очевидно забыла, или не хотѣла съ нимъ считаться, объяснивъ его жестокія слова ревностью и обидой... Ему стало страшно.

Она подошла къ нему, сѣла на колѣни и обняла съ силой, которой онъ не ждалъ отъ нея.

— Ну, поцѣлуйте меня!—прошептала она...

Онъ близко увидалъ—у самаго лица—ея потемнѣвшіе зрачки... И вдругъ холодное, враждебное чувство, какъ бы протестъ передъ насиліемъ надъ его душой, поднялось въ немъ. Она была больше чѣмъ чужая ему въ эту минуту. Она была ему противна...

Но... но... эта страсть Вавочки заронила искру въ его кровь, и она вспыхнула. Казалось, огонь разливался по жиламъ... Онъ съ ужасомъ, не вѣря себѣ, глядѣлъ въ это чудное, чувственное личико, въ эти зовущіе глаза. А нѣга желанія захватывала духъ, вызывала мелкую дрожь внутри... И, какъ пожаръ все губитъ на своемъ пути, такъ сметала старая страсть все прошлое. Подъ золой она долго тлѣла—эта искра, незамѣченная имъ, казалось, жестоко и навсегда растоптанная имъ въ тяжелой борьбѣ съ собою. Въ этомъ внезапно проснувшемся чувствѣ не было нѣжности, нѣтъ! Оно было грубо, дико, хищно, жестоко... Но въ немъ была такая стихійная сила, что Тихменевъ невольно стиснулъ зубы, чтобъ сдержать хриплый крикъ желанія и страха.

Вавочка жадно глядѣла въ его лицо. Вдругъ она улыбнулась. «Теперь ты мой...» ясно сказала ему эта улыбка.

— Оставь!..—Онъ всталъ невольно и отцѣпилъ ея руки. Но, какъ ни быстро онъ это сдѣлалъ, Александра Львовна, войдя, увидала все-таки эту позу, лицо дочери... И, вздрогнувъ, остановилась на порогѣ.

Вавочка сощурилась на нее почти съ ненавистью.

— Чай готовъ, — глухо сказала Александра Львовна. И вышла, не оглядываясь . . . .
. . . .

Лицо Александры Львовны не выходило у Тихменева изъ головы. Простившись послѣ чая съ невѣстой, подъ предлогомъ неотложной работы, Тихменевъ чернымъ ходомъ черезъ полчаса вернулся въ кухню и попросилъ Анисью вызвать барыню.

— Мнѣ очень надо говорить съ вами... Пройдемтесь. Вечеръ очень хорошъ,—сказалъ онъ испуганной Ясневой, глядя ей въ лицо измученными, больными глазами.

Они сѣли и поѣхали на квартиру Тихменева. Они молчали, тиская горестно руки другъ другу и не имѣя силы заговорить. Имъ казалось, они ѣдутъ съ кладбища, похоронивъ что-то дорогое имъ обоимъ и незабвенное...

Это было ихъ послѣднее свиданіе. Она здѣсь не была съ того памятнаго вечера, когда встрѣтила дочь. И въ эту комнату, гдѣ она была такъ безумно счастлива, она пришла схоронить и оплакать прошлое. Послѣ необычайнаго душевнаго напряженія за весь этотъ мѣсяцъ, силы оставили Александру Львовну. Она сѣла на тахту и заплакала.

Онъ тоже плакалъ, сидя на коврѣ, у ея ногъ, и пряча, какъ тогда, голову въ ея колѣняхъ. Но теперь ни одинъ лучъ надежды не прорѣзалъ непрогляднаго мрака ихъ будущаго. Они знали, что разстаются навсегда.

— Съ этимъ надо покончить... и скорѣе,—сказала она, наконецъ.—Мы всѣ измучимся... Мы какъ-то совсѣмъ забыли объ этой минутѣ... А вотъ она пришла... Надо разставаться! Вѣнчайтесь сейчасъ послѣ праздниковъ!

— Она ревнуетъ,—тихо отвѣтилъ Тихменевъ,—и она права, Саша... Я не ее люблю...

— Молчи, Андрюша!

— Нѣтъ, не ее. Она это хорошо чувствуетъ. И никогда я не буду ее любить! Никогда... *Это* не любовь...

Но, по молчаливому, тайному соглашенію, они оба покорялись необходимости этого брака, какъ роковому рѣшенію неотвратимой судьбы. Александра Львовна вѣрила, что дочь отравилась изъ-за любви къ Тихменеву, и готова была сама умереть теперь, лишь бы видѣть ее счастливой и не допустить второй попытки къ самоубійству.

Но, позвавъ Тихменева—какъ онъ угадалъ—въ аффектѣ раскаянія и страха за дочь, она не подумала о той минутѣ, когда своими глазами увидитъ ихъ обнявшимися. Эта минута пришла... И у нея не было мужества. Она сама испугалась силы своего страданія... Конечно, отступать было поздно. Вавочка побѣдила... Она выстрадала свое право на счастье. Пусть разлука! Лишь бы скорѣе!

Но она не обманывалась въ значеніи этой разлуки. Жизнь—она знала—примиряетъ со всякой утратой. Дочь отымала у нея не только страсть и ласки любимаго человѣка... Она отымала у нея даже дружбу, послѣднее ея утѣшеніе, надежду встрѣтиться друзьями и состариться рядомъ. Она знала, что соперница ея безпощадна и не уступитъ ей ничего.

Тѣни прошлаго, казалось, выступая изъ полумрака, обвивали незримыми объятіями этихъ двухъ людей, такихъ близкихъ и далекихъ въ то же время, не смѣвшихъ позволить себѣ ни одной ласки въ эту минуту прощанія. Эти тѣни шептали о счастьѣ, утраченномъ навѣки; о печальной старости; объ одиночествѣ въ длинные, безконечные вечера; о безсонныхъ ночахъ... объ отчаянныхъ рыданіяхъ, когда украдкой, запершись у себя на ключъ, каждый изъ нихъ, вдали другъ отъ друга, найдетъ старыя письма и будетъ читать, ломая руки, эти пожелтѣвшія страницы, пережившія радость...

Она плакала тихо, неутѣшно, глядя въ его лицо, вспоминая всѣ оттѣнки его выраженій въ минуту страсти, въ минуты нѣжности или ссоры, или смѣха... Такія разныя и чудно-знакомыя выраженія!.. Она упивалась красотой его глазъ, звукомъ голоса, пока онъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, говорилъ ей, держа ея руки, въ какомъ-то экстазѣ, что никогда-никогда ни Вавочка, ни другая женщина не наполнитъ его сердца, которое принадлежитъ ей одной безраздѣльно... что никогда *она* не узнаетъ тѣхъ жгучихъ ласкъ, какія онъ находилъ для своей Саши! Что никто не дастъ ему забвенія, ни съ чьей душой не сольется больше его усталая душа въ полнотѣ дивнаго чувства, только разъ судьбой даруемаго человѣку... Пусть она спитъ спокойно! Безъ ревности, безъ страданій, какъ торжествующій побѣдитель... Она—одна она взяла всѣ силы его тѣла, весь сокъ его нервовъ, весь жаръ души... И новой жизни у него уже не будетъ!

XII.

Вавочку одѣвали къ вѣнцу. Къ ней собрались всѣ подруги: Зоя, Маня, Анюта Мерцалова, Надя Корнева, даже Красавина. Всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ миртовыми вѣточками у поясовъ, съ торжественными лицами, озабоченныя, важныя... Одѣвали ее часа

три. Это было цѣлое священнодѣйствіе, ритуалъ, малѣйшія мелочи котораго были имъ всѣмъ извѣстны. Сколько предразсудковъ, суевѣрій, сколько важныхъ и неизбѣжныхъ ненужностей!.. Кто надѣвалъ чулки, кто атласныя туфельки, кто подавалъ сорочку, кто несъ булавки... Невѣста ничего не должна дѣлать сама. На все были свои примѣты, свой этикетъ. Сохрани Богъ что-нибудь напутать!

Но Александра Львовна путала все, что ей поручали дѣлать. Шатаясь отъ безсонныхъ ночей и слезъ, съ туманомъ въ головѣ, съ опухшими глазами, она думала все одно и то же: черезъ нѣсколько часовъ Вавочки съ нею уже не будетъ.

— Что вы дѣлаете?—поминутно кричали на нее съ испугомъ или негодованіемъ.—Развѣ это можно?.. Развѣ такъ дѣлаютъ? Вотъ какъ нужно... Сперва это, а потомъ ужъ то...

Но она была невмѣняема, и на нее махнули рукой.

— Шафера пріѣхали,—сказалъ кто-то.

Парикмахеръ причесалъ Вавочку, потомъ Зоя надѣла ей миртовый вѣнокъ и, съ Маней вмѣстѣ, онѣ прикололи вуаль. Невѣста сидѣла неподвижно, какъ китайское божество. Ей позволяли только сказать «больно», когда шпилька вонзалась въ кожу или булавка въ тѣло. Наконецъ она встала въ своемъ чудномъ бѣломъ платьѣ, богато отдѣланномъ настоящимъ *point de Malines* (подаркомъ жениха, какъ и все приданое). Шелковый, тяжелый трэнъ платья, поднятый на широкую бѣлую ленту съ бантомъ, несла за ней Надя Корнева, какъ средневѣковый пажъ за королевой. Вавочка была такъ ослѣпительно хороша, что всѣ ахнули.

— Пощадите... Я ослѣпъ,—взволнованно сказалъ Коля, пробуя шутить по-старому и прикрывая глаза ладонью.—Ахъ, зачѣмъ я—не художникъ!

Онъ былъ шаферомъ невѣсты и въ эту минуту онъ опять почувствовалъ, что будетъ влюбленъ «полчаса», если не больше. Другимъ шаферомъ былъ красавецъ студентъ, пріѣхавшій на праздники изъ Петербурга. Накрахмаленный словно въ своемъ новомъ мундирѣ, онъ подошелъ къ невѣстѣ. Маня подала картонъ, Вавочка вынула букетики мирты съ розеткой изъ бѣлыхъ лентъ и стала прикалывать ихъ шаферамъ. Булавки гнулись. Она колола себѣ пальчики, ахала и смѣялась.

— Что же это женихъ-то?.. Мы ужъ готовы,—волновалась Надя.

— Сбѣжалъ,—подшутила Маня. Всѣ разсмѣялись.

— Нашли дурака!—замѣтилъ Коля и, покраснѣвъ, состроилъ глупое лицо.

— А вотъ подождите! Мы его проманежимъ... Будетъ и онъ насъ ждать,—сказала Зоя. Вавочка расхохоталась весело, совсѣмъ по-дѣтски.

— Ахъ, мамочка, какъ хорошо!—сорвалось у нея. Она увидала рядомъ мать, такую убитую, постарѣвшую, несчастную. Ревность ея угасла. Можно ли ревновать къ старухѣ,—ей, такой красавицѣ?.. И торжествуя, и радуясь своему счастью, она нашла въ себѣ теперь, передъ разлукой, искру стараго чувства. Она сама прижалась щекой къ лицу матери, обнявъ ее за шею.

— Вавочка... сокровище мое!—прошептала Яснева, согрѣтая разомъ этой давно забытой лаской. О, какъ прижала бы она къ себѣ эту головку, это милое тѣло! Какъ осыпала бы поцѣлуями жадными, несчетными эти длинныя рѣсницы! Если-бъ хоть на минуту побыть однимъ... И все простить другъ другу... И разстаться, унося хоть одно свѣтлое воспоминаніе!

Но Вавочка ужъ освобождалась изъ ея рукъ.

— Охъ, мамочка! Я смялась... Поправь на мнѣ воротъ!

Послышался звонокъ.

— Наконецъ-то!—Всѣ съ оживленіемъ уставились на дверь.

Вошелъ шаферъ жениха, какая-то восходящая звѣзда въ мірѣ ученыхъ, робкій, неуклюжій въ своемъ фракѣ, близорукій, въ очкахъ, съ рано облысѣвшей головой. Онъ подалъ невѣстѣ роскошный букетъ и, заикаясь, ошеломленный красотой Вавочки, объявилъ, что женихъ ждетъ въ церкви.

— Пусть ждетъ!—вызывающе отвѣтила Зоя, и ноздри ея дрогнули.

— Все готово,—старательно повторилъ шаферъ, краснѣя.

— И прекрасно... Пусть готово!—улыбнулась ему Зоя.

— Вотъ чучело-то!—шепнула Надя Манѣ.

— Убилъ бобра!

— Онъ ей на шлейфъ наступитъ непремѣнно!

— Какая ты дура! Вѣдь у нея свои шафера...

— Какой чудный букетъ!—громко сказала Красавина.

Вавочка погрузила въ него носикъ. И вдругъ, по невольной ассоціаціи, ей вспомнился другой букетъ, полученный ею отъ Мальцева и растоптанный ногами богородскихъ танцоровъ. Вавочка чуть поблѣднѣла... Все, вѣдь, вышло тогда изъ-за этого букета... Ахъ, если-бъ забыть этотъ страшный сонъ! Испуганно она вскинула глаза на подругъ. Быть можетъ, и онѣ вспомнили этотъ вечеръ... ея букетъ?.. Нѣтъ, всѣ весело болтали и спорили.

— Когда я буду вѣнчаться,—заявила Зоя,—женихъ три раза будетъ засылать шафера... Чѣмъ больше ждутъ невѣсту, тѣмъ эффектнѣе ея выходъ.

— Вы точно о сценѣ выражаетесь,—робко хихикнулъ шаферъ жениха.—Развѣ въ такія минуты думаютъ объ эффектахъ?

— А почему-жъ бы и нѣтъ? Вѣдь замужъ выходятъ разъ въ жизни.

— Три...—перебила Маня.

— Ха!.. Ха! Не все же...

— Во всякомъ случаѣ, вотъ этотъ туалетъ—поэтическій, бѣлый—надѣваютъ разъ... Этотъ день—единственный. Этотъ день *нашъ*... Почему-жъ не извлечь всѣ выгоды и удовольствія изъ того, что принадлежитъ намъ по праву?

— А конечно,—подхватила Маня.—Развѣ мы не отдаемъ, выходя замужъ, нашу свободу? И развѣ ничего не теряемъ?

— Ну, ужъ это ты хватила черезъ край,—расхохоталась Зоя.—Мы не теряемъ свободу, выходя замужъ, а получаемъ ее. И мы всегда въ выигрышѣ.

Наконецъ шафера тронулись впередъ, а черезъ полчаса Зоя позволила невѣстѣ садиться въ карету. На Вавочку накинули ротонду и легкій, какъ пухъ, оренбургскій большой платокъ на голову. Она шла покорно, не оборачиваясь. Александра Львовна словно очнулась.—Вавочка!

Всѣ вздрогнули отъ этого крика. Развѣ онѣ думали, что въ этотъ радостный день можно таить на душѣ горе? Вавочка взглянула въ лицо матери и чуть-чуть поблѣднѣла. Ей вспомнилась жестокость, съ которой она гнала ее отъ себя всѣ эти дни, и ей стало жаль ее. Губы ея задрожали.

— Мамочка...—прошептала она, осторожно освобождаясь изъ этихъ судорожныхъ объятій. Александра Львовна крестила ея лицо, заливаясь слезами и моча ея вуаль.

— Будь счаст...лива... Вавоч...ка... Да хранитъ... тебя Господь!

Лица у всѣхъ были хмуры и строги. Драма, затаенная и подавленная, вдругъ почудилась каждому.

Только когда Александра Львовна кинулась одѣваться, чтобъ ѣхать въ церковь, Зоя остановила ее мягко, но строго:

— Что вы? Развѣ можно?.. Матери въ церковь не ѣздятъ...

На улицѣ глухо покатились кареты, сверкая фонарями. Подружки спѣшно выходили. Изъ открытой двери клубился холодный паръ.

Александра Львовна схватилась за голову и зарыдала.

— Нѣтъ... Я не поѣду... Я останусь съ вами,—сказала Красавина, сбросивъ на стулъ шубку. Она обняла плечи Ясневой—и, покорную, безвольную, повела ее за собой.

XIII.

Вавочка сіяла. Такой красивой и счастливой невѣсты давно уже не видали! Еще бы! Всѣ мечты ея сбылись. Когда она вошла въ церковь, въ толпѣ любопытныхъ прошелъ ропотъ восхищенія.

— Ну, ужъ и парочка же!—говорили кругомъ.

Тихменевъ обернулся, блѣдный и красивый, какъ никогда, и холодно взглянулъ на приближавшуюся грезу его безсонныхъ лѣтнихъ ночей, такую ослѣпительную, дивно прекрасную... Все его лицо, его равнодушный взглядъ, казалось, говорили: «О, кончайте скорѣе!.. Я такъ измученъ всѣми этими ненужными, лишними хлопотами, такъ удрученъ этой суетой!..» Пока ждали невѣсту, онъ думалъ только объ одинокой женщинѣ, которая плачетъ теперь въ пустой квартирѣ. Но Вавочка показалась въ дверяхъ... Она подошла... И Тихменевъ вздрогнулъ.

Онъ настоялъ, чтобъ не было ни бала, ни вечеринки. Съ ночнымъ поѣздомъ они должны были двинуться на югъ, куда доктора совѣтовали везти Вавочку, еще неокрѣпшую отъ страшнаго потрясенія, угрожавшаго ея организму въ будущемъ. Тихменевъ торопился, онъ не былъ похожъ на счастливаго жениха. Онъ зналъ, что каждый лишній часъ этого ужаснаго дня будетъ дорого стоить Александрѣ Львовнѣ. Но онъ зналъ еще другое, о чемъ боялся думать... Это было жгучее ожиданіе требовательной любви и ласкъ этой бѣлокурой, юной красавицы—его жены,—такой далекой отъ его души, и въ то же время близкой, страшно близкой по тому взаимному, стихійному влеченію, бороться съ которымъ у него уже не было ни силъ, ни желанія, которое пугало и опьяняло его... Были моменты, когда онъ боялся взглянуть на женщину, стоявшую съ нимъ рядомъ, подъ вѣнцомъ... Это раздвоеніе его *я* терзало его нещадно. «Это не любовь», говорилъ онъ себѣ. «Это только желаніе, которое угаснетъ черезъ мѣсяцъ...» Но *кѣмъ* и чѣмъ не пожертвовалъ бы онъ теперь, чтобъ утолить это желаніе?

Наконецъ кончился обрядъ вѣнчанія, смолкли поздравленія. Какъ во снѣ мелькнуло возвращеніе вдвоемъ, въ каретѣ, домой, на квартиру Тихменева, гдѣ ихъ встрѣтила съ образомъ посаженная мать, m-me Корнева, и гдѣ ждалъ гостей холодный ужинъ à la fourchette, шампанское и фрукты. О, эта тяжелая минута, когда они показались въ столовой, и Тихменевъ встрѣтилъ взглядъ Александры Львовны!.. Они подошли къ ней за руку. Она обхватила ихъ головы въ одномъ тѣсномъ объятіи и цѣловала ихъ обѣ, рыдая, какъ бы соединяя ихъ вторично своей волей, какъ будто говоря: «Я этого сама хотѣла. Будьте же счастливы! Я люблю васъ обоихъ...»

Весь вечеръ Тихменевъ не отходилъ отъ Александры Львовны, забытый женой и ея обезумѣвшими поклонниками, радуясь равнодушію этой неугомонной ватаги.

Вотъ и вокзалъ, наконецъ... Когда молодые подъѣзжаютъ къ дебаркадеру, вся компанія уже тамъ, и толпа любопытныхъ, и

m-me Прокофьева, подъ руку съ Гурвицемъ.—Желаю вамъ счастья, m-me Тихменева!—говоритъ она.

«Какъ хорошо!» думаетъ Вавочка. «Какъ хорошо!»—Переодѣтая въ дорожное платье, въ мѣховой кофточкѣ, въ парижской шляпѣ, она принимаетъ поцѣлуи и рукопожатія. Мальцева нѣтъ. И она ему въ душѣ за это благодарна.

Тихменевъ ведетъ подъ руку Александру Львовну, пріѣхавшую съ Корневой. Они опять въ сторонѣ отъ этой шумной толпы. Александра Львовна идетъ, еле держась на ногахъ.

Вавочка щебечетъ и звонко смѣется среди мужчинъ и подругъ, не оборачиваясь на эту печальную пару. Но у Тихменева уже нѣтъ словъ утѣшенія для Саши. Ему больно лицемѣрить съ этой лихорадкой и отравой страсти въ его крови. Если онъ могъ отказаться отъ Вавочки недѣлю назадъ, теперь онъ не уступитъ никому своихъ правъ надъ нею, если-бъ даже отъ этого зависѣло спасеніе его души.

Второй звонокъ. Вавочка стоитъ на площадкѣ и жметъ руки провожатымъ. Изъ-за спины ея выглядываетъ Тихменевъ и съ болью въ лицѣ слѣдитъ за блѣдной фигурой Александры Львовны. О, какъ ее толкаетъ эта безпощадная толпа! Но ея послѣдній взглядъ не для него. Чувство матери въ минуту разлуки побѣдило другую привязанность... Оттираемая блестящими, нарядными подружками; шатаясь, какъ больная, отъ слезъ и слабости, она цѣпляется за столбъ навѣса худыми пальцами, силясь удержать за собой это мѣсто... И глядитъ, глядитъ, не отрываясь, въ чудное, сіяющее личико.

Третій звонокъ... Поѣздъ дрогнулъ и тронулся... Она бѣжитъ за нимъ съ полсекунды, что-то шепча, набѣгая на людей, маша рукой и отирая слезы. Вотъ вѣетъ бѣлый платокъ Тихменева... Сквозь туманъ ей засіяли счастьемъ, какъ лучезарныя звѣзды, глаза Вавочки. О, какое личико!

Ну, что-жъ!.. Вѣдь *это* только и нужно... Вѣдь ея счастье прежде всего! Она сама этого хотѣла... Пусть же льются теперь слезы! Горькія слезы одиночества! Онѣ никому не отравятъ радости... Никому уже не омрачатъ жизни...

XIV.

Письмо Ясневой къ Тихменеву, не отосланное никогда.

Сейчасъ вернулась съ вокзала и плачу, какъ безумная. Не огорчайся! Мнѣ легче такъ. Вѣдь мнѣ остались только слезы...

Я пишу тебѣ въ ея комнаткѣ. Здѣсь все осталось по-старому, и я ничего не трону, не позволю переложить ни одной вещи.

Какой хаосъ! Пусть... Онъ все-таки говоритъ мнѣ о ней. Здѣсь прожила она послѣднія минуты своей дѣвичьей жизни и одѣвалась подъ вѣнецъ. Вонъ валяется ея платье, сброшенное ею, ея туфельки, чулки, старый корсетъ. Передъ зеркаломъ—брошка, которую я ей подарила въ день выпуска... серебряная брошка *Вава*... Она стоила всего три рубля, и она ее бросила... Я сохраню ее.

Въ комнатѣ пахнетъ ея любимыми духами *Violette-reine*... Забытый флаконъ остался на комодѣ. Это все реликвіи, другъ мой... То, съ чѣмъ я осталась доживать вѣкъ.

Я плачу... Ты поймешь меня... Ты одинъ зналъ, ***чѣмъ*** была для меня эта дѣвочка, какъ это чувство заполняло всѣ уголки моей души. Въ эти безсонныя ночи я переживу въ памяти ея дѣтство, ея первую болѣзнь и этотъ ужасъ послѣднихъ дней. Я буду молиться... Быть можетъ, въ моей душѣ нѣтъ вѣры, нѣтъ религіи. Но въ ней безсиліе, ужасъ передъ жизнью, передъ слѣпой силой разрушенія... не все ли равно?

Другъ мой, не удивляйся, что я говорю о ней, какъ о мертвой. Для меня она умерла. Къ чему обманываться? Она меня никогда не любила. Теперь она меня боится. Мы встрѣтимся только, когда я буду совсѣмъ стара, я это знаю... Она не позоветъ меня. Когда я нынче стояла въ толпѣ провожатыхъ, я тщетно ловила ея взглядъ. Ея послѣднее слово было не для меня. Я не нужна ей... У меня хватило мужества не просить ни писемъ, ни телеграммъ. Все равно, она не вспомнитъ...

Здѣсь хорошо въ этой комнаткѣ, за столомъ, гдѣ она когда-то готовила уроки. Вонъ бѣлѣетъ ея постель. Никогда уже она не будетъ на ней спать...

О, поймешь ли ты всю эту тоску? Физическую тоску и жажду ея близости? Это органическое стремленіе, непобѣдимое, безумное—видѣть опять на этой подушкѣ ея головку, прижаться губами къ ея глазамъ, къ ея щекѣ! Не было ночи за всю нашу жизнь, чтобъ я не вошла хоть разъ взглянуть на нее, сонную, коснуться губами ея лба, убѣдиться, что нѣтъ жара, что она тутъ со мной, мое счастье, мое сокровище! Какъ я любила ее, спящую... эти длинныя рѣсницы закрытыхъ глазъ! Я ей—сонной—прощала всѣ обиды и огорченія, которыя больно чувствовала и считала днемъ... А эти три недѣли нашей ссоры? Зачѣмъ, зачѣмъ я думала о своей гордости тогда? Боже мой! Какъ я могла ее проклинать и злобствовать? Я никогда уже не подкрадусь теперь слушать ея сонное дыханіе... Никогда не увижу ее спящей!

У меня въ сундукѣ спрятаны всѣ ея игрушки, которыя ей такъ быстро надоѣдали... Я поставлю ихъ здѣсь, на столѣ. Сюда же соберу ея тетрадки съ кляксами, задачами и диктанта-

ми, ея разорванные учебники... У меня цѣло ея вязаное платьице, когда ей было три года, ея крестильная рубашечка, чепецъ и голубое атласное одѣяло. Оно пожелкло, выцвѣло. Пускай!.. Я найду ея первые башмачки, которые сохранила. Все это будетъ здѣсь, рядомъ съ туфельками, которыя она сбросила нынче, уходя въ новую жизнь... Я знаю, ты не будешь смѣяться, Андрюша. У тебя есть сердце.

Сейчасъ рылась въ комодѣ. Нашла всѣ ея карточки, съ того времени, какъ она была снята груднымъ младенцемъ, въ рубашечкѣ, съ голыми ножками, въ креслѣ... Это мой любимый портретъ. Какъ ясно и радостно смотрятъ ея невинные глазки!.. Милые глазки... Пусть не омрачитъ васъ горе! Дай Богъ, чтобы вы не проливали слезъ одиночества! . . . .
. . . .

Сейчасъ пришла Анисья. Мы плакали, обнявшись. Она тоже была въ церкви... О, какъ хороша была Вавочка въ этомъ платьѣ! Какъ чиста и невинна!.. Будетъ ли она всегда такой радостной?

Теперь я знаю, въ нашей осиротѣвшей квартиркѣ, долгими зимними вечерами мы постоянно будемъ говорить о васъ, о ней. Анисья ее выходила... Мы будемъ вспоминать ея дѣтство, думать, гадать, гдѣ вы?.. И ждать писемъ... Не будьте жестоки, вы— счастливые! Пишите чаще, пишите все... А если у Вавы, у васъ будутъ дѣти, напишите скорѣй! Мы съ Анисьей наполнимъ жизнь новой заботой. Мы будемъ шить приданое ея ребенку, твоему сыну... Ты такъ желалъ имѣть дѣтей...

Другъ мой, какъ хорошо писать тебѣ и плакать предъ тобой!
. . . .
. . . .

Страшно... Боже мой... Какъ страшно!.. Неужели я одна? Совсѣмъ одна?.. И вы оба далеко... и вы *вмѣстѣ*... на всю жизнь вмѣстѣ?.. Можетъ быть, сейчасъ еще, вотъ эти полчаса, твоя душа еще близка моей... меня не вытѣснили изъ твоего сердца... А завтра?.. Я потеряла тебя... Она скоро изгладитъ мой образъ изъ твоей души. У нея чары юности и красоты... Онѣ всесильны... Ты добръ, мягокъ... ты огорчать ее не будешь... Кто знаетъ, будешь ли ты мнѣ писать? Надолго ли хватитъ и этой дружбы, послѣдней связи съ прошлымъ? Я потеряла тебя. И на этотъ разъ безвозвратно. . . . .
. . . .

Да... я этого хотѣла сама. Не огорчайся! Это послѣднія слезы. Послѣднее безуміе! Оно пройдетъ... Помни. Я сама устроила ваше счастье... Ты видѣлъ червя, раздавленнаго по дорогѣ? Онъ

движется еще, но уже мертвъ... Такъ и моя душа... Это агонія ея... Не огорчайся . . . .
. . . .

Свѣчи догораютъ на столѣ... Скоро разсвѣтъ... Мнѣ трудно оторваться отъ письма... Мнѣ страшно остаться одной... и затѣмъ... Вѣдь придется же проснуться... разомъ вспомнить все... И для чего?.. Жизнь... Безцѣльная жестокость...

Позовешь ли ты меня, Вавочка?

Скажи ей, что я простила ей теперь все... Нѣтъ ни горечи больше... ничего, кромѣ любви и тоски! Скажи ей, что я дала ей все, что у меня было дорогого. И больше мнѣ нечего ей дать. Я нищая... Любить сильнѣе—нельзя...

Вавочка, дитя мое... Если ты устанешь, если будешь страдать, и тебѣ нужна будетъ сидѣлка, нянька для вашихъ дѣтей, вспомни обо мнѣ... позови... Я найду радость въ этихъ заботахъ, въ этой новой, *чистой* любви, ничѣмъ не омраченной... Мое сердце воскреснетъ. И я благословлю васъ обоихъ.

Не бойтесь, что мнѣ будетъ больно видѣть ваше счастье... Одиночество, сознаніе ненужности, ваше забвеніе — это еще страшнѣе.

Прощай, ненаглядное дитя мое, Вавочка! Мое сокровище... Да сохранитъ тебя судьба отъ горя! Въ новую жизнь, куда ты ушла, сіяя радостью, унеси мои благословенія и любовь!

И ты прощай... на этотъ разъ совсѣмъ! Наши дороги разошлись. Тебѣ жизнь и счастье. Мнѣ—старость и одиночество... Но я не ропщу. Это—доля женщинъ и матерей. . . . . . .
. . . .

Если-бъ умереть теперь?.. Найти мужество однимъ ударомъ покончить съ этими невыносимыми образами, которые преслѣдуютъ и жгутъ мнѣ мозгъ... Вы вмѣстѣ... Ты обнялъ ее... ты... Боже мой!.. Пошли мнѣ силы умереть... Вѣдь смерть такая отрада!.. А ты утѣшишься, я знаю. . . . .
. . . .

Свѣчи догорѣли... Темно... Скоро будетъ свѣтать... Этотъ день *твой*... Только у меня нѣтъ *завтра*...

Вотъ она—минута, которой я боялась давно... Помнишь? Она пришла...

Прощай...

Изданія А. Вербицкой.

Вып. I. **ПОЛУЖИВОТНОЕ.** Ром. **Е. Белау,** пер. съ нѣм. Н. П. Дадоновой. 4-е изд. 10-я тыс. Ц. 80 к.

Вып. II. **ИЗЪ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ.** Ром. **Г. Рейтеръ.** 3-я тыс. Пер. съ нѣм. **Ея же.** Ц. 1 р. Все разошлось.

Вып. III. **ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ОСМѢЛИЛАСЬ.** Романъ **Грантъ-Аллена,** съ его же предисловіемъ. Пер. съ англ. **Ея же.** 4-е изд. 13-я тыс. Ц. 60 к.

Вып. IV. **КУРСИСТКИ.** (Les Sevriennes.) Романъ **Габріэли Реваль,** изъ жизни парижскихъ студентокъ. Пер. **Ея же.** 6-я тыс. 2-е изд. Ц 80 к.

Вып. V. **ПОТУСТОРОННІЯ ИСКАНІЯ.** Романъ **Дж. Мура.** Пер. съ англ. **Ея же.** 3-я тыс. Ц. 1 р.

Вып. VI. **ВРАГИ МѢЩАНСТВА.** (Въ поискахъ.) Ром. **Шляфа.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** 3-я тыс. Ц. 80 к.

Вып. VII. **СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ.** Ром. **Вассермана.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** 4-я тыс. Ц. 1 р.

Вып. VIII. **КОНТОРЩИЦА.** Романъ **Рувра.** Пер. съ франц. Д. И. Соловьева. 4-я тыс. Ц. 60 к.

Вып. IX. **ГИМНАЗИСТКИ.** Романъ **Г. Реваль.** Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. 4-я тыс. Ц. 80 к.

Вып. X. **ТРЕТІЙ ПОЛЪ.** Ром. **Коллеты Иверъ.** 7-я тыс. Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. Ц. 85 к.

Вып. XI. **ПРАВО НА ЛЮБОВЬ.** Пер. съ франц. А. Соколовой. 5-я тыс. Романъ М. Тинэръ. Ц. 85 к.

Вып. XII. **ОГОНЬКИ.** (Сельская учительница.) Ром. Леона Фрапье, удостоенный преміи Гонкура, съ 28-ю рисунками въ текстѣ. Съ предисловіемъ и подъ редакціей А. Вербицкой. Перев. Л. Н. Ц. 1 р. 25 к. 10-я тыс.

Вып. XIII. **НИЦШЕАНКА.** Романъ Д. Лезюэръ. Перев. съ франц. Н. П. Дадоновой. 7-я тыс. Ц. 85 к.

Вып. XIV. **СТАТИСТЫ ЖИЗНИ.** Ром. Л. Фрапье. (Изъ парижскихъ нравовъ.) Пер. съ франц. Л. Н. Ц. 50 к.

Вып. XV. **ЧАРЫ ЛЮБВИ.** Романъ Гейнце Товотэ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. Ц. 75 к.

Вып. XVI. **ДИЛЛЕТАНТЫ ЖИЗНИ.** Ром. Клары Фибихъ. Пер. съ нѣм. С. Явленской. Ц. 85 к.

Вып. XVII. **ГРѢХЪ.** Ром. К. Фибихъ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. Ц. 85 к.

Вып. XVIII. **ТРАГИЧЕСКІЕ КОМЕДІАНТЫ.** Романъ Мередита. Пер. съ англ. Н. П. Дадоновой Ц. 85 к.

Вып. XIX. **МОДНЫЙ БРАКЪ.** Ром. Гемфри Уордъ, пер. съ англ. Дадоновой. Ц. 85 к.

Вып. XX. **ИЗЪ-ЗА КОРОНЫ.** (Балканская драма.) Франсуа Коппе. Пер. съ франц. В. П. Дадонова.

Вып. XXI. **СОЦІАЛИЗМЪ БЕЗЪ ПОЛИТИКИ.** (Городъ будущаго въ настоящемъ.) В. П. Дадонова. Ц. 1 р.

Вып. XXII. **АРТИСТКА.** Романъ Барча. Пер. съ нѣм. Явленской. Ц. 1 р. 10 к.

СКЛАДЪ ВСѢХЪ ИЗДАНІЙ: Москва, Покровка, Лялинъ переулокъ, книжный складъ Панафидиной. Петроградъ, Итальянская, 31, книжный складъ Н. Я. Башмакова и книжный складъ Земля, Невскій 55. Складъ автора: типографія Левенсона, Трехпрудный пер., Москва.

Того же автора.

I. **СНЫ ЖИЗНИ.** Сборн. разсказ. 5-е изд. 22-я тыс. Ц. 1 р. 10 к.
II. **ПЕРВЫЯ ЛАСТОЧКИ.** Повѣсть. 6-е изд. 18-я тыс. Ц. 2 р. 25 к.
III. **ВАВОЧКА.** Романъ. 5-е изд. 28-я тыс. Ц. 3 р. 75 к.
IV. **ОСВОБОДИЛАСЬ.** Романъ. 4-е изд. 22-я тыс. Ц. 1 р. 40 к.
V. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРЬИ ИВАНОВНЫ.** Повѣсти и разсказы изъ жизни учащейся молодежи. 4-е изд. 13—23-я тыс. Обложка художника К. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.
VI. **ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.** Романъ. 4-е изд. 27-я тысяча. Ц. 3 р. 75 к. (печатается.)
VII. **ПО-НОВОМУ. ВЕЧЕРИНКА.** Повѣсти. 2-е изд. 15-я тыс. Ц. 1 р.
VIII. **ЧЬЯ ВИНА?** Повѣсть. 3-е изд. 19-я тыс. Ц. 1 р. 10 к.
IX. **ЗЛАЯ РОСА.** Романъ конца XIX вѣка. 18-я тыс. 3-е изд. Ц. 2 р. 75 к.
X. **СЧАСТІЕ.** Сборникъ разсказовъ. 2-е изд. 16-я тыс. Ц. 1 р. 10 к.
XI. **МОТЫЛЬКИ.** Разсказы и повѣсти. 10-я тыс. Ц. 1 р.
XII. **СВѢТАЕТЪ.** Повѣсть въ память 9 янв. 1905 г. 10-я тыс. Ц. 60 к.
XIII. **БЕЗПЛОДНЫЯ ЖЕРТВЫ.** Пьеса съ пред. автора. 6-я тыс. Ц. 80 к.
XIV. **ГОРЕ УШЕДШИМЪ.** Повѣсть. 3-е изд. 20-я тыс. Обложка. К. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.
XV. **ДУХЪ ВРЕМЕНИ.** Современный романъ въ 2-хъ книгахъ. 3-е изд. 51-я тыс. Ц. 3 р. за оба тома. Каждая книга 1 р. 50 к.
XVI. **НАШИ ОШИБКИ.** 4-е изд. За подвигомъ. Пов. 12-я тыс. Ц. 1. р. 10 к.
XVII. **МИРАЖЪ.** Пьеса съ портретомъ автора. 2-е изд. 7-я тыс. Ц. 1 р. 10 к.
XVIII. **РАЗСВѢТЪ.** Пьеса. Обложка художника П. Гославскаго. 5-я тыс. Ц. 1 р.
XIX. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** Автобіографическіе очерки съ портретомъ автора и другими семейными портретами. 2-е изд., исправленное. 8—15-я тыс. (Дѣтство. Годы ученія.) Ц. 1 р. 60 к.
XX. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Новый современный романъ. Книга 1-я печаталась въ 1908 г. въ ноябрѣ въ кол. 15.000 экз. 2-е изд.—въ февралѣ 1909 г. 25.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.
XXI. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 2-я; печаталась въ сентябрѣ 1909 г. въ кол. 15.000 экз. 2-е изд.—въ февралѣ 1910 г. 25.000 экз. Ц. 1 р. 30 к.
XXII. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 3-я. (Дрожащія ступени.) 3 изд. 39-я тыс. Ц. 2 р.
XXIII. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** (Юность. Грезы.) 2-я книга; печаталась 15.000 экз. (съ 2-мя портретами: матери автора и артистки А. Н. Мочаловой.) Ц. 1 р. 50 к.
XXIV. **ЕЯ СУДЬБА.** Повѣсть. Ц. 85 к. 10-я тыс.
XXV. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** (На высотѣ.) Книга 4-я. 4-е изд. 30-я тыс. Ц. 3 р. 75 к.
XXVI. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** (Побѣдители и побѣжденные.) Книга 5-я. Ц. 1 р. 60 к. 30 тыс. Ничего общаго не имѣетъ съ Побѣжденными графа Амори.
XXVII. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 6-я. (Конецъ романа.) Ц. 2 р. Изд. въ кол. 30.000 экз.
XXVIII. **ИГО ЛЮБВИ.** Романъ. Ц. 2 р. 20 к. 18 тыс.
XXIX. **ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.** Романъ. Ц. 3 р. 75 к. 15-я тыс. 3-е изд.
XXX. **ОГНИ ЗАКАТА.** Продолженіе романа Иго Любви. 3-е изд. 16-я тыс. Ц. 2 р. 50 к.
XXXI. **ОГНИ ЗАКАТА.** Книга 2-я. 10 тыс. Ц. 2 р. 50 к.

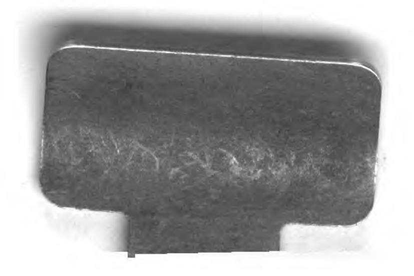
ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ.

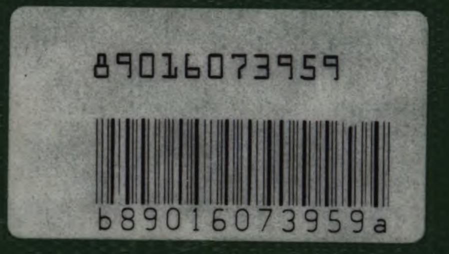

Ц. 3 р. 75 коп.

Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва

89016073959
b89016073959a